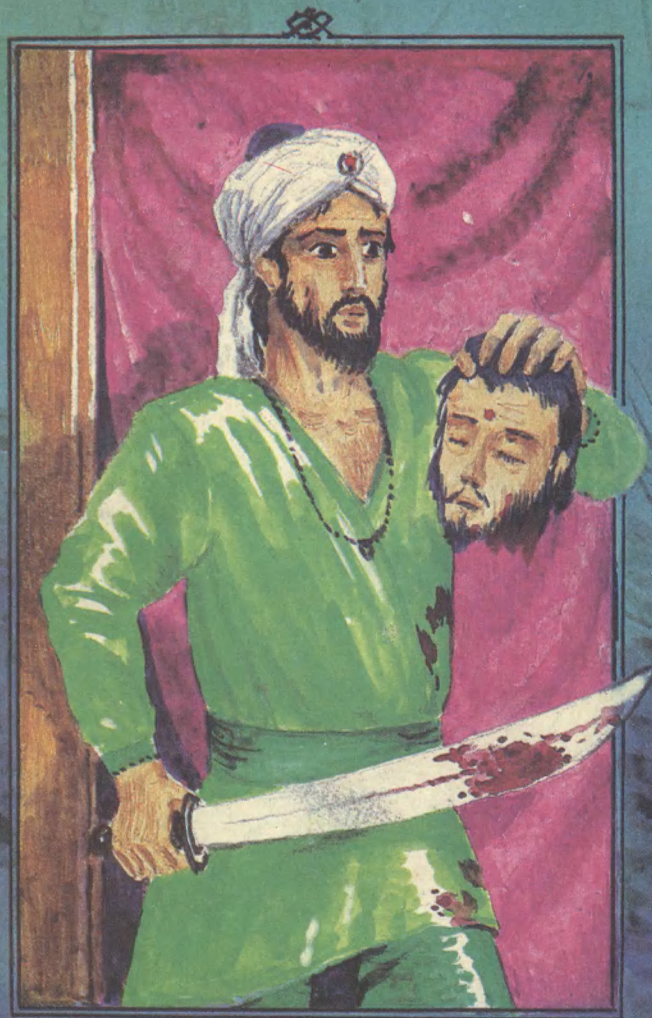

Луи Буссенар

Луи Буссенар

Луи Буссенар

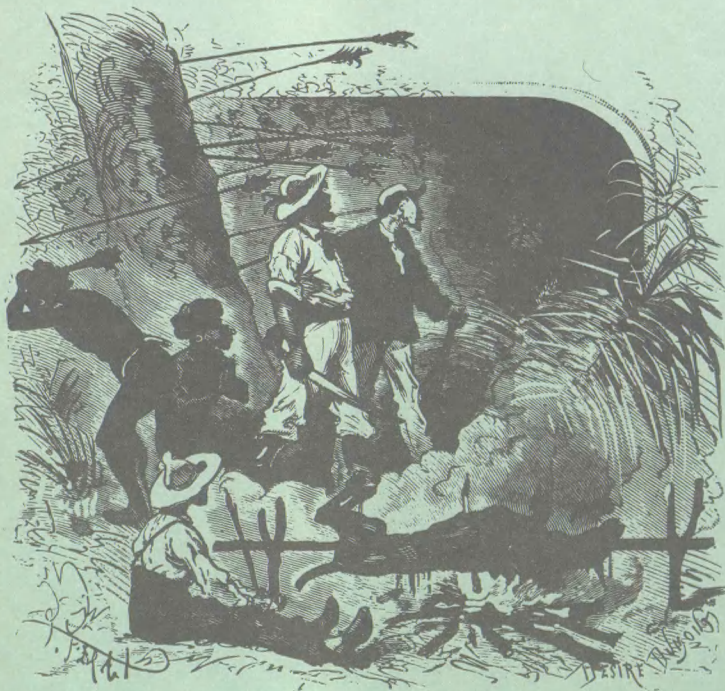
Луи Буссенар

AVENTURES
D'UN
GAMIN DE PARIS
A TRAVERS L'OCÉANIE

PAR
LOUIS BOUSSENARD

Illustrées de dessins par FÉRAT, gravés par D. DUMONT

PARIS

C. MARPON ET E. FLAMMARION, ÉDITEURS

Galerie de l'Odéon, 1 à 9, et rue Racine, 26.

Tous droits réservés.

Луи Буссенар

ŒUVRES ROMANESQUES

**LOUIS
BOUSSENARD**

**Aventures d'un Gamin
de Paris à travers
l'Océanie**

**Un exilé
Une évasion
La théière du Rajah**

MOSCOU ● 1994

Луи Буссенар

СОБРАНИЕ РОМАНОВ

Приключения парижанина в Океании

Изгнанник Побег Чайник раджи

Перевод с французского

МОСКВА ● 1994

ББК 84.4 Фр
Б92

Переводы

Р. Закарьян, Н. Звенигородской, И. Постоловой, Н. Яковлевой

Примечания

А. Москвина

Художник

А. Махов

- © В.-Р. Я. Закарьян. Перевод,
1994.
- © Н. Э. Звенигородская. Перевод,
1994.
- © И. Д. Постолова. Перевод,
1994.
- © Н. Е. Яковлева. Переводы,
1994.
- © А. Г. Москвин. Примечания,
1994.
- © А. С. Махов. Иллюстрации,
1994.
- © НИЦ «Ладомир». Оформление,
состав, литературная правка
текстов, 1994.

Б 4703010100-001
593(03)-94 **Без объявления**

ISBN 5-86218-080-X (серия 2, т. 5)
ISBN 5-86218-022-8

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без договора с издательством запрещается.*

Приключения парижанина в Океании

Часть первая

ПОД ЮЖНЫМ КРЕСТОМ

ГЛАВА 1

Накануне отъезда из Макао.— Парижанин Фрике и его друг Пьер Легаль.— Неубедительные доводы проигравшегося сеньора.— Монте-Карло Дальнего Востока.— Вот как играют в «Макао».— Игроков обворовывают независимо от цвета их кожи.— Почтенный на вид шестидесятилетний банкомет беззастенчиво использует шулерские приемы.— Драка в игорном доме.— Торговцы людьми.— «Барракон».— Этот странный корабль «Лао-цзы».— Разношерстный экипаж и наглые офицеры.— Оба француза попадают в западню.

— Итак, вы решительно отказываетесь заплатить карточный долг? — спросил молодой человек.

— Нет, сеньор, нет, я не отказываюсь. Но, извините, в настоящее время у меня нет таких денег...

— По сути, это одно и то же.

— Вы же знаете, сеньор, карточный долг — долг чести.

— Хм... все зависит от того, с кем играешь, здешнее общество представляется мне весьма неоднородным.

— Даю слово, честное слово дона Бартоломеу ду Монти... В Макао* никто не решится поставить под сомнение честное слово Бартоломеу ду Монти...

— Хм... торговца живым товаром...

— Ваша милость желает сказать — агента по эмиграции, имеющего на то специальное разрешение его величества.

В старом переводе (издание П. Сойкина) весь роман выходил под названием «Под Южным Крестом»

* Макао (ныне Аомынь) — португальская колония на юге Китая

— Моя милость желает сказать то, что она сказала. Мы по-разному смотрим на данный вопрос. Право слово, мое терпение скоро лопнет, вот уже две недели я торчу в этом аду...

— Но, сеньор...

— Помолчите, пожалуйста. Мне надоели ваши слащавые речи, ваша лицемерная вежливость и ваша претенциозная тарабарщина. Я прекрасно видел, как вы только что передали несколько пригоршней пиастров* и дублонов** одному из своих сообщников, который тут же скрылся. Мошенник!

— Что?! Ваша милость называет меня мошенником?!

— Да, мошенником! Я не игрок по натуре и не интересуюсь выигрышем, но терпеть, чтобы какой-то жалкий шоколадный клоун вроде вас принимал меня за дурака, не намерен!

— Принимая во внимание вашу молодость и вашу неопытность, я бы еще мог простить первое оскорбление, но последние слова, задевающие мою внешность, требуют сатисфакции. Я убью вас завтра, сеньор, на дуэли. Завтра на рассвете вы узнаете, что значит праведный гнев дона Бартоломеу ду Монти.

Громкий взрыв смеха того, к кому были обращены эти слова, прервал диалог, который велся с одной стороны на настоящем французском языке, а с другой — на какой-то странной, хотя и довольно понятной смеси португальского, испанского и французского.

— Его и впрямь стоит отправить на шоколадную фабрику... — с трудом перестав смеяться, проговорил француз. — Если всерьез принимать этот вызов, то на место дуэли нужно явиться с бамбуковой палкой в пять футов длиной, чтобы обратить в бегство и его самого, и его секундантов.

— Бесспорно,— проговорил кто-то сзади по-английски,— но, возможно, еще сегодня вечером вас убьют по его приказу.

Молодой человек, а мы знаем, что это был молодой человек, слегка вздрогнул и очень внимательно посмотрел на своего противника, лицо которого оставалось бесстрастным.

— Будь у меня больше уверенности на сей счет я,

* Пиастр — название серебряных монет, чеканившихся в Испании, Турции и некоторых ближневосточных странах.

** Дублон — испанская золотая монета; его чеканили также в государствах Латинской Америки.

недолго думая, переломал бы ему ноги. Ну да ладно, он не посмеет,— закончил наш новый знакомый с чисто французской беспечностью.

— Не следует забывать,— произнес тот же голос,— что мы с вами в Макао, среди людей, лишенных всяких принципов. Это же торговцы живым товаром, для них человеческая жизнь имеет не больше ценности, чем жизнь домашней утки.

— Сударь,— ответил почтительно молодой человек,— позвольте выразить свою благодарность. Как бы там ни было, я вам бесконечно признателен за предупреждение.— И, повернувшись в сторону своего несостоятельного должника, продолжил: — Решено. Моя милость будет иметь честь скрестить шпагу с вашей милостью...

Дон Бартоломеу ду Монти во время всей этой перепалки стоял, держа в руке огромную шпагу, одну из тех, какие еще можно увидеть в музеях. Он учтиво поклонился и готов был уже направиться к одному из игорных столов.

— Одну минуту,— весьма непочтительно окликнул его молодой француз,— неужели вы собираетесь отправить меня на тот свет с помощью этого орудия? О да, оно впечатляет.

— Это благородная шпага самого великого Камознса...*

— Как, еще одна?.. Мне уже предлагали купить с полдюжины шпаг Камознса... Хотя, впрочем, у нас тоже существует множество тростей господина Вольтера**.

— Хорошо, сеньор, мы попытаемся найти оружие под стать вашему.

Француз на мгновение задумался, глядя, как его собеседник удаляется, гремя своими чудовищными ножами.

Нашему молодому человеку, больше походившему на смешливого мальчугана, на вид не было и двадцати, если бы не смелый взгляд стальных глаз на бледном выразительном лице, нередко освещаемом ироничной улыбкой. Будучи невысокого роста, он выпячивал грудь, как молодой петушок, желая казаться выше. На нем были широкие

* Камознс (Камоинш) Луис ди (1524—1580) — великий португальский поэт, автор эпической поэмы «Лузиады» о плаваниях португальцев («лузитан») в Индию, в которой восхваляется, в частности, великий мореплаватель Васко да Гама (*Примеч. перев.*)

** Вольтер (настоящее имя Франсуа-Мари-Арвэ) (1694—1778) — великий французский писатель и философ-просветитель XVIII века, сыграл огромную роль в идейной подготовке Великой французской революции и в развитии мировой общественно-философской мысли (*Примеч. перев.*)

матросские брюки, темно-синяя фланелевая куртка, кожаная американская фуражка, из-под которой выбивались непокорные пряди светлых волос. Глядя на него, невозможно было определить положение, занимаемое им в обществе. Впрочем, никого из присутствующих в зале это не интересовало. Он же с довольным видом поглаживал свои начинающие пробиваться усики и, поскольку было жарко, расстегнул ворот рубашки, обнажив мускулистую загорелую грудь. Наш юноша, по всей видимости, был крепким парнем. Он все еще насмешливо улыбался, вспоминая свою стычку с доном Бартоломеу ду Монти, как вдруг ему на плечо опустилась тяжелая рука.

— О чем думаешь, моряк? — спросил веселый грубый голос.

— Старина Пьер!

— Собственной персоной, моряк.

— Как, черт побери, ты здесь очутился?

— Это проще простого. Узнав, куда ты держишь курс, я сразу же подумал: «Там наверняка собрались одни лишь пузатые китайские мандарины* в шелковых халатах да португальские мулаты (они вечно с ними заодно). Фрике никогда не бывал в подобной компании, как бы с ним чего не приключилось». Побродив по здешним улочкам, крутым и узким, как трапы на корабле, я наконец бросил якорь в этом притоне, где грязно, словно на невольничьем судне.

— Милый мой Пьер,— проговорил Фрике растроганно,— ты все такой же. Ты всегда заботаешься обо мне, твоя дружба...

— Ну о чем говорить, сынок, я у тебя в долгу, черт побери! Помнишь тот день, когда мы с тобой познакомились? Тогда, в Африке, выбор у меня был невелик: попасть на обед или к людоедам, или к крокодилам. Ты сам знаешь, мы друзья до гробовой доски и нам нечего бояться, если мы вместе. С тех пор, как бедняга Ивон утонул в океане, у меня нет никого ближе тебя.

Молодой человек улыбнулся, но мысли его были заняты чем-то другим.

— Тебе смешно, сынок. Я прекрасно знаю, какой ты ловкий и сильный, у тебя стальные мускулы, тебе сам черт не страшен.

Фрике по-прежнему улыбался.

* Мандарин — европейское название крупных чиновников в старом феодальном Китае (Примеч. перев.)

— Подумать только,— продолжал Пьер. Он был, как все моряки, скуп на слова, но, разговорившись, уже не мог остановиться,— подумать только, эта старая жаба стоила десятерых, и он вполне мог бы ударом меча отправить к праотцам такого старого кашалота, как Пьер Легаль, родившегося в Конке*.

Право, Легаль возводил на себя напраслину. Трудно было вообразить, что кто-то мог быть сильнее него. Ростом едва ли выше Фрике, он был шире в плечах, и пуговицы бушлата на его могучей груди то и дело отскакивали. Кривые, как у кавалериста, ноги и огромные кулачищи, при виде которых каждому становилось ясно, что с таким человеком лучше не враждовать. Но какое доброе и честное лицо! Лицо настоящего морского волка, загорелое, обветренное, с типичной шкиперской бородкой, со светлыми, по-детски доверчивыми глазами, смотревшими из-под выгоревших кустистых бровей. Ходил он вразвалку, как ходят на суше все моряки. В первый раз Пьер вышел в море еще мальчишкой, а теперь ему уже перевалило за сорок.

— Но ты еще не произнес ни слова, сынок,— сказал Легаль своему молодому другу.

Фрике коротко рассказал ему о случившемся и под конец добавил:

— Знаешь, моряк, хоть мы и побывали с тобой во многих переделках, избороздили чуть ли не все моря и океаны, повидали немало стран, но такого необычного зрелища, как здесь, еще не встречали. Тот недоносок, с которым я только что разговаривал, наверняка отпрыск какого-нибудь знатного и могущественного рода. Среди предков этого темнокожего ублюдка с ногами таксы, этой жалкой претенциозной куклы, этой помеси португальца, китайца, малайца, индуса, да и негра в придачу, возможно, есть такие герои, как Альбукерк**, Бартоломеу Диаш*** и Васко да Гама****. Таких здесь немало, они, словно ядовитые растения, расцветают пышным цветом в пороч-

* Ле-Конке — селение на берегу Атлантического океана на северо-западе Франции, в Бретани.

** Д'Альбукерк Альфонсо (1453—1515) — португальский мореплаватель, вице-король португальских владений в Индии в 1509—1515 годах. (Примеч. перев.)

*** Диаш Бартоломеу (1450—1500) — испанский мореплаватель, первым из европейцев достигший мыса Доброй Надежды (1486—1487) и обогнувший Африку с юга. (Примеч. перев.)

**** Гама Васко да (1469—1524) — португальский мореплаватель. В 1497—1498 годах совершил плавание из Лиссабона в Индию вокруг

ной атмосфере этого края, для них нет ничего святого, они даже занимаются торговлей людьми! Суеверия, предательство, трусость, сомнительные сделки — вот что определяет моральный облик большинства подобных Бартоломеу ду Монти в Макао.

Моряк, открыв рот и от восхищения, казалось, потеряв дар речи, слушал своего молодого друга.

— Знаешь, сынок,— проговорил он наконец с глубочайшим почтением, что выглядело даже немного комично,— ты многому научился за два года на суше и теперь ни одному корабельному доктору не уступишь в учености.

— Я ведь очень много занимался, дружище, работал что было сил. Ах, если бы все эти несчастья не обрушились на господина Андре и он бы не разорился!..

— Господин Андре — мужественный человек и верный друг,— произнес Пьер Легаль.

— Мы все обязаны ему,— с уважением продолжал Фрике.— Это так же верно, как и то, что ты — мой друг и я люблю тебя словно родного брата... Не случись вся эта история с деньгами, я бы и сейчас продолжал учиться, но пришлось приплыть сюда на этой жалкой посудине за работниками для нашей компании.

— Зато мы вырвем китайцев из лап торговцев живым товаром, и они будут счастливы с нами.

— В этом можно не сомневаться. Ты знаешь, каковы планы нашей компании «Плантаторы — путешественники Суматры». Здесь на этих бедолаг работоторговцы смотрят как на скотину, а на наших плантациях с ними будут обращаться как с людьми, они станут нашими помощниками, мы будем щедро с ними расплачиваться и сделаем все, чтобы заинтересовать их в процветании нашего хозяйства.

— Знай китайцы, каково работать на нас, они бы не стали роптать по поводу своего отъезда.

— Дело, увы, в том, что большинству из них известно, во всяком случае по слухам, в какой ад попадают кули* и как жестоко там обращаются с эмигрантами. Правда, время от времени человек десять возвращаются на родину, но сколько таких, кто возвращается в гробах на так называемых «кораблях мертвецов»**.

Африки, впервые проложил морской путь из Европы в Южную Азию. (Примеч перев.)

* Кули — название носильщика, грузчика, возчика, чернорабочего в некоторых странах Азии (Примеч перев.)

** Согласно одной из статей договора, подписываемого китайски-

— В общем, у нас сейчас все в полном порядке и мы можем выйти в море? — после минутной паузы спросил Пьер.

— Мы отплываем завтра утром, как только я сведу счеты с моим шоколадным противником.

— Тебе больше нечего делать в этом притоне, не лучше ли нам убраться отсюда?

— Вот только скажу два слова одному из игроков — мне надо расплатиться с ним перед отплытием — и я в твоём распоряжении.

Молодой человек стал пробираться сквозь толпу, а его приятель продолжал наблюдать за этим столь необычным спектаклем. Под бесчисленным множеством подвешенных к потолку разноцветных бумажных китайских фонариков постоянно передвигалась целая толпа китайцев самого разного возраста. Казалось, они сбежали с китайских ширм и все, как один, были в блестящих, порой сильно засаленных, шелковых халатах. Отупевшие от опиума китайцы толпились у стойки, где им подавали в маленьких чашечках самые невероятные блюда китайской кухни, и у столов, за которыми шла игра.

Играли в адский «макао». Сама игра в «макао» хорошо известна во Франции: играют банкомет и любое число понтеров, причем играть можно как одной, так и несколькими колодами. Банкомет сдает всем по одной карте рубашкой вверх, затем каждый либо говорит «достаточно», либо, если он получит мелкую карту, просит прикуп. Но теперь карты сдаются уже в открытую. Понтер, получивший короля, даму или валета или же набравший в сумме после последующих раздач больше девяти очков, проигрывает, он бросает карты на стол и отдает свою ставку банкомету. Банкомет последним объявляет, сколько у него очков; в случае проигрыша он возвращает не успевшим проиграть понтерам их ставки. Если одному из игроков во время первой раздачи выпадает девятка («девятка с первого захода»), он открывает свою карту, и банкомет вручает ему тройную ставку. Те, кому выпали восьмерка или

ми кули, работодатель обязан привезти их домой «живыми или мертвыми». Жители Поднебесной империи, как их называют англичане, должны покониться в земле своих предков. Время от времени корабли забирают из мест иммиграции гробы с жертвами столь бесчеловечного обращения и привозят их в Китай. Этот обычай нередко используется контрабандистами. Во многих гробах спрятаны товары, облагающиеся таможенной пошлиной, их спокойно провозят через границу, не привлекая внимания чиновников, полагающих, что там находятся останки несчастных китайцев. (Примеч. авт.)

семерка, получают в первом случае двойную ставку, а во втором — забирают свою ставку обратно.

Богатые негоцианты из Южного Китая и с острова Хайнань, из Гуандуна и других более отдаленных провинций страны приезжают в этот португальский ад, чтобы удовлетворить свою вошедшую в поговорку страсть к игре. Макао — это Монте-Карло Дальнего Востока, единственное место, где разрешены азартные игры. Ведь Сын Неба* запретил их в своих владениях, а нарушение его указов строго карается!

Хотя китайцы составляли большинство играющих, в зале находились также люди, одетые по-европейски; два или три десятка донов Бартоломеу ду Монти, темнолицых, словно загримированных под злодеев из мелодрам, все, как один, с огромнейшими шпагами, принадлежавшими автору «Лузиада»; несколько прибывших из Европы настоящих португальцев в блестящих мундирах правительственных чиновников и, наконец, немало американцев, бородатых, широкоплечих, с грубыми, охрипшими от выпитого виски голосами, в большинстве своем они служили офицерами на кораблях, перевозивших китайских кули.

Банкомет, человек лет шестидесяти, в огромных очках, с седой косой, толстыми губами, жиденькой бородкой и неправдоподобно длинными ногтями, очень ловко сдавал засаленные, как воротничок судебного исполнителя, карты. Он раскачивался из стороны в сторону и бросал сквозь стекла своих огромных очков жадные взгляды на пачки банкнот, на стопки долларов и фунтов стерлингов, не упуская из виду при этом и более мелкие монеты. Стараясь сохранить невозмутимость, что выглядело довольно комично, он с важным видом внимательно следил за игрой и ловко одной рукой пододвигал двойные и тройные ставки к редким удачливым понтерам, а другой с помощью маленького молоточка из слоновой кости загребал выигранные им ставки. Прodelывал он это с такой наглой и нескрываемой радостью, что один из американских капитанов, увидев свой еще недавно туго набитый кошелек полностью опустевшим, сделал в конце концов то, с чего ему следовало бы начать, — стал внимательно следить за маневрами старого крупье. Через несколько минут у со-

* Сын Неба — китайский император (*Примеч. перев.*)

отечественника Кожаного Чулка* уже не оставалось никаких сомнений. Незаметно, стараясь не привлекать к себе внимания, он осторожно, словно охотник на бизонов на Дальнем Западе, пробрался сквозь толпу и в конце концов остановился за спиной банкомета.

— Несчастный каторжник!.. Шулер!.. Грязная собака!.. — воскликнул американец.

В зале мгновенно воцарилась тишина. Затем своими сильными руками человека, привыкшего стоять за штурвалом, моряк схватил за косу банкомета и так грубо дернул за нее, что тот полетел со стула вверх тормашками. Не обращая внимания на его отчаянные вопли, американец вытащил складной нож, разрезал сверху донизу три или четыре халата, в которые было упаковано заплывшее жиром тело китайца, и — о чудо! — сотни семерок, восьмерок, девяток посыпались оттуда на пол, к великому возмущению игроков, считавших до этого банкомета образцом честности. В зале тут же поднялся невообразимый шум, чем воспользовались находившиеся здесь Бартоломеу: они бросились к столу, где лежали деньги. Все, кроме самого Бартоломеу ду Монти.

И вдруг Фрике, внимательно наблюдавший за этой сценой, почувствовал острую боль в правом плече. Он тут же оглянулся и увидел прямо перед собой своего противника, который, подняв кинжал, собирался нанести ему второй удар. Но молодой человек ловко схватил нападающего за руку. Тот, чувствуя, как у него затрещали суставы, закричал:

— Пощадите! Сеньор!.. Пощадите!.. Вы мне сломаете руку!..

— Негодяй! — проговорил Фрике — Мало того, что ты выгреб все из моих карманов, когда занимал за столом место этого старого плута, ты еще хочешь убить меня.

— Пощадите!.. Я только слегка задел вас. Один из китайцев, падая, отвел удар... Я лишь слегка поранил вас... Пощадите!..

Сей хитроумный довод вызвал улыбку молодого человека, и он разжал пальцы.

— Гадкая обезьяна, — все еще сердито, но уже со смехом произнес он, — мне бы не стоило труда разукрасить тебе физиономию или пригвоздить к стене, как сову... Давай свой нож и шпагу и поскорее проваливай отсюда.

* Кожаный Чулок — бродяга-охотник, герой приключенческих романов американского писателя Фенимора Купера. (Примеч. перев.)

— Не стоило отпускать его, моряк,— заметил Пьер Легаль. Растолкав всех на своем пути, он как раз в эту минуту подошел к Фрике.— Ну ладно, раз уж ты так решил... Нам надо еще добраться до нашей хибары. Завтра мы должны подняться чуть свет. Рана, надеюсь, у тебя не слишком серьезная?

— Ба, просто царапина.

— Прекрасно. Тогда в путь.

Друзья вышли из игорного дома, где шум все еще не утихал, и направились в гостиницу, которую Пьер Легаль так непочтительно назвал хибарой.

Основанный в 1557 году португальцами, Макао находится на самой оконечности полуострова, носящего то же имя. Проживает там сто двадцать пять тысяч китайцев и девять тысяч пятисот португальцев. Португальская часть города, укрепленная по всем правилам военной науки, ошестинившаяся редутами и начиненная пушками, отделена от китайской высокой стеной, тщательно охраняемой солдатами-европейцами,— пересечь границу, если не известен пароль, было невозможно.

Найти дорогу в этом переплетении поднимающихся в гору улочек, темных и узких, словно водосточные трубы, среди каменных домов с зарешеченными, как в тюрьмах, окнами, было довольно трудно. Наши друзья, не запасшиеся проводниками, долго блуждали в темном лабиринте переулков, слыша за спиной шаги ночных бродяг, встречая на каждом шагу подозрительных типов, которые наверняка напали бы на них, не веда они себя так уверенно и не будь у Фрике огромной шпаги дона Бартоломеу, которой он, громко смеясь, орудовал с ловкостью, достойной учителя фехтования.

Пьер уже успел истощить свой словарный запас морского волка, а усилия его молодого друга отыскать гостиницу так и не увенчались успехом. Вдруг до них донеслись обрывки какого-то странного разговора: один из говорящих, казалось, был давешним знакомцем Фрике.

— Это никуда не годится,— недовольно ответил португальцу собеседник грубым пропитым голосом.— У меня есть кое-что получше...

Наши друзья, подойдя близко, увидели, как впереди мелькнула и тут же исчезла в темноте широкоплечая фигура американского капитана, устроившего драку за игорным столом..

В общем, чуть ли не всю ночь проведя в напрасных поисках, наши друзья лишь под утро набрали на гору, где

находился «Барракан»*, — так назывались помещения китайской эмиграционной службы. Их гостиница стояла напротив этого здания, неподалеку от развалин старого монастыря иезуитов**. Первым, кого они встретили, был этот проклятый португалец. Он выходил из здания эмиграционной службы. С отвратительной наглостью, что выглядело даже комично, негодая осведомился у Фрике о состоянии драгоценного здоровья его милости. Молодой француз заверил его, что чувствует себя превосходно.

— Прощайте, сеньор, прощайте, примите мои извинения. Поверьте, вы всегда будете помнить о встрече с доном Бартоломеу ду Монти,— произнес мерзавец с недоброй улыбкой и не спеша удалился.

Пьер Легаль и Фрике вошли в помещение, принадлежавшее одному из торговцев людьми. Приемная в этом амбаре, где занимались перепродажей живого товара, выглядела вполне пристойно. Пьер, знавший толк в таких вопросах, утверждал, что все здесь: и стены, обшитые деревянными панелями, и фарфоровые вазы с цветами, и мебель красного дерева — напоминало салоны первого класса океанских пароходов. Но вскоре дверь из красного дерева отворилась, и они оказались в тесном коридоре, где, ожидая ближайшего парохода, ютилось множество покрытых насекомыми, истощенных голодом и болезнями, одетых в жалкие отрепья несчастных кули.

Солдаты, взятые в плен в южных провинциях Китая, и прибрежные рыбаки, похищенные пиратами, составляют треть ежегодного числа эмигрантов. Другая треть — это бедняки, умирающие от голода у себя на родине, привлеченные лживой рекламой, обещающей им за морем чудеса. Остальных же китайские торговцы и, к стыду нашему надо признаться, предприимчивые европейцы получают бесплатно через открыто существующие здесь игорные дома. Как это происходит? Да очень просто! Как правило, множество игроков, приезжающих попытать счастья, разоряются за несколько дней. «Доброжелатели» ссужают их деньгами, но затем наступает день трагической

* «Барракан» (*порт.* barracao) — сарай, барак.

** Иезуиты — члены воинствующего католического ордена, основанного в 1534 году для борьбы с церковными реформаторскими движениями, но фактически ставшего орудием влияния католической церкви на внутреннюю и внешнюю политику многих европейских и латиноамериканских стран; монахи ордена вели также интенсивную миссионерскую деятельность.

расплаты, и они становятся собственностью своих бывших благодетелей, которые по здешним законам вправе полностью распоряжаться ими.

Надо сказать, что португальские власти, движимые самыми похвальными намерениями, следят за тем, как выполняются так называемые свободные обязательства, и стараются, насколько это возможно, облегчить участь эмигрантов. Но разве они в состоянии потребовать свидетельства о рождении этих несчастных у агентов, получающих от тридцати до пятидесяти франков за каждого из должников? И когда португальский прокурор спрашивает уезжающих, покидают ли они страну по доброй воле, бедолаги, зная, что в случае отказа их будут безжалостно мучить, конечно же отвечают «да» из страха вновь оказаться во власти вербовщиков или продажных мандаринов.

Если десять тысяч китайцев, уезжающих из Макао в Перу, и пять тысяч их соотечественников, уезжающих в Гвиану, обречены влачить животное существование, то надо сказать, что французские колонизаторы в Гвиане, на Антильских островах и в Кохинхине* обращаются с китайскими кули весьма гуманно, но, к несчастью, число тех, кто оказывается во французских владениях, увы, невелико.

Как уже было сказано выше, Пьер Легаль и Фрике представляли французскую компанию, находившуюся на Суматре**, и приехали в Макао, чтобы заключить контракт с сотней работников. Мы уже говорили об их намерениях по отношению к тем, кого удалось завербовать.

Корабль, предназначенный для перевозки эмигрантов, был деревянным трехмачтовым грузо-пассажирским судном водоизмещением в восемьсот тонн, с машиной мощностью в сто двадцать лошадиных сил; построен он был в Америке, но из уважения к судовладельцу ему дали китайское название «Лао-цзы»***. Капитан, кроме того, приказал нарисовать на носу огромный глаз, как

* Кохинхина — данное европейцами название Южного Вьетнама в период господства французских колонизаторов. (Примеч. перев.)

** Суматра — остров в группе Больших Зондских, принадлежащий Индонезии, а во время написания романа, входивший в состав голландских колониальных владений.

*** Лао-цзы — великий древнекитайский философ, живший в VI—V веках до н.э. и оказавший огромное влияние на формирование мировоззрения китайского общества.

это делают на китайских джонках*, чтобы уберечь судно от злых духов.

Оба француза выполнили все формальности, необходимые для вступления во владение своими новыми работниками, и погрузили их на пароход. Торговец, уплативший, к слову сказать, за каждого китайца по пятьдесят франков посреднику и по триста франков вербовщику, уже успел представить своих кули португальскому прокурору. Тот, как полагается, спросил каждого из них, уезжает ли он по доброй воле. Большинство из тех, кто при предыдущем опросе сказал «нет», чтобы избежать жестокого, бесчеловечного обращения, поспешили дать утвердительный ответ. Действительно, нередко случается, что из пятисот китайцев, опрошенных прокурором, человек сто отказываются уехать. Но, увы, после более или менее длительного пребывания в пунктах сбора, они с охотой соглашаются на любое предложение. Кули, выразившие желание уехать, помещаются на неделю в прежние сараи, после чего прокурор задает им снова тот же вопрос, что и неделю назад. Кое-кто все еще на что-то надеется, хотя судьба их, в сущности, решена.

До своего отплытия отъезжающие должны подписать в присутствии прокурора контракт. Документ составляется на китайском и португальском языках. Вот приблизительно что там написано: «Я такой-то, родившийся там-то и тогда-то, обязуюсь работать по двенадцать часов в сутки (во французских колониях работают семь часов) в течение восьми лет у владельца контракта. Обязуюсь также в течение всего этого времени полностью ему повиноваться и не покидать его владений. Мой наниматель обязуется меня кормить и выплачивать четыре пиастра (двадцать девять франков) в месяц и возвратить свободу в день истечения срока действия данного контракта».

Завербованные китайцы ставят свою подпись, она заверяется королевским прокурором и португальским консулом.

Обычно один китаец в Перу, на Кубе и на других островах Тихого или Атлантического океана стоит, если пользоваться языком торговцев, триста пятьдесят долларов (тысяча семьсот пятьдесят франков). Из них, как мы

* Джонка — распространенный в Китае тип грузового деревянного парусного 2—4-мачтового судна с очень широкими высоко поднятыми носом и кормой. (Примеч. перев.)

уже сказали, пятьдесят франков получает посредник, триста франков — вербовщик, в четыреста франков обходится пребывание в «Барракане», пятьсот франков достается капитану, и, наконец, оставшиеся деньги получает агентство по продаже кули уже на месте. Ах, если бы только эти деньги получал сам работник, а не бесстыдные вымогатели проклятого полуострова!

Фрике и Пьер сами договаривались с местным агентом и тем самым сэкономили по пятьсот франков на каждом работнике. Наши друзья заплатили за каждого работника тысячу двести франков, то есть за сто человек они отдали все, что было собрано их компаньонами на Суматре.

Теперь, когда были выполнены последние формальности, оба друга поспешили добраться до «Лао-цзы», где уже находились сотни две других эмигрантов, направлявшихся в голландские владения на островах Борнео и Ява*. Странное зрелище представлял собой этот на удивление грязный трехмачтовый корабль, на котором бестолково суежилась весьма пестрая команда, набранная в самых разных странах мира. Судно было явно перегружено, на палубе валялись какие-то тюки, мешки с рисом, ящики с продуктами, клетки, где кудахтали куры; в специальном загоне хрюкали свиньи, вскоре они вырвались на свободу и, опрокидывая на пути пассажиров и матросов, устремились к рубке на корме.

При виде этого чисто американского беспорядка Пьер Легаль, служивший на французских военных кораблях, где всегда царят чистота и порядок, лишь пожал плечами.

— Жалкая посудина, и капитан ей под стать,— пробормотал сквозь зубы старый моряк.— Только американский пират, плавающий в китайских морях, мог довести корабль до такого состояния. А экипаж! Индусы в белых куртках, африканцы в невероятных отрепьях, косоглазые малайцы да еще двадцать пять или тридцать китаез с косами... Хороши матросы!.. Настоящий зверинец!

В эту минуту капитан, стоя на мостике, произнес знаменитое «Go ahead!»**, и корабль тут же занесло на повороте.

— Смотри-ка, смотри,— взглянув на помощника капитана, стоявшего в момент отплытия на своем посту, сказал Фрике,— если я только не ошибаюсь, с ним мы вели дела

* Борнео (ныне — Калимантан) и Ява — острова в группе Больших Зондских; Ява ныне является частью Республики Индонезия; Калимантан разделен между Малайзией и Индонезией.

** Вперед! (англ.)

на суше. Что же до капитана... Черт возьми! Он поколотил вчера вечером нечистого на руку банкомета.

— Да, ты прав,— ответил Пьер Лсгаль.— Интересно, чем занимался этот разбойник две долгие недели в Макао?

— У него такая физиономия, что он вполне мог на свой страх и риск заняться разбоем и на берегу.

— Во всяком случае, капитан и его помощник друг друга стоят. А вообще я не понимаю, как можно содержать корабль в таком состоянии. На палубе черт знает что! Тут и свиньи, и тюки, и разбросанный уголь, к штурвалу прямо не притронуться, такой он грязный, а шлюпки в каком состоянии, да еще и завалены не пойми чем.

— Наш пират старается использовать каждый метр. Поскольку трюм и нижняя палуба у него забиты эмигрантами, он предпочитает, вероятно, держать съестные припасы наверху.

— Все это так! Но хорошенькая получится картина, если волны накроют палубу.

Предсказания моряка оправдались сразу же, как «Лаоцзы» вышел в открытое море.

Стоял ноябрь. Погода была пасмурной, и северо-западный муссон гнал со стороны берега тучи, которые вскоре заволокли все небо. Море, обычно спокойное в этих местах, стало страшным. Началась невообразимая качка, и высокие волны тут же обрушились на палубу, превратив ее в настоящее болото.

Капитан, считавший, что все идет как нельзя лучше, с довольным видом расхаживал по мостику и спокойно жевал табак.

— Черт побери,— возмущенно пробурчал Пьер Лсгаль.— Почему этот негодяй не поставит паруса? Представляю, в каком состоянии сидящие в трюме, на них живого места не осталось. Что он тянет?

В это мгновение раздался свисток капитана; тут же все китайцы, размахивая длинными косами, бросились с резкими криками к бакштагам* и закружились вокруг них, словно флюгеры. Грот**, фок*** и кливер**** были ори-

* Бакштаг — снасти на судне, поддерживающие мачты, шлюпбалки, грузовые стрелы и т.д. (Примеч. перев.).

** Грот — самый нижний парус на грот-мачте, самой большой на корабле. (Примеч. перев.)

*** Фок — самый нижний парус на передней от носа мачте корабля — фок-мачте. (Примеч. перев.)

**** Кливер — косой треугольный парус, который ставится впереди фок-мачты. (Примеч. перев.)

ентированы на левый борт, и качка прекратилась. Этот маневр, хотя он, казалось бы, и отвечал желаниям Пьера Легалья, очень его беспокоил.

— Послушай,— обратился он к Фрике,— уверяю тебя, я еще в своем уме. Мы явно идем не тем курсом. Сейчас ноябрь. Уже целый месяц дует северо-западный муссон, мы должны были взять курс на Сингапур, и нам дул бы попутный ветер, тогда как ветер дует с левого борта, словно мы направляемся на Филиппины.

— Что мне ответить тебе, дружище? Ты же прекрасно знаешь: я в этих делах ничего не смыслю.

— Вот увидишь, здесь что-то не так.

— Наш пират не может уж до такой степени не разбираться в навигации. У него, видимо, есть какой-то план. Пойдем спать, завтра все прояснится.

Пьеру Легалю плохо спалось в эту ночь. На рассвете его разбудила тишина — машина не работала. Он тут же выскочил на палубу. С губ его сорвалось крепкое ругательство, когда он увидел, что все паруса подняты, мачты скрипят под напором ветра, и корабль, подгоняемый муссоном, буквально летит по волнам. Лаг* наверняка показал бы не меньше десяти узлов**.

«Силен,— подумал Легаль одобрительно.— Идет на одних парусах... Но негодяй по-прежнему держит курс на юго-восток. Надо было бы мне во всем этом разобраться».

Моряк захотел взглянуть на компас. Румпель***, чтобы его не залило водой, был установлен на высокой платформе, и Пьер тут же направился к нему.

— Туда нельзя,— грубо остановил его стоявший рядом со штурвальным матрос-американец с револьвером за поясом.

— Я хотел бы взглянуть на компас,— спокойно ответил бретонец.

— Я сказал, туда нельзя,— еще грубее повторил американец.

Встретив помощника капитана, собиравшегося заступить на вахту, Пьер в недоумении рассказал ему о том, как грубо разговаривал с ним матрос.

— Наш курс вас не касается,— не менее грубо отрезал помощник.— Вы находитесь на пассажирском судне.

* Лаг — прибор для определения пройденного судном расстояния или скорости судна.

** Узел — мера скорости судна: одна морская миля (1852 м) в час.

*** Румпель — рычаг для поворачивания руля судна.

— Я заметил это еще вчера,— проворчал Пьер Легаль.— Ладно. Посмотрим кто кого.

Не говоря больше ни слова, он спустился в каюту. Проснувшись, Фрике увидел, как боцман заряжает свой револьвер.

— Бог мой! Что это значит, моряк? — воскликнул он.

— Я хочу быть готовым выстрелить в... этого подлого пса.

— Черт возьми! Неужели дела обстоят так плохо?

— Хуже, чем ты полагаешь, друг. Или я здорово ошибаюсь, или нам придется хлебнуть горя.

— Ба, таким парням, как мы с тобой, сам черт не страшен.

— Если бы речь шла только о нас, меня бы это не слишком тревожило. Но мы в ответе за жизнь наших рабочих и за деньги, доверенные нам друзьями.

— Да, дела неважные,— проговорил задумчиво Фрике,— ты прав.

— А потому, если все пойдет слишком плохо, я размозжу голову этому янки*. Он дорого мне заплатит.

Наступило время завтрака, и друзья, несмотря на свои беспокойства, отдали должное странной смеси топленого свиного сала и рыбы, одобренной перцем и чесноком, принесенной им в каюту китайцами. Удивительно, но после того, как это экзотическое блюдо было с аппетитом съедено, они погрузились в глубокий сон.

Проснувшись, ни Пьер, ни Фрике не могли определить, как долго они спали, но казалось, что времени прошло немало. В каюте было абсолютно темно. И тот и другой чувствовали себя отвратительно: руки и ноги были словно из ваты, а на голову, казалось, надели железный обруч.

— Но,— с трудом проговорил Фрике, и голос его прервался от гнева,— мы связаны!..

— Черт побери! — закричал Пьер Легаль.— Нас и впрямь заманили в западню.

* Янки — презрительное прозвище данное англичанами американским колонистам, преимущественно жителям Новой Англии часто употребляется как прозвище американцев вообще

ГЛАВА 2

Наши герои оказываются под строгим арестом.— Пьер Легаль награждает себя весьма выразительными, хоть и незаслуженными эпитетами.— Бретонский моряк не может смириться с тем, что его кормят с ложки, словно младенца.— Планы бандитов.— Страшные угрозы.— Почему пират не выбросил за борт наших друзей.— Два пути из Макао в Сидней.— На всех парах сквозь рифы.— Опасные маневры.— Корабль терпит крушение.— На рифе.— Агония корабля.— Капитан первым покидает тонущее судно.— Что происходило в трюме, пока «Лао-цзы» сидел на мели.— Бегство эмигрантов.

Итак, Пьер и Фрике оказались под арестом. Усыпленные с помощью подмешанного в пищу наркотика, они были крепко связаны бандитами. Убедившись в прочности веревок и в бесполезности любых усилий, друзья замерли на своих койках, оценивая сложившуюся ситуацию с трезвостью, присущей людям, привыкшим к приключениям и опасностям.

Фрике первым нарушил молчание.

— Пьер,— сказал он вполголоса,— я — круглый дурак. Надо было еще вчера обдумать твои слова и принять все необходимые меры предосторожности.

— Многого бы ты этим добился?

— Конечно.

— И что бы ты сделал, сынок?

— Ах, черт побери, я бы схватил старшего помощника за шиворот, а ты бы взял за горло капитана. А потом, связав обоих негодяев, чтобы по прибытии на место передать их местным властям, мы пошли бы правильным курсом.

— Неплохой план, мы без труда связали бы этих негодяев, и я мог бы взять управление кораблем на себя, однако риск был бы велик.

— Не понимаю.

— Ты забываешь, что на борту еще пять или шесть матросов-американцев. Целый букет подлецов, они стоят на вахте, едят и даже спят с револьвером за поясом. А в машинном отделении есть люди, которых мы с тобой даже не видели. По крайней мере, добрая треть из них белые... Что же касается цветного экипажа, говорящего на языке, которого я не знаю, то тут тоже не все так просто... Но, в общем, сынок, я повторяю, риск был бы велик. Да

и управлять кораблем вдвоем дело не из легких... К тому же у меня не было никаких доказательств, что они изменили курс. И наконец, мы отвечаем за этих несчастных, которых должны доставить живыми и невредимыми на место.

— Черт побери! Это-то и выводит меня из себя. Ах, если бы мы рисковали лишь собственной головой!

— Да, ты прав! Когда в моем кошельке появляются деньги, я никогда не знаю, как ими распорядиться, и потому стараюсь спустить их как можно скорее. Но когда речь заходит о чужих деньгах... При одной мысли, что с ними может что-либо случиться, у меня сердце начинает дрожать как овечий хвост, а голова совсем перестает работать.

— Готов биться об заклад, они нас собираются обворовать. Я прекрасно понял, какую игру ведет этот негодяй.

— Тысяча чертей! Надо же быть таким дураком, как я! Это я во всем виноват! Старый тупица! Безмозглый осел! Вместо того, чтобы болтать языком, как какой-то марселец, мне бы следовало не интересоваться компасом и не говорить об изменении курса, а просто быть начеку и не спускать с них глаз. Тогда этот подлец не решил бы пришвартовать нас здесь, как двух хорошо погулявших на берегу молокососов.

— Ты напрасно коришь себя, дружище,— прервал его Фрике.— Видишь ли, этот трюк давно ими задуман. Уверен, что американец и не думал везти нас на Суматру. Уже в тот день, когда мы сообщили помощнику капитана, куда собираемся доставить наших кули, оба негодяя решили их просто перепродать. Чуть раньше, чуть позже, нас все равно бы связали и заперли в этой каюте. Ты просто ускорил ход событий. Знаешь, что еще пришло мне в голову: этот тип, Бартоломеу ду Монти, тоже приложил здесь руку. Помнишь его слова, сказанные нам напоследок?

— Еще бы не помнить! Как сейчас вижу его словно дегтем измазанную физиономию и омерзительную улыбку! Если я когда-нибудь снова окажусь в Макао, то вытрясу из него душу.

— А пока,— вновь заговорил Фрике,— лежать так не слишком удобно. У меня затекли руки и ноги, мне хотелось бы изменить положение.

— Бедный малыш,— искренне посочувствовал ему боцман,— сразу видно, что ты не привык к такому. Когда я был молод и любил таскаться по кабакам, меня не раз сажали на гауптвахту. С нами тогда обходились сурово,

чуть что, заковывали в кандалы или же отправляли на шесть часов сигнальщиком на брам-стенгу*. Надо признать, наш добрый старый флот готовил неплохих моряков... Наберемся терпения. Хорошо еще, что этим проклятым безбожникам не пришла в голову мысль рассадить нас по разным каютам.

Тем временем наступило утро и тусклый свет, проникавший через иллюминатор в каюту, позволил друзьям лучше рассмотреть произошедшие с ними перемены. Оба они были связаны, но не цепями, а крепкими рыболовными снастями, что, впрочем, не сильно облегчало положение пленников.

Настал час завтрака, дверь отворилась, и юный китаец с огромной миской рисовой похлебки, в которой плавали маленькие кусочки мяса, появился на пороге.

— Ого! — воскликнул Фрике. — Вот и завтрак. — Китаеза с его баландой напомнил мне мое первое приключение на берегу реки Огове** вместе с доктором Ламперьером, тогда местные чернокожие решили нас сперва откормить, а потом уже съесть.

— Молчать, — приказал по-английски грубый голос, и в проеме двери появилась массивная фигура американского матроса, вооруженного кинжалом.

— Смотри-ка, — проговорил вполголоса Пьер Легаль, — с ним еще часовой. Капитан обращается с нами как с заключенными, находящимися под строгим арестом.

Китайчонок, дрожа всем телом, вошел в каюту, затем, зачерпнув ложкой похлебку, поднес ее к бородатому лицу старого моряка.

— Тысяча чертей! Этот мерзавец, видимо, издевается над нами. Он решил дать мне кормилицу. Мне, Пьеру Легалю, настоящему бретонцу, старому боцману, дипломированному рулевому, плававшему еще на фрегате «Эклер»!

Паренек, решив, вероятно, что Пьер отказывается есть, протянул ложку Фрике, который, поборов отвращение, проглотил несколько ложек похлебки. Китайчонок продолжал кормить Фрике, пока тот, покачив головой, дал понять, что с него довольно.

* Брам-стенга — третье снизу колено составной мачты парусного судна, считая стенгу вторым, а мачту — первым. (Примеч. перев.)

** Огове — река в Экваториальной Африке, в Габоне (Примеч. перев.)

Снова наступила очередь бретонца.

— Ничего не поделаешь,— пробормотал моряк с комическим смирением,— придется есть.

После окончания этого не очень вкусного, но весьма оригинального по форме завтрака китайчонок уже готов был покинуть каюту, как вдруг старый боцман обратился к часовому на ломаном английском языке:

— Эй, моряк!

Тот, не говоря ни слова, сделал шаг вперед.

— Послушайте,— проговорил заключенный,— хотя и паршивая у вас работа, все-таки вы — моряк и должны знать, что после еды, даже если это такая бурда, матросу нужен табак, для него это важнее даже, чем сама еда. Не могли бы вы принести мне хоть понюшку табака?

Американец, пожав плечами, подал знак китайцу и вышел, так и не открыв рта.

— Негодяй! — проворчал старый боцман.— Незачем даже завязывать узелок на память, я и так узнаю тебя, ты у меня еще попляшешь. Ничего не поделаешь. Обойдемся без табака.

Прошло пятнадцать мучительных дней, страдания обоих пленников становились все невыносимей. И только юный китаец сумел облегчить участь Пьера. Однажды, когда часовой на минуту отвлекся, он воспользовался этим и бросил на койку пачку жевательного табака. Этот столь трогательный знак внимания, это свидетельство сочувствия со стороны несчастного мальчугана глубоко взволновало старого моряка.

— Бедный маленький юнга,— пробормотал он растроганно.— У самого не жизнь, а настоящая каторга; удары так и сыплются на его голову с утра до вечера и с вечера до утра, но он не озлобился, у него доброе сердце. Ты понимаешь, важен не сам табак, важен поступок. У меня такое чувство, словно после трехлетнего плавания я вернулся в родные места, снова увидел утесы моей любимой Бретани.

Пачка табака, ловко брошенная юнгой, к счастью, упала у самой головы Легалья. Схватив ее тут же зубами, боцман ценой невероятных усилий умудрился разорвать обертку и взять в рот добрую порцию табака.

— Прекрасный табак, сынок, не табак, а конфетка. Жаль, что ты его не употребляешь. Хотя какой я дурак! Как бы я смог передать тебе твою половинку?!

— Я очень рад, что это немного облегчило твои страдания,— с трудом ответил Фрике.— А мне нужен глоток

свежего воздуха. Если наше заточение продлится еще немного, не знаю, что со мной будет. У меня голова раскалывается.

— Держись, моряк, побольше спокойствия и твердости. Сейчас не время болеть, нельзя, чтобы тебя скрутил приступ лихорадки. Ты слышишь меня?

Прошло еще два мучительно однообразных дня. Здоровье Фрике все больше и больше беспокоило Пьера. И вдруг сам капитан собственной персоной появился в их каюте.

— Я полагаю,— начал он с места в карьер,— что вы здесь здорово скучаете?

— Немного,— с нескрываемой иронией ответил бретонец.— А как поживаете вы?

— От вас самих зависит положить этому конец. Я буду откровенен. Не хочу терять время, терпеть не могу пустые разговоры... *Times is money...**

— А что надо для этого сделать? — осведомился Пьер.

— А вот что,— ответил американец, обращаясь скорее к Фрике,— вы продадите мне ваших сто кули... Они мне очень нужны.

Молодой человек, которого трясла лихорадка, решил, что ослышался.

— Акт о продаже будет составлен на английском и французском языках, потом вы оба заверите его по всем правилам и подпишите...

Пьер Легаль и Фрике не произнесли ни слова.

— К сожалению,— продолжал американец,— мои финансовые дела не позволяют мне заплатить вам хорошую плату. К тому же на рынке сейчас не слишком большой спрос на китайцев. И не в моих интересах завышать цену. Тысяча долларов за всех мне кажется вполне достаточной.

— Пять тысяч четыреста двадцать франков во французской валюте,— холодно проговорил бретонец.

— *Yes***,— ответил капитан.— Я вас высажу на побережье неподалеку от Сиднея. Вам не составит большого труда добраться до обжитых мест. На первое время денег, вырученных за продажу, будет вполне достаточно.

— Ах, вот оно что! Мы идем не на Суматру, а в Австралию?

— *Yes*.

— А если мы не согласимся? — осведомился Фрике,

* Время — деньги (англ.).

** Да (англ.)

поблуднев как полотно и делая невероятные усилия, чтобы сдержать свое негодование.

— В таком случае я вынужден буду, к сожалению, содержать вас без еды и питья до тех пор, пока вы не станете более сговорчивыми.

— Вы — последний из негодяев!

— Каждый ведет дела, как он считает нужным. Спорить бесполезно. *Times is money!* До чего же эти французы болтливы! Каков ваш ответ?

— Если бы я мог сделать хоть одно движение, я бы плюнул вам прямо в лицо... Вот мой ответ.

— *My God!** Вы слишком вспыльчивы, молодой человек. К счастью, я не слишком обидчив. Может, лучше привязать каждого из вас к одной из чугунных болванок, которые имеются у меня для балласта**, и выбросить за борт? Правда, тогда вы не сможете подписать купчую... — четко произнося каждое слово, пригрозил капитан. — Я найду к вам через два дня узнать, что вы решили. Голод заставит вас быть поговорчивей.

С этими словами американец покинул каюту.

— Подумать только, — проворчал Пьер Легаль, — каким мерзавцам доверяют управлять кораблем! И он еще называет себя моряком, и не просто моряком, а капитаном... Это же профессиональный разбойник! В общем, плохи наши дела, дружище.

— А я, наоборот, считаю, что у нас появилась надежда.

— Да ты что-то путаешь.

— Отнюдь нет, все хотя бы прояснилось.

— В этом отношении ты прав: так или иначе, мы сохнем от голода. Это лишь вопрос времени.

— Пьер, старина, что это ты, один из лучших наводчиков фрегата «Людовик XIV», вдруг растерялся, словно впервые пустился в плавание.

— Объясни, в чем дело, сынок.

— Разве ты не видишь, что этот чертов кашалот не знает, как ему быть с нашими китайцами. Захватить их не так уж трудно, но вот продать без купчей — проблема. Контракт составлен на наше имя на испанском и португальском языках в трех экземплярах. Один из экземпля-

* Бог мой! (англ.).

** Балласт — груз, помещаемый в трюм судна для понижения его центра тяжести и улучшения остойчивости.

ров хранится у властей Макао, второй находится у этого негодяя, а третий — у нас. Итак, он не может ничего предпринять. Если мы не передадим ему свои права с соблюдением всех формальностей, у него будут неприятности с английскими властями. А уж чиновники Соединенного Королевства не слишком снисходительны, когда сталкиваются с подобного рода делами. Капитану нужен документ, выданный официальными властями, подтверждающий, что покупатели уступают ему свои права, в противном случае его корабль будет конфискован, а сам он отправлен в тюрьму.

— Ах, вот оно что!

— Ты же понимаешь, выбросив нас за борт или уморив голодом, он ничего не выиграет. Корабль не сможет прибыть в Австралию, потому что по документам груз направляется на Суматру.

— Знаешь, сынок, ты здорово разбираешься во всех этих делах, не хуже офицера торгового флота... Подождика... Слышишь?

— Что там еще?

— Шум винта. Заработала машина.

— Черт побери, почему?

— Ветер, видимо, стих, а может быть, задул в другом направлении, янки не хочет терять время.

Это событие, столь незначительное на первый взгляд, сыграло весьма важную роль в жизни обоих французов. Но не будем забегать вперед.

Покидая Макао, корабли обычно берут курс на юго-восток, достигают Лусона, самого большого острова Филиппин, проходят проливом, отделяющим Лусон от острова Миндоро, оставляя позади остров Панай, проплывают вдоль острова Минданао и пересекают архипелаг Сулу у острова Басилан. После этого они берут курс на восток-юго-восток, огибая остров Джайлоло у 130° восточной долготы и 3° северной широты*, пересекают экватор у Анахоретовых островов. Затем, обогнув остров Новая Ирландия и Соломоновы острова, которые напоминают

* Очевидное недоразумение: в указанном автором районе нет никаких островов, а глубины океана превышают 4000 м. Джайлоло — старое название большого острова Хальмахера, расположенного юго-западнее упоминаемого Буссенаром места.

о временах Д'Антркасто*, Бугенвиля** и Лаперуза***, чья слава не уступает славе Кука**** и Байрона*****, проходя мимо острова Сан-Кристобаль, расположенного на 167° восточной долготы и 10° южной широты. Далее сворачивают на юго-запад, чтобы достичь Сиднея, расположенного на 148°40' восточной долготы и 35°56' южной широты. Таким образом, делая огромный крюк, петляя среди островов Малайзии и Меланезии, суда проходят около 9000 километров (приблизительно столько же, сколько нужно, чтобы, выйдя из Сен-Назера*****, достигнуть Панама) и в конце концов достигают цели. Путь этот самый долгий, но зато самый безопасный.

«Лао-цзы», капитан которого, как и все американцы, не мог понять, что главное достоинство моряка осторожность, на всех парусах шел из Макао в Сидней. Начало плавания было удачным; подгоняемый муссоном, корабль достиг Анахоретовых островов, делая от семи до восьми

* Д'Антркасто Жозеф-Антуан де Брюни (1739—1793) — французский мореплаватель, руководил экспедицией по поискам Ж. Лаперуза, описал ряд островов в Океании. Провел съемку берегов Тасмании, Новой Каледонии и Новой Гвинеи. (Примеч. перев.)

** Бугенвиль Луи-Антуан (1729—1811) — французский мореплаватель, член Парижской Академии наук. В 1766—1769 годах руководил первой французской кругосветной экспедицией. Описал острова в архипелаге Туамоту, Луизиана и северную группу Соломоновых островов. (Примеч. перев.)

*** Лаперуз Жан Франсуа (1741—1788?) — французский мореплаватель. В 1785—1788 годах руководил кругосветной экспедицией, исследовал острова Тихого океана, берега северо-западной Америки и северо-восточной Азии, нанес на карту пролив, названный его именем. Экспедиция пропала без вести, выйдя из Сиднея на север. Остатки найдены на острове Ваникоро (архипелаг Санта-Крус). (Примеч. перев.)

**** Кук Джеймс (1728—1779) — английский мореплаватель. Руководитель трех кругосветных экспедиций, описал множество островов в Тихом океане. В ходе первой экспедиции (1768—1771) выяснил островное положение Новой Зеландии, исследовал Большой Барьерный риф и восточное побережье Австралии. Вторая экспедиция (1772—1775), пытаясь найти Южный материк, достигла 71°10' южной широты, но земли не обнаружила. Третья экспедиция (1776—1779) посетила Гавайские острова, исследовала северо-западные берега Северной Америки. (Примеч. перев.)

***** Байрон Джон (1723—1786) — английский мореплаватель. В 1740—1744 годах участвовал в кругосветном путешествии Дж. Ансона. В 1764 году послан в кругосветное плавание для поисков Соломоновых островов и новых земель в Тихом океане, нанес на карты несколько островов из группы Туамоту, Топелау и Гильберта. В 1766 году вернулся в Англию. Именем Байрона назван пролив и один из островов группы Гильберта (о. Байрона, или Никуна). (Примеч. перево.)

***** Сен-Назер — французский порт на побережье Бискайского залива, в устье р. Луары.

миль в час, как вдруг, именно в то время, когда судно пересекало экватор, ветер стих. Капитан, опасаясь, что они надолго застрянут в этих краях, приказал тут же развести пары. Желая сэкономить на топливе и на питании своих пассажиров, он решил пойти кратчайшим путем, свернув прямо на юг и таким образом пройти вдоль островов Адмиралтейства, пересечь Дампирский пролив, обогнуть архипелаг Луизиана и взять курс на Сидней, не следуя традиционному маршруту, требующему слишком много времени.

Это было крайне опасное решение, но опытный мореплаватель, тщательно все рассчитав, смог бы осуществить свой план. Наш же американец не стал осторожничать и, как только машина заработала, пошел напрямик на всех парах, словно забыв о многочисленных рифах Тихого океана, далеко не все из которых были указаны на карте. Лишь для проформы, в опасных местах, приказывая опустить лот*, он торопился так, будто собирался обогнать конкурента в полноводных реках Северной Америки.

Подобный безрассудный маневр не мог длиться бесконечно: корабль спокойно прошел Дампирский пролив, уверенно взял курс на группу островов Лузасау и вдруг со всей силой ударился о скалу, едва выступающую из воды. Крик ужаса вырвался из груди несчастных, сбившихся на нижней палубе. Корпус корабля жалобно закрипел, машина заглохла. Но то ли судно ударилось бортом, то ли достаточно толстый слой воды отделял вершину подводной скалы от киля, но оно не осталось лежать на мели. Неожиданно выпрямившись, корабль подпрыгнул два или три раза и поплыл по инерции.

Капитан тут же приказал двум ныряльщикам спуститься в воду. Убедившись, что часть киля повреждена, но обшивка не пострадала (ни одной пробоины обнаружено не было), американец решил, что все идет «perfectly well»**, и приказал дать полный вперед.

Увы! «Лао-цзы» не сдвинулся с места. Страшный удар о скалу несомненно повредил машину, и можно было не сомневаться в серьезности аварии. Но тут поднялся легкий ветер. Решив этим воспользоваться, капитан велел поднять паруса и снова пуститься в путь, не дожидаясь даже, когда механик и его помощники установят причи-

* Лот — прибор для измерения глубины. (Примеч. перев.)

** Как нельзя лучше (англ.).

ны поломки, что, впрочем, не представляло большого труда и не потребовало бы много времени,— поврежден был гребной вал.

«Лао-цзы», к несчастью для пассажиров и экипажа, превратился таким образом в обычный парусник. Дальше дела пошли еще хуже. Ветер задул сильнее, небо потемнело. Вскоре на них обрушился настоящий ураган. Невозможно было точно определить координаты судна, пришлось идти по счислению, что, увы, нередко приводит к ошибкам.

После того как машина была выведена из строя, прошло всего двенадцать часов. Капитан, несмотря на то, что дул сильный ветер, оставил все паруса. Трехмачтовое судно, лежа на правом борту, страшно накренившись, летело вперед, словно огромный кит, и вдруг впереди сквозь порывы ветра послышался столь характерный рев волн, разбивающихся о рифы.

— Лево на борт! — громовым голосом закричал капитан, стоя на мостике.

Экипаж бросился по местам, чтобы выполнить этот маневр, от которого зависело их спасение. Минутное колебание, малейшая ошибка при исполнении приказа, и Корабль пошел бы ко дну. Разбушевавшаяся стихия и близость скал не позволили капитану резко повернуть. корабль понесло прямо на подводные рифы, образовывавшие темный полукруг среди облаков пены.

Приказав спустить паруса, американец попытался изменить курс. Но, увы, его усилия не увенчались успехом — корабль неотвратимо приближался к рифам. Все было кончено. Раздался страшный треск. «Лао-цзы» налетел на гряду мадрепоровых рифов*. Множество щупальцев, подобно рогаткам, пробили корпус корабля, превратив его в груды деревянных обломков.

Прекрасно понимая, что в скором времени могучие волны разобьют остатки корабля и унесут обломки в море, капитан, не подумав даже организовать спасение несчастных, испускавших в трюме отчаянные крики, собрался первым покинуть корабль. Не теряя ни минуты, он собрал всех белых матросов, а их было всего человек семь или восемь, позвал старшего помощника и главного механика, затем приказал снарядить самую большую шлюпку, в которую погрузили провизию, воду, несколько навигационных

* Мадрепоровые рифы — то есть рифы, образованные скелетами шестилучевых кораллов из отряда мадрепоровых.

приборов, ружья, судовые бумаги и все имеющиеся на борту деньги.

В то время, как шлюпка, снаряженная в мгновение ока, готовая уже выйти в море, скользнула по таям*, бенгальские, малайские, занзибарские моряки, обезумев от страха, носились по палубе. Сквозь рев разбивавшихся о рифы волн теперь слышны были лишь пронзительные крики оставшихся членов экипажа, а вот душераздирающие крики, доносившиеся из трюма, вдруг умолкли. Неужели все три сотни кули сразу захлебнулись в своих мрачных клетушках? Однако волны, отхлынув, почти не разрушили корабль.

Быстрота, с которой белые покинули потерпевшее крушение судно, свидетельствовала о том, что их пугала не только разбушевавшаяся стихия. Негодяй и его сообщники прекрасно понимали, какую грозную опасность будут представлять измученные, отупевшие от бесконечных страданий и голода, вырвавшиеся на свободу китайцы. Иначе как объяснить действия капитана, бросившего на произвол судьбы столь ценный товар?

Несмотря на то, что моряки принимали всевозможные меры предосторожности — на палубе имелись проволочные силки, о которые кули могли поранить босые ноги, а на прогулку их выводили связанными цепями под охраной вооруженных до зубов моряков, — часто случалось, что, доведенные до отчаяния, предпочитая смерть бесконечным мучениям и пыткам, они, объединившись, ломали барьеры и устремлялись на палубу через узкий люк.

Опасения капитана и экипажа очень скоро подтвердились! В ту минуту, когда они собирались уже сесть в шлюпку, главный люк, хоть и заваленный тяжелым грузом, разлетелся на мелкие куски, словно в трюме взорвалась мина. Из открывшейся дыры, будто из глубины шахты, вырвалось множество кричащих, обезумевших от страха, бледных, грозных, несмотря на слабость, невольников. Еле держась на ногах, ослепленные ярким дневным светом, кули, чувствуя ломоту во всем теле, бежали по наклонившейся палубе, налетая на растерявшихся при виде этого неожиданного нашествия матросов.

Первые моряки, попавшиеся под руку взбунтовавшимся рабам, были растерзаны в одно мгновение. Кровь

* Тали — подъемный механизм, состоящий из системы подвижных и неподвижных блоков, огибаемых канатом; на морских судах применяется для работ с парусами и грузом.

потекла по палубе. Ни одна из шлюпок, кроме самой большой, не была готова к спуску. Вырвавшиеся на волю китайцы заметили капитана и его экипаж в тот момент, когда гребцы готовились отчалить. Человек пятьдесят кули бросились в море, надеясь завладеть лодкой, а также желая заставить своих мучителей заплатить за причиненные им страдания. Но янки были не из тех, кто сдается без боя. Они встретили градом пуль нападавших, потом, вооружившись саблями и топорами, стали наносить удары тем, кто успел уцепиться за борт.

Убедившись в бесполезности дальнейших попыток, несчастные вернулись на судно, а лодка капитана вышла в открытое море. Не думая об угрожавшей им опасности, китайцы, опьянев от первой победы, рассыпались по кораблю, ломая все на своем пути; обезумевшие от неутоленной жажды мести, они с остервенением крушили эту плавучую тюрьму.

...Фрике и Пьер Легаль все еще находились в своей каюте.

ГЛАВА 3

Невыносимые мучения обоих пленников.— Нижняя палуба оказывается под водой.— Бредит ли Фрике? — Нож!..— Удивительное спасение.— Плот.— Под французским флагом.— В путь.— Снова в положении робинзонов.— Человек, потерявший счет кораблекрушениям.— Как разжечь костер.— Робинзон Фрике хочет нарушить традицию.— Ловля краба.— Первый завтрак на суше.— Удивление туземца при виде двух белокожих.— «Извольте войти».

Оба пленника буквально задыхались в своей каюте; голова раскалывалась, в горле пересохло, голод мучил их, они чувствовали, что медленно умирают. Даже когда корабль, подпрыгнув, в первый раз сел на мель, наши друзья не вышли из своего оцепенения.

— Моряк,— прохрипел Пьер Легаль в ту минуту, когда судно ударилось о риф,— мы сели на мель...

— Ба! — пробормотал Фрике.— Я скоро помру.

— Тысяча чертей!.. До чего же глупо... отдать концы... на нижней палубе, когда не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой... словно пьяный в стельку корабельный повар.

Фрике ничего не ответил.

— Сынок...— задыхаясь, вновь заговорил боцман.—
Моряк...

— Пьер...

— Ты ничего не говоришь... Твое молчание пугает
меня...

— Каждое сказанное слово дается мне с трудом... Но
ты не волнуйся, у меня еще есть силы, и я не перестаю
работать, хоть и не подаю виду.

Пьер решил, что его друг бредит.

— Будь спокоен, дружище,— снова заговорил молодой
человек,— надеюсь, скоро я освобожу руку. Эти чертовы
снасти не так-то просто поддаются... Но потерпи!.. Пожи-
вем — увидим,— закончил парижанин, продолжая непо-
нятное занятие.

Страдания пленников с каждым часом становились все
нестерпимее. Клетушка, в которой они были заключены
и куда не проникал свежий воздух, нагретая безжалостны-
ми лучами экваториального солнца, напоминала сушиль-
ную печь. И вдруг морское течение и разбушевавшиеся
волны бросили несчастный корабль на скалу. Толчок был
такой силы, что в одно мгновение заросли кораллов про-
били обшивку и раздробили шпангоуты*. Вода ворвалась
в пробоины, добралась до машинного отделения, затем
откатила назад, унося вместе с обломками обшивки трупы
погибших.

Эта страшная дыра в корпусе корабля образовалась
неподалеку от каюты, где находились оба друга. Иллюми-
натор разлетелся вдребезги, и огромная волна накрыла их
как раз в ту минуту, когда Фрике, подняв над головой
окровавленную, распухшую от бесконечных усилий руку,
воскликнул:

— Победа! Одна рука освободна. Я...— Неожиданно
накрывшая их волна не дала ему договорить.

После того как волны схлынули, страшная картина
разрушения открылась взору Фрике. Но зато теперь обе
ноги и одна рука Фрике были свободны. Он был просто
счастлив. Правда, вид Пьера Легалья, ноги которого были
высоко подняты, а лицо заливала кровавая пена, испугал
молодого человека.

— Пьер!.. Дружище!..— окликнул он со страхом.

Ответа не последовало.

— Пьер!.. Друг мой!.. Мой верный брат Пьер!..—

* Шпангоуты — ребра судна, к которым крепится наружная
обшивка. (Примеч. перев.)

Голос несчастного юноши, еще оглушенного накатившейся на него волной, обессиленного пережитыми мучениями, длившимися пятнадцать дней и ночей, полумертвого от голода и жажды, оборвался, и он зарыдал.

Но наш друг Фрике был не из тех молодых щеголей, которые падают в обморок. Не тратя времени на бесполезные стенания, предвидя вполне резонно, что на них сейчас обрушится новая волна, он стал изо всех сил трясти моряка, не подававшего никаких признаков жизни.

— Послушай, Фрике,— сказал он, обращаясь, как часто с ним это бывало, к самому себе,— Пьер лежит на левом боку и твоя правая рука еще связана, как же тут быть?.. А, все в порядке, кажется, выход найден. Сейчас я опущусь на пол со своей разбитой койки, повернусь слева направо и схвачу беднягу. Сделано.— Подтянув к себе за рукав блузы старого боцмана, молодой человек осторожно провел рукой по его лбу и обнаружил над левой бровью небольшой порез, откуда и текла кровь.— Это пустяки, если только нет ничего более серьезного. Главное, приподнять ему голову... Черт возьми, как теперь выбраться отсюда? А вот и новая волна.

В эту минуту желтоватые воды вновь прорвались через узкое отверстие в каюту. Фрике успел лишь, повернувшись спиной к пробоине, упереться руками и ногами в стену, зажав между коленей, чтобы смягчить удар, тело своего старшего друга. Связанная рука его посинела от усилий.

— Еще одна такая волна, и я потеряю руку! — В эту минуту бретонец испустил легкий вздох, и Фрике обрадованно воскликнул: — Он жив! Право, я был уверен, что такой старый морской волк из-за какой-то ерунды не отправится в последнее плавание.

— Осторожней... ребята. Ты сам знаешь, что старых моряков не спускают в трюм... Дай мне оглянуться... Капитан... Ты слышишь меня? Тысяча чертей! Воды! — бормотал в бреду Пьер Легаль.— У меня в горле все пересохло. Смотри-ка, это ты, сынок, это ты! Ах...

К боцману вдруг вернулось сознание, он увидел, что голова его лежит на коленях у Фрике, присевшего возле него в совершенно невообразимой позе, способной вызывать зависть у самого ловкого гимнаста.

— Что за дьяволыщина, где мы находимся? — проговорил Пьер с трудом.

— В нашей каюте, черт побери!

— А корабль?

— Сел на риф, дал течь, с ним все кончено.
— Ну что ж, прекрасно!
— Согласен. Для нас это единственная возможность выбраться отсюда.

— А экипаж... пассажиры?

— Не знаю...

— Что же нам делать?

— Как только ты немного придешь в себя, мы сразу же выберемся отсюда.

— Согласен, но как?

— Посмотрим. Сперва надо разработать план, а потом уж отправляться в плавание. Но времени на размышления у нас немного.

— Особенно с этим дьявольским душем. Смотри-ка, у меня идет кровь.

— Пустяки. Странно! Можно подумать, что это удар ножом. Ах, вот оно что!

— Ты о чем?

— Я и не думал, что попал в самую точку. Эта царапина на лбу сделана ножом. А вот и сам нож,— воскликнул торжествующе парижанин.— Он лежал на твоей койке. Ты поранил себе лоб о его лезвие. Но откуда он здесь взялся? Впрочем, это не важно! Во всяком случае, теперь я быстро разделаюсь с этими проклятыми снастями. Начнем, моряк, с тебя!

— Пóлно, сынок. Освободись сперва от этих пут ты, а потом уж и я. Ты должен послушаться меня как старшего.

— Хорошо,— ответил Фрике и тут же принялся разрезать толстые, крепкие канаты.

Несмотря на все его усилия, работа продвигалась медленно и прошло немало времени, прежде чем он смог заняться Пьером.

— Черт побери! Ну и крепкие веревки! С великим удовольствием повесил бы на них связавших нас негодяев. Я себе все руки порезал этим ножом с двойным лезвием.

— Хорошо, что он у нас есть... Поторопись, сынок, а то у меня все плавает перед глазами...

Через четверть часа крепкие веревки в конце концов были разрезаны, а вернее сказать, разодраны. Теперь и Пьер Легаль был свободен; он поднялся, шатаясь, потянулся, глубоко вздохнул, и широкая улыбка осветила его доброе лицо.

— Ладно, хватит стоять на якоре... Приготовились к бою!.. Все по местам.

— Я готов, Пьер. Операция будет не из легких, ведь мы с тобой давно не ели.

— Постараемся сперва спуститься в камбуз. Там мы, по крайней мере, найдем немного фасоли и несколько галет.

— Странно, на корабле царит полнейшая тишина. Можно подумать, что здесь нет ни души.

— Можешь не сомневаться, этот экипаж каторжников, увидев, что судно получило пробоину, поспешил его покинуть... Банда подлецов!

— А где же пассажиры?

— Вероятно, захлебнулись в трюме.

Фрике и Пьер ошибались: взломав дверь каюты и обойдя корабль, они увидели немало трупов, но среди них не было ни одного китайца.

— Им, видимо, удалось покинуть корабль,— с облегчением проговорил бретонец.— Конечно, здесь не обошлось без жертв. Борьба шла не на жизнь, а на смерть... Это была настоящая бойня,— добавил он с отвращением, глядя на окровавленные тела.

Триста китайцев, прежде чем покинуть корабль, на редкость быстро опустошили его, и, когда Пьер и Фрике выбрались из каюты, кули и след простыл. Но нашим друзьям повезло, они все-таки обнаружили бочонок пресной воды и немного галет, правда вымокших в морской воде.

Подкрепившись этим завтраком анахоретов*, французы сразу же принялись за дело — надо было подумать о собственном спасении. Пьер Легаль, переживший не одно кораблекрушение, не растерялся. Он сразу охладил пыл своего молодого друга, уже готового броситься в воду и поплыть саженками в сторону берега, который виднелся справа от них.

— Терпение, моряк, не следует торопиться. Мы ведь не знаем, каковы нравы здешних туземцев. Как бы нам не угодить в руки уважаемых «людоедов», любящих жаркое из путников.

— Ба!.. Это вполне возможно.

— С другой стороны, если я не ошибаюсь, здесь проходит очень сильное течение, и, если судить по тому, как плывет этот пустой бочонок, оно может вынести нас в от-

* Анахорет — отшельник, пустынный. (Примеч. перев.)

крытое море. И можно поручиться, что там нас не ждет стол, накрытый на семьдесят два куверта*.

— Так что же ты предлагаешь?

— Надо добраться до берега, а поскольку на корабле не осталось ни одной лодки, нам сперва следует построить плот, на что понадобится не больше часа.

— Твой план мне нравится. Мы без труда выберем из этого нагромождения обломков все необходимое. За работу, дружище...

И наши друзья принялись за работу. Вооружившись топором и пилой, Пьер Легаль распиливал, подбирал, подгонял нужные им доски, да и Фрике, болтая за четверых, работал за десятерых. Впрочем, старый моряк не уступал ему ни в остроумии, ни в работе.

— Гляди-ка, сынок, плот у нас будет на загляденье, не хуже, чем если бы его сделали на верфи. Раз уж так получилось, что мы не можем поймать на крючок этих подлецов, и раз все пошло прахом, не стоит вешать нос, тут ничего не поделаешь. Мы сделали все, что могли. Будем надеяться на лучшее. Нам еще подует попутный ветер.

— Конечно, старина, ты прав.

— Вот и прекрасно! Будь что будет, да здравствует удача! Ну, а деньги наших друзей мы как-нибудь вернем. Нам и не в таких переделках приходилось бывать!

— Да, конечно.

— Подумаешь, кораблекрушение! Если я когда-нибудь снова попаду на военный корабль, то будет что рассказать молодым морякам. А сейчас надо работать. Послушай, сынок, ты пока собери все, что нам может понадобится: ружья, патроны к ним, топоры, ножи, провизию, пилу, смену одежды... Карта тоже была бы не лишней. Так что принимайся за дело. А я сейчас сооружу короткую мачту. Вот и все. Останется натянуть кусок холста, и парус будет готов. Мы сможем пуститься в плавание, как на быстроходном трехмачтовом баркасе.

— Я все собрал, Пьер,— отпартовал в скором времени Фрике.— Этого, наверное, будет достаточно? Мы не собираемся пускаться в дальнее плавание. А еще я нашел в одном из ящиков французский флаг.

— Узнаю тебя, моряк,— ответил Пьер Легаль, суровое лицо которого осветила довольная улыбка, он был явно

* Куверт — прибор, сервировка для одного человека за парадным обеденным столом.

взволнован.— Ты не представляешь, как мне приятно снова его увидеть.

Затем просто и в то же время с достоинством старый боцман, сняв фуражку, спустил фал* и поднял флаг. Фрике также обнажил голову. Оба друга молча пожали друг другу руки. Теперь лишь толстый канат связывал плот с севшим на риф кораблем. Пьер, орудуя длинным веслом, которое было установлено на корме и должно было служить рулем, подал знак Фрике. Тот поднял топор и одним ударом перерубил канат.

— В добрый час! — воскликнул бретонец громовым голосом.

— Да здравствует Франция! — ответил Фрике

Плот медленно отошел, уносимый волной. Боцман, ловко орудуя веслом, делал все, чтобы не сесть на стремительно приближавшуюся мель. По его указанию Фрике, не выпуская из рук шкот**, дабы иметь возможность воспользоваться первым бризом, отдал парус. Плот, подгоняемый течением и легким ветром, обогнул риф и вошел в узкий фарватер, как бы образующий вход в бухту. Перед глазами наших друзей возникла восхитительная картина. Темные и тяжелые волны океана затихали прямо у входа в гавань, где вода была совершенно спокойной и настолько прозрачной, что сквозь нее было видно белое, гладкое. словно атласное, дно. Лишь у подводных рифов, расположенных полукругом внутри бухты, пенились легкие волны. Снаружи бухту ограждали от разбушевавшейся стихии невысокие коралловые скалы, которым были не страшны удары бушующего океана.

До берега оставалось метров пятьсот, не более. Быстро преодолев это расстояние, друзья высадились наконец на маленьком острове, затерянном в огромном водном пространстве.

— Ну что ж,— беззаботно бросил Фрике,— я уже в четвертый раз оказываюсь в роли робинзона, а как ты, Пьер?

— О, я давно не веду счет пережитым мною кораблекрушениям.

— Прекрасно, значит, у тебя большой опыт, и ты знаешь, как поступать в таких случаях. Давай в первую очередь обследуем, если ты, конечно, не против, часть

* Фал — снасть, при помощи которой поднимают на судах паруса, реи, флаги, сигналы и проч. (*Примеч. перев.*)

** Шкот — снасть, идущая от нижнего угла паруса и служащая для растягивания и управления им. (*Примеч. перев.*)

наших владений и приготовим себе обед. Я бы охотно подкрепился.

— Думаю, ты прав. Тем более что вот уже три дня, как мы не получали удовольствия.

— В книгах все робинзоны разжигают огонь с помощью кусков дерева: трут изо всех сил один о другой. Надо сказать, не очень удобный способ. Я только раз видел, как таким образом удалось разжечь костер, это было в Африке, на экваторе, а исполнителем был маленький чернокожий принц. Сегодня я могу предложить кое-что получше. Кремни, огниво и несколько метров фитиля. Эти стебли древовидного папоротника загорятся не хуже спичек.. Вот... Все в порядке. А теперь подумаем о жарком...

Сухой треск кустарника прервал речь Фрике: парижанин тут же схватил топор и приготовился к обороне. Треск повторился, казалось, кто-то в лесу перемалывает битый фарфор. Молодой человек сделал несколько осторожных шагов в сторону леса и остановился. У гигантских кокосовых пальм он увидел огромного краба, расправляющегося весьма оригинальным способом с волокнистой оболочкой, опутывающей орех. Не отрывая глаз от этого любопытного зрелища, Фрике бросился к крабу и, не обращая внимания на обе клешни, ловко оглушил его сильным ударом топора.

— Попался, мой милый! — воскликнул охотник радостно.

Затем, схватив длинную лиану, парижанин в мгновение ока связал добычу и вернулся к Пьеру Легалю.

— А вот, Пьер, и необходимое нам жаркое...

— Бог ты мой! Сегодня нам, кажется, повезло. Атлантический краб, и какой огромный! Его бы с луком да под белым соусом, пальчики оближешь!

— Восхитительно! Но у нас нет ни масла, ни лука, и мы съедим его просто испеченным.

— Это тоже очень вкусно.

— Господин Пьер Легаль, с каким чувством вы говорите сегодня о еде, я не знал, что вы такой гурман.

— Сынок,— наставительным тоном ответил старый боцман,— после стольких кораблекрушений начинаешь ценить простые радости жизни. Видишь ли, моряк на берегу должен гулять на славу. Сегодня мы наконец вырвались на свободу, это надо отпраздновать.

— Полностью с тобой согласен, дружище. Вот увидишь, когда наш краб будет отварен и съеден, я угощу тебя изысканными блюдами. Мы приготовим себе велико-

лепное пальмовое вино, и ты позабудешь о всех других напитках. Мне ведь не впервой оказываться в таком положении. Сколько воды утекло с тех пор, когда я впервые познакомился с жизнью робинзонов...

— Пока ты будешь готовить рагу из краба, думаю, неплохо было бы сходить за галетами и водкой, у нас есть небольшой запас на плоту. Надеюсь, ты не против?

— Конечно нет. Однако подожди минуту. Хотя мы в каких-то ста пятидесяти метрах от берега, надо прихватить с собой ружье. Нам не известно, обитаемый это остров или нет. А люди, живущие в этих широтах, как я уже говорил, слишком любят человеческое мясо... Если бы у нас от голода не подвело животы, следовало бы сперва обследовать этот остров, но ты же знаешь пословицу: соловья...

— ...баснями не кормят. А сам болтаешь без умолку. Все! Беру ружье и...

— Смотри-ка, что я говорил.

— Вот это да, негритос.

Высокий, абсолютной голый туземец, вооруженный копьем, бежал к ним, привлеченный, видимо, запахом поджаривающегося в своем панцире краба.

Увидев двух европейцев, он, испуганно выпучив глаза, остановился как вкопанный, затем огляделся по сторонам и растянул в улыбке рот, обнажив словно сделанные из черного дерева зубы.

— Тысяча чертей, до чего же он безобразен,— не выдержал Пьер.

— Извольте войти,— произнес Фрике самым любезным тоном.— Однако вы могли бы оставить свою алебарду* в прихожей.

ГЛАВА 4

Негр с черными зубами.— Ну и аппетит! — Вот вам и благодарность.— Платок Пьера Легалья мог послужить поводом для объявления войны.— Подводный разлом отделяет Азиатский континент от островов Океании.— Трудный, но зато верный способ изучить географию.— Град камней и холодное оружие.— Беспорядочное отступление первого экспедиционного корпуса.— Триста человек погибли от рук туземцев

* Алебарда — старинное холодное оружие в виде топоровидного лезвия, насаженного на длинное древко с копьём на конце

Негр испустил гортанный крик и стал медленно, осторожно приближаться, будто испуганный дикий зверь, который не в силах побороть жадного любопытства. Его большие, полные тревоги глаза с коричневатыми белками с интересом и страхом перебежали от одного европейца к другому. Приободренный тем, что ни Пьер, ни Фрике не сделали ни одного движения и как бы застыли на месте, он вытянул вперед свой сухой черный палец и дотронулся им до лица молодого человека, белая кожа которого так изумила его. Видимо, решив, что наши друзья выкрасились в белый цвет, дабы повеселить окружающих, славный островитянин отступил на два шага, отбросил свое копье, схватился обеими руками за живот и громко расхохотался. Затем, охваченный приступом неудержимого веселья, он упал на траву и стал кататься по земле, потом вскочил, подпрыгнул несколько раз, снова упал, и все его тело стали сотрясать странные конвульсии.

— Он ведет себя несколько фамильярно,— заметил Фрике,— но нрав у него веселый.

— Что делать,— отозвался Пьер, сохраняя обычную невозмутимость,— ему, вероятно, еще никогда не доводилось видеть белых, и он думает, что мы свалились с луны. Взгляни-ка, дружок, какие у него черные зубы!

— Это из-за привычки жевать бетель*.

— А не пригласить ли его пообедать с нами?

— Отличная мысль! Наш краб уже готов, прошу к столу...

Пьер разрубил пополам огромного краба, отрезал широкий лист, положил на импровизированное блюдо огромный аппетитный кусок белого мяса и протянул его неожиданному гостю. Тот не заставил себя упрашивать и жадно принялся уплетать угощение.

— Ну и обжора, ничего не скажешь.

— А зубы-то какие! Он с человеческой ногой управится так же легко, как с куриной ножкой.

— Ты думаешь, этот парень уже пробовал человеческое мясо?

— Смотри-ка, он требует вторую порцию!

— Получай, парень, я не собираюсь ставить тебе в упрек твой аппетит. Здесь еще по меньшей мере кило-

* Бетель — смесь пряных листьев перца бетеля с кусочками семян арековой пальмы и небольшим количеством извести. Используется как жвачка. От бетеля чернеют зубы. (Примеч. перев.)

граммов двадцать мяса. Ешь на здоровье, чувствуй себя как дома.

Четыре раза подряд туземец просил добавки. Наконец, к великой радости его терпеливых хозяев, наевшись до отвала, он подошел к ним поближе. Особенно заинтересовал его Пьер, от которого дикарь не в силах был оторвать глаз.

Старый боцман никак не мог понять, какая таинственная сила притягивает к нему их странного гостя; морской волк вытащил из кармана платок в крупную красную клетку и медленно его развернул. Удивлению туземца не было предела. Он буквально остолбенел при виде этого куса материи размером с небольшой парус. Ярко-красный цвет околдовал, вернее сказать, загипнотизировал его. Туземец протянул свою крючковатую руку, схватил платок и с силой потянул к себе. Но Пьер не разжал пальцев, а материя была крепкой.

— Руки прочь, парень. У меня остался лишь этот платок, я дорожу им, и на кой черт он тебе сдался, когда у тебя сквозь ноздри продета кость в шесть дюймов длиной. Знаешь,— обратился Пьер к Фрике со смехом,— когда я был юнгой, на бушпритах* ставили еще четырехугольные паруса. Готов поклясться, что, глядя на эту ввинченную в носовую перегородку безделушку, вспоминаешь старые добрые времена... Ну, перестань, парень, это еще не значит, что ты должен разорвать мой платок.

Но туземец, видя, что ему не отдают предмет его вожделений, отскочил назад, схватил копье и метнул его в безоружного Фрике.

Молодой человек левой рукой машинально отвел удар. К счастью, оружие натолкнулось на какой-то предмет, и наконечник раскололся. Безоруженный островитянин остолбенел на мгновение, испугавшись не без основания вполне справедливого наказания, а также пораженный неуязвимостью людей с белой кожей, правда, придя в себя, он тут же исчез в чаще.

— Я счастливо отделался,— воскликнул Фрике.— Право, должно поставить свечку нашему американскому пирату.

— С чего это, моряк? — взволнованно спросил Пьер

* Бушприт — горизонтальный или наклонный брус, выставленный вперед с носа парусного судна, служит главным образом для вынесения вперед носовых парусов для улучшения маневренных качеств судна. (Примеч. перев.)

Легаль, его друг чудом избежал опасности, и это не на шутку встревожило боцмана.

— Все очень просто. Если бы этот безбожник не прикрепил нас снастями к койкам, я бы не стал целых пятнадцать дней и ночей тереться веревкой, связывающей мне руки, о крюк моей койки. Второпях, когда мы готовились покинуть корабль, я позабыл о просмоленном пеньковом brasлете, в самую середину которого и попало копьё.

— Тысяча чертей! Нет худа без добра.

— Он бы пробил мне руку и, чего доброго, попал бы в артерию, а копьё могло быть отравлено.

— Надо быть начеку, сынок. Или я ошибаюсь, или нас очень скоро посетит целый отряд этих хищников. Мне стоило бы отдать ему платок.

— Ну нет. Этот кусок красной материи, разорванный на множество полосок, ещё сослужит нам службу. Теперь, когда война объявлена, следует, как ты сам это сказал, быть настороже, если мы не хотим попасть на вертел. Посмотрим, какое у нас есть оружие. Два топора, две абордажные сабли (в случае необходимости они могут нам пригодиться), ещё два ружья и ножи. Прекрасно. Мы вполне можем отразить удар. Сейчас нам надо вернуться на плот и укрыть наши припасы. Если на нас нападут, мы постараемся стать на якорь в бухточке и будем защищаться.

Настороженно прислушиваясь к каждому шороху, вглядываясь в чащу леса, оба друга продолжали обсуждать все, что с ними только что произошло.

— Теперь все ясно. Эти лихие парни — каннибалы*, — резюмировал Пьер.

— В этом можно не сомневаться. Я несколько не удивился бы, узнав, что они делают себе украшения из человеческих костей.

— Но этот совсем не похож на тех дикарей-африканцев, которых мне приходилось встречать, — кожа гораздо светлее, огромная шапка густых и, что необычно, прямых волос... да и нос у него длинный, а не приплюснутый, как у обитателей Гвинеи.

— Bravo, Пьер! Ты дал удивительно точное описание папуаса.

— Да? Приятно слышать. А что за птицы эти папуасы? Расскажи, если можешь. Я с удовольствием послушаю.

— Готов удовлетворить твоё любопытство. Видишь

* Каннибалы — людоеды.

ли, во время нашего первого плавания из Марселя на Суматру господин Андре заставил меня основательно изучить этот вопрос.

— Начинай. Но не следует забывать, что нам надо держать ухо востро.

— Я прочел об этом в одной книге, переведенной с английского, написал ее некий Рессель Уоллес*, отважный человек, который путешествовал в этих краях. Господин Уоллес, изучив по картам глубину этой части океана, расположенной между Индокитаем, Новой Гвинеей и Австралией, где имеется множество островов и островков, пришел к выводу, что вся она находится на двух плато разной высоты. Разница хоть и не велика, все-таки весьма значительна. Так, одно из этих плато, расположенное на востоке, находится на глубине, превышающей сто морских саженей; другое, на западе,— на глубине всего лишь пятидесяти саженей.

— Можно сказать, что по одну сторону воды едва хватало бы, чтобы принять ножную ванну, а по другую ее столько, что ничего не стоит затопить клотик** и грот-мачту старого трехпалубного корабля.

— Между подводными плато находится разлом, глубину которого и по сей день лот не сумел определить. Разлом тянется от юго-запада к северо-востоку. По этому бездонному ущелью проходит сильное течение, идет оно между островами Бали и Ломбок, между островами Борнео и Целебесом***, между Филиппинскими и Молуккскими островами.

— Надо бы это запомнить. Плывая по течению, легко управлять кораблем. Однако как ты много знаешь, парень.

— О, у меня всего лишь неплохая память,— скромно ответил Фрике.— Я всегда очень любил географию. Но слушай дальше. Одно из плато, то, которое ниже, является продолжением Индии, то есть Азии. Другое, видимо, является продолжением Австралии. Вероятно, и сама Австралия, и острова Восточной и Южной Океании — всего лишь остатки какого-то большого континента, опустившегося под воду.

Итак, перед нами два разных континента, разделенных

* Уоллес Альфред Рессель (1823—1913) — английский естествоиспытатель, один из основоположников зоогеографии. Исследовал флору и фауну Малайского архипелага. (*Примеч. перев.*)

** Клотик — деревянная или металлическая деталь закругленной формы, насаживается на верх мачты или флагштока. (*Примеч. перев.*)

*** Современное название острова Целебес — Калимантан.

подводным ущельем. Вот почему так различны и флора и фауна этих мест. На западе, то есть на островах Суматра, Бали, Ява, Борнео, на Филиппинских островах мы встречаем слонов, носорогов, орангутанов и тех птиц, которых мы видим в Азии. Живут там представители малайской расы, цвет лица у них темно-коричневый с оливковым или красноватым оттенком, сами лица плоские, носы правильной формы и, так же как и скулы, широкие, волосы черные, гладкие, прямые, борода редкая, роста они маленького, по природе недоверчивы и не очень приветливы, нрава спокойного, невозмутимого.

— Bravo, сынок. Я прямо вижу того малайца, с которым имел дело на Суматре. Именно так.

— По другую сторону от этого разлома*, о котором я тебе говорил, то есть начиная с острова Ломбок,— совсем другой мир. Растения здесь те же, что в Австралии и Новой Гвинее. Местные жители — папуасы (одного из них мы только что видели). Но будучи представителями негроидной расы, они, как ты сам это только что заметил все же существенно отличаются от жителей Африки; кожа у них цвета сажи, волосы не вьются мелким бесом, а курчавятся, носы длинные, заостренные. Папуасы по природе приветливы, веселы, говорят быстро, громко, общительны и, на удивление, деятельны.

— К несчастью, они не слишком уважают чужую собственность и, видимо, чересчур любят своих ближних под соусом,— прервал его Пьер Легаль.

Во время этой интересной лекции по географии и этнографии, указывающей на то, что молодой человек не даром потратил те редкие свободные часы, которые выпадали на его долю, наши друзья не сидели сложа руки. Пряча в расщелины между мадрепоровыми скалами привезенный на плоту груз, стараясь придать тайникам естественный вид, чтобы сбить с толку самых хитроумных следопытов, старый боцман не переставал наивно восторгаться познаниями своего друга.

— Как ты много знаешь, сынок! Каким образом, черт возьми, удалось тебе все это запомнить? Я всегда знал, что ты — веселый малый, отличный моряк и, несмотря на то, что родился в Париже, ведешь себя как заправский марсовой матрос**. Одним словом, ты из наших, как будто

* Эту границу ученые называют линией Уоллеса.

** Марсовой — матрос, находящийся на марсе — площадке на верху мачты или нижнего колена составной мачты для наблюдения за

появился на свет в Конке или Сен-Мало*, тут все ясно. Но теперь я не знаю, что и думать; все эти удивительные истории известны тебе не хуже, чем мне мой устав.

— Полно, Пьер, ты явно преувеличиваешь...

— Да нет. Я потратил не знаю сколько лет, чтобы выучить назубок то, что должен знать боцман. И уложилось это у меня в голове только потому, что иначе невозможно было бы работать. Когда же я попробовал сунуть нос в книги, где говорилось о вещах мне далеких, я, простите, ничего не понял. Но вот что интересно. Когда ты мне это растолковал, все стало понятно и все у меня здесь осталось,— сказал бретонец, касаясь пальцем головы.

— Мне очень мало что известно, дружище. На свете столько вещей, о которых я и понятия не имею. Даже неловко слушать, как ты меня хвалишь... Хочешь знать, как я все это выучил? Бог мой, проще простого. К семнадцати годам, до того как пристраститься к путешествиям, я уже перепробовал множество профессий, но ни одна из них не пришлась мне по душе. К этому времени, познакомившись со всеми фонтанами Парижа, потому что водой из этих фонтанов приходилось запивать хлеб, я вдруг увидел в театре Порт-Сен-Мартен спектакль «Вокруг света в восемьдесят дней» и совсем потерял голову. Я приехал в Гавр, имея сто су в кармане, с желанием совершить кругосветное путешествие, как герой Жюль Верна. Невроятно, но это мне удалось.

Сначала я был помощником кочегара на океанском пароходе, потом кочегаром, потом нанялся на грузовое судно и попал в плен к каннибалам на берегах реки Огове во Французской Экваториальной Африке. Прodelав пешком уж не знаю сколько тысяч километров по этому загадочному континенту, я оказался в компании торговцев невольниками. Мне удалось пересечь всю Южную Америку, побывать в аргентинской пампе**. Меня пытались повесить, утопить в лагунах... Спасаясь от краснокожих, я, сам соорудив аэростат, преодолел Кордильеры. Я взбирался на рей, ездил на лошадях, сражался с пиратами...

— Почему же ты сказал, что это проще простого?

— А вот, слушай дальше. За время своих странствова-

горизонтом, а на парусных судах, кроме того, для работ по управлению парусами. (Примеч. перев.)

* Сен-Мало — порт на северо-западе Франции. (Примеч. перев.)

** Пампа (пампасы) — субтропические степи в Южной Америке, главным образом в Аргентине. (Примеч. перев.)

ний по нашей земле я приобрел трех друзей. Трех настоящих друзей: господина Андре, доктора Ламперьера и господина Буало. Кроме того, я нашел брата в твоём лице и сына в лице нашего маленького чернокожего принца... И вот мне захотелось привести в порядок свои воспоминания, но я не знал, с чего начать. И тут на помощь пришел господин Андре. Велев на время позабыть обо всем, он поставил передо мной глобус величиной с большой мяч, дал в руки хороший учебник географии и сказал: «Принимайся за работу». Так я начал учиться.

Ну и дырявая была у меня голова! Боясь неуспеха, я тайком стал заниматься еще и по ночам: заткнув уши, ставил перед собой книгу и, облокотившись о стол, заучивал наизусть слово в слово проклятый учебник. Дурацкая работа... Нет, я не то хотел сказать, работа не может быть дурацкой. Просто мне казалось тогда, что это — бесполезная трата времени. Но я ошибался.

В скором времени я стал невольно задумываться, стараясь понять смысл заученных мною слов. Затем дошла очередь и до глобуса. Я брал каждый квадрат, образованный пересечением меридианов и параллелей, заучивал все названия, которые находились в этих квадратах, запоминал контуры берегов, течение рек, расположение гор и государственных границ. Это была настоящая китайская грамота, но я все-таки справился и с глобусом.

Господин Андре, взявший на себя роль моего учителя, отличался редким терпением. «Фрике, закрой теперь учебник, повернись спиной к глобусу и по памяти начерти маршрут своего кругосветного путешествия», — сказал он мне однажды. Какой ужас! Даже чуть было не попав на вертел, я не был так растерян. Смущение мое не знало границ, но добрая улыбка господина Андре придала мне храбрости. Схватив чистый лист бумаги и карандаш, я постарался изобразить меридианы и параллели и указать те места, где мне довелось побывать.

Не могу сказать, сколько времени ушло на эту работу. Может быть, час, а может быть, целый день, не знаю. Когда я кончил, господин Андре все еще продолжал улыбаться. Меня же буквально трясло, как в лихорадке. Он взял мой чертеж, внимательно изучил его, протянул мне руку и сказал «спасибо» каким-то странным голосом. Можно было подумать, что он у него дрожит. «Благодарю тебя, Фрике. Ты доставил мне огромную радость, нечасто приходится такое испытывать». Знаешь, меня не так просто растрогать, но я был растроган: мне захотелось заплакать.

Это было два года назад, Пьер. Я не забыл слов моего учителя, они стали для меня лучшей наградой. Нет ничего удивительного, что благодаря упорным занятиям я смог приобрести кое-какие знания...

Оба друга, предавшись приятным воспоминаниям, утратили бдительность. Но тут сухой звук, звук упавшего величиной с кулак камня, вернул их к действительности.

— Как вам это нравится? Камни в наш огород! — воскликнул парижанин, никогда, даже в минуту опасности, не терявший чувства юмора.

Второй базальтовый камень просвистел совсем рядом и упал где-то в бухте. Человек десять островитян, воинственно размахивая копьями, вышли из леса и остановились шагах в сорока от друзей. Пьер Легаль спокойно поднял брошенный в них первый камень, вытянул руку и резким движением так ловко отправил камень обратно, что тот упал посреди группы.

— Хотя это оружие вам хорошо известно, мои славные друзья, не вам состязаться со мной в ловкости. Будучи еще безусым юнгой, я не имел себе равных в бросании камней.

«Друзья», как назвал их Пьер, посоветовались с минуту и, убедившись, что у белых нет более опасного оружия, бросились на них, выставив вперед свои копья. Но моряки одновременно выхватили свои абордажные сабли и, встав спиной к спине, приготовились к бою — великолепный маневр, который должен был сорвать всякую попытку их обойти.

— Осторожно! Раз... Два... — проговорил бретонец, вертя в руках свою саблю, в ту минуту, когда группа чернокожих набросилась на них.

— Раз... Два... — отозвался Фрике.

Послышался звон металла, и четыре костяных наколенника упали на землю, а бесполезные теперь древка остались в руках озадаченных воинов.

— Ну что, получили?

— Вот мы какие!

— Кто следующий?

Ловко работая сверкавшими на солнце саблями, французы выбили из рук туземцев их «алебарды», не нанеся при этом им самим ни одной царапины.

— Ну что же, ребятаки, — воскликнул Фрике с издевкой, — если у вас лишь эти камешки, которыми только сливы сбивать с деревьев, да рыбы кости, насаженные на жерди, незачем было объявлять войну. Тем более, как вы видите, мы — славные парни и если бы вдруг захотели

отрубить вам руки, это не составило бы для нас большого труда. Так и быть, отправляйтесь домой, будьте умниками и дайте нам спокойно закончить наши дела.

Нападавшие, удивленные этим потоком слов и потрясенные оказанным им сопротивлением, удалились, злобно ворча.

— А ну-ка, живее, поторапливайтесь, а то придется помочь вам найти дорогу. Спокойной ночи! Вы были очень любезны.

Солнце уже садилось на горизонте и, как всегда это бывает в районах, близких к экватору, через несколько минут уже невозможно было что-либо рассмотреть в ночи.

Пьер и Фрике перебрались на плот, устроились там поудобнее и сразу же уснули. Но спали они очень чутко, держа, как говорится, ухо востро. Часа два спустя их разбудили страшные крики. Друзья тут же схватились за ружья и приготовились к обороне.

Где-то недалеко в лесу горели костры. Крики становились все громче и громче.

— Тысяча чертей! — прошептал Пьер Легаль. — Они, видимо, убивают друг друга. Это что-то ужасное. Думаю, если бы кожу сдирали живьем с нескольких сот человек, то и тогда мы бы не слышали такого крика.

— Это и впрямь что-то невообразимое, — отозвался Фрике. — Уж не готовятся ли они напасть на нас? Нет, вряд ли! Это кричат люди в предсмертных муках!

— Что же делать?

— Ах, черт побери, нам следует пойти туда! Эти проклятые туземцы наверняка не имеют понятия об огнестрельном оружии. У них нет даже луков, одни только копья, каменные топоры и камни, их нечего бояться.

— Ты прав. Может быть, им в руки попали те, кто уцелел во время кораблекрушения. Кто знает, нет ли там и наших китайцев.

На несколько секунд в лесу установилась тишина, затем отрывистые, хриплые, сдавленные крики людей, которых подвергают смертельным пыткам, возобновились. Но скоро все заглушил адский вой — победный рев диких животных, захвативших добычу. В небо взметнулись кровавые языки пламени, костры, видимо раздуваемые обезумевшей толпой, запылали с новой силой.

Повинуясь велению сердца, оба моряка тут же покинули плот. Не думая об опасности, забыв, что рискуют собственной жизнью, они продирались сквозь лианы, натыкались на скалы, бежали в темном лесу, готовые пожертвовать собой ради спасения этих несчастных, страшные жалобы которых приводили их в ужас.

Наконец друзья добрались до широкой поляны, ярко освещенной пылающими хвойными деревьями. Немало повидав на своем веку и зная, на какие жестокости способны дикари, они все же содрогнулись при виде картины, открывшейся их взору: все китайцы с борта «Лао-цзы» находились здесь, на этой поляне, во власти ликующих папуасов. Они подвесили их к нижним ветвям окружавших поляну деревьев, так что ноги их почти касались земли. И вся толпа островитян, не меньше восьмисот человек, мужчин, детей и женщин с неслыханной, изощренной жестокостью набросились на этих еще живых китайцев, нанося несчастным удары, чтобы выпустить из них кровь, как это делают на бойне. Они собирали эту кровь в калебасы* и тут же принимались ее пить с жадностью диких животных.

Среди этих окровавленных, изуродованных тел со вспоротыми животами танцевали и пели обезумевшие от радости каннибалы.

ГЛАВА 5

*Первые открытия в Океании.— Мореплаватели XVI, XVII, XVIII веков.— Магеллан**, Менданья де Нейра***, Мендоса****; Дрейк*****, Кавендиш*****.— Фернандес де Ку-*

* Калебас — сосуд из плода калебасового дерева (или тыквы) для хранения напитков в Африке, Южной Америке, Новой Гвинее (Примеч. перев.)

** Магеллан Фернан (ок. 1480—1521) — португальский мореплаватель, экспедиция которого совершила первое кругосветное путешествие под португальским флагом. В 1519—1521 годах руководил испанской экспедицией по поиску западного пути к Молуккским островам. Обогнув Южную Америку, открыл пролив, названный его именем, вышел в Тихий океан (1520), достиг Филиппинских островов, где был убит в схватке с местными жителями. Спутники его вернулись в Испанию, обогнув с юга Африку. (Примеч. перев.)

*** Менданья де Нейра Альваро (1541—1595) — испанский мореплаватель. Исследовал крупные острова в группе Соломоновых островов (1567—1569), четыре острова в группе Маркизских островов и острова Санта-Крус. (Примеч. перев.)

**** Мендоса Педро (1487—1537) — испанский мореплаватель, руководил испанской экспедицией, отправленной по следам С. Кабота на Ла-Плату. (Примеч. перев.)

***** Дрейк Фрэнсис (ок. 1540—1590) — английский мореплаватель и пират. Совершил ряд разбойничьих нападений на портовые города Испанской Вест-Индии. В 1577—1580 годах совершил второе после Магеллана кругосветное путешествие. (Примеч. перев.)

***** Кавендиш Томас (1560—1592) — английский мореплаватель, совершил кругосветное плавание (1586—1588). Прошел Магеллановым проливом из Атлантического океана в Тихий океан, поднялся вдоль

*рос**, *Торрес***, *Ле-Мер****, *Схаутен*****, *Карпентер******,
*Абел Тасман******, *Роггевен******, *командор Байрон*, *Уол-*
*лис******, *Картерет****** и *Дампир******. — *Кук!*
*Бугенвиль! Лаперуз! — Д'Антракasto, Боден******, *Кру-*

берегов Чили, Перу, Мексики до полуострова Калифорния. Через Тихий океан вернулся в Англию. Посетил во время своего плавания Филиппины и Яву. (*Примеч. перев.*)

* Кирос Педро Фернандес де (1565—1615) — португальский мореплаватель на испанской службе. В 1605—1606 годах возглавил экспедицию для поисков мифической «Южной земли» (Австралии). Открыл атоллы из архипелага Туамоту, остров Эспириту-Санту (Новые Гебриды), которые принял за часть «Южной земли». (*Примеч. перев.*)

** Торрес Луис (1560—1614) — испанский мореплаватель. Участник экспедиции П. Кироса 1605—1606 годов. Описал южный берег Новой Гвинеи и пролив между Новой Гвинеей и Австралией, названный его именем. (*Примеч. перев.*)

*** Ле-Мер Якоб (1585—1616) — голландский купец и мореплаватель. В 1615—1616 годах вместе с В. Схаутеном руководил экспедицией. Нанес на карту острова Эстадос на крайнем юге Южноамериканского материка, ряд атоллов и островов в Тихом океане и первым из европейцев обогнул мыс Горн. (*Примеч. перев.*)

**** Схаутен Виллем Корнелис (1580—1625) — голландский мореплаватель, возглавил вместе с Я. Лемером экспедицию в Океанию. (*Примеч. перев.*)

***** Карпентер Питер (1588—1659) — голландский мореплаватель и государственный деятель, возглавил экспедицию в Австралию, губернатор Нидерландской Индии. Его имя носит залив на северо-востоке континента, залив Карпентария. (*Примеч. перев.*)

***** Тасман Абел Янсзон (1603—1659) — голландский мореплаватель, исследователь Океании и Австралии (1644). Нанес на карту остров, названный его именем (Тасмания), западный берег Новой Зеландии, острова Тонга и др. Доказал, что Австралия — единый массив суши. (*Примеч. перев.*)

***** Роггевен Якоб (1659—1729) — нидерландский мореплаватель. В 1721 году предпринял кругосветное плавание, нанес на карту остров Пасхи, остров Товариществ, посетил острова Туамоту, Самоа и Яву. (*Примеч. перев.*)

***** Уоллис Эмюэль (1728—1795) — английский мореплаватель. В 1766 году возглавил экспедицию по исследованию южной части Тихого океана, в ходе которой в 1786 году открыл ряд островов в архипелаге Туамоту и остров Туамоту. (*Примеч. перев.*)

***** Картерет Филипп (год рождения неизвестен — 1796) — английский мореплаватель, принял участие в экспедиции Уоллиса, но вскоре потерял с ним связь, продолжал плавание самостоятельно и пересек Тихий океан. В 1767—1768 годах открыл остров Питкерн и несколько островов в архипелагах Туамоту, Соломоновых, Санта-Крус и Бисмарка, обнаружил пролив между островами Новая Гвинея и Нова Гвинея (пролив Георга). (*Примеч. перев.*)

***** Дампир Уильям (1652—1715) — английский мореплаватель и пират, совершил три кругосветных плавания. У берегов северо-западной Австралии открыл группу островов, названных его именем. Составил описание и карты южных районов Тихого океана. (*Примеч. перев.*)

***** Боден Никола (1754—1803) — французский мореплаватель

зеништерн* и Коцебу**. — Фрейсине***, Боден****, Дюмон-Дюрвиль*****. — Пиришество каннибалов — Слишком поздно. — Из всех китайцев уцелел только один. — Юнга с «Лао-цзы»

Если не принимать в расчет пустынные, окруженные непроходимыми льдами, расположенные на пути к Северному и Южному полюсам, очертания континентов, больших и малых островов уже достаточно известны — все они занесены на карты с характерной для гидрографических описаний точностью, и теперь требуется лишь более детальное их изучение, что также немаловажно.

Эпоха великих первооткрывателей отошла в прошлое: имена Колумбов*****, Магелланов и Куков принадлежат

конца XVIII и начала XIX в. В 1800—1802 годах был начальником экспедиции в Австралию. В 1801 году его экспедиция нанесла на карту на западе Австралии полуостров Перно, а на северо-западе — залив Жозеф-Бонапарт. В 1802—1803 годах Боден обследовал южное побережье Австралии и открыл остров Кенгуру, обошел также «Вандименову землю», доказав, что это не часть Австралии, а остров Тасмания (*Примеч. перев.*)

* Крузенштерн Иван Федорович (1783—1846) — русский мореплаватель, адмирал. Член-учредитель Русского географического общества. Начальник первой русской кругосветной экспедиции (1803—1806) Автор «Атласа Южного моря». (*Примеч. перев.*)

** Коцебу Отто Евстафьевич (1788—1846) — русский мореплаватель В 1803—1806 годах участник кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерна. Всего совершил три кругосветных плавания. Нанес на карту ряд островов в Тихом океане, побережье и залив на западе Аляски, названный его именем. (*Примеч. перев.*)

*** Фрейсине Анри де Сольс де (1777—1840) — французский мореплаватель, принимал участие в экспедиции капитана Бодена в Новую Голландию. (*Примеч. перев.*)

**** Боден Луи-Анри (1777—1840) — французский адмирал, принимал участие в экспедиции капитана Бодена в Новую Голландию (*Примеч. перев.*)

***** Дюмон-Дюрвиль Жюль Себастьян Сезар (1790—1842) — французский мореплаватель и океанограф. В 1826—1828 годах совершил кругосветное путешествие на судне «Астролябия», обнаружил следы погибшей экспедиции Лаперуза, исследовал острова Океании В 1837—1840 годах руководил экспедицией в Антарктику, открыл остров Жуанвиль, земли Адели, Луи-Филиппа, Кларии. (*Примеч. перев.*)

***** Колумб Христофор (1451—1506), мореплаватель, родился в Генуе. В 1492—1493 годах руководил испанской экспедицией для поисков кратчайшего морского пути в Индию, пересек Атлантический океан и достиг 12 октября 1492 года острова Сан-Сальвадор, позднее — других: Багамских островов, Кубы, Гаити. В последующих экспедициях (1493—1496, 1498—1500, 1502—1504) посетил Большие Антильские острова, часть Малых Антильских островов и побережье Южной и Центральной Америки. (*Примеч. перев.*)

отныне истории. И тем не менее, возможно, никогда еще человечество не было охвачено такой жаждой открытий, как в наши дни. Буквально соревнуясь между собой, бесстрашные путешественники и исследователи, не раздумывая, позабыв о неслыханных трудностях, об опасностях, подстерегающих их на каждом шагу, бросаются на встречу неизвестности, с упорством мучеников и героев, стараясь добыть новые сведения о нашей Земле.

Противоречат ли последние слова тому, что было сказано выше? Дело в том, что славные мореплаватели XVI, XVII и XVIII веков действительно проложили новые морские пути и открыли неизвестные до того континенты. Эра географических открытий была окончена, но начатое ими требовало завершения. Человек XIX века оказался как бы перед гигантской стеной, за которой простирается бесконечное поле незнаемого. И теперь, в наши дни, на смену эпохе мореплавателей пришла эпоха исследователей. XIX веку выпала сложная задача — завершить открытие нашей Земли. Это будет одной из самых славных страниц в истории человечества. Приподнять вуаль, скрывающую лицо черной девственницы, таинственной Африки, увидеть песчаные пустыни и густые леса Австралии, исходить берега могучей реки Амазонки, проложить дорогу среди бесконечного множества островов и островков, образующих неповторимую Океанию, — такова многотрудная задача, которую ставят перед собой наши многочисленные современные исследователи и путешественники. И хоть многие на этом пути погибают, мы должны признать, что варварство и невежество отступают перед ярким светочем знаний, и когда этот светоч выпадает из рук умирающего, его тут же подхватывают сотни мужественных рук.

Сегодня, пресыщенное рассказами о жестоких кровавых драмах, общество интересуется мирными победами цивилизации, забыв о подвигах первых путешественников, бесстрашно проложивших дорогу современным аргонавтам*. И поскольку наше правдивое повествование привело нас в Океанию, расскажем хотя бы вкратце, кому мы обязаны открытием этих далеких земель.

Первым, кто отважно отправился в плавание по бескрайнему океану в надежде проложить дорогу будущим

* В древнегреческой мифологии аргонавты — герои, совершившие на корабле «Арго» плавание к берегам Колхиды за золотым руном; аргонавтами называют смелых мореплавателей. (Примеч. перев.)

мореплавателям, был португалец Магеллан, состоявший на службе у испанского короля. Его-то и отправил Карл V на поиски южного пути в Тихий океан. Магеллан покидает Испанию с пятью кораблями. Но во время плавания три капитана поднимают бунт. У Магеллана остается лишь два корабля. Он тяжело болен, разбушевавшееся море угрожает их безопасности. Но ничто не может остановить мореплавателя. 21 октября 1520 года он входит в пролив, который носит с тех пор его имя, и оказывается в Тихом океане. Затем корабли направляются к экватору и пересекают его в девяти тысячах восьмистах пятидесяти милях от пролива, близ 170° восточной долготы от Парижского меридиана. Так была открыта большая группа островов, расположенных на $13^{\circ}20'$ северной широты, названная, поскольку жители их проявляют склонность к воровству, островами Воров (сегодня эти острова называются Марианскими). Магеллан не смог воспользоваться плодами своих трудов. Он был убит 5 апреля 1521 года в схватке с местными жителями, защищая вождя племени от его соплеменников*.

Испанские мореплаватели предпринимают несколько неудачных попыток достичь островов Пряностей, и вот Альваро де Сааведра**, уже на обратном пути в Мексику, в сотне лье от острова Джайлоло, обнаруживает большой остров и, полагая, что остров расположен напротив африканской Гвинеи, называет его Новой Гвинеей***.

Затем наступает очередь Менданы де Нейра и Мендосы; они открывают в Тихом океане группу островов, которые получают, ввиду их природных богатств, название Соломоновых островов, они также открывают острова Санта-Исабель и Малаита, а затем и Маркизские острова, где позднее побывают Кук (1794), Маршан**** и Ванкувер*****, Крузенштерн (1804) и другие.

* Автор ошибочно называет дату гибели Магеллана. Он был убит 27 апреля 1521 года. Испанцы пытались оказать поддержку принявшему христианство правителю острова Матан (см.: Пигафетта А. Путешествие Магеллана. М., 1950).

** Сааведра Альваро (год рождения неизвестен — 1529) — испанский мореплаватель. В 1527—1529 годах Сааведра нанес на карту несколько островов, часть Маршалловых островов и островов Адмиралтейства.

*** Ошибка автора: Сааведра, проходя в 1528 году мимо Большой Земли, назвал ее «островом Папуасов».

**** Маршан Этьен (1755—1793) — французский мореплаватель, описал ряд островов в составе Маркизских островов. (Примеч. перев.)

***** Ванкувер Джордж (1757—1798) — английский мореплаватель, участник 2-й и 3-й экспедиций Дж. Кука. В 1790—1795 годах —

Знаменитый английский адмирал Дрейк повторяет в 1577 году смелый план Магеллана. Плавание его длится три года, на своем пути он открывает целый ряд островов, но, к сожалению, не слишком точно наносит их на карту. В 1586 году Томас Кавендиш совершает кругосветное плавание. Он отправляется из Плимута, пересекает Атлантический океан, проходит Магеллановым проливом Тихий океан, бросает якорь у островов Воров и возвращается в Европу, обогнув Молуккские острова и мыс Доброй Надежды.

Такова вкратце история первых географических открытий XVI века. В XVII веке открытий становится больше, а описания новых земель — достовернее.

Лоцман Менданти де Нейра Фернандес Кирос — первый в этой блестящей эпохе. Он открывает остров Саггитария, — теперь это остров Таити*, — затем остров Будуар, позднее повторно открытый Бугенвилем, и, наконец, Землю «Духа Святого» (остров Эспириту-Санту), названную позднее Бугенвилем Новыми Циклидами, а после него Куком — Новыми Гебридами.

Торрес, участник экспедиции Кироса, берет затем курс на Восток, тогда как сам Кирос направляется в Мексику, проходит между Новой Голландией** и Новой Гвинеей и дает свое имя проливу, разделяющему эти два острова (1608).

В 1616 году голландцы Я. Ле-Мер и В. Схаутен обнаруживают к югу от Магелланова пролива новый пролив, который носит теперь имя Ле-Мера, они первыми огибают мыс Горн и открывают остров Худ, или остров Псов, Кокосовые острова, остров Предателей (позднее эти острова посетит капитан Уоллис и назовет Кокосовые острова островом Боскавен, а остров Предателей — Кеппел) и группу островов Новая Ирландия.

Тогда как ряд исследователей, среди них Карпентер***, изучают различные районы того континента, который в наши дни называется Австралией, другой голлан-

руководитель кругосветной экспедиции, исследовал тихоокеанское побережье Северной Америки. (*Примеч. перев.*)

* Современные ученые считают, что отождествить Саггитарию с каким-либо определенным островом невозможно.

** Новой Голландией называли в те годы нанесенное на карту западное побережье Австралии. Восточное побережье было открыто позднее Джеймсом Куком, который назвал его Новым Южным Уэльсом. (*Примеч. перев.*)

*** Питера Карпентера вряд ли можно назвать исследователем; он был типичным колониальным администратором.

дец, Абел Тасман, открывает у юго-восточного побережья Австралии остров, носящий теперь его имя*, и Новую Зеландию. Кроме того, он также открывает остров Амстердам, названный позднее Куком Тонго-Табу, и ряд других островов в составе островов Товарищества и островов Фиджи, острова Отон-Ява и Принца Вильгельма, остров Роттердам, ныне называемый Анамуша, острова Марка, Антуана, Гарднера и другие. (Тасман завершил свое знаменитое плавание в Батавии 15 июня 1643 года, пройдя вдоль берегов Новой Гвинеи.)

С каждым годом множится число географических открытий. В 1663 году английская экспедиция пристает к Галапагосским (Черепашьим) островам. Английский мореплаватель Дампир дает свое имя проливу, отделяющему Новую Британию от Новой Гвинеи, а голландский адмирал Роггевен открывает остров Пасхи, который позднее посетит Кук, открывший затем в восьмистах милях от них остров, названный им Губительным, поскольку мореплаватель потерял там один из своих кораблей, затем — остров Веспер, большую группу островов, названную им Лабиринтом, переименованными позднее командором Байроном в острова Принца Уэльского, и еще ряд других.

В течение последующих сорока лет интерес к географическим открытиям убывает. Но затем вспыхивает с новой силой в связи с успехами, достигнутыми в искусстве вождения кораблей, а также благодаря гению пяти мореплавателей, имена которых навсегда будут вписаны в историю географических открытий, четырех англичан — Байрона, Уоллиса, Картерета, Кука и одного француза — Бугенвиля.

Командор Байрон первым составил карту Магелланова пролива. Он открывает остров Короля Георга, остров Принца Уэльского, остров Герцога Йоркского и, наконец, остров, который экипаж корабля назвал его именем, островом Байрона.

Байрон возвращается в Европу как раз в то время, когда Уоллис и Картерет готовятся отправиться в плавание. Уоллис открывает острова Королевы Шарлотты и острова Тринити, остров Зигмонта. 19 июня 1767 года он как бы заново открывает знаменитый остров Таити, увиденный впервые Фернандесом де Кирсом еще в XVI

* Тасман назвал эту землю именем главного правителя Нидерландской Индии Антона Ван-Димена, умелого организатора морских экспедиций (Вандименова земля).

веке. Затем он посещает острова Силли, Лорда-Хау, Уоллис и Пескадорские острова.

Картерет в это время открывает остров, которому дает имя одного из своих офицеров, остров Питкэрн, затем острова Оснабрюкк и Глостера и изучает архипелаг Королевы Шарлотты, названные в свое время Менданьей де Нейра островами Санта-Крус, детально изучает пролив между Новой Бретанью и Новой Ирландией и называет его проливом Сент-Джорджа. Он наносит на карту также ряд островов к западу от Новой Ирландии, среди них острова Портленд, Новый Ганновер и острова Адмиралтейства. Уже на обратном пути в Европу Картерет изучает восточное побережье острова Целебес, огибает мыс Доброй Надежды и открывает остров Святой Елены.

В те же годы знаменитый французский мореплаватель Бугенвиль проходит Магеллановым проливом и, выйдя в Тихий океан, достигает тропика Козерога, затем направляется на запад, открывает ряд островов, в том числе остров Лансье, остров Арфы, одиннадцать островов, названных им Опасными. Посетив остров Таити, Бугенвиль подробно описывает его. Он открывает также архипелаг Навигаторов, наносит на карту острова Сент-Эспри, открытые некогда Кирсом, дает им название Новые Циклады и в довершение открывает острова Луизиады, Анахоретовы острова и остров Эшикье.

И наконец, одной из самых ярких фигур этой эпохи является капитан Кук. Этот превосходный моряк совершает одно за другим три путешествия, проводит в море более десяти лет, открывает или проверяет достоверность существования огромного числа островов, исследуя восточное побережье Австралии, названной им Новым Южным Уэльсом, открывает Сандвичевы острова и трагически погибает 12 февраля 1779 года, вполне заслужив, по словам Дюмон-Дюрвиля, звание истинного создателя карты Тихого океана.

Следует упомянуть также имя не менее знаменитого, чем Кук, французского мореплавателя, судьба которого была столь же трагична, как и судьба его английского собрата. Мы говорим о Лаперузе. Достигни он берегов Франции, его открытия имели бы огромное значение.

В 1791 году Национальная ассамблея отправляет Д'Антркасто на поиски Лаперуза. Он посещает западный берег Новой Каледонии, совершив таким образом то, что не удалось сделать Куку, а также несколько островов, входящих в состав Соломоновых островов, проходит про-

ливом Сент-Джорджа, посещает острова Адмиралтейства, обследует северный берег архипелага Луизиада, некоторые районы Новой Гвинеи и умирает в море 20 июля 1793 года.

Деятнадцатый век начинается с блестящих открытий француза Бодена, обследовавшего побережье Австралии, и русского флотоводца Крузенштерна, который изучает Южные моря и прокладывает дорогу своему лейтенанту Коцебу, открывшему впоследствии ряд островов в Тихом океане и залив на западе Аляски. Англия также достойно продолжает свои исследования, так капитан Кинг* создает гидрографическую карту Австралии. Кроме того, Англия отправляет экспедицию капитана Бичи** в Берингов пролив для оказания помощи мореплавателям, ищущим проход на северо-западе Аляски. Франция может гордиться экспедициями Фрейсине, Дюмперре и, наконец, экспедицией Дюмон-Дюрвиля, — он один, кажется, завершил все, что было сделано французскими моряками в Океании.

Как жаль, что мы не можем подробно описать биографию этого знаменитого исследователя, который сотни раз рисковал жизнью и погиб в пятьдесят два года во время страшной железнодорожной катастрофы неподалеку от Версаля 7 мая 1842 года. Дюмон-Дюрвиль был не только прекрасным моряком, но и ученым — гидрографом, геологом и ботаником. С полным правом можно сказать, что он был не просто открывателем новых земель, но и ученым-естествоиспытателем, сумевшим благодаря своим разнообразным знаниям дать их подробное описание. Он приобрел для Франции Венеру Милосскую, составил гидрографическую карту Черного моря, опубликовал научное исследование о геологическом строении острова Санторин в Эгейском море и описал на латинском языке флору черноморского побережья.

Одиннадцатого августа 1822 года Дюмон-Дюрвиль отправляется в очередное плавание из Тулона. За тридцать два месяца он семь раз пересекает экватор, преодолевает

* Кинг Филипп Паркер (1791—1856) — английский исследователь и мореплаватель. В 1817—1822 годах занимался съемкой северных и северо-западных берегов Австралии и бухты, впоследствии названной Порт-Дарвин. Производил съемку у берегов Южной Америки, открыл пролив Бигл, изучил центральные и западные участки Магелланова пролива. (Примеч. перев.)

** Бичи Фредерик Уильям (1796—1856) — английский мореплаватель. Принимал участие в полярных экспедициях, занимался съемкой американского берега Чукотского моря, нанес на карту мыс Барроу (Примеч. перев.)

двадцать пять тысяч миль, не потеряв при этом ни одного человека, не потерпев ни одной серьезной аварии; он наносит на карту целый ряд неизвестных до того островов, земли Адели, Луи-Филиппа, Клари, Дюперри, Дюмон-Дюрвиля и т. д.; он привозит одиннадцать тысяч видов насекомых, из них триста не были до того известны.

С помощью собранного им гербария, насчитывающего три тысячи видов растений (четыреста видов — его собственное открытие), путешественник составляет описание флоры Марианских островов. Возвратившись во Францию в 1825 году, в апреле 1826 года снова пускается в плавание — он намерен обследовать острова Полинезии, надеясь отыскать там следы несчастного Лаперуза. Дюмон-Дюрвиль огибает мыс Доброй Надежды, проходит между островами Сен-Поль и Амстердам, затем — Бассовым проливом, обследует берега Новой Зеландии, достигает архипелагов Вити и Тонга, изучает местоположение ста двадцати островов, изучает Новые Гебриды, составляет гидрографическую карту группы островов Луайоте, проходит вдоль южного берега Новой Британии, наносит на карту очертания северного побережья Новой Гвинеи и направляется к острову Ван-Димена* и становится на якорь в Хобарте, где узнает, что английский капитан Петер Диллон обнаружил на острове Ваникоро следы Лаперуза.

Он тут же снова пускается в путь и находит на коралловых рифах остовы кораблей «Астролябия» и «Буссоль»**. Установив на островах памятник своему знаменитому соотечественнику и несмотря на то, что весь экипаж болен тропической лихорадкой, Дюрвиль готовится вернуться во Францию. По пути он составляет подробное описание острова Целебес и ряда Каролинских островов и 25 марта 1829 года после тридцатипятилетнего отсутствия возвращается во Францию, привезя с собой шестьдесят пять карт и планов, несколько тысяч рисунков животных и растений, бесчисленное количество минералогических образцов. Таковы результаты этой длинной и безумно трудной экспедиции.

Позднее, желая пополнить свои этнографические познания, Дюмон-Дюрвиль добивается, чтобы ему было поручено командование кораблями «Астролябия» и «Зеле»

* С 1853 года остров Ван-Димена называется Тасманией. (Примеч. перев.)

** «Астролябия» и «Буссоль» — корабли Лаперуза. (Примеч. перев.)

и 7 сентября 1637 года отправляется в районы Антарктики. Он составляет гидрографическое описание ряда островов и открывает землю Луи-Филиппа и остров Жуанвиль, но из-за серьезной поломки ему приходится покинуть эти края и вернуться в Чили. Как только поломка ликвидирована, он направляется в Океанию, где посещает Маркизские острова, Таити, Самоа, Вити, Ваникоро, Соломоновы и Каролинские острова, Новую Гвинею, Австралию, Борнео, затем делает остановку в Хобарте.

Первого января 1840 года, когда можно было считать, что экспедиция окончена, Дюмон-Дюрвиль направляется со своими кораблями к Южному полюсу, желая изучить неизвестную часть океана между 120° и 170° восточной долготы и выяснить, на какой параллели появляются льды, а также, где находится магнитный полюс. 21 января 1840 года его экспедиция обнаруживает за Полярным кругом, недалеко от магнитного полюса, на 138° восточной долготы остров, высота которого достигает тысячи двухсот метров, устанавливает там французский флаг и называет его Землей Адели, по имени своей жены. Другой остров, обнаруженный чуть севернее, получает название Берег Кларии*, по имени жены капитана «Зеле» Жакино. После этого экспедиция намеревается вернуться во Францию.

На обратном пути неутомимый Дюмон-Дюрвиль изучает Оклэндские острова, составляет гидрографическое описание восточного побережья Новой Зеландии, наносит на карту ряд атоллов и рифов в проливе Торреса, посещает остров Тимор и лишь после этого 6 ноября 1840 года возвращается во Францию. За время экспедиции, продолжавшейся тридцать восемь месяцев, он семь раз пересек экватор и избороздил добрую половину морей нашей земли. Результаты экспедиции невозможно переоценить. Дюмон-Дюрвиль не только составил гидрографическую карту тех мест, где он побывал, но и внес большой вклад в изучение зоологии, ботаники, минералогии. Известно, как трагически оборвалась его жизнь.

Теперь, когда читатель соблаговолил выслушать это столь необходимое и слишком краткое изложение истории открытий в Океании, вернемся к нашим героям, которых мы оставили на земле, по их предположению, расположенной неподалеку от берегов Новой Гвинеи.

* В настоящее время оба названия (Земля Адели и Берег Кларии) относятся к участкам антарктического материка.

Фрике и Пьер Легаль, притаившись в лесу, с ужасом смотрели на страшное зрелище. Никогда в жизни они не только не видели ничего подобного, но не могли даже предположить, что такое возможно. Ужас вскоре сменился отвращением. Фрике готов был уже не раздумывая с саблей в руках броситься на опьяневших от крови дикарей, но Пьер схватил его за руку.

— Спокойнее, моряк,— прошептал он.— Они так за просто убьют нас.

— Не удерживай меня, Пьер... Я прикончу хотя бы дюжину этих мерзавцев.

— А что будет потом?

— Ах, какая разница!

— Предположим, вдвоем мы уничтожим человек двадцать, но останется еще более пяти сотен... Главное — спокойствие. Я никогда не видел тебя в таком состоянии.

— Меня просто выводят из себя обычаи каннибалов; у них всего в избытке, удивительные фрукты, дичь, рыба, а им подавай человеческое мясо.

— Тысяча чертей! Будь у меня митральеза*, какие имеются на наших кораблях, я сразу бы отправил на тот свет несколько десятков этих негодяев, чтобы научить остальных жить по-человечески.

— Это было бы справедливо. Заметь, каннибализмом занимаются наиболее развитые племена. Их нельзя прощать, сказав, что они грешат по неведению. Хотел бы знать, что могли им сделать эти несчастные?

— Мерзавцы,— пробурчал боцман.— Убили всех, ведь ни один из китайцев не подает признаков жизни. Теперь и вмешиваться незачем.

— Надо было бы все-таки преподать им хороший урок. Хотя постой...

— В чем дело?

— Все-таки один из них жив. Смотри-ка, там, под этим гигантским папоротником... Они его тоже зарежут.

— Тысяча чертей!

— Ну нет... Хватит с вас, пожиратели человеческого мяса.

Человек пять или шесть каннибалов набросились на несчастного китайца. Один, вцепившись в косу бедняги, испускавшего душераздирающие крики, потащил его за собой на поляну, туда, где к нижним ветвям деревьев были подвешены его товарищи.

* Митральеза — тип скорострельной пушки.

Фрике, укрывшийся за деревом, поднял ружье прицелился и на мгновение замер. Затем окружающую обоих друзей темноту разорвала вспышка и раздался выстрел. Дикарь, тащивший за косу китайца, весь в крови опустился на землю. Остальные в страхе остановились. Китаец вскочил на ноги и бросился наутек.

— Лиха беда начало,— глухо проговорил Фрике и ловко перезарядил ружье.

Оправившись от испуга, каннибалы готовы были уже броситься вдогонку за улепетывающим пленником, когда раздался второй выстрел.

— И с этим покончено,— воскликнул Пьер Легаль, видя, как второй туземец падает на землю.

Китаец, чудом избежавший неминуемой смерти, понял по вспышкам, где находятся его таинственные покровители, и повернул в их сторону. Побегавший за ним папуас упал с простреленной грудью, благодаря чему беглецу удалось скрыться в густых зарослях кустарников, где находились наши друзья.

— Если ты хоть немного смыслишь по-французски,— сказал ему быстро старый боцман, усадив обезумевшего от страха беднягу на землю,— послушай меня, сиди тихо и не мешай нам.

Китаец замер. Напряженная тишина воцарилась на поляне, где еще несколько минут назад пировали каннибалы. Как и предполагали наши друзья, они слыхом не слышали об огнестрельном оружии и пребывали в полной растерянности. Эта таинственная, обрушившаяся на них смерть, эти неожиданные, неотвратимые удары невидимых врагов, эти внезапные вспышки молнии и раскаты грома внушили им суеверный страх.

— Ладно,— сказал Фрике,— еще по два выстрела, чтобы окончательно сбить их с толку. Ты готов?

— Готов.

— Огонь!..

Четыре выстрела последовали один за другим с равными интервалами, затем все смешалось. Страшные крики разорвали тишину ночи, и плесня туземцев исчезло во мраке, словно стая испуганных ястребов.

— А теперь,— проговорил Пьер,— бежим! Надо как можно скорее добраться до берега. Нам здесь больше нечего делать. Мы не в силах вернуть к жизни этих несчастных. Хорошо, что хоть этого паренька удалось спасти.

Китаец, чудом избежавший страшного участи, при этих

словах поднялся с земли и встал между своими спасителями.

— Сапасиба, сапасиба,— прошептал он, все еще с трудом переводя дыхание после своего сумасшедшего бега.

— Что это ты там говоришь, сынок?

— Говолю вам сапасиба... Вы спасли моя жизнь. Моя говолит фланцузски.

— Ах, вот оно что. Ты говоришь нам спасибо.

— Да, господин.

— Право, мы вовремя вмешались. Какая жалость, что мы не появились здесь раньше. Мы смогли бы помешать убийству этих несчастных.

— Да, господин. Вы очень доблы. Все бедный китаец убиты,— произнес житель Поднебесной империи и горько разрыдался.— Я совсем маленький, совсем молодой, совсем один, ой, ой...

— Да нет, ты не один, черт побери! Теперь ты с нами. Будешь нашим юнгой!

— Я был юнгой на колабле, он погиб на белегу...

— Ты был юнгой на корабле!.. Тысяча чертей! Так это ты приносил нам похлебку, а однажды принес мне табак.

— Да, да, господин, и еще нож.

— Так это ты, малыш! Я должен тебя расцеловать... Ты уже зачислен в наш экипаж. Мы приняли тебя всем сердцем и обойдемся без приказа.

Разговаривая таким образом, они, видимо, незаметно для себя свернули к югу. Фрике первым заметил эту ошибку. Их взору открылась небольшая бухточка, подобная той, где находился их плот, но вместо тяжеловесного и не слишком удобного судна они увидели при свете звезд покачивающуюся на волнах большую пирогу. К счастью, у нее имелись лопатообразные весла и мачта с парусом, сплетенным из волокон кокосовой пальмы, кроме того, в пироге находилось немало провизии — рыбы и самых разнообразных фруктов. Хозяин пироги, вероятно, поспешно оставил ее, когда корабль «Лао-цзы» сел на мель. Пьер и Фрике без малейших угрызений совести завладели лодкой, с тем чтобы, когда забрезжит рассвет, поскорее добраться до плота, где находились их жалкие вещички, пожитки потерпевших кораблекрушение.

ГЛАВА 6

История юного китайца, который не мог произнести буквы «р». — Фрике становится отцом многочисленного семейства. — Око за око, зуб за зуб. — Капитан Пьер Легаль и его экипаж. — Путешествие вокруг неизвестной земли. — Флора и фауна кораллового рифа. — Как крабу удалось расколоть кокосовый орех. — Посещение севшего на мель «Лао-цзы». — Ценные находки. — Приятные неожиданности. — Фейерверк Пьера Легалья. — Наши друзья на острове Будлэк. — План будущих действий. — Полная блокада.

Ночи, казалось, не будет конца. Наши друзья так и не сомкнули глаз, и на это у них были все основания. Вообще Пьера Легалья и Фрике, немало повидавших на своем веку, не могло бы испугать соседство каннибалов, но множество других невидимых и весьма шумных врагов не давали им покоя. Густая туча moskitov опустилась на их стоянку, и маленькие чудовища, устав от черной и грубой кожи папуасов, с радостью вонзали свои хоботки в белую кожу французов, как, впрочем, и в желтую кожу молодого китайца. В то время как парижанин ругался, посылал к дьяволу этих маленьких назойливо жужжащих вампиров, Пьер пытался раскурить трубку, надеясь, что дым отгонит бесчисленные полчища маленьких злодеев. Но напрасно, ни ругательства, ни табачный дым не помогли. Потеряв всякую надежду уснуть, наши друзья стали тихо расспрашивать своего нового спутника, говорившего «по-фланцузски». И тот поведал им свою короткую и печальную историю.

Отец китайчонка, могущественный мандарин одной из провинций на юге Китая, занимался, само собой разумеется, продажей своих соотечественников, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести. Все обычные способы заполучить эмигрантов были ему известны: вербовка специальными эмиссарами, привоз азартных игроков в Макао и, главное, похищение жителей побережья. Этому последнему способу, не требующему особых расходов, он отдавал предпочтение. К тому же, поскольку он исполнял обязанности судьи, то, вызывая в суд первых попавшихся, приговаривал их к более или менее длительному заключению, которое неизменно заканчивалось в трюме корабля. В общем, мандарин этот был, по словам его компаньона капитана «Лао-цзы», человеком очень ловким. Во время последнего посещения Макао капитану понадо-

бился юнга. Китайцы, как правило, отличные слуги, но необходимо время, чтобы их вышколить. Торговец живым товаром оказался в затруднительном положении, тем более что наш американец, как всегда, торопился, а ни один из «добровольцев» не был в состоянии сразу же приняться за работу.

У мандарина был сын лет шестнадцати, которому он постарался дать хорошее образование. Этот торговец людьми был неплохим отцом и искренне любил свое чадо (ведь и дикие звери питают нежные чувства к своим детенышам). Одним словом, наш мальчуган, воспитывавшийся у миссионеров, говорил немного по-английски и по-французски, умел писать и считать, что должно было позволить ему позднее успешно помогать отцу.

Но американец решил иначе. Он исходил из принципа, что тот, кто способен на большее, способен и на меньшее. Янки решил, что будущий негодник вполне может стать образцовым слугой. Под каким-то предлогом он заманил китайчонка на борт корабля и запер в своей каюте. На следующий день корабль снялся с якоря с полностью укомплектованным экипажем.

Бесполезно говорить, какую боль причинило жестокому мандарину и нежному отцу (такое сочетание случается довольно часто) похищение его ребенка. Бедный паренек, который ни в коей мере не отвечал за преступления своего отца, обладавший доброй душой, о чем говорилось в начале этой истории, сразу же приступил к выполнению своих обязанностей, получая от вечно пьяного капитана в награду лишь тумачи. Можно легко себе представить, сколько зуботычин и затрецин доставалось бедняге.

У паренька, как мы уже сказали, было доброе сердце. Страдания европейцев не оставили его равнодушным — уж слишком схожи оказались их судьбы, он испытывал к ним искреннюю симпатию. Услышав, как старый боцман жалуется на отсутствие курева, этот несчастный не побоялся стащить у своего мучителя пачку табака и принести ее пленнику. Он же на всякий случай бросил нож на койку Пьеру Легалю, чтобы тот смог в нужное время разрезать путы.

Юнга рассказал эту бесхитростную и жестокую историю на своем, порой не очень понятном языке с таким чувством, что растрогал наших друзей.

— Бедный мальчуган, — сказал Фрике, — мы никогда не забудем твоей доброты, ты оказал услугу людям, кото-

рые умеют быть благодарными, и, пока длится наше путешествие, мы постараемся заменить тебе семью.

— Это будет настоящая семья,— с серьезным видом подтвердил Пьер Легаль.

— Как все интересно складывается,— продолжал парижанин.— У меня в мои двадцать один год уже есть семнадцатилетний сын, очень милый паренек, но черный, словно деготь. Не стоит волноваться, он не ест своих ближних. Он — настоящий джентльмен, наш маленький принц.

— Из него выйдет заправский моряк,— вставил Пьер.

— Вы станете братьями, так как с сегодняшнего дня я тебя тоже усыновляю.

— ...Мы усыновляем.

— Уж, видно, мне на роду написано во время своих плаваний подбирать беспризорных ребят, хотя сам я едва помню своих родителей,— с невыразимой грустью пробормотал молодой человек. Затем, снова повеселев (он никогда не мог долго грустить), продолжал: — Да, я — настоящий многодетный отец. Кстати, как тебя зовут?

— Ша Фуатонг.

— Как ты сказал?..

— Ша Фуатонг!

— Но, мой бедный малыш, разве это имя? Послушай, я не хочу тебя обидеть, но сразу видно, что имя твое не было занесено в книгу актов гражданского состояния во французской мэрии. Мы никогда не сможем привыкнуть к такому странному имени. Всякий раз, когда я попытаюсь произнести его, мне будет казаться, что в носу у меня застряла добрая дюжина комаров. Давай придумаем какое-нибудь французское имя. Ты сможешь снова взять свое, когда вернешься домой.

— Холосо,— согласился паренек.

— Мы назовем тебя Виктор. Так зовут меня. И имя это не хуже любого другого, ведь так?

— Холосо, Викто!л!

— Ах, черт, ты же не можешь произнести букву «р», так и язык недолго сломать. Ба, но это лучше, чем быть съеденным папуасами. Однако мы совсем позабыли об этих отвратительных каннибалах.

— Что-то не хочется о них думать.

— Да, но наш милый мальчуган мог бы нам рассказать, при каких обстоятельствах были убиты его спутники.

Трагический рассказ юнги был на редкость лаконичен. Китайцы, находившиеся на борту потерпевшего аварию

судна, покинули его незадолго до того, как обоим французам удалось выбраться из своей клетушки. С помощью канатов они добрались до берега, затем перенесли туда кое-какую провизию. К несчастью, кули захватили с собой и несколько бочонков с виски, имевшихся на корабле.

Китайцы сразу же напились, не подумав даже об элементарной предосторожности. Когда они уснули, папуасы, затаившиеся в зарослях, неслышно подкрались к ним и, не выпустив ни одной стрелы, захватили в плен большую часть азиатов. Несколько человек, еще не совсем отупевшие от выпитого, пытались сопротивляться, но безуспешно.

Виктор (так мы отныне будем его называть), укрывшись среди корней огромного кедра*, стал свидетелем этой ужасной бойни. Он видел, как папуасы, привязав несчастных за косы к веткам деревьев, пили их кровь. Его обнаружили под самый конец, и, если бы не вмешательство Пьера и Фрике, он наверняка бы тоже был убит.

Мальчуган уже заканчивал свой рассказ, когда небо на горизонте посветлело. Надо было не откладывая принимать решение.

— Куда же теперь мы направляемся? — спросил Фрике. — Черт возьми, — продолжал он, взглянув на голые, искушенные москитами плечи Виктора, — мой бедный малыш! Ты же совершенно голый.

— Челнокожие солвали с меня лубашку, сняли блюки.

— Хорошо, что они не содрали с тебя кожу! Ничего, у нас еще найдется кое-какая одежда, мы соорудим тебе костюм моряка. Надеюсь, тебя это устроит.

— Да.

— Прекрасно, теперь надо как можно скорее добраться до нашего плота! Послушай, Пьер, пирога, если учесть, что построили ее дикари, сделана очень недурно и неплохо оснащена.

— Во-первых, это не одна пирога, а целых две! Та, на которой мы находимся, является собственно лодкой, а прочно прикрепленная к ней лодка поменьше служит балансиrom, который не дает перевернуться пироге ни при каких обстоятельствах. Маленькая бамбуковая мачта с парусом на корме, сплетенным из волокон кокосовой пальмы, и канаты, надо сказать, сделаны очень искусно. Думаю, это суденышко сослужит нам хорошую службу, и,

* Кедров в Океании нет; речь идет о каких-то других хвойных деревьях, скорее всего — из рода *podocarpus*.

надеюсь, очень скоро. А теперь свистать всех наверх, все по местам! Приготовиться к отплытию!

— Капитан,— заметил с улыбкой Фрике,— маневр будет нетрудным. К счастью, экипаж у нас небольшой. В дорогу!

Дабы не привлекать внимания папуасов, было решено не поднимать пока паруса, а посему Пьер взялся за одно весло, Фрике — за другое, и пирога с легкостью, что свидетельствовало о ее превосходных мореходных качествах и ловкости гребцов, двинулась в путь. Им удалось легко обогнуть коралловый риф и добраться до плота, о существовании которого жители острова, к счастью, не подозревали.

Наши друзья быстро и без труда перенесли все свои немногочисленные пожитки в пирогу, где поместился бы и куда больший груз. Виктор получил рубашку и брюки. Паренек был в восторге: переодевшись, он действительно стал похож на «настоящего» моряка.

— Что теперь? — спросил Фрике, когда погрузка была закончена.— Нельзя же сидеть здесь вечно, да еще с такими опасными соседями, тем более нет никакой надежды на то, что мы сумеем найти с ними общий язык. Как ты считаешь, Пьер?

— Выкладывай, что задумал, сынок, у тебя наверняка есть какой-то план.

— Одно из двух: либо мы находимся на маленьком острове, либо на большой земле.

— Замечание, как мне представляется, вполне разумное.

— В первом случае нам надо сматываться отсюда как можно скорее и поискать новое прибежище — островов здесь предостаточно. Во втором же случае мы должны покинуть берег, где живут каннибалы, и найти более подходящее местечко (лучше, если оно будет как можно дальше от этого).

— Золотые слова, моряк. А что еще?

— Прежде всего надо объехать вокруг острова, узнать, насколько он велик. У нас тут на неделю продуктов, в реках достаточно воды. Думаю, можно спокойно двигаться в путь. Если же островитяне решат помешать нам, мы сумеем использовать те доводы, которые этой ночью оказались столь действенными, а когда первая часть нашей программы будет выполнена, решим, что делать дальше.

— Я полностью с тобой согласен, моряк. Мы сразу же

примемся за работу. Вот только перекусим чем Бог послал и наляжем на весла.

После очень скромного завтрака, съеденного друзьями с большим аппетитом, «кругосветное» путешествие началось. Пирога, лавируя между коралловыми рифами с удивительной быстротой, взяла курс на восток. Первый день прошел без происшествий. Не встретился ни один папуас, лишь изнуряющая жара мучила европейцев, хотя, казалось, они привыкли к ужасам тропического климата. Солнечные лучи, отражаясь от раскаленных скал, слепили глаза, причиняя нестерпимую боль. Правда, когда перед путешественниками вставали картины пышной тропической зелени, они вздыхали с облегчением.

Фрике, куда лучше, чем Пьер, знавший флору Океании, называл по пути некоторые растения, большая часть которых могла быть использована человеком и была на редкость красива. Хлебные и банановые деревья, кокосовые пальмы, кедры, эвкалипты, платаны, саговые пальмы Пьер с присущим ему здравым смыслом относил к съедобным и несъедобным. Гигантские злаковые растения, опутанные лианами древовидные папоротники, лилии-ксанторреи с пышным плюмажем и тонким цветоносным стеблем, растущие среди зарослей дикого сахарного тростника, а вокруг сотни щебечущих птиц в сверкающем оперении, опускающиеся на деревья, словно бабочки на благоухающие цветы.

Растительный и животный мир был, в сущности, не слишком разнообразен, но вряд ли уместно говорить об однообразии, когда речь шла о столь восхитительном зрелище! Время от времени на землю падал кокосовый орех, и друзья сами не раз могли убедиться, хотя факт этот долго оспаривался кабинетными естествоиспытателями, как ловко крабы-разбойники, их еще называют пальмовые воры, расправляются с твердой скорлупой ореха.

На первый взгляд действительно трудно поверить, что краб может справиться с волокнистым покровом и скорлупой, внутри которой находится ядро. Но краб, выбирая именно то место, где находится лунка, очень успешно снимает одно за другим волокна. После того как выполнена эта предварительная работа, он залезает кончиком одной из своих огромных клешней в лунку, чтобы расколоть скорлупу, а если это ему удастся не сразу, снова и снова очень ловко ударяет по одному и тому же месту, пока не появится трещина. Затем, пользуясь одной из своих маленьких клешней как сверлом, краб наконец добирается до любимого лакомства.

Эти представители здешней фауны, как и тот, что был приготовлен нашими друзьями на обед, отличаются огромными размерами. Несколько крабов Фрике, осмотрительно лишив их страшных клешней, взял с собою в дорогу.

С наступлением ночи нашим друзьям пришлось прервать свое плавание, но на рассвете они вновь пустились в путь. Теперь уже можно было не сомневаться, что остров был невелик: приблизительно часов за двенадцать, если ориентироваться по солнцу, они успели совершить полукруг. Подтверждением таких расчетов служил остов потерпевшего крушение «Лао-цзы». Невероятно, но разбившийся о рифы корабль до сих пор не пошел ко дну. Еще были видны бушприт и корма, севшая на рифы, которые, как и большинство рифов Океании, образуют барьер между открытым морем и землей, словно защищая ее подступы. Неподалеку от него суетилось несколько пирог, напоминая хищников, привлеченных и одновременно испуганных слишком большой добычей. Отступить европейцам было невозможно.

— Придется, видимо, дать бой,— проговорил Фрике, заряжая ружье.

— Посмотрим,— откликнулся Пьер со свойственным ему хладнокровием.— Послушай, а не попытаться ли нам попасть на корабль? Раз уж мы, как это случается с большинством робинзонов, оказались рядом с севшим на мель судном, этим надо воспользоваться, а то можно и опоздать. Поплывем туда, но не следует спускать глаз с этих чернокожих.

Появление пироги вызвало волнение среди туземцев. Мародеры из осторожности удалились. То ли бледные лица не внушали им слишком большого доверия, то ли странные и непонятные события предпоследней ночи сделали их более подозрительными.

Пьер сумел пришвартовать пирогу к разорванной цепи шлюпбалки*, и они взобрались на покореженное судно. Но, увы, «улов» оказался незначительный — всего лишь несколько банок консервов, удочки и крючки, топоры, кусок парусины и тому подобное. Камбуз, к сожалению, ушел под воду, и достать оттуда хоть какую-нибудь провизию было невозможно. Когда друзья собирались после безуспешных поисков вернуться на берег, Фрике

* Шлюпбалка — железная балка изогнутой формы, служащая для подъема на корабль и спуска на воду шлюпок.

случайно заглянул в каюту капитана. Царивший там беспорядок свидетельствовал не только о поспешном бегстве ее хозяина, но и о том, что здесь побывали разгневанные китайцы; все было разгромлено, разрушено, и даже от большой карты, висевшей на стене, остались лишь жалкие обрывки. Парижанин машинально подобрал с пола один из этих обрывков, рассеянно взглянул на него, и тут же у него вырвался крик удивления.

— Черт побери,— воскликнул он, оторвав от стены еще один уцелевший кусок.— Мы недаром потратили время, заглянув сюда. Если не ошибаюсь, это карта, на которой пират отмечал свой путь... Точно! Он должен был сделать последнюю запись незадолго до того, как корабль сел на мель. Прекрасно, этим я займусь в более подходящее время,— закончил молодой человек, пряча в карман матросской блузы подобранные клочки, приобретшие вдруг в его глазах огромную ценность.— А вот еще револьвер... Кольт и патроны к нему, в нашем путешествии они наверняка пригодятся. Вот и все, пора в путь.

Парижанин радостно поднялся на палубу и увидел, что Пьер собирается перенести на пирогу маленький, но очень тяжелый мешок, набитый какими-то круглыми, размером с кулак, предметами.

— Что это у тебя, моряк? Уж не картошка ли?

— Я скажу об этом позднее,— ответил Пьер, подмигнув ему.

— Ладно,— пробормотал Фрике,— кажется, каждый из нас приготовил другому приятный сюрприз.

— А теперь пора сниматься с якоря, и побыстрее,— заметил старый боцман.

— Ты, видно, очень торопишься.

— Да. А поскольку я собираюсь устроить небольшой фейерверк, нам нужно успеть занять удобные места, чтобы полюбоваться красивым зрелищем. К тому же вскоре мы снова должны пуститься в плавание.

— Сегодня лучше не спешить,— заметил Фрике.— Я предлагаю другое: вернемся на стоянку, проведем там ночь, а завтра спозаранку снимемся с якоря. Хорошо отдохнув, мы сможем проделать за день немалый путь.

— У тебя какие-то новости?

— И даже очень интересные.

Отплытие белых как бы послужило для папуасов сигналом, начались настоящие гонки, каждая пирога стремилась скорее добраться до корабля. Теперь он не внушал им прежнего суеверного страха; прибывшие с острова

человеческие существа посмели приблизиться к нему, побывать там и даже вернуться оттуда целыми и невредимыми.

Пьер, Фрике и молодой китаец, укрывшись за уступом скалы, ждали обещанного зрелища. Широкая улыбка освещала лицо старого моряка, наблюдавшего, как пироги папуасов приближались к «Лао-цзы». Когда от корабля их отделяло не более двадцати метров, из трюма вырвался огромный столб дыма, а вслед за ним в небо поднялся сноп огня, он достиг клотика грот-мачты, раздался страшный взрыв, от которого содрогнулась земля, согнулись стволы деревьев. Корабль взлетел на воздух, увлекая за собой пироги и сидевших в них папуасов, вселяя ужас в сердца столпившихся на берегу островитян. Затем волны медленно опустились, пироги исчезли, чернокожие лодчики появились на поверхности и в испуге, тяжело дыша, поплыли к берегу, словно преследуемое акулами стадо морских свиней*.

— Вот и мой фейерверк,— сказал Пьер.— Это сработал бочонок пороха, на который я наткнулся на корме, китайцы вскрыли его, думая, что там водка. Теперь жители острова будут питать больше уважения к большим плавающим машинам и к тем, кого они перевозят. Вообще урок, преподанный мною, не слишком суров, им лишь придется построить себе новые пироги.

— Право, папуасы голову потеряли от раскатов грома, ставших постоянными за последние два дня. А ведь от этих каннибалов и следа бы не осталось, произойди твой взрыв на две минуты позже.

— Велика беда! Даже если бы из-за меня на тот свет отправились две или три дюжины паразитов, я бы не стал испытывать угрызений совести. Тут уж как повезет. Они вернулись живыми и здоровыми, тем лучше для них. Я не трону волоса на голове ребенка, ты меня знаешь, но, увидев, как эти подлые звери вспарывали животы трем сотням беззащитных китайцев, пили их кровь, разрывали на части этих бедолаг, признаюсь, мое мнение о тех, кого кабинетные исследователи называют «славными дикарями», здорово изменилось.

— Конечно,— ответил Фрике со вздохом,— надо уметь защитить себя от нападения туземцев. Но мне все-таки всегда и везде грустно видеть, как человеческие существа убивают друг друга.

* Морская свинья — разновидность дельфинов.

— А тебе бы хотелось приручить их, кормя сахаром?

— Именно так я и ответил господину Андре, когда мы оказались в плену у дикарей.

— В общем, я с тобой согласен. К счастью, мой урок оказался не таким уж суровым. Смотри, как они грозят кулаками небу и морю, ругая не знаю уж какое там божество... А мы еще не выбрались из этих мест.

— Да, но завтра наша пирога будет уже далеко.

— Значит, ты уже наметил маршрут? Ты знаешь, где мы находимся?

— Да.

— Так скажи мне.

— Сейчас. Это сюрприз. Мы находимся, ошибки тут быть не должно, на острове Вудзэк, коралловом острове, который имеет не более сорока пяти — пятидесяти миль в окружности и находится на девятом градусе южной широты и сто пятьдесят третьем градусе западной долготы.

— Моряк, я восхищен тобою!

— Следовательно, мы находимся,— продолжал Фрике, не обращая внимания на слова Пьера,— приблизительно в трех градусах от восточной оконечности Новой Гвинеи.

— Три сотни километров, как говорят на суше.

— Вот именно, и завтра на нашей ореховой скорлупке мы отправимся на Новую Гвинею.

— Что ж, попробуем, хотя эта посудина не кажется мне достаточно устойчивой, чтобы выйти в открытое море.

— Меланезийцы и полинезийцы не раз совершали в пирогах переходы в четыре или пять сотен миль.

— Ну раз такое делали дикари, то мы тоже справимся. А что будет, когда мы окажемся в Новой Гвинее?

— Доберемся до ее южного берега, затем, не теряя из виду земли, продолжим наше плавание на запад.

— Ну что ж, обычное каботажное плавание*. И долго мы так будем путешествовать?

— Да, черт побери. Нам придется плыть вдоль всего залива Папуа, начиная со сто пятьдесят первого меридиана.

— ...по Гринвичу.

— Да, по Гринвичу... От сто пятьдесят первого до сто сорок второго градуса восточной долготы.

* Каботажное плавание — плавание вдоль побережья, обычно между портами одного государства. (Примеч. перев.)

— Значит, надо пройти девять градусов по прямой, если я правильно сосчитал.

— Да, минимум двести двадцать пять лье*, и тогда мы окажемся у Торресова пролива.

— А дальше?

— Постараемся вернуться на родину.

— Но каким образом?

— Позволь мне преподнести тебе этот сюрприз позднее.

— Если все так просто...

— Нет, как раз наоборот, перед нами огромные трудности. Подумай только, как опасно плыть среди этих острых рифов, которыми море буквально усеяно. Не следует также забывать, что ориентироваться мы сможем только по звездам. Ты сам знаешь, как важно выбрать правильный курс. К тому же нам может не хватить провизии и воды, да и в том, что мы не встретим родственничков здешних каннибалов, нет никаких гарантий.

— Ты прав, сынок. Быть осторожным — не значит быть трусом. Настоящий храбрец должен хладнокровно предусмотреть все опасности и сделать все от него зависящее, чтобы избежать их. Ты согласен со мной?

— Конечно! Хочу лишь добавить, что только храбрец может осуществить все, что возможно, а невозможное считать осуществимым.

— Слушай, а каким образом, черт возьми, ты определил, где мы находимся и куда мы должны направиться?

— В каюте капитана я подобрал обрывок карты.

— Это очень ценная находка, моряк, тем более что у меня есть нечто такое, что поможет нам не сбиться с курса, если звезды вдруг спрячутся за облака.

— О чем ты говоришь?

— Об этой безделушке, — ответил боцман, указывая на маленький компас, привязанный к его массивным серебряным часам.

— Bravo! Я не мог даже на такое надеяться. Итак, все идет как нельзя лучше. В пироге у нас достаточно запасов, и завтра с первыми лучами солнца мы двинемся в путь.

Хорошо выспавшись, впервые после отъезда из Макао, Пьер собирался уже было укрепить мачту и поднять парус, как вдруг увидел, что черные пироги, на борту кото-

* Лье — старинная мера длины; обычное лье составляло 4,444 км, морское — 5,555 км; впоследствии было введено так называемое километрическое лье, приравненное к 4 км.

рых находилось не менее двух сотен папуасов, образовав угрожающий полукруг, загородили выход из бухты, и столько же вооруженных до зубов воинов уже на земле составили вторую часть круга. Отступать было некуда.

ГЛАВА 7

В окружении.— Как Пьер Легаль собирался «играть в шары».— Страшное, но справедливое возмездие.— Водобоязнь на суше и водолюбие в море.— Для чего некоторым капитанам нужны гранаты.— Счастливого плавания.— Еще один коралловый риф.— Что такое «атолл».— Флора и фауна кораллового острова.— Подводный мир.— Первые счастливые дни после отъезда из Макао.— На коралловом острове.— В ожидании, когда черепаха будет готова.— Удивление бретонского моряка.— Теории возникновения барьерных рифов.

Сочно выругавшись, Пьер Легаль, однако, тут же пришел в хорошее расположение духа и весело расхохотался.

— Ну что ж! Мы еще посмеемся, мои чернокожие ангелочки! Подождите немного, пожиратели людей, я сейчас приготовлю вам блюдо по своему вкусу. У вас крепкие зубы, друзья, посмотрим, как вы справитесь вот с этим.

Фрике, хорошо знавший об изобретательности своего друга, развернул прикрепленный к мачте парус, поднял его и стал ждать приказаний. У пироги, естественно, не было руля. Пьер встал на корме и взял в руки длинное лопатообразное весло, положив у ног мешок, содержимое которого, еще на борту «Лао-цзы», так заинтриговало парижанина.

— Приготовиться к отплытию!

— Есть! — коротко ответил Фрике.

— В путь!

Парус надулся под напором ветра, носом коснувшись зеленых вод бухты, лодка легко наклонилась и понеслась, оставляя за кормой белую борозду.

— Огниво при тебе, сынок?

— Да, вместе с трутом и кремнем.

— Тогда высеки огонь и подожги трут.

— Готово.

— Прекрасно, а теперь передай его мне. Сейчас я направляю лодку прямо на их пироги. Если они пропустят нас, все в порядке, если же попытаются приблизиться к нам, пусть пеняют на себя — на войне как на войне.

Надо зарядить винтовки. Пока я буду разбираться с ними, ты можешь сделать несколько выстрелов, но пусть начинают они.

Необычное и страшное зрелище представляла собой флотилия, выстроившаяся менее чем в пятидесяти метрах от бухты с целым полчищем туземцев на борту, вооруженных топорами, камнями и копьями. Они молчали, и это зловещее молчание было страшнее их обычных криков. Надо было обладать немалым мужеством, чтобы направить с таким хладнокровием свою лодку на грозный строй пирог, напоминавший раскрытую пасть чудовища.

Пьер Легаль спокойно улыбался. Фрике, прикрыв глаза козырьком каскетки, чтобы защитить их от ярких лучей солнца, стоял с ружьем наготове. Бедняга Виктор, у которого от страха зуб на зуб не попадал, притаился за спинами своих спасителей. Лодка наших друзей находилась метрах в тридцати от папуасов, когда со свистом пронесся первый камень, чуть не задев старого боцмана. Вслед за этим пироги как по сигналу пришли в движение, намереваясь тесным кольцом окружить европейцев; раздался громкий крик, и град камней полетел в сторону потерпевших кораблекрушение.

Впрочем, атака папуасов не увенчалась успехом, так как друзья предусмотрительно укрылись за бортом пироги, готовые в нужный момент ответить нападающим. Вот тогда-то Пьер, запустив руку в мешок, достал оттуда шар величиной с апельсин и сразу же поднес его к зажженному труту.

— Ах, вы хотите нас уничтожить, ребята,— закричал он громовым голосом.— Ну я сейчас задам вам жару. Поиграем в шары!

С этими словами Легаль, размахнувшись, бросил находящийся у него в руках предмет. Тот, дымя, полетел в сторону атакующих и упал в ближайшую пирогу. Фрике в ту же минуту выстрелил... Два непонятных папуасам звука с небольшим интервалом последовали один за другим. И тут же поднялся густой столб дыма. Все произошло очень быстро, но Фрике все же увидел, как деревянный корпус лодки разлетелся на куски.

— Черт возьми! — воскликнул он.— Это же граната!

— ...И очень хорошая! Ну как, сынок, случилось тебе забрасывать гнилыми яблоками комедиантов, которые брали фальшивые ноты на сцене?.. А вот и вторая! Огонь! Тысяча чертей! Бортовой залп, или они нас схватят!

Полные яростной боли крики становились все громче,

камни и дротики летели со всех сторон, но не достигали находившихся в лодке французов и сжавшегося в клубок китайчонка. Пьер работал не покладая рук, он так ловко бросал свои «яблоки», что вскоре в обступившей их флотилии образовалась брешь.

— С вас хватит, не так ли? А теперь отправляйтесь по домам. Будь начеку, сынок. Тебе наверняка приходилось охотиться на дикого зверя.

— Еще бы.

— Действуй как на охоте и отправь на тот свет первого, кто попытается нас догнать.

Но папуасы и не думали их преследовать. Они были разбиты, разбиты в пух и прах, потеряв немало воинов и добрую половину своей флотилии. Их черные тела плавали среди разбитых пирог, обломков мачт и разорванных в клочья парусов.

Разгром был полным.

— Право,— сказал Пьер Легаль, когда их лодка, подобно морской птице, скользя по волнам, вышла в открытое море,— начали не мы. Теперь пусть выкручиваются как знают. Я же умываю руки, как покойный Понтий Пилат*. Что ты скажешь, сынок?

— Скажу, что они схватили бы нас и поджарили на огне, не приди тебе в голову мысль забрать этот мешок. Интересно, для чего на борту «Лао-цзы» такие игрушки?

— А ты не знаешь?

— Нет.

— На кораблях, перевозящих китайских рабочих, в трюме всегда есть запас оружия на случай бунта. Если несчастные как-либо проявляют свое недовольство, то в них или стреляют картечью, или бросают гранаты. И дело с концом.

— Да, ничего не скажешь, чудовищно, но эффективно.

— Черт побери!..

— В чем дело?

— У нас слишком мало воды.

— Ах вот оно что!

* Понтий Пилат — римский прокуратор Иудеи в 26—36 годах. В евангельской традиции Пилат представляется косвенным виновником смерти Иисуса Христа, которого высший суд Иерусалима приговорил к смерти. Пилат мог помиловать осужденного, но доверил решение Его участи толпе. Когда же толпа попросила помиловать разбойника Варраву, а Иисуса погубить, Пилат «взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего...» (Евангелие от Матфея, гл. 27 ст. 24).

— Находишься мы на суше, меня бы это не беспокоило. Но сейчас, в преддверии длительного путешествия по морю, отсутствие воды вселяет тревогу.

— У нас здесь не меньше тридцати кокосовых орехов в каждом из них до полулитра кокосового молока, и два бочонка, в которых наверняка литров по двадцать. И ты думаешь, что этого нам не хватит?

— Бочонки, где ты видишь бочонки?

— Вот они перед тобой. Чтобы смастерить такие бочонки, туземцам не нужны ни обручи, ни бочарные доски, они делают их из бамбуковых колен при помощи каменных топоров.

— Тогда все в порядке, по-моему, прожить четыре дня без крошки во рту куда легче, чем провести двенадцать часов без воды. Значит, можно пускаться в путь, бери курс на юго-восток.

Дул попутный ветер, пирога, как говорится, на всех парусах неслась по морю. Пьер, вынув свой маленький компас и обрывок карты, убедился, что курс выбран правильно, и спокойно закурил трубку. В этот день их плавание напоминало увеселительную прогулку.

Наступила ночь. Солнце опустилось за горизонт, но вскоре, к счастью, на небе появилась луна, и при ее свете можно было спокойно продолжать плавание. Если судить по карте, им не угрожали подводные рифы, но Пьер и Фрике, зная, что эта часть Океании еще плохо изучена, были настороже. Они приспустили парус, и лодка шла теперь не так быстро. Вдруг на рассвете, когда первые лучи солнца осветили небо, они услышали где-то впереди страшный грохот, похожий на шум водопада.

— Интересно,— проговорил Пьер,— где, черт побери, мы оказались. Уверен, что наш «кораблик» не сбился с курса. Ближайший остров на карте находится милях в сорока пяти отсюда, и все-таки это звук волн, разбивающихся о камни. Значит, перед нами неизвестный остров.

Опасаясь слишком сильного течения, способного выбросить их на скалы, Пьер и Фрике взяли за весла и через два часа «упорной гребли» пристали к странному острову, при виде которого у парижанина вырвался крик восхищения.

Это был небольшой атолл, один из тех коралловых островов, так хорошо описанных великим Дарвином*

* Великий натуралист Чарлз Дарвин, создатель теории развития органического мира, совершил кругосветное путешествие на корабле

имеющих форму разорванного кольца, окружающего мелководную лагуну. Почти невидимая полоса тонкого белого песка тянулась вдоль берега. Этот остров, как и остров Вудлэк, был окружен широким и плоским поясом коралловых рифов, образовывавших своеобразный внешний барьер, о который разбивались волны океана.

Флора атоллов, как уже говорилось ранее, при своей пышности не слишком разнообразна, особенно с внутренней стороны кольца. Но лишь в тропиках, на обожженной солнцем каменистой земле встречается подобное великолепие. Здесь чаще всего можно увидеть изящные силуэты кокосовых пальм. На другой же берег атолла, что открыт всем ветрам, течение приносит куда больше семян и растений. Вырванные тайфуном на Азиатском континенте мыльные и мускатные деревья, гигантские белые и красные кедры, клещевина, драцены, тиковые и даже австралийские камедные деревья прекрасно приживаются на этих островах. Можно предположить, принимая во внимание направление ветра и течений, что северо-западный муссон несет их к берегам Австралии, а затем юго-восточный ветер приносит обратно. Само собой разумеется, не все семена выдерживают столь длительное пребывание в соленой воде, но многие все же выживают.

Животный мир на атоллах очень скуден — несколько видов ящериц, бесчисленные полчища вечно суетящихся муравьев да раки-отшельники, лениво передвигающиеся по пустынному берегу. Зато на островах гнездится множество птиц; глупыши с их кружевным клювом, фрегаты, фаэтоны, обыкновенные чайки, испуганно кружащиеся и ныряющие вниз головой в прозрачную синеву моря.

Вода здесь настолько прозрачна, что человеческий глаз видит дно, образованное переплетением каменного леса. Привлеченные близостью берега стаи разноцветных рыб кружатся, носятся друг за другом. Невозможно оторвать глаз от этого завораживающего зрелища, от бесконечного шествия статистов в серебряных и золотых кольчугах, в усыпанных драгоценными камнями бархатных камзолах, в железных чешуйчатых нагрудных латах, ошестинившихся острыми пиками, с длинными, как у мадьяр*, усами, с костистыми шлемами, в темных переливающихся

«Бигль» (1831—1836), во время которого смог изучить и многочисленные коралловые колонии.

* Мадьяры — самоназвание венгров.

всеми цветами радуги кольцах, тонких, длинных, круглых, плоских, причудливых и устрашающих в своих пестрых одеждах.

Кого только не увидишь в водах лагуны: крупнопятнистые и королевские спинороги, умеющие зубами отламывать веточки кораллов и дробить раковины моллюсков, панцири морских ежей и крабов; рыбы-бабочки, яркие, многоцветные, фантастически сочетающие самые разнообразные и, казалось бы, несовместимые оттенки цветов, с красными и синими полосами или пятнами, с чешуей, словно отражающей солнечные лучи; плоские с серебристыми боками и брюшком с зеленовато-синей спиной с рядом темно-зеленых пятен, похожие на луну серебристые мены; каменные окуни, с пергаментными оливкового оттенка боками, украшенными, словно каббалистическими* знаками, яркими пятнами, точками, полосами (ни дать ни взять живая колдовская книга); яркие рыбы-ангелы с голубыми и желто-оранжевыми полосами на фиолетовом фоне, с изумрудно-зеленой сверху и красно-коричневой снизу головой и обведенными желтой и синей линиями глазами,— они так хороши, что вполне могут соперничать с павлинами; удивительные пестрые брызгуны, так ловко выпускающие из своего трубчатого носа маленькую струйку, что почти всегда попадают в насекомое, которое хотят поймать; полосатые, словно зебры, рыбы-хирурги с двумя опасными иглами у хвоста; коричневые в белых пятнах с огромными плавниками длинноперые карнаксы; ярко-красные рыбы-солдаты, прозванные французскими кардиналами; рыбы-ползуны, способные проводить до восьми часов на суше и, помогая себе колючками и чешуей, взбираться на кустарник; покрытые мелкой грубой чешуей большеглазые каталуфы; вооруженные тонкими ядовитыми иглами рыбы-факелы, называемые в народе морскими жабами и морскими чертями; и наконец, целая стая маленьких, встречающихся лишь у берегов Новой Гвинеи, акул, прожорливых, смелых разбойников, готовых в любую минуту наброситься на свою жертву.

Наши друзья залюбовались этой картиной. Но надо было приниматься за работу. Они пристали к берегу, крепко-накрепко привязали пирогу к одному из деревьев, перенесли кое-какие вещи на берег и сразу же отправились искать подходящее место для лагеря, которое на-

* Каббалистический знак — таинственный (напоминающий древнееврейские письмена).

ходило бы неподалеку от источника пресной воды и леса и в то же время позволяло бы им не терять из виду берег.

На этот раз, пожалуй, впервые после их отъезда из Макао, счастье улыбнулось им. Друзья не только нашли место для стоянки, но и обнаружили в густых зарослях папоротника достаточно пресной дождевой воды, сохранившейся в образованных кораллами водоемах. Такая удача привела их в восторг, они искренне радовались этому, как истинные французы, умеющие шутить и смеяться, когда им повезет, не падающие духом в тяжелые минуты и даже смерть встречающие с бравадой. На этот раз и Виктор, обычно молчаливый, как все его соотечественники, развеселился.

Пьер Легаль, растянувшись, словно настоящий сибарит*, на мягком ложе из пальмовых листьев, наблюдал за тем, как на медленном огне в своем панцире поджаривается черепаха.

— Значит, моряк,— обратился он к Фрике,— мы оказались на земле, которая вроде бы и не совсем земля.

— Конечно, если ты под словом земля понимаешь обычную почву, состоящую из различных геологических пород.

— Удивительное дело. Мне не раз приходилось слышать о таких островах. Но я, право, не верил, думая, что это пустые рассказы.

— Теперь, когда мы оказались на коралловом острове, ты можешь во всем убедиться сам.

— Значит, он из тех самых кораллов, из которых ювелиры изготавливают всякие розовые побрякушки, а модницы всех континентов носят в ушах, на шее, на руках и даже в носу?

— Из тех самых.

— Действительно странно. Но как они растут под водой? Объясни-ка мне это, сынок.

— Я и сам не слишком много об этом знаю. Господин Андре дал мне книгу, написанную одним английским ученым по имени Дарвин.

— Опять какой-то англичанин.

— Да. Но я только еще собирался за нее приняться, как на нас обрушились все напасти. Могу сказать только, что эти маленькие животные живут бесчисленными колониями; они выделяют, так же как и устрицы для своих

* Сибарит — праздный, избалованный роскошью человек.
(Примеч. перев.)

раковин, каменистое вещество, а поскольку их очень много и работают они непрестанно, малюткам удается буквально усеять своими остовами некоторые моря.

Пьер Легаль покачал головой: он, казалось, начал что-то подсчитывать.

— Невероятно!.. Просто чудеса! — пробормотал он, потом умолк, углубившись в свои мысли.

Действительно, можно было только сожалеть, что парижанин, обладавший удивительной памятью, не имел возможности заняться изучением этой удивительной проблемы. Он, без сомнения, смог бы тогда в доступной и увлекательной форме рассказать своему другу немало интересного; он смог бы ему рассказать, какое огромное впечатление произвел на великого английского естествоиспытателя вид этих атоллов с их изящными кокосовыми пальмами и зеленым кустарником, с их плоскими террасами и отдельными белыми глыбами, ставшими непреодолимой преградой на пути пенящихся волн.

И впрямь, океан, словно могучий непобедимый враг ведет в наступление свои воды, он разрушает созданные человеком плотины и дробит прибрежные скалы, но отступает, встретив на своем пути эти почти невидимые существа. И не потому, что он милостиво обходит коралловые острова, он не щадит и их, — гигантские обломки кораллов, выброшенные им на берег, свидетельствуют об этом. Но, как ни странно, коралловые острова одерживают победу, тогда как острова из самых твердых скальных пород, из порфира, гранита или кварца, сдаются под постоянным натиском волн.

Все дело в том, что беспрестанной разрушительной силе океана противостоит мощная восстановительная работа бесчисленных колоний полипов. И пусть разбушевавшиеся волны вырывают огромные куски коралловых гряд, — они не в силах справиться с мириадами строителей, работающих и днем и ночью. Кораллы одерживают победу над океаном, против которого бессильны и человеческое искусство, и безжизненная природа.

Одного тома вряд ли хватило бы, чтобы рассказать все об этих хитроумных неутомимых работниках, об их рождении, образе жизни и смерти. Эти рифы, которыми усеяны многие тысячи квадратных километров в Тихом океане и которые великий естествоиспытатель подразделяет на три главных типа коралловых сооружений — береговые рифы, барьерные рифы и атоллы, — во все времена вызывали удивление у мореплавателей, пересекающих

Великий океан. Уже в 1605 году французский путешественник Пирар де Лаваль воскликнул: «Какое удивительное зрелище представляют собой эти лагуны, называемые на языке индейцев атоллами, окруженные каменными стенами, к которым не прикасалась рука человека».

Первые путешественники полагали, что коралловые полипы, инстинктивно строя эти большие кольца, создают себе во внутренней лагуне убежище. Но, как говорит Дарвин, полипы, живущие на внешних берегах атолла и обеспечивающие своим ростом его существование, не могут существовать в спокойных внутренних водах лагуны, там живут и расцветают кораллы из других отрядов. Следовательно, исходя из сказанного, надо было бы предположить, что различные отряды кораллов объединяются, защищая свои общие интересы, однако в природе нет тому доказательств.

Наиболее широко распространенная теория утверждает, что основанием для атолла служит обычно кратер подводного вулкана. Но размеры некоторых подобных островов, их форма, число и расположение по отношению друг к другу указывают на несостоятельность и этого предположения.

По мнению Шамиссо*, совершившего кругосветное путешествие в 1815 году, вместе с русским мореплавателем Крузенштерном** и сыном знаменитого Коцебу, рост кораллов зависит от силы приливов и отливов; кораллы, расположенные на внешнем берегу, первыми испытывающие силу прилива, создают основание атолла и определяют круглую форму острова. Шамиссо, как и сторонники теории кратеров, упустил из виду один весьма важный факт: коралловые полипы (это доказали неоднократно проведенные зондирования) могут жить и создавать свои острова лишь на глубине, не превышающей тридцати метров. Как же в таком случае они закладывают основания своих не поддающихся разрушению строений?

Вряд ли можно считать, что в этих бездонных морях на таком большом расстоянии от континента, на протяже-

* Шамиссо Альберт фон (1781—1836) — немецкий писатель-романтик и ученый-естествоиспытатель, автор ряда трудов по географии растений и животных. (Примеч. перев.)

** Автор ошибается: И. Ф. Крузенштерн совершил кругосветное плавание в 1803—1806 годах; Шамиссо участвовал в кругосветке русского корабля «Рюрик» (1815—1818), которым командовал Отто Евстафьевич Коцебу (1787—1846), сын популярнейшего в свое время немецкого драматурга и романиста Августа Фридриха Фердинанда Коцебу (1761—1819).

нии многих сотен миль большие нагромождения песка расположились таким образом, чтобы подготовить фундамент для колоний полипов. Также трудно представить, что подводные вулканы, возникшие на этих бескрайних просторах, как специально перестали расти на расстоянии двадцати, тридцати метров от поверхности океана.

Единственно возможный ответ на вопрос происхождения коралловых островов принадлежит, на наш взгляд, Дарвину, считавшему, что горы одна за другой, острова один за другим медленно погружались под воду, таким образом постоянно возникали новые места, где коралловые полипы могли создавать свои колонии. Позволим себе не согласиться с теми, кто считает, что, раз все острова, сооруженные коралловыми полипами, лишь чуть-чуть выступают над поверхностью океана, у них должно быть общее основание.

Оградительные барьерные рифы, которые окружают небольшие острова или тянутся вдоль берегов континента, отделены от них глубоким и широким проливом, напоминающим внутреннюю лагуну атолла. Вода там всегда прозрачна и спокойна, свидетельством тому пролив, отделяющий пояс коралловых островов от острова Бора-Бора. Коралловые пояса имеют различную протяженность. Тот, что находится у Новой Каледонии, насчитывает в длину сто тридцать — сто пятьдесят миль.

И еще, что весьма любопытно, у коралловых рифов берег с внутренней стороны отлогий, то есть со стороны пролива, тогда как с внешней стороны берег напоминает отвесную стену высотой в двести или триста футов. Действительно, странными сооружениями являются эти барьерные рифы; похожие на крепости, воздвигнутые высоко в горах, они словно охраняются мощными стенами из коралловых скал с отвесными наружными, а порой и внутренними склонами, с широкой платформой на вершине и широкими проемами у основания, позволяющими самым большим кораблям входить в эти огромные рвы.

В заключение следует сказать, что ни одна из теорий, объясняющих происхождение атоллов, береговых и барьерных рифов не может, видимо, считаться удовлетворительной. Так, Дарвин вынужден был поверить в постепенное погружение широких пространств суши, усеянных чуть выступающими из воды островками, куда ветер и волны приносят различные обломки, хотя острова эти созданы полипами, возводящими свои сооружения лишь на небольшой глубине.

Ученый полагает, что остров, окруженный береговыми рифами, чаще всего медленно, а иногда и сразу, погружается на несколько футов в воду. Колонии животных кораллов достигают вскоре поверхности океана, однако океан продолжает свое наступление, и остров погружается все более, что приводит к уменьшению его размеров и расширению пролива, отделяющего сам остров от окружающих его береговых рифов. Глубина же пролива зависит от глубины погружения острова и роста кораллов с их хрупкими ветками, способными жить только в лагунах.

Вот каким образом расстояние между сушей и окружающими их вначале береговыми рифами расширяется, хотя острова сохраняют при этом очертания берегов, послуживших для них как бы формой для отливки. Вот каким образом береговые рифы на расстоянии порой пятнадцати миль от берега превращаются в барьерные.

Исчезновение целого континента имеет те же последствия. Горы постепенно становятся островами, окруженными на определенном расстоянии барьерными рифами, после погружения под воду они превращаются в атоллы с лагунами на месте исчезнувших островов.

Если от выступающего гребня новых скал провести перпендикулярную линию к их основанию, служившему некогда фундаментом для береговых рифов, можно будет легко убедиться в том, что линия эта опустится ниже той глубины, на которой могут жить коралловые полипы. Следовательно, эти маленькие строители, по мере того как опускается основание сооружения, продолжают свою непрерывную работу.

ГЛАВА 8

Мрачные страницы истории жизни Фрике и Пьера Легала.— Логово бандитов.— Победа достается дорогой ценой.— После четырехдневного плавания.— Виктор так и не смог научиться произносить букву «р».— Новая Гвинея, или страна папуасов.— Самый большой после Австралии остров на земле.— Жители гор и жители побережья.— Разнообразие растительного мира.— Первый выстрел Пьера Легала.— Жаркое пришлось весьма кстати.— Кенгуру.— Как пополнить запасы провизии, необходимой для длительного путешествия.— Саговая пальма.

— О чем ты думаешь, моряк? — спросил Пьер, заметивший, что друг его глубоко задумался.

Парижанин вздрогнул, словно неожиданно разбуженный знакомым голосом, но тут же овладел собой и ответил как-то слишком серьезно, что не вязалось с его веселым нравом:

— Я не в первый раз попадаю на атолл... И наш коралловый остров напомнил мне одно из самых драматических событий моей беспокойной жизни. Менее трех лет назад подводные гроты одного из островов, подобных этому, стали ареной жесточайшего сражения. Отважному экипажу французского крейсера, неотступно преследовавшему таинственных бандитов, удалось настигнуть негодяев у их собственного логова, на атолле, расположенном на сто сорок третьем градусе восточной долготы по Парижскому меридиану и двенадцати градусам двадцати двух минутах южной широты. То есть менее чем в ста восьмидесяти милях отсюда.

— Это же был мой корабль... «Эклер»! — воскликнул взволнованно Пьер. — И командовал им капитан Вальпре... мой командир.

— Да, такие события не забываются.

— Тысяча чертей! Все было действительно ужасно!

— Эти подлые бандиты, эти враги общества, о которых мы знаем лишь, что их зовут морскими разбойниками...

— Они вполне заслужили такое отношение.

— Головорезы оказывали бешеное сопротивление, и с каким остервенением, с каким страстным желанием убивать! Страшная была резня! Сражайся они за справедливое дело, их можно было бы считать героями. Розоватые ветви подводных коралловых зарослей покраснели от крови. Помнишь, Пьер, каким бешеным огнем встретили нас в этом темном коридоре, когда мы ползком продвигались вперед, следуя за нашим маленьким чернокожим принцем. Выстрелы, эхом отдававшиеся в гротах, ружейные вспышки, свист пуль, обломки скал, разлетающиеся в разные стороны, крики умирающих...

— Помню, конечно. Разве можно забыть такое? Но мы победили. Правда, это нам досталось нелегко... А в общем-то славные были времена...

— Да, действительно славные, с нашим добрым доктором, господином Андре, моим приемным отцом и названным братом.

— И командовал нами господин Вальпре, самый отважный моряк в мире.

— Я и сейчас ясно помню, как закончилась наша

экспедиция, зрелище невероятное и в то же время совершенно реальное. Главарь бандитов, стоя посреди созданного кораллами зала со сводчатым потолком, который, казалось, оправдывая свое название «кровавая пена», истекал кровью, поднял свой карабин и, прицелившись в толстую стеклянную доску, вделанную в стену в глубине атолла, крикнул громовым голосом: «Этот грот станет нашей общей могилой, могилой морских разбойников». Он выстрелил! Стекла́нная плита вдребезги разлетелась. Вода хлынула в грот, увлекая за собой мертвых и раненых, друзей и врагов... Потом раздался звук трубы, и мы отступили... Мы отступили, но одержали победу!

— Послушай, Фрике, сынок, ты очень взволнован. Право, для этого нет никаких причин. Наоборот. После того сражения господин Андре и капитан стали друзьями, да и мы с тобой тоже подружились. Все закончилось очень хорошо. Знаешь, вы здорово тогда поработали, хотя и оказались на борту военного корабля случайно. Без вас мы бы ничего не добились.

— Ты говоришь, что я очень взволнован, но ты не совсем прав, хотя я и впрямь не могу спокойно думать об этом событии. К чему скрывать? У меня такое чувство, что мы не смогли уничтожить всех своих врагов. Это сообщество морских пиратов было слишком могущественным, чтобы его можно было вот так сразу уничтожить.

— Как? Разве их треклятый корабль, который они могли по своему желанию превратить и в трехмачтовое судно, и в плавучую тюрьму, корабль с каким-то особым чертовым двигателем вместо обычной паровой машины, с пушками, замаскированными чуть ли не под рыболовные снасти, разве он не затонул на наших глазах внутри этого, как ты его там называешь, атолла?

— Да, он пошел ко дну на наших глазах. Но вот затонул ли он? Сомневаюсь. Кто может поручиться, что столь великолепное создание современной науки не превратилось в подводный корабль? Кто может доказать, что он не вышел из своего недоступного укрытия еще более опасным, еще более неуязвимым, чем был до этого, и что сейчас он не бороздит океан?

— Вообще-то все возможно. Но их самый главный мерзавец, живший в Париже чуть ли не во дворце, утонул в сточной канаве во время бегства, когда его собирались схватить, он-то действительно отправился на тот свет.

— Мы знаем лишь, что после страшного ливня в одной из сточных канав, сообщающихся с домом, в котором жил

предполагаемый главарь этих бандитов, был найден труп с лицом, изъеденным крысами, его невозможно было опознать.

— Тысяча чертей! Ты прав. Но тогда, значит, нам придется все начинать сначала.

— Вероятно, и положение у нас сейчас весьма плачевное: без гроша за душой мы рассеяны по всему свету. Нам-то с тобой бедность не страшна, но...

— Да, ведь у нас на руках ребенок! Бедная девочка!

— Ты тоже ее не забыл!

— Я? — с неожиданной живостью воскликнул Пьер Легаль. — Разве мог я забыть это милое создание?! Право, ты лишился рассудка, сынок. Она и сейчас стоит у меня перед глазами, с ее длинными пшеничными косами и с огромными голубыми, как небо, глазами. Как сейчас слышу ее нежный голосок. Она говорила мне, когда я, проведя месяц на суше, начинал скучать по запаху гудрона и, стоя у окна, барабанил по стеклу: «Ничего не поделаешь, милый Пьер, вы тоскуете по морю, вам надо поскорее отправиться в плавание и постараться как можно скорее вернуться обратно. Я буду скучать без вас, я буду обязательно вам писать. О, мне известно, что такое тоска по океану. Для моряка океан — родина. Ведь я — дочь моряка». Видишь ли, ее слова, ее голосок дороже мне, чем команда: «Внимание, меняем курс». Я слышу это сердцем, — закончил боцман, ударив себя кулаком в грудь, и удар этот прозвучал как удар гонга.

— Дочь моряка... — с грустью произнес парижанин. — Она думает, что отец ее был человеком без страха и упрека, настоящим моряком. Мэдж даже не догадывается, что ее отец — Флахан, главарь морских бандитов! К счастью, только пять человек знают эту страшную тайну: господин Андре, капитан, доктор Ламперьер, ты и я, а мы все — люди чести. Наша сестренка Маргарита должна быть счастливой.

— Отец ее перед смертью раскаялся, искупил свою вину. Ты прав, девчушка должна быть счастливой.

— Это так, мой друг. И все же ее судьба меня очень печалит. Чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь, что не случайно столько несчастий обрушилось на нас за последние два года. Господин Андре и доктор разорены, у капитана тоже ничего не осталось, кроме пенсии, а он ведь должен кормить еще мать и сестру. Господин Андре, желая оставить хоть какое-нибудь состояние своей приемной дочери, на последние деньги создает новое дело,

компанию «Плантаторы-путешественники Суматры». Не дав мне времени опомниться, он увозит меня с собой, вызывает тебя из Тулона, и мы вместе с доктором оказываемся на Суматре.

Поначалу все идет как нельзя лучше. Поездка в Макао за китайскими кули — простая прогулка в обычное время, но мы почему-то попадаем в руки морского разбойника, который обворовывает нас, присваивает себе наших китайцев и сажает вдобавок под замок. А сейчас, сидя втроем, причем один из нас — ребенок, на затерянном в океане острове где-то у берегов Новой Гвинеи, мы не в силах ничего предпринять.

— Послушай,— проговорил Пьер в волнении,— не видишь ли ты в обрушившихся на нас за последнее время несчастьях происки врагов?

— А почему бы и нет? Как бы то ни было,— продолжал Фрике, почувствовав новый прилив энергии,— нам нанесли удар, но о победе или поражении говорить пока рано. Бывало и хуже. Время идет, и мы должны взять реванш. Вот почему надо как можно скорее добраться до цивилизованных стран и вступить в борьбу.

Следующим утром друзья спустили на воду пирогу и, подкрепив свои силы мясом жареной черепахи, покинули этот пустынный атолл, вызвавший у них столько воспоминаний. Четыре дня прошли спокойно, они проплыли мимо цепи коралловых островов, разделенных небольшими проливами. По мнению Фрике, это были острова Д'Антраксто.

Данная группа островов, расположенная неподалеку от юго-восточного берега Новой Гвинеи, очень плохо изучена, а населяющие ее туземцы, если судить по тем враждебным крикам и угрожающим жестам, которыми было встречено появление пироги, столь же негостеприимны, как и жители острова Вудлак.

Пристать к берегу оказалось невозможно, к великому неудовольствию Пьера, хотевшему спокойно поспать после обеда и, главное, пополнить запасы не слишком сытной еды, захваченной путниками в дорогу.

— Боцман Пьер, вы грешите чревоугодием,— добродушно подсмеивался Фрике над своим другом.— Извольте немного потерпеть, и мы приготовим вам блюда, которые вполне можно было бы подать в лучших ресторанах Парижа.

— Хм,— пробурчал моряк.— Бульвары! Они слишком

далеко отсюда, мой вечный гамен*. Ты уплетаешь здешние дрянные бобы с таким аппетитом, будто это лепешки из пшеницы самого лучшего сорта.

— Бобы! — прервал его возмущенный Фрике. — Это ямсы, пататы, кокосовые орехи, бананы, равных которым я не видел в витринах парижских магазинов, когда ел пустой хлеб, запивая его водой. Сразу видно, черт побери, что тебе не приходилось жить впроголодь, как мне, целых пятнадцать лет.

— Ты прекрасно знаешь, сынок, что я неприхотлив в еде. Да и никак не скажешь, что у моряков разнообразное и изысканное меню.

— Тогда почему же ты жалуешься?

— Я не жалуюсь. Я просто брюзжу, оттого что время идет, а мы почти не двигаемся. Мне кажется, это слишком однообразно, ты согласен со мной, Виктор?

— Да, господин, — с уважением проговорил молодой китаец.

— Да, господин, да, господин, твоя речь столь же однообразна, как и наше меню, мой милый, — продолжал Фрике, — послушай, мы все здесь друзья, к чему эти церемонии? Называй меня просто Фрике.

— Холосо, господин.

— Скажи: Фрике.

— Флике.

— Ладно, видно, так на роду написано, все мои приемные дети будут так или иначе коверкать мое имя. Наш черный принц называет меня Флики, а мой желтокожий малыш — Флике. Однако это уже шаг вперед. Неплохо, малыш, а в имени этого просмоленного моряка столько «л», что тебе оно должно прийтись по вкусу.

— Да... Пиель Легаль.

Тут Фрике охватил безумный приступ смеха, а вслед за ним рассмеялся и бретонский моряк.

— Это действительно уму непостижимо! Ему мало двух «л», так он еще одно добавил.

У бедняги Виктора на глаза навернулись слезы, он решил, что сказал какую-то глупость. Еще немного, и мальчуган бы расплакался.

— Полно, дурачок, разве ты не видишь, что мы шутим? Посмейся вместе с нами. Называй нас как хочешь. Ты славный паренек, и мы тебя искренне любим.

Старый моряк протянул китайчонку свою мозолистую

* Гамен (*фр.*) — уличный мальчишка; сорванец, проказник.

честную руку, тогда как Фрике, глядя на ребенка добрыми светлыми глазами, спросил:

— Ладно, Виктор, наверно, и в твоей стране есть немало уличных мальчишек? Среди нас много славных ребят, и в Париже, и в Пекине, и мы преданы душой и телом своим друзьям. А вы, господин Пьер Легаль, можете не волноваться, в ближайшее время мы пополним наши припасы, заготовим несколько сортов хлеба, который, хоть и не выпекается, не хуже на вкус, чем тот, что едят у нас на родине. Я имею в виду саго.

— Никогда ничего не слышал об этом.

— Скоро сам увидишь. Ладно, надо подготовиться к высадке, так как через несколько часов наша пирога достигнет берегов Новой Гвинеи.

— Ты думаешь, мы уже добрались до нее, сынок, и наше плавание подходит к концу?

— Думаю, да, если только мы не сбились с курса.

— Такого, поверь мне, быть не может.

— Я того же мнения. Тем более, эта невысокая цепь темно-синих гор на горизонте может быть только на большой земле. Но не стоит терять бдительность: хоть край этот очень красив, жители его не слишком добры.

— Вероятно, они тоже людоеды.

— Да, таких здесь большинство. Но, может быть, нам повезет, и мы встретим племена, которые не любят лакомиться человеческим мясом, тут все дело случая. Впрочем, такого приема, как на острове Вудлэк, думаю, здесь не будет,— папуасы этого континента уже общались с европейцами.

— Ты сказал «континента», сынок.

— Новую Гвинею вполне можно назвать континентом, ведь после Австралии это самый большой остров в мире*.

— Вот как!

— Если мне не изменяет память, он имеет в длину не менее четырехсот лье и около ста тридцати лье в ширину а общая площадь составляет сорок тысяч лье.

— Да, черт возьми, тогда ты действительно можешь называть этот остров континентом. А каковы его географические координаты?

— На нашей обрывке карты он находится между сто тридцать первым и сто пятьдесят первым градусами вос-

* Сравнение Л. Буссенара парадоксально: Новая Гвинея по величине действительно является вторым в мире островом, но после... Гренландии! Австралия относится к континентам, сопоставлять ее с островами неправомерно.

точной долготы и нулевым градусом девятнадцатью минутами и десятым градусом сорока минутами южной широты.

— Да, не маленький, ничего не скажешь!

— К сожалению, остров еще плохо изучен. Западный берег посещается европейцами гораздо чаще, и там есть даже несколько голландских поселений, но на этом берегу таковых нет.

— А что ты скажешь о туземцах?

— Видишь ли, некоторые авторы утверждают, что они являются как бы переходной группой между малайцами и эфиопами.

— Хотя я и не часто их видел, мне кажется, они не похожи ни на тех, ни на других.

— Полностью с тобой согласен. Кроме того, их подразделяют на две группы, на арфаков, жителей гор, и на собственно папуасов, жителей побережья.

— Папуасы!.. И тут папуасы.

— Но ведь настоящее имя Новой Гвинеи — Папуазия, я думал, ты это знаешь. А название арфаки, видимо, связано с цепью гор на этом острове, и теперь так называют их жителей. Но сделать из этого вывод, что все горцы — арфаки, было бы, на мой взгляд, слишком опрометчиво.

— В общем, это нас не слишком касается.

— Как раз наоборот. Папуасы с побережья, я где-то об этом читал, менее жестоки, чем жители гор. И кажется, папуасы в деревне Дорей, где имеется представитель Голландии, прекрасно ладят и с белыми, и с малайцами. И вот доказательство, когда путешественники или купцы направляются в сторону гор, жители побережья в ужасе кричат им: «Арфаки! Арфаки!»

— И далеко ли находится эта деревня Дорей? Она наверняка как-то связана с цивилизованными странами.

— Приблизительно в четырехстах лье отсюда, то есть на северо-западе острова, а мы находимся на юго-востоке.

— Вот как! Но вообще-то четыреста лье можно преодолеть, нужно лишь время.

— Я думаю, нам лучше взять курс на Торресов пролив и добраться до острова Буби.

— Что это еще за остров?

— Я говорил, что у меня есть для тебя сюрприз, но тебе придется потерпеть.

— Ладно.

— Как бы то ни было, нам нужно пристать к берегу

чтобы отдохнуть после плавания и пополнить наши припасы. Вот что я предлагаю. Как только пристанем к берегу, найдем местечко, где сможем спрятать имеющееся у нас оружие, провизию, лопаты, одним словом, все, что не сможем взять с собой.

— Здесь, к счастью, немало гротов.

— Затем снимем мачту, перевернем пирогу вверх дном, опустим в воду на пять или шесть саженей, так чтобы никто ее не увидел.

— Прекрасно. Твой план мне нравится. Остается только его осуществить. Будь осторожен, вот и земля.

Французы благополучно пристали к берегу, и план Фрике был тут же приведен в исполнение. Когда пирогу опустили на дно, а ее содержимое искусно укрыли в глубокой расщелине, путешественники, сделав предварительно все необходимые пометки, которые должны были позволить им найти свои скромные пожитки, и захватив с собой топоры, пилу и ружья, направились, ориентируясь по компасу, в глубь острова.

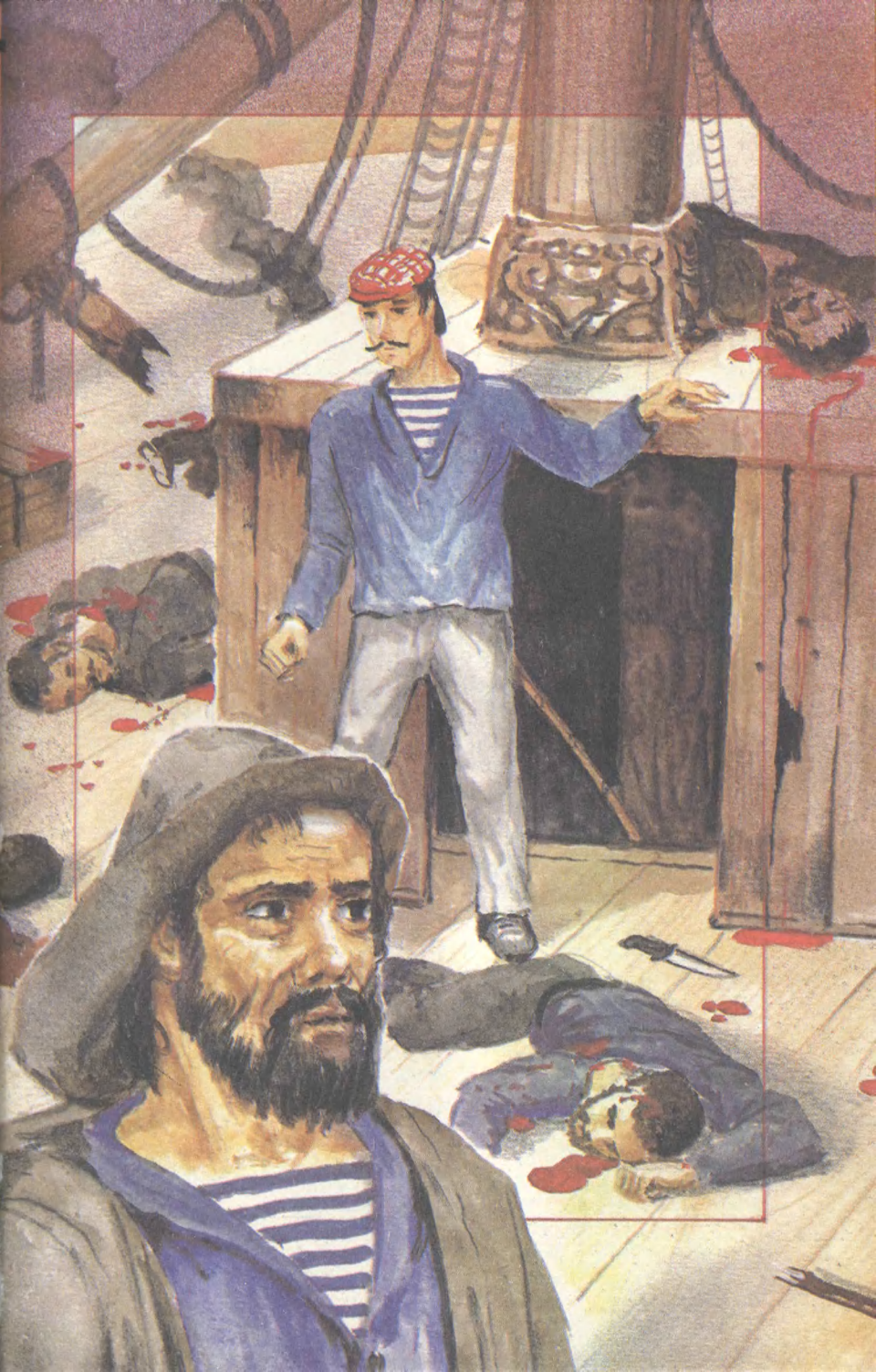
Через несколько минут друзья потеряли из виду берег и оказались в великолепном тропическом лесу. Вообразите множество огромных и неправдоподобно красивых растений, даже в наших европейских оранжереях, не достигая истинного великолепия, они вызывают восторг у самых равнодушных посетителей. Туковые деревья, гибискусы, мускатные и коричные деревья, панданусы, хлебные деревья, фикусы, пальмы всех видов, древовидные папоротники, бобовые растения с тонкими листьями, гигантские мимозы.

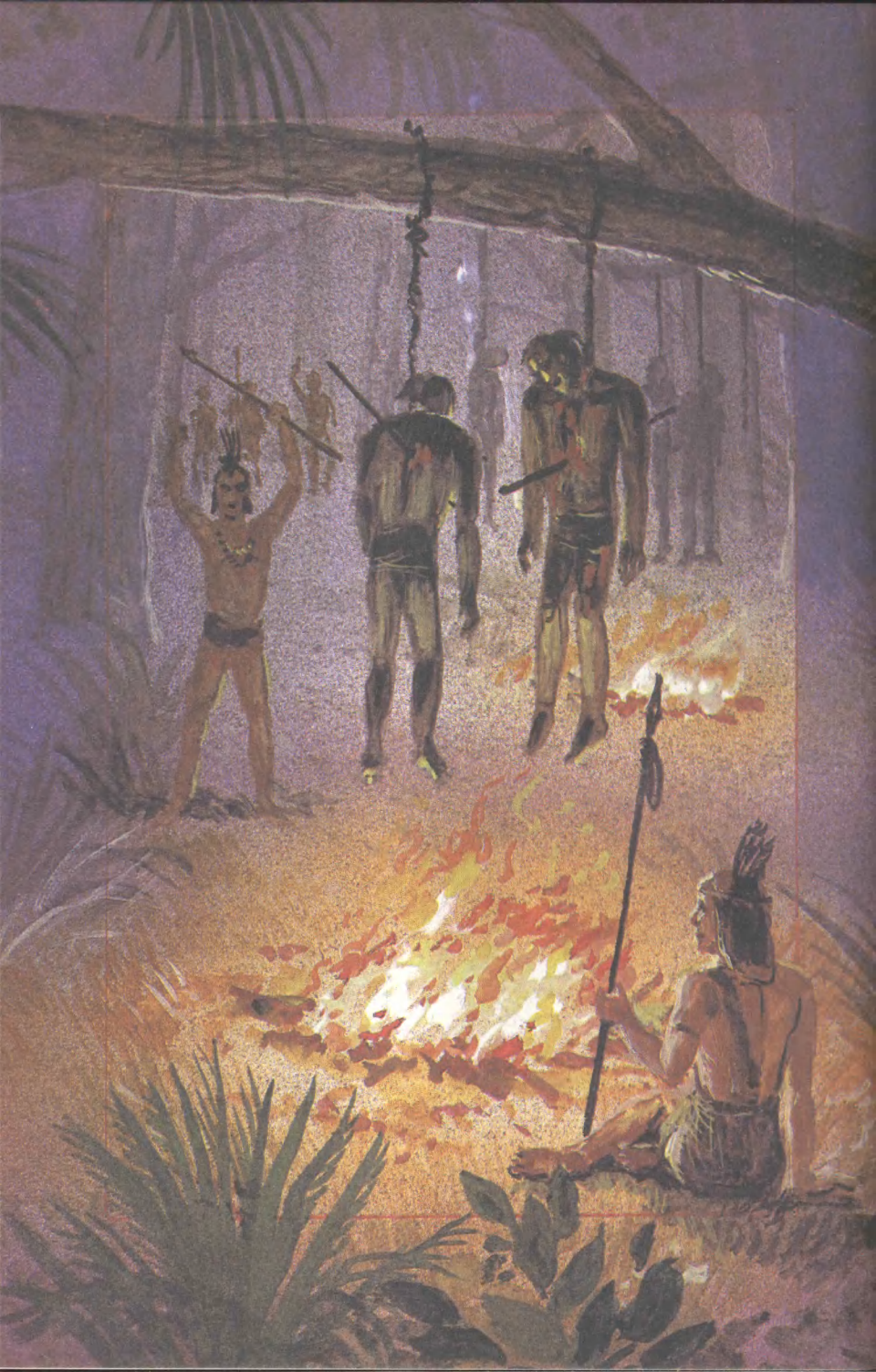
Вершины деревьев смыкались, образуя над головами путешественников вечнозеленый, украшенный ослепительно яркими цветами свод, оттуда, будто снасти бесчисленного множества кораблей, свисали лианы. Фрике, хоть и не мог не восхищаться этим чарующим зрелищем, не забывал об элементарной предосторожности, необходимой в девственных лесах. Он очень ловко делал топором насечки на стволах увешанных роскошными орхидеями гигантских деревьев.

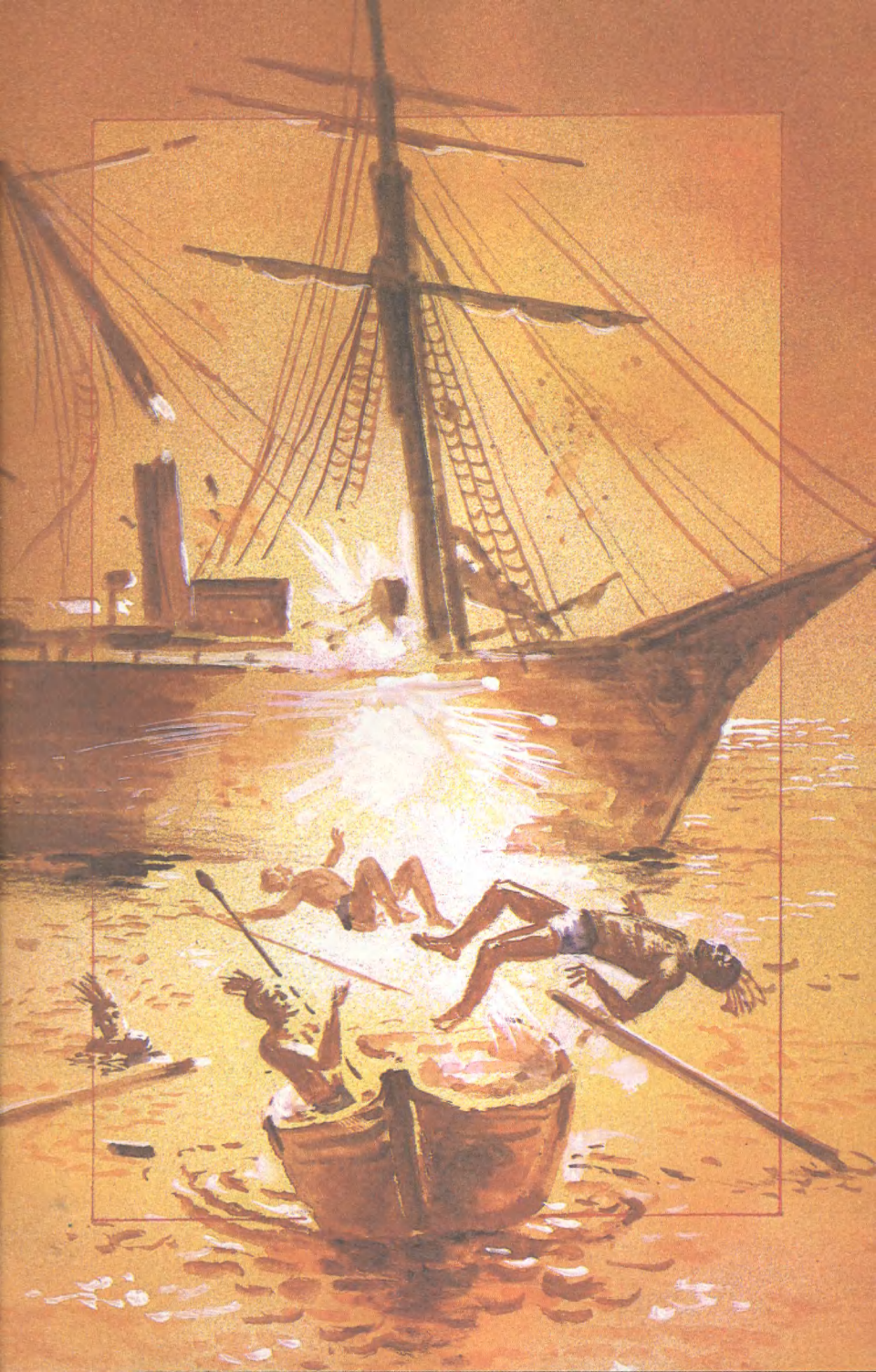
— Это поможет нам на обратном пути.

— А вот и обед,— сказал Пьер Легаль, вскинув ружье и выстрелив в самую чащу леса.

Целая стая птиц, сидевших на верхних ветках, взлетела в воздух с шумом, напоминающим раскаты грома, а попугаи, разбуженные столь непривычным звуком, возмущенно и оглушительно затараторили.

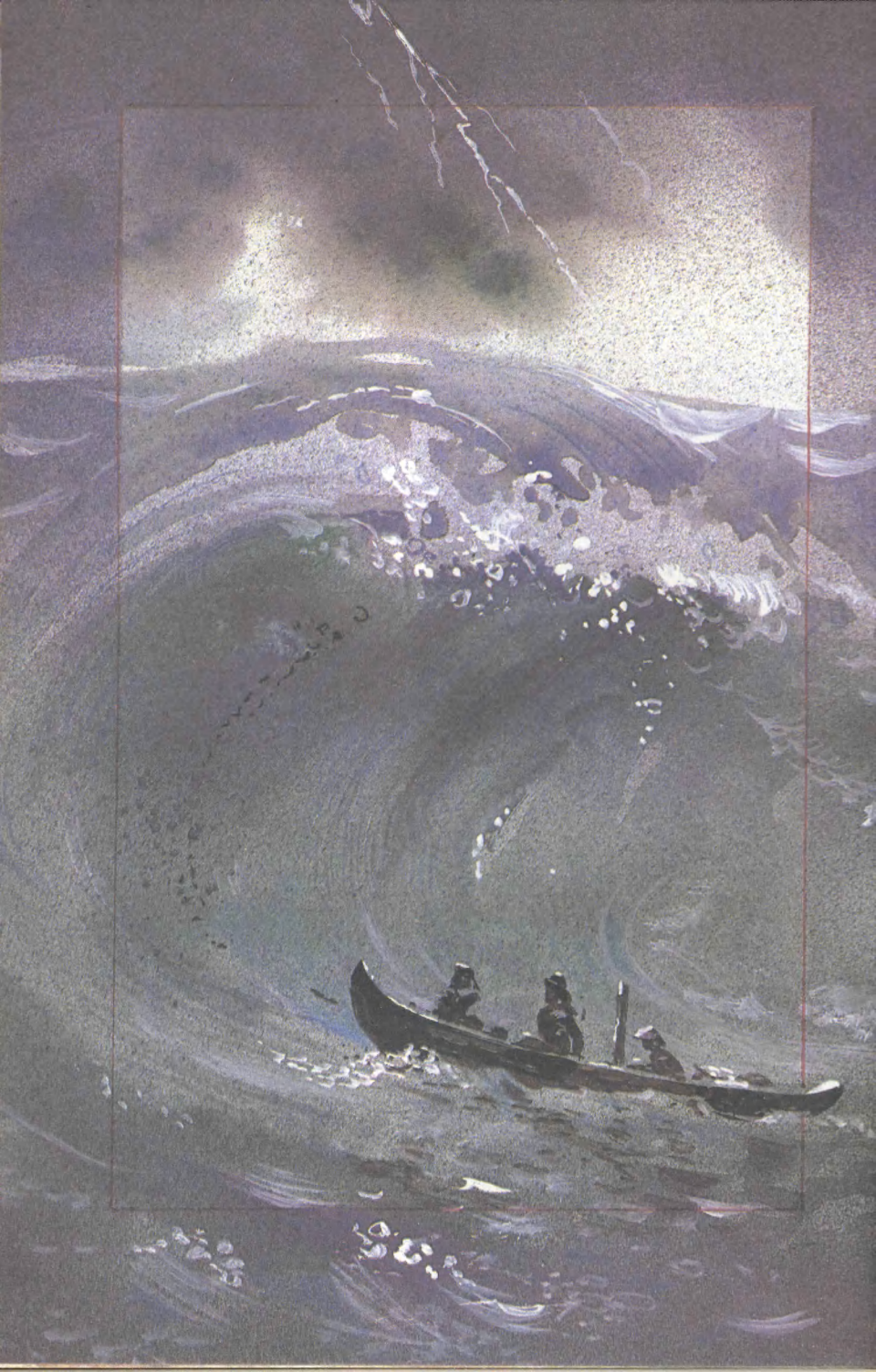

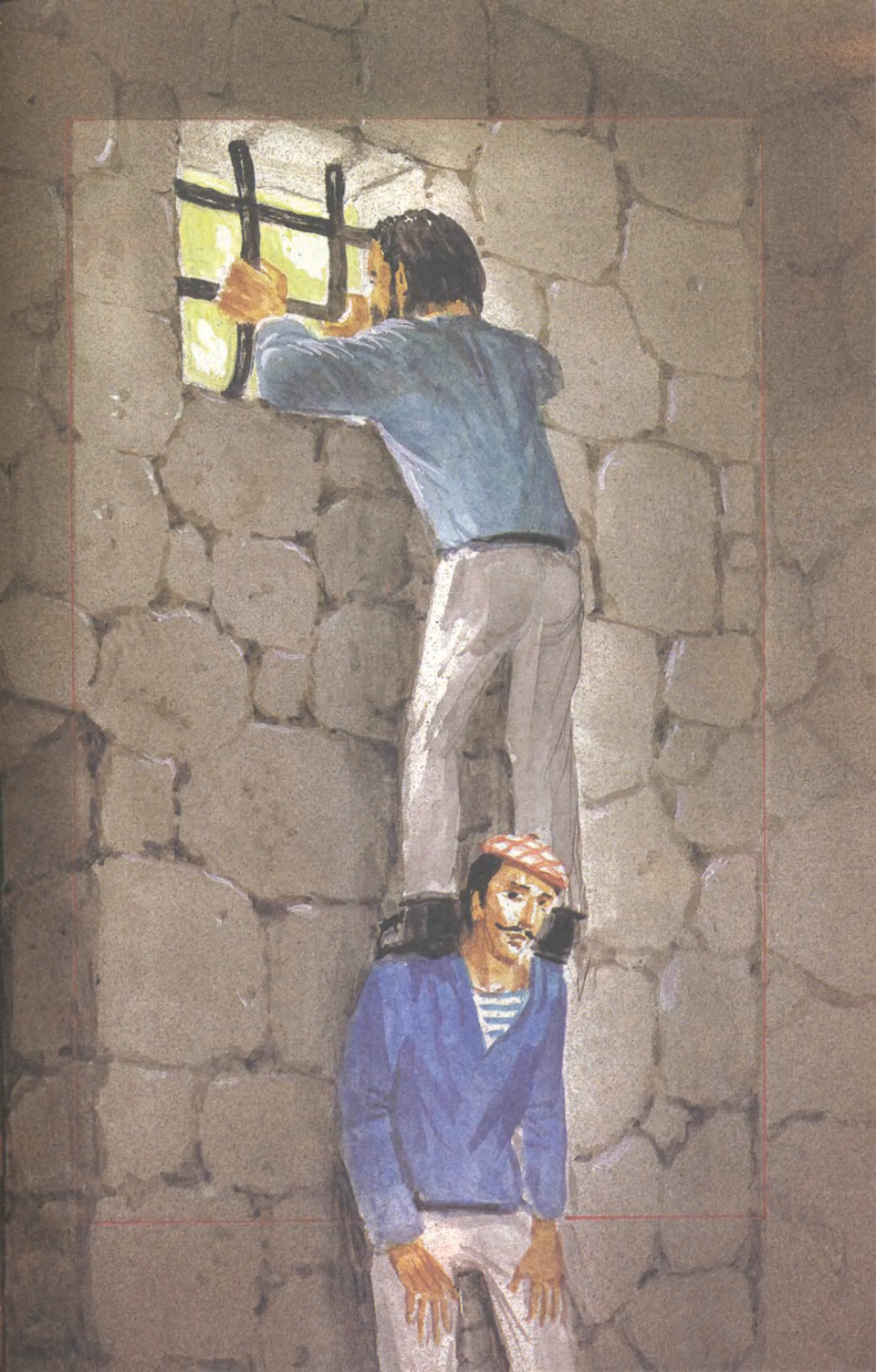

— Разлетелся наш обед, старина Пьер.

— Какого дьявола ты смотришь вверх, сынок? Мой зверь не сидит на рее*, а скачет по палубе, как лягушка, он не меньше барана и прыгает уж очень забавно. Вот смотри...

Пьер Легаль углубился в чашу и через минуту вынырнул оттуда, волоча за ногу странное животное, чья темносерая шелковистая шкурка была пробита пулей.

— Как ты считаешь, это годится на жаркое?

— Еще как годится. Тебе здорово повезло с первого раза. Это великолепный кенгуру, и надо сказать, у них очень вкусное мясо.

— Прекрасно. Я займусь им, а вы не теряя времени разожгите костер.

— Ты, видно, сильно проголодался!

— Еще бы! Я бы съел сейчас отбивную из слона, заднюю ногу тигра и филе бешеной собаки... А этот зверек, значит, и есть кенгуру. Очень рад за него и за нас тоже. Странное все-таки животное, задние ноги раз в шесть длиннее передних, хвост не меньше аршина, а голова красивая, как у газели. Что ж, жаркое скоро будет готово у нас нет ни вина, ни хлеба, но зато мяса предостаточно.

— Если ты согласен подождать, получишь и то и другое.

— Подождать! Когда у меня живот подвело.. Это несерьезно.

К счастью, костер уже был разведен, и через несколько минут от кенгуру, умело насаженного на ветку коричневого дерева, шел восхитительный аромат. Фрике, пока его друг с горящими глазами наблюдал, как поджаривается мясо ненадолго исчез. Он возвратился вместе с Виктором, оба были нагружены, словно мулы контрабандистов.

— А вот тебе и десерт. Бананы, манго и ананасы. Ну как, доволен?

— Все по первому классу.

— Тогда примемся за еду, я тоже зверски проголодался!

За время обеда, который был съеден с большим аппетитом, Фрике не произнес ни слова, что с ним редко бывало. Когда же с трапезой было покончено, он заговорил первым:

* Рея — металлический или деревянный поперечный брус, прикрепленный к мачте судна, предназначенный для прикрепления прямых парусов и поднятия сигналов. (Примеч. *перев.*)

— Сейчас, когда мы смогли подкрепиться, следует заготовить как можно больше провизии. Нам выпала редкая удача, поскольку, если верить путешественникам, в стране папуасов водится не так уж много дичи.

— Готов сделать все, что скажешь,— откликнулся Пьер.— Теперь, когда я подзаправился, не грех приняться и за работу. Так что говори, сынок, слушаю тебя.

— В нашу лодку мы можем погрузить более двух тысяч килограммов провизии.

— Моряк сказал бы: более двух тонн.

— Пусть, двух тонн. Нам предстоит очень длительное путешествие. Кто знает, сможем ли мы в ближайшее время пополнить свои запасы? А имея всего в избытке, приставать к берегу надо будет лишь в случае крайней необходимости.

— Загрузить нашу лодку нетрудно, но не получится ли так, что вся эта провизия очень скоро испортится и мы останемся ни с чем?

— Я за все в ответе. Рыба и мясо, если мы решили, что они нам нужны, смогут сохраниться две или три недели, а мука — полгода и более.

— Мясо и рыба — это еще куда ни шло. Их можно прокоптить или засолить, но мука, где, черт побери, ты собираешься взять муку?

— Я говорю о саго.

— О саго?

— Сейчас мы постараемся отыскать саговые пальмы и завтра на рассвете примемся за работу.

— Значит, саговая пальма, как ты ее называешь, и есть что-то вроде хлебного дерева, в его плодах содержится неплохая на вкус мука. Мне помнится, я уже слышал об этом.

— Ты ошибаешься, старина. Этот ценный продукт находится не в плодах, а в сердцевине дерева. И в пище полинезийцев саго занимает то же место, что и маниок* в пище индейцев Южной Америки, одним словом, заменяет им хлеб. Однако ты скоро убедишься во всем сам. Здесь наверняка много саговых пальм. Болота с горьковато-солоноватой водой — самое подходящее место для них. Вот видишь наклонившееся к земле огромное дерево? Оно словно все укутано огромными листьями, а на верхушке его огромный букет.

* Маниок — род тропических растений; из содержащих крахмал клубневидных корней маниоки съедобной готовят крупу (тапиоку).

— Это и есть саговая пальма? Нам нетрудно будет ее срубить; какая у нее, однако, странная форма. Она всегда растет под таким наклоном?

— На зыбких участках, как этот, нередко встречаются целые рощи саговых пальм, стелющихся прямо по земле.

— Может, нам сразу же приняться за дело?

— Зачем? Скоро наступит ночь. И, пока еще не стемнело, лучше построить на всякий случай укрытие. Нам понадобятся для этого несколько длинных шестов, чтобы прикрепить их к стволам деревьев, восемь — десять больших листьев саговых пальм, и крыша будет готова. А завтра возьмемся за работу.

ГЛАВА 9

Моряк превращается в дровосека, а затем и в мельника.— Мукомольный завод папуасов.— Корзины, фильтр, ступка, лоток.— Саговые пальмы.— Подготовительная работа.— Приготовление океанической манны.— Одна пальма может вполне прокормить в течение года одного человека.— Достаточно десяти рабочих дней, чтобы обеспечить туземца на год.— Что можно приготовить из муки.— Котелок может взорваться.— Нежданные голодные гости.— Два негритоса из Новой Гвинеи.— Славные людоеды.— Как полезно знать малайский язык.— Непредвиденное нападение.

Стая попугаев, сидевших на верхушках деревьев, громко протрубила утреннюю зорю и разбудила наших друзей, спавших глубоким сном.

— За работу, ребята,— сказал Пьер, проснувшись первым.— Солнце уже ярко светит, топоры наши хорошо наточены, немного усилий, и урожай будет собран. Из моряка я превращаюсь в дровосека, а затем и в мельника. Через несколько часов меня уже будут звать не Пьер Легаль, а мельник Пьер.

— Как,— удивился Фрике,— прямо сейчас, натошак, не позавтракав?

— Сынок, не все коту масленица. Вчера мы поели на славу, как по большим праздникам, сегодня же сперва надо потрудиться.

— Как скажешь. Раз ты так решил, ничто не мешает нам сразу же взяться за дело, тем более днем нам придется из-за жары устроить перерыв.

— Знаешь, не по мне все-таки этот экватор, солнце

здесь способно самого заправского моряка превратить в тряпку, оно все мозги может тебе расплавить.

— Да уж, здешнее солнце отличается от того, под лучами которого у нас во Франции зреют вишни в Монморанси или виноград в Сюрсене. Но, будем справедливы, эти большие деревья, эти прекрасные плоды, эти великолепные цветы вполне вознаграждают нас за муки. Потерпеть кораблекрушение у этих берегов, пожалуй, можно считать редкой удачей. По-моему, сто раз лучше загорать под палящим солнцем, по соседству с кайманами и очковыми змеями, чем замерзать в гостях у белых медведей.

— Не спорю. Но, признайся, здешние душные и длинные ночи начинают в конце концов действовать на нервы. А днем работать можно лишь с шести до девяти утра и с трех дня до шести вечера, в общем счете шесть часов в день, а восемнадцать часов волей-неволей приходится бездельничать. Это уж слишком.

— Слава Богу, мы из тех, кто и за шесть часов способен своротить горы.

— Потому-то я повторяю: за работу!

— Да. Займемся мукой. Чтобы не терять драгоценного времени, я с твоего позволения, распределяю обязанности.

— Слушаю твою команду.

— Во-первых, нужно срубить эту кокосовую пальму, на ней не меньше дюжины еще незрелых орехов.

Хватило пяти или шести ударов топора, и стройная пальма с глухим шумом упала на землю.

— Готово,— ответил Пьер Легаль.

— Видишь этот волокнистый мешочек с тонкими табачного цвета петлями, который опутывает у основания хвост каждого ореха?

— Вижу, конечно.

— Мы используем их как фильтры, когда после обеда начнем просеивать сердцевину ствола саговой пальмы. Их следует снять очень осторожно, чтобы не повредить.

— Готово!

— Теперь надо каждому из нас срубить толстую палку или даже, вернее, дубину.

— Это дело нетрудное, через четверть часа ты их получишь.

— Хорошо, а сейчас выберем подходящее дерево. Думаю, эта пальма — то, что нам нужно. Не слишком высокая, не слишком толстая, метров шесть высоты и метр с четвертью в диаметре, и если судить по этой легкой

желтоватой пылице, которая покрывает листья, то в ней полным-полно вкуснейшей муки.

— Ее надо будет затем разрубить на небольшие чурбаки?

— Все в свое время. Теперь, когда у нас есть пестики, нам нужна ступка.

— Пожалуй, ты прав. Но где взять эту ступку?

— Все очень просто. Толщина самой древесины не больше трех сантиметров. Надо очень осторожно спилить ствол, на высоте сантиметров двадцати пяти от земли.

— Черт побери! Какая твердая древесина.

— Но, слава Богу, древесина очень тонкая.

— Смотри-ка, она рыжеватая, как кирпич.

— Это только внизу, выше она матово-белого цвета. Несколько ударов пестика — и все, что находится внутри, превратится в пыль.

— Понял. Освобожденный от сердцевины пень и станет нашей ступкой. Ну и умен ты, дружище.

— У нас уже есть и ступка и пестик, теперь нужны лоток для промывки и корзины. Лоток делаем мы, а корзинами займется Виктор. Если плести их из этих гигантских листьев, то в каждую можно будет сложить килограммов двадцать мякоти, средняя часть листа отличается удивительной прочностью, а из волокон этих листьев можно вполне было бы сделать трос для грузовой стрелы.

— Принимайся за работу, Виктор, и приготовь каждому из нас по корзине.

— Холосо! Холосо! Моя может это делать.

— А лоток мы сделаем из верхушки дерева, отпилив ее у самой кроны.

Фрике проделал эту операцию очень ловко. С помощью топора, пилы и абордажной сабли он снял широкую полосу коры, не повредив при этом кроны, ставшей как бы основанием для чана.

— Теперь все в порядке. Все нужные инструменты, кроме фильтра, мы изготовили из самой саговой пальмы. А как продвигаются твои корзины?

— Сколо, сколо, Фликке... Сколо моя сделает две колзинки, сколо тли.

— Теперь надо разрубить ствол на чурбаки в метр длиной, а потом выбрать оттуда сердцевину.

— Тысяча чертей! Столько приготовлений, чтобы достать это густое, похожее на сморщенное яблоко тесто, его же можно просто рукой достать.

— Попробуй, если получится.

Боцман засучил рукава рубашки, обнажив мускулистые, привыкшие к тяжелой работе руки.

— Это проще простого.

Фрике улыбнулся. Пьер обеими руками с силой потянул густую сердцевину на себя и убедился в бесполезности своих усилий.

— Черт подери,— проворчал он с комическим вздохом,— хлеб плотно пришвартовался к квашне.

— Пришвартовался, хорошо сказано. Смотри.— Фрике поскреб слегка своей саблей мучнистую мякоть, обнажив очень тонкие, но прочные деревянистые волокна, пронизывающие горизонтально эту массу.— Видишь эти тонкие веревочки?..

— Ах, вот оно что! Как же можно разорвать эти чертовы нити? Они так крепко прикреплены к стволу, словно тут поработал умелый марсовой.

— Вот потому нам и нужна дубина. Надо сперва хорошенько растолочь сердцевину, а затем высыпать ее в ступку.

— Хорошо, а что дальше?

— Увидишь.

Оба друга, обладавшие недюжинной силой, взяли по дубине и стали бить по сердцевине дерева, затем уже размягченную массу они высыпали в ступку. Первый отрезок ствола был совершенно пуст, остались лишь стенки цилиндра толщиной в три сантиметра, это было похоже на чугунную трубу, наподобие тех, что используют в городе при прокладке водопровода.

— Теперь уже в ступке нам надо превратить эти куски в муку, а затем мы промоем ее.

— Работа в этой пекарне не кажется мне слишком утомительной. Заготовить так быстро пропитание — одно удовольствие. Вот только никак не могу понять, почему туземцы, у которых достаточно и рыбы, и дичи, и такого хлеба, едят еще и человеческое мясо.

— Это тем более удивительно, что каждый, даже самый нерасторопный дикарь, вполне может за каких-то шесть дней заготовить себе хлеба на целый год.

— Невероятно! А ведь наши мужественные рыбаки и умелые земледельцы трудятся не покладая рук целый год и едва сводят концы с концами.

— Да,— согласился Фрике с глубоким вздохом,— когда я вспоминаю свое сиротское детство, свою полуголодную жизнь, вспоминаю все, мною пережитое, я невольно думаю: «Повезло же жителям этого солнечного края!»

Посуди сам,— продолжал он, не переставая толочь мучнистую мякоть.— Такое дерево высотой в семь метров, имеющее в диаметре метр тридцать, может дать тридцать мер муки по пятнадцать килограммов каждая, а из одной меры можно приготовить шестьдесят лепешек. Человеку не съесть больше двух лепешек зараз, а пяти таких лепешек вполне хватит на день. Этих тысячи семисот лепешек, которые весят вместе от четырехсот пятидесяти до пятисот килограммов, вполне достаточно человеку на год. Заготовить их не составляет труда: чтобы справиться с одним деревом, двоим достаточно и пяти дней. А поскольку саговая мука прекрасно сохраняется, то туземец за десять дней может обеспечить себя на целый год, а потом спокойно греться на солнце.

— Вот тебе на! Чему тогда удивляться, что они такие бездельники. Слишком легкая жизнь порождает беспробудную лень.

— Ей-богу! В совершенно диких странах заготовить саго гораздо проще, чем в относительно цивилизованных, таких как, например, на Молуккских или Мальдивских островах, на острове Серам или на Суматре, то есть в так называемых «районах произрастания саговых пальм», являющихся основными поставщиками столь ценимого в Европе продукта. Надо сказать, что «легкий хлеб» имеет самые плачевные последствия для местных жителей, довольствующихся своей мукой, перемешанной с незначительным количеством рыбы. Не считая нужным обрабатывать землю, они или бродят по острову в надежде чем-нибудь поживиться, или рыбачат у берегов ближайших островов и, хотя край этот сказочно богат, живут в нищете...

— Если ты все правильно рассчитал, сынок, а у меня нет причин в том сомневаться, нам достаточно будет самое большее полутора дней, чтобы заготовить провизии на целых три месяца.

— Ты прав. А потому нам нечего надрываться. Тем более что самую трудную часть работы мы уже выполнили. После обеда перенесем к ручью мякоть в корзинах, сделанных Виктором, и промоем ее.

— Каким образом?

— Установим лоток на берегу ручья, наполним его водой, затем, набив мукой наши фильтры, будем полоскать их в лотке, пока мука не растворится и не осядет на дно. Это займет не слишком много времени. Оставшуюся в фильтре мякоть сложим на берегу. Когда мукí, а она осядет довольно быстро, наберется достаточно, ее надо будет отжать и высу-

шить в тени. Чтобы облегчить себе работу, к тому же так будет удобнее разместить нашу провизию в лодке, приготовим большие лепешки, килограммов по десять — двенадцать, и завернем их в листья саговой пальмы. В таком виде они могут храниться очень долго.

— Все-таки нам повезло, что мы пристали к этому берегу. Правда, есть риск, что нас съедят, но зато здесь невозможно умереть с голоду, а это уже неплохо.

Пока наши друзья занимаются своими делами, скажем еще несколько слов о саговой пальме, этой «пшенице» Океании, культуре еще более ценной (если вообще такое только возможно), чем манна южноамериканских племен — маниок, поскольку ее ствол, листья, ветви могут быть использованы самым различным способом. Особенно листья. Пржилки гигантских листьев с успехом заменяют и даже превосходят в некоторых отношениях бамбук. Их длина достигает от трех до пяти метров, у основания они нередко толще ноги взрослого мужчины, из них строят хижины или делают подпорки для домов; к тому же эти волокна не надо ни красить, ни лакировать, ибо они не гниют, не покрываются плесенью во время страшных тропических дождей. Шале* живущих здесь европейцев приятного коричневого цвета, почти полностью построенные из саговых пальм, дающих и кров и пищу сотням тысяч туземцев, на редкость прочны, красивы и полезны для здоровья.

Что же касается муки, то она является не только весьма питательным, но и самым популярным здесь продуктом; из нее изготавливают очень вкусные и разнообразные блюда. Так, муку опускают в кипящую воду, и она превращается в студенистую вязкую массу, которую едят с солью, лимоном и пряностями.

Кроме того, из саговой муки готовят так называемые «горячие булочки», их едят с соком сахарного тростника и тертым кокосовым орехом. Чтобы приготовить это одно из самых любимых здесь лакомств, муку тщательнейшим образом перемалывают и засыпают в глиняную печь, состоящую из отдельных ячеек, высотой сантиметров в пятнадцать и шириной в три сантиметра. Печь, покрытую сверху пальмовыми листьями, нагревают раскаленными углями. Выпечка занимает пять или шесть минут.

Булочки, напоминающие те, что выпекают из самой

* Шале — первоначально: небольшой домик, хижина альпийских горцев.

лучшей пшеницы, здесь имеют особый вкус, которого лишен хлеб из очищенной саговой муки в Европе. Высушенные на солнце и завернутые в пальмовые листья, они могут храниться несколько лет. Правда, тогда булочки превращаются в сухари, о которые жителям цивилизованных стран немудрено сломать зубы. Но в Океании не знают, что такое зубные протезы, а желудки туземцев не привередливы. Приятно видеть, как ребятишки грызут их еще не почерневшими от бетеля зубами молодых волчат. Слегка смоченные в воде и подогретые на огне, через несколько минут булочки становятся такими, какими были, когда их вынули из печи. Европейцы с удовольствием едят эти сухари, макая в кофе, подобно ломтикам поджаренного хлеба. И наконец, отваренные и приправленные различными соусами, они прекрасно заменяют овощи.

К слову сказать, автор никогда не забудет вкус некоторых блюд, приготовленных из саговой пальмы. Мы уже говорили, что у этого растения на верхушке имеется, как и у капустной пальмы, почка, или кочан: вместе со стручковым перцем этот кочан томится на огне в бамбуковом стволе толщиной с человеческую ногу, крепко-накрепко закрытом с обоих концов, и, когда «котелок» обугливается, еда готова. Это блюдо восхитительно вместе с саговой лепешкой. Но хотелось бы дать один совет: из предосторожности во время приготовления следует держаться подальше от огня, так как котелок порой взрывается, словно бомба, что вдвойне неприятно,— остаешься без обеда и рискуешь лишиться глаза.

И в заключение нужно сказать, что из пушка, покрывающего молодые листья саговой пальмы, островитянки, когда они на время расстаются со своей вошедшей в поговорку ленью, ткут интереснейшие полотна, а из тонких прожилок плетут прочнейшие снасти. И если добавить, что из плодов этого удивительного дерева можно изготовить очень вкусную и очень крепкую водку, то наш рассказ о саговых пальмах будет завершен.

Закончив промывать муку и приготовив лепешки, которые теперь сохли под присмотром Виктора, друзья после недолгой, но весьма полезной для них остановки на юго-восточном берегу Новой Гвиней собирались в ближайшее время снова отправиться в плавание на своей пироге. А пока что Фрике и Пьер мирно беседовали.

Парижанин, растянувшись на траве, следил рассеян-

ным взглядом за стаей попугаев, а его друг лежал на животе, упершись подбородком в сцепленные руки. Но вдруг они услышали, как кто-то, тяжело дыша, быстро бежит по лесу; Фрике, сделав умопомрачительный прыжок, схватился за саблю, моряк же выпрямился и взялся за дубину, с помощью которой они дробили мякоть саговой пальмы. Оба приготовились к обороне.

Из-за кустов появился Виктор, по всему было видно, что он сильно напуган, но, несмотря на это, бедный паренек не издал ни звука.

— Послушай, Виктор,— шепотом спросил Фрике,— что случилось? Ты чем-то страшно напуган. Уж не наступил ли ты на хвост змее? Или на тебя собирался наброситься тигр?

— Нет, Флике, нет,— пробормотал тот заикаясь.— Нет... Там не звели, там дикали...

— Дикари?.. И сколько их?

— Два дикаля.

— Их только двое? Не стоило из-за этого так пугаться, мой бедный малыш.

— А где эти дикари?

— Там... в лесу.

— Там, видно, кто-то есть,— проговорил очень громко и очень любезно Фрике.— Господа, извольте войти.

Это сердечное приглашение, сделанное самым искренним тоном, но не без некоторой доли иронии, свойственной парижским мальчишкам, было услышано. Зеленый занавес вновь приоткрылся, но на этот раз очень осторожно, и два странных существа вышли из леса. Воинственная поза Фрике сперва озадачила их, хотя сами они были вооружены до зубов. Фрике, увидев, что визитеры настроены вполне благодушно, опустил свою страшную абордажную саблю и с улыбкой приблизился к ним.

— Черт побери,— проговорил он с усмешкой,— до чего же они уродливы, а грязны, будто вылезли из корзины старьевщика.

— Не в обиду будет сказано,— прервал его Пьер Легаль,— для начала их следовало бы поместить в чан с водой и хорошенько отдраить, пустив в ход швабру.

— Но поскольку, несмотря на свою не слишком привлекательную наружность, они явились не для того, чтобы превратить нас в ромштекс, мы рады их видеть.

Вновь прибывших действительно трудно было назвать привлекательными: среднего роста, с медными браслетами на руках, с кольцами в носу и в ушах, они все-таки из

целомудрия носили набедренные повязки, правда, весьма подозрительного цвета; ноги у них были в ссадинах и язвах либо от плохого, либо от недостаточного питания.

От дикарей шел едкий запах, который привел бы в восторг стаю крокодилов. Их желтовато-черные коренастые фигуры свидетельствовали о недюжинной силе. Правда, эти два дикаря были лишены изящества настоящих папуасов; кривые ноги, плоские ступни, короткая шея; лица с огромными выступающими, как у больших человекообразных обезьян, надбровными дугами с глубоко посаженными маленькими свирепыми блестящими глазами, большой приплюснутый нос, мощные, как у дога, квадратные челюсти и толстые губы; слегка вьющиеся волосы были заплетены в мелкие косички и спускались на затылок, словно колосья маиса*; большие медные браслеты украшали запястья их рук.

У одного из туземцев в носу было огромное, сделанное из раковины кольцо, другой удовольствовался костью, уродливым образом приподнимавшей ему ноздри. Синие и красные рубцы, следы татуировки, шли от плеч к пояснице и переходили затем на грудь и живот. Дикари были вооружены длинными, метра в два, копьями из бамбука, рукоятки которых украшали перья казуара**, и луками из каштанового дерева с тетивой из индийского тростника; с костяными наконечниками стрелы, очень легкие и прямые, метра в полтора длиной, были сделаны, как и копья, из бамбука. (По словам заслуживающих доверия путешественников, все эти атрибуты войны, столь грозные на вид, в действительности не слишком опасны, так как папуасы не очень хорошо ими владеют.)

Дикари спокойно выдержали взгляд чужеземцев, затем с жалобным видом ударили себя по животу, что во всех странах мира означает: «Я голоден». Фрике прекрасно понял этот выразительный жест их неожиданных гостей и тут же с улыбкой проговорил:

— Вы пришли очень кстати. Вчера мы не смогли бы пригласить вас к столу, сегодня дела обстоят иначе. Как сказал бы Пьер Легаль, нынче наш бункер полон. Но не подумайте, что я — пустозвон, прошу к столу.— И парижанин указал изголодавшимся гостям на запеченное

* Маис — индейское название кукурузы.

** Казуары — крупные, высотой до 180 см птицы, обитающие в Австралии, на Новой Гвинее и на близлежащих островах. Мы убеждены в дальнейшем, что мнение это ошибочно. (Примеч. авт.)

в бамбуковом котелке саго, остатки кенгуру, гроздь бананов и большой кусок почки саговой пальмы.

Описать выражение блаженства, появившееся на лицах островитян при виде подобной щедрости, было бы невозможно. Их толстые губы расплылись в широкой улыбке, обнажив при этом крепкие зубы, эмаль которых никогда не знала бетеля. Затем не теряя времени они принялись за еду с быстротой, указывающей на то, что челюсти вновь прибывших обладают невероятной силой.

Поглощение пищи изголодавшимися гостями длилось добрых четверть часа. Целых пятнадцать минут слышно было, как их зубы перемалывают предложенные им блюда, при этом незнакомцы гримасничали, раскачивались, переступали с ноги на ногу, стараясь схватить куски побольше. Наевшись до отвала, они оба с удовольствием произнесли «уф» и, поглаживая себя по еще недавно впалым, а теперь вздувшимся животам, заговорили на непонятном языке, что очень огорчило Фрике, который был бы рад перекинуться с ними несколькими словами. Но тут, к его удивлению, Виктор, при виде невероятной прожорливости туземцев отошедший в сторону, преодолев страх, подошел к ним и что-то сказал в ответ.

— Ты говоришь на языке этих дикарей? — спросил удивленно Фрике.

— Нет, Флике, дикали говорили немного малайски. Я немного понимаю малайски.

— По-малайски! Значит, неподалеку отсюда находится более или менее цивилизованное место. Черт возьми! Это меняет наше положение.

К сожалению, на деле все оказалось намного сложнее. Гости наших мореплавателей, с трудом изъясняясь по-малайски с помощью усердного переводчика, в роли которого выступал Виктор, рассказали нашим друзьям очень печальную историю.

Эти два голодных туземца были каронами*. Указывая на запад, они сказали, что шли очень и очень долго. Их братья были убиты и съедены врагами, сильными врага-

* Кароны проживают на северо-западе Новой Гвинеи, неподалеку от Амбербака, деревушки, расположенной в семидесяти пяти милях от Дорей. Они принадлежат к группе негроидов, родственной аборигенам Филиппин. Многие путешественники высказывали предположение, что на Новой Гвинее проживают также и негроиды. Однако лишь в 1876 году факт этот был окончательно доказан одним из самых замечательных французских исследователей Ахиллом Раффре (*Примечание*.)

ми, воевавшими с ними уже давно. Оставшись вдвоем, бедолаги шли теперь куда глаза глядят.

— Я бы скорее предположил,— сказал Фрике, когда Виктор кончил с переводом,— что им самим, не раздумывая, можно вполне вручить дипломы заслуженных каннибалов. Спроси-ка, едят ли они человеческое мясо?

Услышав этот вопрос, дикари от души рассмеялись. Их отталкивающие, уродливые лица осветила улыбка вождения, и они поспешили дать утвердительный ответ, словно людоедство было самым обычным делом на свете.

— А много ли людей ими съедено?

Один из них вытянул вперед обе руки, указывая, что он десять раз участвовал в подобных пиршествах. Второй же сперва указал на свои ноги и лишь затем вытянул руки.

— Если я правильно понял, это составляет двадцать. Ну и ну! Хорошенькое дело. Удивительный способ решать социальные проблемы и вопросы населенности острова.

После долгого разговора, в котором главную роль играли не слова, а жесты, Виктор сообщил, что кароны уверяют, будто никогда не едят первого встречного, они едят лишь убитых в бою врагов.

— Весьма тонкое различие,— заметил Фрике.— Но кто знает, быть может, голод, который всегда мучит этих несчастных, является главной причиной существования столь чудовищного обычая.

— А саго,— рассудительно возразил Пьер Легаль.— Им стоит только руку протянуть... Раз в десять дней человек способен обеспечить себя пропитанием...

— Я ни в коем случае не собираюсь искать им оправдания, но...

Резкий свист прервал речь Фрике, и длинная стрела с зазубринами впилась в ствол банановой пальмы прямо над головой одного из каронов. Бедняга, дрожа от страха, упал на землю. Пьер и Фрике схватили ружья и приготовились к бою.

— Ну что ж,— проговорил Фрике,— последние дни были слишком спокойны. Придется снова братья за оружие.

ГЛАВА 10

Наличие папуасов.— Пьера Легалья и его друга Фрике принимают за каннибалов.— Вождь племени Узинак.— Удивительные способности парижанина.— Неожиданный концерт.— Любовь папуасов к музыке.— Жители Новой Гвинеи могут почти не спать.— Шедевры папуасского кораблестроения.— Рабство в стране папуасов.— Жители гор и жители прибрежных районов.— Разные характеры и разные нравы.— Поселок на сваях.— Как взобраться в подобный дом.— Опасность неосторожного шага.— Лишь акробат способен пройти по такому коридору.

Человек двенадцать папуасов, вооруженных луками и стрелами, выскочили из леса и окружили охваченных ужасом каронов. Европейцы, не изменяя своему принципу соблюдать осторожность и, насколько возможно, проявлять миролюбие, не стали первыми вступать в бой. Папуасы же, интересующиеся, видимо, только каронами, заколебались при встрече с белокожими, присутствие которых в таком месте и в таком обществе весьма их озадачило. Они посоветовались, странно при этом жестикуюли, затем, поняв, что Фрике и Пьер настроены очень решительно, и, главное, увидев в руках у них, вероятно, уже знакомые ружья, направили весь свой гнев на несчастных негритосов, позеленевших и оцепеневших от страха; подобно зверям, попавшим в западню, несчастные даже не попытались защищаться.

Папуасы, не обращая внимания на белокожих, тесным кольцом окружили каронов и, схватив их за косы, приставили им к горлу свои «педа», те самые сабли, без которых папуасы никогда не покидают свои жилища и которые используются ими в самых разных целях. Они готовы уже были отрубить пленникам головы, но Фрике и Пьер не дали совершиться этому убийству. Боцман, действуя, как всегда, методично, тыльной стороной руки сбил с ног одного из убийц и на лету схватил его за руку, державшую саблю. Фрике же поступил куда более оригинально: он уложил на спину второго, удачно подставив ему подножку.

Нападение белых окончательно сбило с толку чернокожих; они, хотя этому трудно поверить, были скорее удивлены, нежели возмущены.

Пока виновники неудавшегося нападения смущенно поднимались, остальные с почтительной робостью отсту-

пили на несколько шагов, а тот, кто, вероятно, был их вождем, опустив копье, обратился к европейцам. Говорил он, сопровождая свою речь выразительной жестикуляцией: оратор ткнул пальцем в сторону оцепеневших от страха каронов, сделал вид, что отрубает им головы, затем широко открыл рот, указывая то на европейцев, то на негритосов.

— Черт меня побери! — воскликнул Фрике, который, хотя и был явно рассержен, не мог удержаться от смеха. — Этот дикарь принимает нас за людоедов!

— Им что, наплевать на законы Республики? — вмешался Пьер Легаль. — Меня, примерного моряка, целых тридцать лет питавшегося бобами и салом, какой-то чернокожий считает людоедом!

— Послушай, — обратился Фрике к вождю, — вы, должно быть, глупее, чем я думал. Если бы мы ели человеческое мясо, зачем бы нам тратить столько сил на заготовку саго, а потом, кароны не слишком аппетитны... Я бы предпочел грызть землю или подошвы своих башмаков, чем прикоснуться к их мясу.

С этими словами молодой человек взял кусок саговой лепешки и принялся есть ее с явным удовольствием, затем с нескрываемым отвращением указал на собственный рот и на каронов, желая дать им понять, что он предпочитает растительную пищу и питает отвращение к человеческому мясу. Оратор же продолжал с жаром разыгрывать свою пантомиму, из чего Фрике заключил, что тот решил, будто парижанину не нравится человеческое мясо вместе с саго.

— Но можно ли быть таким кретином, теперь он думает, что я люблю есть мясо без хлеба. Как бы объяснить с этим папуасом?

Вождь продолжал говорить все быстрее и быстрее, а это не предвещало ничего хорошего, тем более что остальные чернокожие взяли за оружие, готовясь к новому нападению. На сей раз положение спас Виктор. Видя, что события принимают трагический оборот, он выступил вперед и, очень смело подойдя к вождю папуасов, стал что-то говорить ему резким, пронзительным по своему тембру, напоминающим крики попугаев голосом.

Мальчуган говорил долго и свободно, чего наши друзья никак от него не ожидали. Однако аргументы его, видимо, возымели свое действие, так как — о чудо! — мрачное лицо вождя вдруг осветила широкая улыбка. Он

* Имеется в виду Французская Республика.

опустил копые и, к великому удивлению Фрике, подошел и пожал ему на европейский манер руку, затем пожал руку не менее пораженному Пьеру. Их тут же окружили остальные воины, которые, видимо, больше всего желали сердечного согласия и спешили выразить нашим друзьям свое дружеское расположение.

— Вот так дела! — воскликнул Фрике, оправившись от удивления. — Ты что, говоришь на всех языках? — спросил он, обращаясь к сияющему пареньку.

— Нет, Флике, они говорят малайски. Очень холосо говорят. Он знает много европеяцев, он челный, но не глупый.

— Что же он говорит?

— Увидев вас с людоедами, — ответил Виктор, речь которого мы не станем по вполне понятным причинам передавать дословно, — папуасы решили, что вы их союзники и тоже едите человеческое мясо. Очень далеко, там где заходит солнце, ему приходилось видеть людей, одетых и вооруженных как мы. Они были добрыми и кроткими, они убивали только диких зверей и ловили только птиц и насекомых. Он не раз служил им проводником и полюбил их. Вождь ошибся на ваш счет, потому что видел, как вы разделили свой обед с каронами, а они пользуются здесь дурной славой и им следует отрубать головы. Что же до папуасов, то они славные люди, мирно живут на берегу и охотно отрубают головы врагам, но никто из них никогда не пробовал человеческого мяса.

— Я все понял, но что они собираются делать с нашими гостями, которые понемногу приходят в себя после этой стычки?

— Отрубить им головы.

— Ну нет! Если этот славный господин... Спроси-ка его, как его звать.

— Узинак.

— ...Если этому славному господину Узинаку показалось странным, что белые могут есть человеческое мясо, то скажи ему, что эти самые белые считают возмутительным обычаем чернокожих отрубать головы себе подобным.

— Он говорит, что у них так принято.

— Надо будет отказаться от этой привычки. Я не позволю, чтобы нашедших приют под моей крышей.. правда, крыши никакой нет, но это ничего не меняет, сидевших за моим столом, правда, стола тоже нет, это просто так говорится, подло зарезали.

— Он согласен, но требует за это бусы и ожерелья.

— Скажи ему, пусть зайдет в следующий раз. Сейчас я нищий, я все потерял.

Узнак не верил собственным ушам. Как могло случиться, что у белокожих, оказавшихся на земле папуасов, нет ни бус, ни ярких тканей, ни ожерелий. Они не собираются ловить насекомых или охотиться на птиц солнца *? Тогда зачем надо было приезжать в такую даль?

— Скажи, что, если он согласится отпустить каронов, я сделаю ему великолепный подарок.

— Ты не сможешь выполнить своего обещания,— заметил Пьер Легаль.

— Ошибаешься. Вспомни, у нас остались одна или две красных шерстяных рубашки, наш новый знакомец будет в восторге.

Папуас, обрадованный обещанием, повернулся к каронам и сказал им на своем языке, состоящем, казалось, из одних дифтонгов:

— Мне обещали белые люди. Белые люди говорят правду... Уходите отсюда.

Оба каннибала, потрясенные и несказанно обрадованные таким поворотом дела, вскочили, не говоря ни слова, и мгновенно исчезли в лесу.

Фрике, довольный подобным мирным решением вопроса и будучи человеком гостеприимным, предложил своим новым друзьям перекусить в ожидании ужина. А так как в животах у папуасов всегда пусто, предложение было принято с вполне объяснимой поспешностью. Этот «lunch»** затянулся до самого ужина, во время которого с большим аппетитом были съедены два кенгуру, застреленных весьма кстати Пьером Легалем.

Вскоре наступила ночь. Разожгли большой костер, и папуасы, радуясь, словно дети, собрались вокруг него и начали свои бесконечные игры и разговоры. Разговаривать было нелегко, ведь приходилось прибегать к помощи Виктора и Узинака... Тем не менее беседа не только не затухала, но даже, наоборот, благодаря комментариям обоих переводчиков становилась все оживленнее.

Героем этого вечера был Фрике. Парижанин хорошо знал, как дикари вообще, и папуасы в частности, любят музыку. Он сумел, правда безбожно фальшивя, устроить настоящий концерт инструментальной музыки. Концерт на 150° восточной долготы и на 10° южной широты!

* Райские птицы. (Примеч. авт.)

** Второй завтрак (англ.)

Парижский гамен был неистощим на выдумки; в ту минуту, когда славные островитяне, сидя на корточках, затаили, гнусава, одну из своих жалобных и протяжных песен, на лужайке вдруг зазвучали то бодрые и громкие, как звуки горна, то гармоничные и проникновенные, как пение соловья, мелодии.

Волнение туземцев невозможно было передать. Дело в том, что Фрике обладал незаурядным талантом, — он умело извлекал, казалось из воздуха, самые разнообразные звуки; переходя от ласковой колыбельной к зажигательной мелодии какой-нибудь модной песенки, затем, не меняя курса, как говорил Пьер, исполнял с одинаковым успехом увертюру к «Вильгельму Теллю» и арии из «Прекрасной Елены». Было удивительно видеть, как вздрогнули островитяне, услышав хор солдат из «Фауста»*, как заплакали под романс Розы, как пустились в пляс при звуках польки.

Наконец, выбившись из сил, Фрике вынужден был остановиться, хотя ненасытные слушатели громкими криками требовали продолжения концерта. Ему пришлось пообещать повторить все на следующий день, и лишь после этого парижанин смог растянуться под деревом.

— Удивительно!.. Невероятно! — воскликнул разлегшийся по соседству Пьер. — Никогда не слышал ничего подобного... Не хуже, чем в театре в Бресте**. Можно подумать, что у тебя музыкальная шкатулка в животе. Ты способен заменить целый оркестр.

— Да ты издеваешься надо мной, моряк, — рассмеялся Фрике. — Будто сам не знаешь, что два гладко выскобленных и завернутых в обрывок листа куски коры как бы превращаются в язычок кларнета. Теперь дуй себе на здоровье, если знаешь репертуар. Любой парижский мальчишка десятки раз слышал все музыкальные шедевры, примостившись в райке***, превращавшемся, когда туда удавалось попасть, в настоящий рай.

— Но сам инструмент...

— Да говорю же тебе — здесь нет никакого секрета. Я не раз пользовался такой свистулькой, проказничая на парижских мостовых. И собаки на меня лаяли, и прохожие ругали... А сейчас надо постараться уснуть. Пока все

* «Вильгельм Телль» — опера Д. Россини; «Прекрасная Елена» — комическая опера Ж. Оффенбаха; «Фауст» — опера Ш. Гуно.

** Брест — город и порт на западе Франции.

*** Раек (*устар.*) — верхний ярус зрительного зала, галерка. (*Примеч. перев.*)

идет хорошо, и мы с лихвой вознаграждены за прием, оказанный нам на острове Вудлэк. У меня возник план относительно папуасов. Поскольку у нас нет стеклянных бус, воспользуемся их любовью к музыке. Спокойной ночи.

Но одно дело — хотелось спать, а другое — уснуть. Наши друзья вынуждены были провести бессонную ночь, ибо папуасы, вместо того чтобы растянуться на земле, продолжали сидеть у костра, смеяться, разговаривать и обсуждать без конца события этого вечера, упорно стараясь воспроизвести мелодии из репертуара Фрике; на сон у них ушло не больше двух часов, — как только первые лучи солнца окрасили верхушки деревьев, они снова начали резвиться на поляне.

Следующий день был посвящен изготовлению саговых лепешек. Затем эти лепешки были перенесены на пирогу, которую папуасы, непревзойденные ныряльщики, с удовольствием пригнали из тайника, где она была спрятана. Фрике подарил Узинаку новую красную рубашку, и тот сразу же натянул ее на себя. Пьер пожертвовал своим ярко-красным платком, разорвав его на столько полосок, сколько воинов было в отряде, и те, страшно довольные, нацепили их себе на шею, восхищаясь тем, как справедливо европейцы распорядились своими щедротами.

Поскольку на этом участке росло много саговых пальм, папуасы, позабыв о своей природной лени, принялись за заготовку этого ценного продукта. Отношения между ними и европейцами складывались самые сердечные, чему немало способствовали веселый нрав Фрике, прямота старого боцмана и знание малайского языка Виктора.

Фрике узнал, что Узинак родился на севере Новой Гвинее и отправился в этот край, расположенный на юго-востоке острова в четырехстах лье от его деревни, потому что испытывал непреодолимую потребность путешествовать, свойственную первобытным народам. Благодаря своей храбрости, силе, а также знаниям, полученным от европейцев и малайцев, он стал вождем здешнего племени. Недели две назад они, покинув свою деревню, отправились на охоту и уже собирались в обратный путь, как вдруг увидели особенно ненавистных им негритосов. Недолго думая папуасы бросились за ними в погоню. Из всех этих сведений парижанин запомнил лишь одну, но весьма важную деталь: деревня находится на юго-востоке острова.

— Прекрасно! Нам как раз туда и надо.

— Мы составим настоящее морское подразделение,— добавил Пьер Легаль.

Когда приготовления были закончены, туземцы перенесли запасы саго в лодку, очень умело спрятанную ими в одной из бухточек, о существовании которой европейцы даже и не подозревали. При виде этого чуда кораблестроительного искусства Пьер не смог не удивиться.

— Ну и ну, моряк,— проговорил Фрике, пораженный не менее своего друга,— как тебе нравится это флагманское судно?

— Они не дураки, наши союзники, совсем не дураки!.. И как все здорово сделано. Я знаю немало владельцев трехмачтовых баркасов в Ла-Манше, у которых эта лодочка вызвала бы самую черную зависть.

Пироги — главные суда Новой Гвинеи. Самые большие из них, предназначенные для дальнего плавания, имеют до десяти метров в длину и метр с четвертью в ширину. Такой была и пирога, заставившая восторгаться старого морского волка, Пьера Легалья. Корпус ее, выдолбленный из ствола большого кедра, очень легкий, толщина стенок не превышает трех сантиметров; внутри, чтобы она не накренилась и не погнулась, имеются полукруглые распорки; оба конца приподняты и снабжены широкими деревянными волнорезами, способствующими довольно высоким скоростным качествам лодки.

Пирога очень низко сидит на воде, поэтому борта надстраивают плотной сеткой, сплетенной из прожилок все той же саговой пальмы. С каждой стороны над бортом, к которому они прикрепляются с помощью волокон ротанговой пальмы (индейского тростника), на расстоянии двух метров от корпуса имеется пять или шесть легких трубок. Они спускаются к воде под углом и соединяются, как ступеньки веревочной лестницы, с большим куском дерева, равным по плотности коре пробкового дерева, он все время держится на поверхности воды и служит баланси́ром.

Понятно, что построенная таким образом пирога становится непотопляемой, поскольку ее поверхность увеличивается в четыре раза и позволяет ей удержаться на плаву при самых резких поворотах, не уменьшая при этом скорости. Крыша, сделанная из листьев, положенных на очень тонкую раму, на две трети покрывает пирогу и предохраняет экипаж от палящих лучей солнца. На корме волнорез переходит в некое подобие лестницы, напоминающее лафеты старых корабельных пушек, что же касает-

ся волнореза на носу, то он украшен поставленными вертикально широкими резными дощечками, разукрашенными изображением листьев, людей и животных.

Что касается мачты, то на первый взгляд она может показаться одной из самых наивных выдумок, противоречащих здравому смыслу. Вообразите себе большие козлы, используемые плотниками при установке балок не с двумя, как обычно, а с тремя подпорками, замените эти тяжелые деревянные брусья бамбуковыми палками, установите их на носу пироги, и вы представите себе эту мачту, не имеющую ни реев, ни вант, ни штагов*. Помимо того, что ее без труда можно поднять и опустить, у нее есть еще одно редкое достоинство — она не мешает встречному ветру и не парализует усилия гребцов. Но стоит подуть попутному ветру, как тут же поднимают лежащий у мачты и прикрепленный к ней тремя канатами большой цилиндр...

Этот цилиндр — широкая циновка, закатанная в рулон вокруг бамбуковой палки, сплетенная либо из пушка, покрывающего молодые листья саговой пальмы, либо из самых тонких прожилок ее листьев, — и есть парус. Ширина его метра два, длина — метров шесть. Если ветер крепчает, достаточно ослабить средний канат, поддерживающий рею на верху мачты, и парус опускается на нужную высоту. Руль, длинное весло с широкой лопаткой, укреплен на корме волокнами индийского тростника, и туземцы по очереди очень ловко управляют пирогой.

Пьер и Фрике устроились в лодке туземцев, которую боцман торжественно назвал флагманским кораблем; они были счастливы, как могут быть счастливы только потерпевшие кораблекрушение, отправляющиеся на поиски более гостеприимной земли.

Парижанин счел нужным поднять французский флаг, взятый, как помнит читатель, когда друзья покидали «Лао-цзы». Фрике надеялся, что флаг привлечет внимание моряков, если случайно им встретится какой-нибудь корабль. Такой вариант, впрочем, был маловероятен, поскольку корабли цивилизованных стран редко заходили в эти плохо изученные воды. Правда, в этих краях, по словам Узинака, было полным-полно пиратов-папуасов, совершающих набеги на прибрежные районы, грабящих жителей ближайших деревень, увозящих рыбаков в рабство. Вид флага, указывавшего на то, что в пироге нахо-

* Ванты, штаги — снасти судового стоячего такелажа.

дятся цивилизованные моряки, которые умеют обращаться с огнестрельным оружием, мог бы остановить пиратов.

Слово «рабство», когда Виктор перевел его, заставило насторожиться Фрике.

— Как? У папуасов существует рабовладение? Неужели не хватает того, что здесь все еще существует эта страшная язва — людоедство? — спросил он Узинака.

Тот рассмеялся и ответил:

— Не надо думать, что все папуасы — людоеды, таковых не так уж много. Вот мы не едим человеческого мяса. И вообще, жители побережья добры, гостеприимны, любят путешествовать, питаются рыбой и саговыми лепешками. А вот те, кто живет в горах, — это другое дело; они, наоборот, ведут оседлый образ жизни, занимаются охотой, выращивают ямс, пататы*, сахарный тростник и так далее. Это люди сильные, жестокие, они едят человеческое мясо.

— Смотри-ка,— прервал его Фрике,— совсем не так, как в других местах. Земледельцы, как правило, люди миролюбивые, добрые, а жители побережья слывут сущими разбойниками. Во всяком случае, у нас так говорят.

— Совершенно верно, сынок. И нет тут ничего удивительного. Ведь мы на другом конце света, у наших антиподов**. Здесь все наоборот,— откликнулся Пьер.

— Браво! Я никак не ожидал от тебя такого ответа, просто здорово! — смеясь воскликнул Фрике.

— А что касается рабов,— перевел Виктор слова Узинака,— ты сам увидишь, что у нас с ними хорошо обращаются.

— Охотно верю, мой славный папуас. И это в чем-то примиряет меня с частью населения самого большого острова Океании.

Плавание продолжалось целую неделю и проходило спокойно; в безлунные ночи они приставали к берегу, разбивали лагерь, а на рассвете снова пускались в путь. За все эти дни наши друзья не увидели ни одного корабля, зато встретили множество не всегда вызывавших доверие пирог.

Однажды одна из таких пирог повела себя чересчур вызывающе: явно собираясь взять суденышко наших друзей на абордаж, она подошла так близко, что были слышны голоса сидевших в ней папуасов, которые уже снимали

* Пататы — клубневая культура, разновидность картофеля.

** Антиподы — обитатели двух диаметрально противоположных точек поверхности земного шара.

с лодки крышу, мешавшую натягивать луки. Фрике велел поднять французский флаг и выстрелил в воздух. Успех превзошел все ожидания. Готовившиеся к нападению папуасы тут же водрузили крышу на место, что, по словам Пьера, было равносильно признанию поражения, и поспешно удалились.

Наконец на восьмой день пирога вошла в неглубокий пролив, буквально усеянный рифами, они настолько затрудняли продвижение, что туземцам пришлось спрыгнуть в воду и тащить пирогу на веревках за собой. Затем вдруг пролив расширился, стал значительно глубже и перешел в лиман, по обе стороны которого тянулись густые заросли мангровых деревьев и кустарников с причудливо переплетающимися надземными дыхательными корнями.

Лиман этот конечно же был устьем реки, о чем свидетельствовали и его глубина, и ставшая более темной вода. А в коралловых зарослях, поскольку полипы погибают при смешении соленой и пресной воды, образовался проход, что позволяло лодкам, не боясь рифов, подойти к берегу. Надо сказать, такая смертельная для кораллов вода идет на пользу мангровым деревьям и кустарникам; жители тех стран, где на болотах растут эти чудовищные растения, называют их «деревьями лихорадки».

На пути наших друзей все чаще и чаще стали появляться лодки самых разнообразных размеров — здесь были и маленькие, рассчитанные на одного гребца, и большие военные пироги. Все проплывавшие встречали белых путешественников радостными возгласами. Со всех сторон слышалось: «Табе, туан!»*

Посреди извилистой реки с крутыми берегами имелось множество островков, напоминавших огромные кусты зелени. Наконец Пьер и Фрике оказались в обширном водоеме, заросшем болотными растениями, посреди которого возвышалось с десятков очень странных на вид построек.

Метрах в пятидесяти от берега поднимался целый лес свай в семь или восемь метров высотой, между ними сновали в лодках веселые и болтливые туземцы. На этих сваях стояли деревянные строения двух типов. Большинство из них имели форму прямоугольника с огромной крышей из листьев банановых и кокосовых пальм, напоминающих по форме опрокинутую пирогу. И лишь два дома, стоящие в стороне, значительно меньшие по разме-

* Добрый вечер, господа! (малайск.)

ру, походили на большие собачьи конуры и опирались на четыре длинные сваи. Когда Фрике спросил у Узинака, чем вызвано такое различие, тот, подмигнув ему, ответил, что там живут молодые люди, достигшие брачного возраста.

Почти половина построек соединялась с берегом при помощи достаточно небрежно положенных под наклоном бревен; хватило бы небольшого усилия, и эти несложные мостки упали бы в воду. Другие дома не имели даже такой связи с берегом, и к сваям, на которых они стояли, были пришвартованы лодки.

Фрике не верил своим глазам. Перед ним был настоящий свайный поселок, похожий на те, что были обнаружены в центре Африки и, как справедливо сказал отважный и добросовестный французский исследователь Новой Гвинеи Ахилл Раффре, напоминали свайные стоянки доисторического человека, так верно описанные учеными, словно они срисовали их с натуры на островах папуасов.

Пирога остановилась у одного из этих домов, и Узинак тут же вскарабкался в свое воздушное жилище. Лестницы не было, имелись лишь глубокие выемки на одной из свай. Для Пьера и Фрике такой подъем не представлял никакого труда. Вместе с Виктором они последовали за хозяином дома, к великой радости пораженных их ловкостью туземцев.

И вот наши друзья оказались в жилище папуасов.

— О-ля-ля! — воскликнул Фрике. — Здесь полно народу. Как это местные жители не падают в воду через такие широкие просветы между балками, они ведь лежат под ногами на расстоянии по меньшей мере метра друг от друга. Боже мой, как странно!

Картина и впрямь была необычной. Дом папуасов, как уже было сказано выше, имеет форму прямоугольника и представляет внутри лежащую на сваях раму. На эту раму вдоль и поперек накладываются балки с просветами в добрый квадратный метр. Дом разделен на две части узким проходом. Справа и слева от прохода за легкими перегородками из листьев и прожилок саговых пальм находятся семь или восемь комнат, в каждой из которых помещается целая семья. И наконец, в передней части, выходящей в сторону моря, имеется широкая, с крышей из листьев, открытая площадка. Площадка является «гостиной», где живущие в этих свайных постройках семьи собираются днем, чтобы поговорить о своих делах и подышать свежим воздухом.

Надо сказать, мы употребляем слово «семья» в самом широком смысле, имея в виду не только мать, отца и их потомство, но и всех близких, и рабов, и работников, словом, всех, кого заботы повседневной жизни соединяют вместе и кто находится под властью, в основном чисто номинальной, чем действительной, туземного «*pater familias*»*.

Всего в таком доме обитает от пятидесяти до шестидесяти человек — мужчин, женщин, детей (лишь юноши и девушки помещаются в отдельных домах).

Уже внешний вид дома показался Фрике и Пьеру весьма необычным. Теперь же, когда французы переступили его порог, они почувствовали, что попали в настоящий ад, где невозможно было дышать. Чего тут только не было свалено в кучу: ветки деревьев, циновки, куски коры, бамбуковые палки, груды листьев, разное тряпье — все это в любую минуту могло свалиться в воду.

Несколько досок, обтесанных каменными топорами и наложенных на отверстия в полу, напоминали маленькие островки, до которых можно было добраться, лишь обладая ловкостью акробата. Одни доски служили кроватями, и на них лежали подстилки из листьев, на других, засыпанных землей, разжигали огонь и готовили пищу. К потолку были подвешены луки, стрелы, скребки, весла, остроги; на полу стояло несколько примитивных ведер, большие куски бамбука, из которых с одного конца была извлечена сердцевина...

Окинув быстрым взглядом этот примитивный фаланстер**, Фрике решил пересечь длинный коридор и выйти на открытую площадку. Пройти по решетке, под которой, ударяясь о сваи, плескалась вода, оказалось делом нелегким. Но парижанину приходилось преодолевать и не такие трудности. Перепрыгивая с перекладины на перекладину, он бесстрашно добрался до открытой площадки, откуда его взору открылся чудесный вид. Пьер с не меньшей ловкостью проделал тот же путь; подобные прыжки были для него делом привычным, он вырос среди снастей на корабле. Что же касается Виктора, то он, несмотря на все свое желание, не в силах был сойти с места. И лишь с помощью расстеленных перед ним циновок китайчонку удалось, неуверенно переставляя ноги, последовать при-

* Отец семейства (лат.)

** В учении утопического социализма Шарля Фурье фаланстер — огромный дворец, в котором должны жить, а отчасти и работать, члены трудовой общины. (Примеч. перев.)

меру своих друзей, к великой радости четырехлетних и пятилетних карапузов, которые перепрыгивали с балки на балку с ловкостью маленьких обезьянок. А за ними с не меньшей ловкостью прыгали маленькие свинки с розовыми пятачками.

Узнак вышел вместе с французами на террасу и широким жестом указал им на строение, что означало: «Будьте как дома».

ГЛАВА 11

*Суеверия папуасов.— Маленькое отверстие в крыше может стать причиной огромных бедствий.— Они откармливают съедобных змей.— Жизнь рабов в Новой Гвинее.— Гирлянды из человеческих черепов.— «Птица солнца».— Приготовления к охоте на райских птиц.— Легенда о райских птицах.— «Сакалели», или же танцы райских птиц.— Жестокая бойня.— «Большой изумруд».— *Diphyllodes magnificus*, или королевская райская птица.— Ослепительные и гармоничные краски.— Философские размышления Фрике о парижанках и англичанках.— Пиф, достойный римского императора.*

Из-за не слишком приятных запахов наши друзья были не в силах оставаться в закрытой комнатухе, предоставленной в их распоряжение славным Узнаком. А потому они решили устроиться на открытой всем ветрам террасе, где, по крайней мере, можно было не опасаться зловонных испарений воздушного содома*. Однако разрешение перебраться туда друзья получили лишь после долгих переговоров, во время которых они узнали о весьма странных суевериях своих хозяев.

Войдя в отведенную им клетушку, Фрике оказался в полнейшей темноте. И он, само собой разумеется, попросил огня, добавив, что хотел бы проветрить помещение. Но поскольку его просьбу должен был передать Виктор, переводивший охотно, но очень медленно и не всегда вразумительно, наш друг попытался хоть немного раздвинуть листья, покрывавшие крышу. Его столь незначительный на первый взгляд поступок вызвал целую бурю, даже маленькие свинки завизжали, яростно размахивая хвостиками в знак своего возмущения.

* Слово «содом» употребляется здесь в переносном значении, означает помещение, где царят хаос, беспорядки. (Примеч. перев.)

— Бог ты мой, что это с ними? Здесь же дышать невозможно. Я не собираюсь уносить вашу крышу. Послушай, Виктор, не совершил ли я какого-нибудь святотатства?

Оказалось, молодой человек был не так уж далек от истины. Он узнал, что через малейшее отверстие в крыше в дом могут проникнуть души умерших предков и навести порчу на его обитателей, тогда жилище превратится в настоящий ящик Пандоры*.

— Надо было сразу об этом сказать. Кто бы, черт возьми, мог предположить, что их предки настолько зловредны, что стараются насолить своим потомкам? Во всяком случае, эти шутники не так уж могущественны: здесь полным-полно всяких отверстий. Но, видимо, крыша — их любимое место. Будем уважать верования наших хозяев и перейдем в другое помещение. Ой!.. Что это такое? — вскричал вдруг Фрике слегка изменившимся голосом.

Он наступил на что-то мягкое и упругое, ползущее по покрытому кусками коры полу; сразу в темном закутке распространился тошнотворный запах мускуса, затем слышался приглушенный шелест чешуи. На этот звук тут же со всех сторон с адским хрюканьем сбежались маленькие свинки и, выставив вперед свои розовые пяточки, выстроились полукругом перед дверью.

— Уж не наступил ли я случайно на какого-нибудь предка? — спросил Фрике и, переступив через эту шуршащую ленту, вышел в коридор, за ним тут же выползли три или четыре великолепных змеи длиной метра в три, отличавшие самыми яркими красками.

— Смотри-ка, моряк, — заметил Пьер, — наши милые папуасы подготовили нам довольно любопытных товарищей на ночь.

— Змеи! Черт возьми! Тут не до шуток! Это единственное животное в мире, которого я боюсь. Они внушают мне не просто страх, а ужас и непреодолимое отвращение.

— Смотри-ка, свинки, кажется, совсем не напуганы. Наоборот, змеи, видимо, готовы сами отступить. Смелее, мои шелковые! Они же сейчас их съедят!

Но тут вмешался Узинак. Он проворно схватил длинное копьё и, пользуясь им как палкой, сумел разогнать

* Пандора — в греческой мифологии женщина, созданная по воле Зевса в наказание людям за похищение Прометеем огня у богов; в переносном значении «ящик Пандоры» — источник всяких бедствий (Примеч. перев.)

этот шумный отряд. Женщины и дети подхватили на руки испуганно к ним прижавшихся, словно маленькие болонки к своим хозяйкам, свинок. Узинак загнал в комнату змей и с шумом закрыл за ними дверь.

— Их бы запросто съели, не наведи я порядок,— проговорил он по-малайски.

— Кого?

— Змей, конечно. Мы откармливаем их здесь для еды. Они живут на свободе, это неядовитые змеи.

— Как угодно, мой милый папуас, но ни меня, ни моего друга ваши угри кустарников не привлекают.

Если бы Фрике успел изучить тот раздел зоологии, где говорится о змеях, он бы сразу узнал этот вид самых красивых и самых безобидных в мире питонов, очень распространенный в стране папуасов, который в некотором роде является переходным звеном между пресмыкающимися Старого и Нового Света, поскольку обладает отдельными отличительными особенностями и африканских питонов, и американских ужей.

Щитки, окаймляющие рот змей, имеют четырехугольные углубления, что делает питонов, несмотря на их добрый нрав, малосимпатичными. В длину они достигают от двух до трех метров. Кожа у них великолепного голубовато-стального цвета, хотя когда они только появляются на свет, она кирпично-красная, как бы испещренная иероглифами, с возрастом иероглифы исчезают, окраска становится ярко-оранжевой, потом темно-зеленой с прожилками и, наконец, голубой. Но как бы там ни было, Фрике не любил змей, независимо от того, красивы они или некрасивы, ядовиты или неядовиты.

Перед тем как снова пуститься в путь и добраться до Торресова пролива, Узинак сообщил нашим друзьям, что состоится праздник. В ожидании сего действия парижанин, устроившись со своими спутниками на открытой террасе этого воздушного замка,— Пьер называл ее баком*,— с неподдельным интересом наблюдал за папуасами, о которых у нас в Европе еще очень мало известно.

Жители деревни внешне ничем не отличались от жителей острова Вудлак: тот же цвет кожи, та же фигура, те же черты лица, те же украшения. Разве что причесывались они иначе: на голове у них были целые сооружения, способные обескуражить и изумить самых смелых художников. У одних прически напоминали, как сказал Пьер,

* Бак — носовая часть судна.

настоящие щетки для обметания потолков, причем многие непокорные пряжи выжигались углями; у других волосы были разделены на десять, пятнадцать, а то и двадцать клубков, перевязанных у самых корней веревочками и поднятых на тоненьких ножках, словно помпоны киверов;* у третьих на головах был всего лишь один огромный пучок, с воткнутым большим, похожим скорее на вилку гребнем из бамбука с тремя или четырьмя зубьями.

Фрике вспомнил, что в тот день, когда папуасы собирались расправиться с каронами-людоедами, Узинак что-то говорил ему о рабах. Хотя рабство было широко распространено в Новой Гвинее и в доме самого Узинака жили несколько невольников, Фрике не смог бы отличить их от свободных туземцев, если бы ему на них не указали. Жили они так же, как и их хозяева: так же одевались, ели такую же пищу, были не умнее и не глупее своих господ. Помимо принадлежности к одной и той же расе, их объединяли общие заботы, а посему все работали с равным усердием.

В большинстве своем это были дети либо похищенные, либо подобранные во время сражений. Они росли в доме своих хозяев, а став взрослыми, получали вольную и уже ничем не отличались от остальных членов племени. Впрочем, положение их значительно улучшилось после введения Голландией строгих законов.

Прежде, когда остров находился под властью малайских султанов, жители Новой Гвинеи, как и жители африканской Гвинеи, постоянно подвергались опустошительным набегам. Малайские корабли нередко приставали к берегам острова, и вожди папуасов продавали перекупщикам-работорговцам с Молуккских островов врагов, взятых в плен во время их бесконечных баталий. С этим, к счастью, уже покончено.

Наконец долгожданный день наступил. Пьер, Фрике и Виктор еще спали на своих циновках, когда обитатели дома во главе с Узинаком бесшумно переправились на берег. Вскоре, оглашая воздух громкими криками, они вернулись нагруженные огромными мешками с какими-то таинственными предметами. Когда мешки были принесены на террасу, крики, если только такое было возможно, стали еще громче. Узинак торжественно развязал мешки. При виде их содержимого Фрике не смог скрыть своего отвращения — они были набиты блестящими высохшими

* Кивер — старинный солдатский головной убор.

человеческими черепами, нанизанными по шесть штук на стебли индийского тростника.

— Вот так сюрприз,— проговорил Пьер, смотревший на происходящее с не меньшим омерзением, чем Фрике.

— Если это еще только приготовления к их празднику, что же будет во время самого торжества?

— Черт возьми! Они, видимо, хотят, чтобы мы стали свидетелями уж не знаю какого там каннибальского пиршества! Будь что будет, но я сматываю удочки!

— Ну и люди! Откармливают змей, занимаются людоедством, а дети их собираются играть в шары человеческими черепами.

— Но посмотри, с каким восторгом и с каким благоговением они касаются этих костей. Можно подумать, что мы присутствуем на какой-нибудь религиозной церемонии.

Собравшиеся мужчины, ритмично и несколько своеобразно двигаясь, что-то выкрикивали низкими голосами. Женщины и дети отвечали им пронзительным визгом, а трое старейших обитателей дома после каждого такого па начинали яростно трясти гирляндами глухо постукивавших человеческих черепов. Всей этой церемонии, казалось, не будет конца; у певцов от усердия совсем пересохло в горле, им приходилось время от времени смачивать горло очень приятным на вкус хмельным напитком, приготовленным из саговой пальмы.

Европейцам было очевидно, что такое мрачное начало не может предвещать ничего хорошего, но на деле все оказалось иначе. Как только заклинания закончились, гирлянды черепов, словно фонари, прикрепили к перекладинам, поддерживавшим крышу террасы.

— Теперь мы можем отправляться на охоту,— сказал Узинак со своей обычной сердечностью.

— Отправляемся на охоту? — спросил Фрике.— А на кого мы будем охотиться?

— На птиц солнца,— радостно ответил тот.

— Позвольте заметить, что приготовления ваши по меньшей мере странны,— проговорил Фрике, указывая на гирлянды черепов, мирно покачивающихся на ветру.

— А разве белые не знают, что папуасы, перед тем как отправиться в путь, выставляют черепа убитых в сражениях врагов, чтобы те охраняли их жилища? — удивился Узинак.

Фрике отрицательно покачал головой.

— А что отгоняет злых духов от домов белых, когда

они отправляются на войну или на охоту? Кто защищает их дома от злодеев?

— У нас имеются для этого менее сложные способы. Есть замки и специальные люди в черных костюмах, их называют блюстителями порядка, они быстренько отправляют за решетку того, кто не слишком уважает чужую собственность.

— Я знал в Дорей и в Амбербаки белых людей, у которых человеческие черепа не вызывали подобного отвращения. Они покупали их и увозили с собой на родину.— Узинак недоверчиво покачал головой.— Они наверняка собирались пугать ими своих врагов, иначе зачем бы им это делать?

Вероятно, естествоиспытатели, изучающие строение черепа жителей Океании, не раз пользовались собраниями папуасских коллекционеров. Но поскольку Узинак вряд ли знал что-либо о науке, одним из крупнейших представителей которой является Поль Брока*, Фрике предпочел не высказывать своих соображений на сей счет и лишь спросил:

— Но... вы не употребляли в пищу их владельцев?

— Нет,— с улыбкой ответил вождь.— Теперь мы не едим своих врагов. В случае победы мы уводим в рабство женщин и детей, а мужчинам отрубаем головы. Удар топора, и все кончено. Тела бросают в воду, а головы забираются с собой. Раньше их отваривали и съедали. Этот обычай и сейчас еще существует у меня на родине, но здесь их закапывают в муравейники. Муравьи съедают все мясо и оставляют лишь чистые кости. Мы прячем черепа в лесной чаще, в дуплах старых деревьев и отправляемся за ними лишь тогда, когда надолго уходим из дому; вид этих черепов внушает страх даже самым храбрым, самым злым нашим врагам. А теперь мы идем охотиться на птиц солнца.

— А зачем они вам нужны?

— Через пять лун мы направимся на север, в деревню, где живут малайцы. Малайцы охотно дадут нам за кожу птиц железные наконечники для копьев, острые топоры, рис и огненную воду,— закончил вождь, и глаза его загорелись при этих словах.

— Пусть так. Что ж, мы согласны. Все-таки какое-то

* Брока Поль (1824—1880) — французский анатом и антрополог. Основатель Антропологического общества в Париже (1859). (Примеч. перев.)

развлечение. А после окончания похода мы снова отправимся в путь.

Фрике было известно, что райские птицы дорого ценятся и ими бойко торгуют не только в Европе. Чернокожие очень умело сдирают с этих прелестных птичек кожу, не повредив при этом ни одного перышка, пропитывают их особым составом и затем продают. Надо сказать, занимаются они этим с давних пор, и, когда европейцы впервые попали на Молуккские острова, в царство мускатного ореха, гвоздичного дерева и других пряностей, продававшихся тогда на вес золота, туземцы предложили им чучела удивительных птиц, и пришельцы, пораженные редкостью красотой товара, позабыли на мгновение о цели своего путешествия.

Малайцы называют это чудо природы «*manouk dewata*» — божьи птички. Португальские моряки за красоту оперения прозвали их «*passaros do sol*» (птицы солнца), но прижилось название, данное им голландцами, — «*avis paradiseus*» (райские птицы). В 1598 году Иоганн ван Линсхотен создал о них настоящую легенду. «Эти удивительные существа, — пишет он, — не имеют ни крыльев, ни лапок, в чем можно убедиться, рассматривая чучела птиц, привезенных в Индию и в Голландию. Этот товар так драгоценен, что он очень редко попадает в Европу. Никому еще не удавалось увидеть их живыми, так как они все время находятся в воздухе и, всегда следуя за солнцем, опускаются на землю лишь перед смертью!»

Через сто с лишним лет после путешествия Линсхотена один из спутников Дампира увидел на Амбоне несколько таких птичек. Ему сообщили, хотя данная информация не соответствует действительности, что птицы эти любят мускатные орехи и, чтобы полакомиться ими, долетают чуть ли не до островов Банда, где, опьянев от муската, падают на землю и становятся добычей муравьев.

В 1760 году Линней*, сам великий Линней, стал, видимо, жертвой той же мистификации, что и мореплаватели, поскольку знаменитый ученый назвал этот вид «*paradisea aroda*» («безногая райская птица»), хотя уже тогда имелись соответствующие действительности работы ряда естествоиспытателей. Впрочем, никто в Европе не видел этих птиц и не знал ничего об их жизни.

* Линней Карл (1708—1778) — шведский естествоиспытатель, создатель системы растительного и животного мира, первый президент Шведской Академии наук. (Примеч. перев.)

Вряд ли есть еще такие существа, о которых было бы рассказано столько нелепостей. Ведь были люди, вполне серьезно утверждавшие, что птицы эти лишены возможности садиться на землю и на деревья и цепляются за ветки имеющимися у них длинными усиками, говорили, что они не выют гнезд, а спят, кладут яйца и высиживают птенцов на лету! Другие естествоиспытатели, пытаясь придать этим нелепостям больше правдоподобия, утверждали, что у самца на спинке есть небольшое углубление, куда самка откладывает яйцо и высиживает его. Некоторые авторы, считая эту гипотезу маловероятной, говорили, будто самка прячет яйцо под крыльями, среди своих длинных перьев и тому подобное.

Даже в наши дни об этих великолепных представителях животного царства Океании известно далеко не все, поскольку некоторые кабинетные натуралисты утверждают и пишут в своих трудах по естественной истории, что райские птицы ежегодно перелетают на острова Банда, Тернате и Амбон. В наши дни господра Рассел Уоллес и Ахилл Раффре вполне справедливо отвергают эту и ей подобные гипотезы. Однако жизнь райских птиц по-прежнему остается загадкой: малайцы иногда называют их «*boulong mati*» (мертвые птицы), ведь даже торговцы в этих краях сами никогда не видели их живыми.

Словно в награду за выпавшие на его долю невзгоды, Фрике, отличавшийся редкой любознательностью, получил возможность выяснить некоторые вопросы, касающиеся жизни этих удивительных птиц.

Охотники, человек тридцать, были вооружены на этот раз очень маленькими луками и стрелами, имевшими не костяные или железные наконечники, а шарики величиной с ноготь большого пальца, которыми они должны были оглушать птиц, не повредив при этом кожи и не испачкав кровью их нежное оперение. Фрике и Пьер захватили на всякий случай с собой ружья, хотя у них не было дробы, а птицы слишком высоко летали, чтобы можно было попасть в них пулями.

Отряд покинул дом глубокой ночью и оказался в девственном лесу за четверть часа до рассвета. Узинак запретил европейцам разговаривать, чтобы не вспугнуть птиц. Охотники продвигались по лесу гуськом, осторожно пробираясь сквозь покрытые росой лианы, бесшумно раздвигая высокие травы, обходя похожие на клубки огромных змей корни.

И вот, когда первые лучи солнца осветили верхушки

деревьев, в не проснувшемся еще лесу раздался дрожащий звук, звук, полный радости и отваги. Птица солнца приветствовала возвращение светила. На этот громкий призывный крик ответил другой, более нежный крик самки. Затем со всех сторон полились, перебивая друг друга, звонкие песни самцов.

Отряд мгновенно остановился, папуасы, стараясь не дышать, притаились среди деревьев, держа наготове луки.

— Охота будет удачной... «бурун раджа»* (райские птицы) сейчас начнут свои «сакатели», — потирая руки, прошептал Узинак.

— Что это значит? — спросил Фрике.

— Они будут танцевать.

— Танцевать?

— Смотри внимательно и молчи...

Вскоре на высоте восьмидесяти футов над землей появилось около тридцати самцов. Они, словно стараясь превзойти соперников, покачивали разноцветными султанами, расправляли крылышки, чистили перья, гордо поднимали головки, кружились в воздухе, переливаясь на солнце всеми цветами радуги. Время от времени зеленый свод раздвигался и среди этой россыпи драгоценностей появлялась новая жемчужина. Ассамблея райских птиц была в полном разгаре.

Фрике как зачарованный не мог отвести глаз от такого волшебного зрелища, которое мало кому из европейцев удавалось увидеть. «Как жаль, что столько красот скрыто от человеческих глаз, — думал он, — но все это умрет в тот самый день, когда сюда проникнет цивилизация. Исчезнет девственный лес, а вместе с ним исчезнут и его обитатели, чью красоту могут оценить лишь лучшие представители нашего просвещенного мира...»

Размышления Фрике прервал раздавшийся вдруг короткий свист; одна из птиц, настигнутая меткой стрелой охотника, сверкая на солнце, подобно драгоценному камню, падала на землю. Странно, но ее собратья, опьяненные солнцем и распираемые гордостью, продолжали шумно резвиться, стараясь превзойти друг друга в грации и красоте, не обращая внимания на то, что происходит внизу. Обычно пугливые райские птицы, услышав незнакомые звуки, мгновенно исчезают, но во время своих брачных танцев («сакатели») они забывают обо всем.

* «Бурун раджа» — султанская птица; в малайском языке есть и другое название этих пташек: «бурун девата» (божественная птица).

Первая жертва упала прямо к ногам Фрике. Это был «большой изумруд» — кофейно-коричневая птица чуть меньше голубя с желто-соломенной грудкой и с изумрудной головкой; из-под крыльев у нее выглядывали два длинных густых пучка шелковистых перьев орехового цвета, окаймленных ярко-красной узенькой полоской. Эти пучки, когда птицы сидят на ветках, почти незаметны, но при первом же движении крыльев, поднимающихся вертикально вверх, голова вытягивается вперед, а оба пучка раскрываются, образуя окаймленные пурпуром веера. Самой птицы не видно, видно лишь золотое сияние ее перьев, оттененное желтой грудкой и изумрудной головкой, что производит незабываемое впечатление.

Охота на птиц, к большому огорчению Фрике и Пьера, проклинавших в душе алчность малайцев и кокетство цивилизованных дам, была в самом разгаре. Служивших для самцов приманкою самок, оперение которых, впрочем, не отличалось подобным великолепием, папуасы не трогали*.

Не прошло и часа, а уже около пятидесяти птиц лежали на траве, подобно сорванным головкам цветов. И Фрике смог с восхищением и сожалением рассмотреть не только «большой изумруд», но и райскую птицу, прозванную Бюффоном** «великолепной» (сегодня чаще всего ее называют «*diphyllodes magnificus*»). Эта птица чуть меньше дрозда, но из-за пышного оперения, главным образом из-за подхвостовых перьев, свисающих из-под крыльев, можно подумать, что она гораздо больше.

Трудно описать ее словами. Словно покрытое киноварью с бесчисленными переливами оперенье и глаза, укрывшиеся за зелеными с металлическим отливом веками, которые доходят до золотисто-желтого клюва, такого же тонкого, длинного и изящного, как у колибри. Уже ярко-голубых лапок было бы достаточно, чтобы сделать из этой птицы одно из чудес света, но природа этим не ограничилась, она наградила ее двумя маленькими нагрудниками из перышек орехового цвета, окаймленных яркой зеленой полосой. К наряду, где оригинальность соперничает с великолепием, надо добавить еще два длинных

* Из восемнадцати известных ныне видов райских птиц одиннадцать живут только на самом большом острове Океании, три вида окончательно истреблены охотниками, выбирающими, естественно, самых редких птиц. (Примеч. авт.)

** Бюффон Жорж-Луи-Леклерк (1707—1788) — крупнейший французский естествоиспытатель. (Примеч. перев.)

хвостовых пера, легких и тонких, словно проволока, заканчивающихся пушистыми, сверкающими на солнце, подобно драгоценным камням, шарами.

Когда бойня закончилась, убийцы,— тут нет никакого преувеличения,— сразу огласили лес громкими криками. А оба француза, к великому удивлению туземцев, обращавших на редких птиц не более внимания, чем наши крестьяне на воробьев, искренне восхищались их редкой красотой.

— Бедная птаха, бедное Божье создание,— с нескрываемой жалостью прошептал Пьер, подняв с земли маленькую птицу,— сколько изящества, и какое яркое оперение, словно на солнце застыли брызги фонтана. А эти дикари безжалостно убивают их! И для чего?!!

— Для того, чтобы украсить шляпки наших красавиц и даже уродок, желающих стать привлекательней за счет таких вот бедняжек.

— Если когда-нибудь появится на свет особа, которую будут звать мадам Пьер Легаль, а ее супруг, присутствующий здесь Пьер Легаль, станет миллионером, мадам Пьер Легаль скорее будет ходить без шляпки, чем позволит себе из кокетства украсить ее перьями!

— Ты прав, моряк. Мне тоже не по себе, когда я вижу как уничтожают эти очаровательные создания.

Папуасы тем временем занялись «бурун раджа», они должны были, не повредив оперения, подготовить их к продаже. Делалось это следующим образом: сначала отрезали лапки и крылья, затем снимали осторожно кожу и, предварительно пропитав ее ароматическим составом, ставили сушиться, насадив на палку. В таком виде райские птицы обычно без всяких повреждений попадали в Европу.

Через час от множества ярких радующих глаз птиц остались лишь маленькие узкие цилиндрики и грудa окровавленного мяса, лежавшего на широких пальмовых листьях.

— Что ты собираешься с этим делать? — спросил Узина Фрике.

— Мясо «бурун раджа» очень вкусное в любое время года,— ответил славный папуас,— но особенно оно хорошо сейчас, когда птицы питаются мускатными орехами. Ты сам в этом скоро убедишься.

— Благодарю,— живо отозвался Фрике,— что-то нет аппетита. Меня вполне устроит саговая лепешка.

ГЛАВА 12

Осада воздушного дома.— Пираты! — Воспоминание о войне, сообщившем грекам о победе при Марафоне.— Странная постройка.— Голод.— Будем ли мы съедены? — Что было привязано к лиане, прикрепленной к стреле с желтыми перьями? — Двадцать пять килограммов свежего мяса.— Кто совершил это доброе дело? — Благодарность обездоленных.— Еще одна встреча с каронами-каннибалами.— Главный амулет папуасов.— На смену птицам солнца приходит птица ночи...*

— Ну, моряк, что скажешь теперь?

— Что мне хотелось бы обратиться отсюда, и как можно скорее.

— Да, я тоже был бы не прочь.

— Нам и впрямь не везет.

— Одна беда за другой.

— В конце концов, это становится невыносимо. Сперва нас посадили под замок на борту «Лао-цзы» и решили уморить голодом, затем мы чуть не попали в руки к людоедам на острове Вудлэк...

— А теперь мы оказались в осаде, сидим на решетчатом настиле в двести квадратных метров на высоте в сорок пять футов от земли.

— И к тому же в кладовой хоть шаром покати.

— Как на борту парусника, попавшего в мертвый штиль, когда съедены все кошки и в трюме, и в камбузе. Это напоминает мне времена моего детства. Тогда настоящие моряки во время плавания всегда оставались на своем посту: трюмные матросы — в трюме, марсовые матросы — на марсе.

— Такое просто невозможно.

— А я говорю, что так было. Неужели ты не слышал об этом? Трюмные моряки после двухлетнего плавания выходили на свет без кровинки в лице.

— А как же марсовые?

— Они сидели на марсе, словно попугаи на жердочке. Лишь спускали корзину за едой, которую им приносили юнги из камбуза.

— Сегодня у нас и камбуза нет...

* Во время греко-персидской войны в 490 году до нашей эры греческий воин пробежал около 40 км из селения Марафон до Афин, чтобы сообщить о победе греков над персами. С этой легендой связаны название и дистанция марафонского бега. (Примеч. перев.)

- А у юнги живот от голода подвело.
- Так долго продолжаться не может.
- Не по душе мне эта якорная стоянка.
- А что там делает неприятель?

— Ба! Прячется по-прежнему в кустах и готов в любую минуту пустить в нас стрелу с красными перьями.

Хотя стояла непроглядная ночь, Фрике тихонько приблизился к краю площадки, надеясь что-нибудь рассмотреть в темноте.

— Будь осторожен, сынок. В решетке слишком широкие просветы, а внизу нет сетки.

— Не бойся, для меня это дело привычное!..

— Ничего нового, конечно?

— Ничего. Под деревьями темно, как в колодце.

— Да, кстати, а что делают наши друзья-папуасы? Отчего их совсем не слышно?..

— У них тоже в животах пусто. Они сгрудились в другом конце дома, заслонили огонь листьями саговой пальмы и усадились вокруг него на корточках.

— Еще раз говорю тебе: так долго продолжаться не может. Надо попробовать прорваться, а не то наши хозяева начнут есть друг друга.

— Да, уже немало времени прошло с тех пор, когда мы в последний раз ели рагу из райских птиц.

— Оно и впрямь очень вкусное. Жаль, что не осталось еще две или три дюжины тушек.

— К этим бы тушкам килограммов двести саго и воды...

— Да, боюсь, в нашем положении трагической развязки не избежать.

— Ты видел, с какой отвратительной алчностью они смотрели на бедного Виктора?

— Тише! Только бы он ни о чем не догадался. Ах, если бандиты вдруг попробуют его тронуть, я не пожалею свинца. У меня, к счастью, есть в запасе револьвер американца.

— И ружья у нас с собой... Первый, кто вздумает положить лапу на малыша, получит пулю в лоб.

— Пьер!..

— Да, сынок.

— Попытаюсь-ка я немного поспать, а ты будь начеку. Не спускай глаз с наших хозяев. Я доверяю им не больше, чем осаждающим.

И Фрике, который вот уже третий день, как и его товарищи, жевал листья, чтобы заглушить голод, растянулся на циновке и закрыл глаза.

Что же произошло после того, как папуасы, закончив охоту, собирались основательно подкрепиться и отправиться в путь? А вот что. Жаркое было уже готово, охотники, присев на корточки, весело переговаривались, подсчитывая, сколько топориков, наконечников, стеклянных бус и, главное, сколько бутылок огненной воды они получают в обмен на птиц солнца от малайских торговцев. Вдруг в лесу послышался шум. В мгновение ока все вскочили и схватились за луки. Шум приближался, можно было подумать, что бежит дикий зверь, за которым по пятам гонятся охотники. И вот из леса выскочил испуганный, с трудом переводящий дыхание туземец, с выпученными глазами, весь в поту. Зажимая рукой на груди рану, из которой текла кровь, он кинулся к Узинаку.

— Гуни!.. Гуни!.. (Пираты!.. Пираты!..) — задыхаясь, прохрипел туземец и упал на землю, как эллинский воин, сообщивший жителям Афин о победе над персами при Марафоне.

Но, увы, на этот раз новости были куда печальнее: известие о пиратах заставило присутствующих оцепенеть на мгновение от ужаса, ибо если враги окружили деревню, то никто не сможет добраться до берега. Надо будет укрыться в лесу, спрятав в надежном месте утреннюю добычу. Быстро собравшись, весь отряд вместе с двумя европейцами и одним китайчонком углубился в лес. Через полчаса они вышли на небольшую поляну, на краю которой находился дом на сваях.

Беглецы тут же с ловкостью обезьян взобрались туда, успев захватить с собой лишь несколько кокосовых орехов и две или три грозди бананов. Времени оставалось в обрез, враг преследовал их по пятам. Вскоре он появился на поляне. Но охотники были уже вне опасности: теперь им могли угрожать лишь голод и жажда.

Мы уже говорили о свайных постройках; эти дома отличаются удивительной легкостью и прочностью, и в случае необходимости они превращаются в настоящие крепости. Для лесных построек папуасы вместо тяжелых и толстых свай используют длинные тонкие жерди; их накладывают крест-накрест, и в тех местах, где они пере-

крещиваются, прочно перевязывают лианами. (Те, кто видел в Америке деревянные железнодорожные мосты, перекинутые через глубокие овраги, могут себе представить, как создана опора такого дома.) На десятиметровой высоте от земли находится настил из прожилок саговых листьев, он соединяет жерди и придает устойчивость всему строению. И только метров через пять или шесть располагается настоящий пол — широкая площадка, посреди которой стоит уже сама хижина.

Попасть в это жилище, напоминающее скорее логово хищника, не так уж трудно, но вряд ли по силам первому встречному. С главной площадки, словно бакштаги на палубу корабля, под углом приблизительно в 65° спускаются очень тонкие и очень гладкие жерди, которые на пять или шесть метров не доходят до земли и упираются в первую площадку, на нее можно взобраться, цепляясь уже за другие жерди, спускающиеся вертикально.

Мы не случайно употребили слово «бакштаги», потому что папуасские лестницы не имеют ступенек или, скорее, если уж мы хотим употребить морские термины, выбленок. Поэтому надо, используя приемы, хорошо знакомые марсовым, обхватив жердь ногами, подтянуться на руках. Этот способ не представляется трудным для папуасов, даже маленькие дети с удивительной легкостью взбираются по таким лестницам. И пусть читатель не удивляется. Разве в ландах* четырехлетние ребятишки не пользуются огромными ходулями, а их маленькие сверстники гаучо** не носят верхом по аргентинским пампасам?*** Навыки, приобретенные в самом раннем детстве, никогда не утрачиваются. Привычка — вторая натура.

Словом, в это воздушное жилище можно попасть лишь подобным путем и только с одной стороны. Если бы враг попытался взять приступом такую «крепость», взбираясь по опорным столбам, то обязательно уперся бы головой в пол настила, который, как уже было сказано, выступает над опорой.

Но, возразят нам, осаждающие могут поджечь дом, если не сумеют взобраться туда. Бесспорно, только вот

* Ланды — низменные песчаные равнины по берегам Бискайского залива во Франции. (Примеч. перев.)

** Гаучо — наемные пастухи в Латинской Америке. (Примеч. перев.)

*** Пампа, пампасы — субтропические степи в Южной Америке. (Примеч. перев.)

дело в том, что папуасы либо съедают своих поверженных врагов, либо отрубают им головы. А что им делать с обуглившимися трупами, которые невозможно употребить в пищу, и с черепами, которыми нельзя украсить свои жилища? Срубить столбы? Но ведь у осажденных есть тоже оружие, а, если судить по тому, как метко они били по райским птицам, убить человека не представляло для них большого труда.

Фрике, мучимый голодом, проснулся задолго до того, как кончилась вахта Пьера. Кто спит, тот обедает — говорит французская пословица. Обед нашего друга, если судить по тому, как недолго он спал, оказался не очень сытным. Проснувшись, парижанин снова представил себе плантацию на Суматре, куда они должны были привезти китайских кули, и своего друга господина Андре, напрасно ждавшего их возвращения; затем перед глазами молодого человека возникло насмешливое и приветливое лицо доброго доктора Ламперьера, что-то рассказывающего на своем певучем провансальском наречии*, и фигурка юной мисс Мэдж, а рядом с этими столь дорогими его сердцу людьми возникла славная физиономия чернокожего принца. Но тут сухой и резкий звук под полом заставил Фрике насторожиться.

— Ах,— пробормотал он,— уж не собираются ли осаждающие преподнести нам какой-то сюрприз. Посмотрим в чем тут дело.

Парижанин нащупал рукой револьвер и убедился, что тот на месте. Предосторожность, впрочем, оказалась излишней, звук больше не повторился. Еще около часа француз продолжал лежать, глядя на звезды и вспоминая прошлое, но вот заалел восток, предвещая восход солнца, и тут же проснулся Пьер.

— А ты все на посту, моряк? — спросил он.— Что новенького?

— Увы, ничего. Все по-старому.

Боцман взглянул вниз. И тут же воскликнул, не сумев сдержать своего удивления:

— Ничего! По-твоему, это ничего!

— Но в чем дело? — спросил Фрике, приблизившись к самому краю площадки.— Да, черт побери, просто невероятно.

* Провансальское наречие — язык, на котором говорят жители некоторых провинций на юго-востоке Франции.

И впрямь, тут было чему удивляться. На земле лежала корзина с дичью, положить ее сюда могли лишь друзья. Длинная лиана, продетая через ручки корзины, каким-то непонятным образом была прикреплена к нижней площадке строения. Оставалось лишь протянуть руку и поднять наверх килограммов двадцать пять свежего мяса.

— Да будет благословен тот,— торжественно-комическим тоном проговорил Фрике,— кто сжалился над страданиями наших желудков!

Парижанин подполз к самому краю площадки и увидел, что лиана держится благодаря длинной и крепкой стреле с костяным наконечником, которая глубоко вошла в настил с нижней его стороны. Только тогда молодой человек понял, что тот странный звук, заинтриговавший его час назад, был вызван стрелой, вонзившейся в пол их необычного жилища. Он уже протянул руку, чтобы поднять провизию, как вдруг над самым его ухом просвистела выпущенная из леса стрела. В ответ тут же раздался выстрел, и в кустах кто-то закричал от боли. Это выстрелил Пьер Легаль.

— Ну и получай в ответ! А если этого мало, у нас еще есть в запасе пули! У военных это называется «поддерживать огнем операцию».

«Операция» завершилась весьма успешно, и изумленные папуасы увидели перед собой пять великолепных сумчатых, которых туземцы называют «кускусами».

— Теперь, уважаемый Узинак,— обратился Фрике к расплывшемуся в довольной улыбке вождю,— мы сможем утолить наш голод. Велите разделить как можно скорее этих великолепных животных.

На сей раз Узинаку даже не понадобился переводчик. Жесты Фрике были достаточно красноречивы, а дичь столь соблазнительна, что папуасы тут же с жадностью набросились на еду. Разодрав мясо на куски, они принялись есть его сырым. Хорошо, что парижанин успел отложить одного из зверьков для себя и своих друзей.

— Любопытная зверюшка,— проговорил Пьер, глядя, как Фрике сдирает беловатую, покрытую темными пятнами толстую шкуру.— Здесь не меньше трех килограммов чистого мяса. Мы сможем хорошо подзаправиться. Надо бы поскорее поджарить дичь и лучше припрятать несколько кусков, а то наши друзья-папуасы

скоро покончат со своей долей; как бы наше жаркое не ввело их в искушение.

Фрике, задумавшись, разрезал мясо зверька на небольшие куски.

— Почему ты молчишь, сынок? — спросил моряк.

— Я все думаю, вот мы сейчас поедем, подкрепим свои силы, а дальше? Вряд ли наши поставщики смогут снабжать нас едой постоянно.

— Но что мы можем сделать? Кстати, как ты думаешь, кого мы должны благодарить за этот подарок?

— Взгляни на стрелу. Приходилось тебе видеть у папуасов украшенные желтыми перьями стрелы с костяными наконечниками?

— Нет, но такие стрелы были у людоедов, которых мы недавно спасли от смерти.

— У каронов. Ты прав. Я тоже узнал их стрелы.

— Смотри-ка! Здесь на этих бедолаг смотрят, как в наших краях на волков, а оказывается, у них рядом с желудком, который с удовольствием переваривает человеческое мясо, находится благородное сердце! Надо признать, нам на пути попадалось немало нечестивцев, но среди них бывали и славные ребята.

— Да, ты прав. Не знаю, что стало бы с нами без этих двух несчастных, которые так вовремя нас отблагодарили... Знаешь, обездоленные чаще других способны на добрые чувства. Как бы там ни было, мы должны сказать спасибо этим славным ребятам, они продлили наше существование еще на два дня. Сорока восьми часов достаточно, чтобы найти выход. А потом, кто знает, что нового может произойти в ближайшее время.

Фрике не ошибся. В тот же самый час, что и прошлой ночью, наши друзья вновь слышали сухой короткий стук.

— Вот и то «новое», о котором я говорил, моряк,— прошептал парижанин.— Не знаю почему, но у меня появилась надежда.

Снизу в темноте раздался легкий стон, а затем непонятное шуршание. Друзья с вполне понятным волнением ожидали наступления рассвета. Прошло несколько мучительных часов, и наконец первые лучи солнца осветили горизонт. Пьер и Фрике уже лежали на краю площадки, и оба они одновременно вскрикнули от удивления и разочарования. К их площадке, как и накануне, стрелой была прикреплена лиана с привязанной к ней живой, совер-

шенно черной, без единого светлого перышка, птицей не больше голубя.

— Если наши славные поставщики не пришлют сегодня ничего другого, мы можем не опасаться несварения желудка,— с комическим смирением произнес Пьер.

— Здесь что-то кроется,— отозвался Фрике.— Быть может, Узинак сумеет объяснить нам, что означает сей пернатый ребус.

С этими словами молодой человек потянул к себе лиану, что было делом далеко не легким, поскольку ее раскачивала во все стороны привязанная к ней несчастная птица.

— Осторожней, сынок. Как бы пираты не пустили в тебя стрелу, подожди, пока я заряжу ружье.

Предосторожность оказалась излишней. Притаившиеся в лесу туземцы на этот раз предпочли не рисковать, и Фрике смог спокойно закончить операцию.

Но, о чудо! Стоило молодому человеку схватить пойманную птицу, а это был черный, словно ворон, какаду, как следившие за ним папуасы Узинака и сам Узинак словно обезумели. Побросав свои луки, они бросились к ногам парижанина, словно умоляя его о чем-то. Какаду жалобно пищал, широко открывая свой чудовищный, напоминающий клещи клюв, высовывая большой толстый черный язык.

— Можно подумать,— проговорил смеясь Пьер,— что в твоих руках очутилось какое-то местное божество.

Боцман, по-видимому, не ошибался. Приветствия становились все громче, а поклоны все ниже. Наконец Узинак смело покинул дом, а вслед за ним двинулись и остальные папуасы; вождь знаком предложил Фрике последовать его примеру, крикнув при этом, чтобы тот взял с собой птицу. Фрике не заставил себя просить, пропустив вперед Виктора и Пьера, он, подобно капитану, покидающему корабль, спустился на землю последним.

Связанный какаду удобно устроился, словно на жердочке, на дуле ружья, висевшего за спиной у Фрике. Папуасы тут же окружили их, образовав нечто вроде почетного эскорта, и отряд, не обращая внимания на врагов, будто те вообще не существовали, углубился в чащу. Фрике спросил Узинака, что все это значит. Тот, опустив глаза, словно не в силах вынести вида связанной птицы, ответил:

— Никто не рискнет напасть на тех, кого охраняет птица ночи.

ГЛАВА 13

Новое кораблекрушение.— Несколько жителей каменного леса.— Письмо Фрике.— Страшная буря.— Костры каннибалов Кораллового моря.— Что означают крики: Кооо!.. Мооо! Хооо!.. Эээ!..— Табу! — Благотворное влияние протокола, составленного некогда французским жандармом по поводу факта людоедства.— После трехлетнего отсутствия.— Абсолютно голые туземцы в форме французских жандармов.— Канонизированный Пандор.— Островок Буби и его Postal Office.— Убежище для потерпевших кораблекрушение.*

Прошел месяц с тех пор, как оба француза и их спутники папуасы при столь удивительных обстоятельствах спаслись, казалось бы, от неминуемой гибели.

Если судить по тем весьма странным, а порой и ужасным событиям, выпавшим на долю европейцев после их отъезда из Макао, можно предположить, что за это время им пришлось пережить немало удивительных приключений.

Правда, сейчас злой рок, неотступно преследовавший наших друзей, потерял их след. А может, злодейка-судьба просто устала и, как сказал в шутку Фрике, решила передохнуть. Молодой человек был в эти дни полон оптимизма, для чего, если рассуждать здраво, у него не было никаких оснований. Но все в жизни относительно. Последние же три месяца были достаточно спокойны.

Папуасы исчезли. Фрике, Пьер Легаль и юный Виктор находятся на маленьком островке, затерявшемся в океане. Вокруг, до самого горизонта, море усеяно коралловыми островками с их обязательным убором из пальм. Невысокие волны, словно запутавшись в немыслимом переплетении острых зубцов, подводных утесов, отмелей и рифов, отступают, оставляя белые клочья пены, но мощное течение с грохотом прорывается сквозь этот коралловый лабиринт, и возмущенный океан, негодуя, идет на приступ каменного леса.

Множество морских птиц поднимается в небо крикливыми стаями, они описывают в воздухе большие круги,

* Почта (англ.)

снова опускаются на волны и ловко выхватывают из воды желанную рыбку. Солнце ярко освещает белые заросли мертвых кораллов, лениводвигающих своими бесчисленными щупальцами астериасов, поражающих яркими красками морских звезд, утопающих в мягких кружевах морских лилий, охристых, нежно-желтоватых или розоватых на тонких ножках грибовидных фунгий, великолепные колонии изящных морских перьев, не уступающих в красоте райским птицам, сложные, удивительно красивые колонии красных или красновато-фиолетовых тубипор — морских органчиков, прозванных так за их сходство с органом, похожих на ветви иудиного дерева дендрофиллий, огромных светящихся, самых удивительных цветов и оттенков, фиолетовых, оранжевых, буро-зеленых, киноваренно-красных горгонарий, желтовато-оранжевых или желтовато-коричневых, напоминающих кисть человеческой руки альцпонарий (прозванных жителями побережья рукой или пальцами мертвеца), колонии тонких с длинными ветвями «оленьих рогов», ярко-голубые солнечные кораллы, великолепных пурпурных актиний, пунцовых морских роз и морских анемонов, оранжевых или красных со звездообразным рисунком морских ежей... Одним словом, все великолепные представители мира полипов и иглокожих цветут под яркими лучами тропического солнца; множество рыб резвится в прозрачных и чистых, словно хрусталь, теплых водах.

Наши друзья, пресытившись, видимо, великолепием окружающей природы, уже не обращали внимания на красоты пейзажа, заставляющего восторгаться даже наименее впечатлительных естествоиспытателей. Их небольшое убежище находилось метрах в десяти или двенадцати над морем, — под белоснежной площадкой верхней части рифа имелись пещеры, способные выдержать самый сильный натиск океана.

Виктор был занят приготовлением обеда. Сидя на корточках у костра, под палящими лучами солнца, он наблюдал за тем, как из носика большого медного чайника с шумом и свистом вырывается пар, тот самый пар, который помог Джеймсу Уатту* сделать свое гениальное открытие. Юный китаец, не реагирующий ни на солнечные лучи, ни на идущий от костра жар, вдруг поднялся, исчез на мгновение и вернулся с тремя чашками и чайником для заварки.

* Уатт Джеймс (1736—1819) — английский изобретатель, создатель универсального теплового двигателя. (Примеч. перев.)

Пьер Легаль, лежа на спине у входа в одну из пещер, курил свою любимую трубку рядом с Фрике. Тот же, сидя перед обломком скалы, исписывал мелким почерком листки белой бумаги. Он то и дело макал перо (настоящее стальное перо) в чернильницу — чернила так быстро высыхают — и с удовольствием настоящего курильщика вдыхал поднимающийся кольцами дым дорогой сигары. На мгновение молодой человек прервал свое занятие и обратился к Виктору:

— Ну как, чай готов?

— Сколо, сколо, Флике, совсем сколо...

— А говядина с луком? — поинтересовался Пьер, раздувая ноздри.

— Уже готова.

— Прекрасно, мы сейчас перекусим.

— Совсем сколо...

Чай, сигары, говядина, лук!.. Что же вдруг изменилось в жизни наших друзей? Как случилось, что эти несчастные, питавшиеся еще совсем недавно, как и их друзья-папуасы, саговыми лепешками, собирались отобедать столь удивительным для здешних мест образом? Откуда у Фрике появились чернила, перья, бумага, ведь мы расстались с ним, когда он имел при себе лишь оружие и черного какаду? Несколько минут терпения, и ваше вполне законное любопытство будет удовлетворено.

Первая часть обеда прошла в молчании. И, лишь утолив голод и выпив несколько чашек ароматного чая с превосходным ромом, Пьер заговорил:

— Ну, моряк, что нового появилось в вахтенном журнале?

— Ты знаешь не хуже меня. Я описал все наши приключения, начиная с того дня, когда мы распрощались с жителями Новой Гвинеи. Мне остается положить листки в конверт и отнести их на почту.

— Почта, надо признаться, недалеко.

— Да, — ответил молодой человек с легкой грустью. — Но кто знает, когда появится корабль, который заберет и нас и письмо?

— Терпение, сынок! Терпение! И не в таких переплетках бывали. Нам немало пришлось пережить. Думаю, самое страшное осталось позади.

— Кто знает.

— Полно, ты что-то, против обыкновения, захандрил сегодня.

— Мне просто скучно.

— Можно подумать, мне весело.

— От этого не легче.

— Я понимаю, ты томишься от безделья, хоть мы теперь как сыр в масле катаемся. Послушай, почему бы тебе не прочесть мне все, что ты написал. Это поможет убить время.

— Согласен, но, боюсь, будет неинтересно.

— Глупости. Ты — прекрасный рассказчик и любого любителя баек можешь заткнуть за пояс.

Фрике улыбнулся, собрал свои листки, закурил сигару, опустил на землю и начал:

— «Мой старый друг! Свое последнее письмо я отправил с Суматры. С тех пор нас все время преследуют неудачи и...»

— Можно ли такое говорить,— прервал возмущенно Пьер Легаль.

— Если ты станешь перебивать на каждом слове, я никогда не закончу. Речь идет не о том, что мы делаем сейчас. Я описываю то, что произошло с нами за последние два месяца.

— Ты прав,— смущенно признался Пьер.— Я болтаю, как попугай. Буду теперь держать язык за зубами. Полный вперед...

Фрике снова принялся за чтение.

— «...Если все будет так продолжаться, нас с Пьером наверняка ждут невероятные приключения, как в те далекие времена, когда мы с вами познакомились. Судите сами. Мы покинули Суматру и отправились в Макао за китайскими кули для нашей колонии, можно сказать, за неграми с желтой кожей (помнится, я уже писал вам об этом в Париж перед самым отъездом). Все шло как нельзя лучше, но один негодяй, американец, капитан корабля, на борту которого находились наши китайцы, решил присвоить их себе. Он без зазрения совести сажает нас под арест и морит голодом, надеясь заставить таким образом переписать трудовые соглашения с кули на его имя.

Я так и вижу, как, читая эти строки, вы возмущенно дергаете себя за ус, постукиваете кулаком по столу и говорите, поглаживая саблю: «Черт побери, этого бы не случилось, будь я с ними!» Но уверяю, все произошло бы точно так же! Впрочем, это пустяки... Не стану подробно описывать наши приключения, скажу лишь, что вскоре корабль потерпел крушение, но нам удалось спастись.

Остров, на котором мы оказались в результате кораблекрушения, был, к сожалению, населен людоедами,

и наши триста кули угодили к ним в руки. Чудом оставшись в живых, мы, захватив пирогу островитян, добрались до берегов Новой Гвинеи. Жители этого большого острова не меньше наших старых врагов, канакнов Новой Каледонии, любят лакомиться человеческим мясом. Чего только не перевидали мы за время этого вынужденного путешествия; приходилось жить в домах, построенных на сваях посреди воды, спать в доме, украшенном гирляндами человеческих черепов, готовить саговые лепешки, охотиться на райских птиц. Однажды мы чуть было не погибли, но, просидев в осаде почти неделю, унесли все же ноги благодаря одному происшествию, о котором расскажу как-нибудь в другой раз, ибо мне не терпится перейти к описанию потрясающих событий, касающихся и вас и странным образом завершающих наши приключения, несмотря на то, что сейчас вы по-прежнему, во всяком случае мне хотелось бы этому верить, находитесь в своем кабинете на улице Лафайет.

Итак, после всех злоключений, распрощавшись с нашими новыми друзьями — Узинаком и его племенем, мы взяли курс на Торресов пролив. У нас было достаточно провизии... Пойдите! Я забыл вам сказать, что на острове Вудлак нам удалось спасти одного китайчонка, которому людоеды собирались перерезать горло. Он — славный паренек, и, думаю, мой чернокожий приемный сын будет очень рад познакомиться с ним.

Но продолжим повествование. Путешествие, казалось, должно было закончиться благополучно. Первые четыре дня прошли спокойно благодаря тому, что Пьер из предосторожности предпочитал плыть только днем. Пятый день подходил к концу, когда вдруг море начало штормить. Мы находились в открытом море. Пристать к берегу было невозможно. Мы убрали мачту и прикрепили парус, так чтобы он покрыл всю лодку и туда не смогла бы проникнуть вода; теперь наша пирога стала походить на эскимосский каяк*. Затем мы проделали три отверстия, чтобы иметь возможность высунуться до пояса, и стали ждать приближения бури.

Да, черт подери, ждать пришлось недолго. Резкий ветер, дувший уже с полчаса, превратился в настоящий ураган. Небо почернело, загредел гром, засверкали мол-

* Каяк — одноместная лодка, деревянный или костяной каркас которой обтянут кожей. В верхней части — люк, отверстие, затягивающееся вокруг талии гребца. Был распространен у многих народов Арктики. (Примеч. перев.)

нии. Наша утлая лодчонка под порывами ветра помчалась со скоростью курьерского поезда, как пробка, держась на плаву. Благодаря принятым мерам предосторожности, волны и ветер не представляли для нас особой опасности, наскочить на риф было куда страшнее. Можно только удивляться, что пирогу не разнесло в щепки.

Ураган бушевал двое суток. В течение этих бесконечных дней дождь, ветер, гром, град не утихали. Нас мучила жажда, которую удавалось на короткое время обманывать с помощью раскисших в воде саговых лепешек. Пирог болтало из стороны в сторону с неимоверной силой; смею вас заверить, ваш бедный желудок, страдающий морской болезнью, не выдержал бы подобного испытания — его бы выворачивало наизнанку раз пятьдесят за час.

Само собой разумеется, мы были совершенно разбиты и измучены, волны то и дело накрывали нас с головой. Но всему приходит конец в этом мире, даже страданиям. На черном небе появились просветы, молнии сверкали теперь не так часто, раскаты грома звучали все тише и тише, ветер стал понемногу стихать. На небе появились звезды, но понять, где мы находимся, было нелегко. Сквозь порывы ветра до меня донесся голос Пьера:

— Моряк, впереди огонь!

Тут пирога, словно стрела, взвилась вверх, и я увидел не один, а более десятка огней на горизонте. Да, черт побери, берег был совсем близко, но нас сносило ветром и течением, на спасение рассчитывать не приходилось. Признаюсь, на лбу у меня выступила испарина, сердце учащенно забило. Я оглянулся на Пьера, сидевшего позади меня.

— Что ты там делаешь? — крикнул я.

— Пытаюсь с помощью кормового весла изменить курс.

Напрасный труд. Раздался сухой треск. Весло сломалось пополам. Еще несколько минут или секунд — и мы налетим на скалы. И действительно, я услышал, как волны глухо разбиваются о рифы. Нас подхватила огромная волна. На мгновение пирога замерла на вершине гребня и тут же стала падать в разверзнутую бездну. Я почувствовал страшный толчок и потерял сознание... Видите ли, мой старый друг, можно быть крепким парнем, прошедшим, как говорится, огонь и воду, но бывают минуты, когда ты падаешь в обморок, как восьмилетняя девочка, у которой удаляют зуб.

По логике вещей мы должны были разбиться в лепеш-

ку. Но наша звезда еще не закатилась. Буря, выбросившая нас на берег, позаботилась о том, чтобы подготовить нам мягкое ложе из морских водорослей, вырванных со дна океана, что значительно смягчило силу удара. Как долго я находился без сознания, не знаю, но, вероятно, очень долго, ибо, открыв глаза и удивляясь, что все еще нахожусь на этом свете, я увидел первые лучи солнца. «Где Пьер и Виктор, что с ними?» — это были мои первые мысли. В этот момент кто-то громко чихнул. Обернувшись и увидев торчащие из кучи водорослей башмаки, я кинулся разгребать эту кучу. Чиханье возобновилось, с каждым разом оно становилось все громче, и это указывало на то, что чихавший находится в полном здравии. Башмаки задвигались, и вскоре появился Пьер Легаль, борода его была в тине, как у морского царя.

— Сынок,— проговорил он взволнованно,— ты жив и здоров.

— Я без сил, но целехонек.

— А где наш малыш? Где Виктор? — спросил Легаль с тревогой.

— Кооо!.. Мооо!.. Хооо!.. Эээ!..

Ах, нам с вами слишком хорошо известно, что у австралийцев этот крик — сигнал сбора. Мы опять оказались в стране людоедов. Странные бывают судьбы, вот, например, моя судьба приводит меня всегда к каннибалам; повсюду, где на этой земле люди поджаривают себе подобных, я оказываюсь в двух шагах от костра. Это в конце концов начинает надоедать, и хотелось бы чего-нибудь другого...

Нам нечем было защищаться — оружие пошло ко дну вместе со всеми припасами. Но неужели мы должны покорно, как бараны на бойне, подставить шею? Никоим образом. Медлить было нельзя, следовало вспомнить приемы французского бокса, чтобы отобрать у противников во время драки дубинки или каменные топоры.

К счастью, в эту минуту наш маленький Виктор, целый и невредимый, выбрался из водорослей и присоединился к нам. Крики все приближались, народу, видимо, было не так уж много, но кричали они, надо отдать должное, очень громко. Мы решили добежать до камедного дерева,— его огромный толстый ствол должен был спасти нас от угрозы быть окруженными. Сказано — сделано.

Туземцы подошли уже совсем близко. Мы должны были опередить их и броситься в бой первыми, как вдруг, о чудо! Один из них, самый рослый, возглавлявший груп-

пу, взглянув на нас, останавливается, бросает на землю копьё и бумеранг, протягивает к нам руки и начинает петь. Опасаясь какой-нибудь хитрости, мы не двигаемся с места. Но остальные туземцы также бросают на землю свои копья, поднимают к небу руки и вслед за своим предводителем приближаются к нам, напевая что-то и пританцовывая. Мы поражены и в то же время, как вы понимаете, обрадованы. Туземцы все время с восхищением повторяют три слога:

— Ба-ба-тон!.. О!.. О!.. Ба-ба-тон!.. А... А... Табу!..* Табу!..

При слове «табу» все падают перед нами на колени, как перед какими-то идолами, и, уже не осмеливаясь больше подняться, приближаются к нам ползком. Пьер щиплет себя до крови, желая убедиться, что не спит, а я делаю над собой огромное усилие, чтобы удержаться от хохота. Вождь уже совсем рядом, он вскакивает на ноги, обнимает меня, прижимает к груди, трется о мой нос, снова прижимает меня к груди, опять трется о мой нос, чуть не содрав с него кожу. Пьеру и Виктору оказываются такие же чрезмерные знаки внимания, их ласкают, душат в объятиях.

Снова раздаются крики: «Ба-ба-тон... Табу...» И вдруг при виде татуировки я что-то начинаю понимать и уже не могу сдержать непочтительного смеха. Попытаюсь описать вам, как выглядел их вождь. Ноги и бедра были разукрашены так, что казалось, будто наш туземец носит ботфорты и темно-синие брюки. Спину, грудь, руки также плотным слоем покрывала татуировка. Она должна была изображать китель с белыми пуговицами и выпушками. На левой стороне груди имелось даже красное пятнышко ордена Почетного легиона. Черная полоса вокруг поясницы заменяла пояс, а пририсованные к ней несколько желтых линий — эфес кавалерийской шпаги.

Татуировка на лице имитировала белокурые усы, закрученные чуть ли не до самых глаз, и маленькую бородку; кончик носа имел красноватый оттенок и явно должен был напоминать, не в обиду будет сказано, цвет вашего носа. Одним словом, казалось, что наши абсолютно голые австралийцы облачились в парадную форму французской колониальной жандармерии, ту, которую носите вы, мой дорогой друг!

* Табу — у первобытных народов строгий религиозный запрет налагаемый на предмет, слово, действия и т. п. (*Примеч. перев.*)

«Ба-ба-тон... Табу!» — речь шла о вас, о святом, могущественном, достопочтенном Барбантоне! Я все понял! Во второй раз судьба забросила меня на австралийский берег, неподалеку от того места, где нас с господином Андре, доктором Ламперьером и матросом Бернаром чуть было не отправили на тот свет. И тогда появились вы. Я и сейчас помню, как, загасив сапогами костер, на котором нас собирались поджарить, вы выхватили саблю и разогнали сборище людоедов, а затем, споткнувшись о корень какого-то дерева, упали на землю и встали уже Табу*. С тех пор Барбантон стал для этих наивных детей природы как бы самим Господом Богом. Это было вполне справедливо, ведь вы всегда производили неотразимое впечатление, особенно в своем блестящем мундире. Одним словом, если бы не вы, нас, несчастных бедолаг, просто-напросто съели бы.

Местные жители и по сей день хранят память о Барбантоне; вожди стараются подражать вашей манере держаться, ваш мундир запечатлен на их коже, а ваше имя они носят в своих сердцах. Я думаю, что через несколько сотен лет Барбантона причислят к лику святых, и ученые будут кропотливо изучать историю возникновения этого культа. Как бы то ни было, спустя три года ваше табу не потеряло своей силы. И проживающие в этих краях туземцы, вместо того чтобы приготовить из потерпевших кораблекрушение жаркое, принимают их с распростертыми объятиями. Вот какие любопытные изменения произошли в здешних краях благодаря вам.

Дикари устроили нам настоящий праздник. Они принесли жертвы в вашу честь, а мы во время церемонии распевали вместе с ними во весь голос «Ба-ба-тон табу». Эти слова стали национальным гимном, «God save the Queen»** племени нгао-ток-ка. Ваши обожатели помогли нам добраться до островка «Wooby Island»***, находящегося на пути в Австралию. Поскольку корабли, проходящие через Торресов пролив, обязательно делают здесь остановку, нас рано или поздно вывезут отсюда. Остается только ждать...

Британское адмиралтейство позаботилось, чтобы на острове имелось все необходимое для потерпевших кора-

* Эта невероятная история подробно описана в романе «Кругосветное путешествие юного парижанина». (Примеч. авт.)

** «Боже, храни королеву» (англ.), национальный гимн Великобритании.

*** «Остров Буби» (англ.).

блекрушение. Здесь есть даже почтовый ящик; высокая мачта с развевающимся британским флагом уже издали указывает мореплавателям о существовании этого высоко поднимающегося над водой кораллового острова, спасшая жизнь многим несчастным. Внизу у мачты стоит покрытая просмоленным полотном, на котором написано «Postal Office», бочка; в ней лежат бумага, ручки со стальными перьями, чернила, книги и сумка, в которую прячут письма. Тут же хранятся чай, соль, сахар, сигары, огниво, табак.

Неподалеку имеется глубокая пещера со всякого рода съестными припасами; там есть сухари, сало, солонина, вяленая рыба и пресная вода. На видном месте лежит реестровая книга. На первой странице начертано на нескольких языках: «Моряков всех наций просят занести в книгу неизвестные доселе сведения, касающиеся изменений в очертаниях Торресова пролива. Капитанов же кораблей просят пополнить запасы «Убежища потерпевших кораблекрушение».

Ни один корабль не проходит мимо. Капитаны забирают почту, увозят с собой потерпевших, пополняют съестные запасы. Кроме того, на острове растут лук, тыква, пататы. В одной из пещер, неподалеку от водоема с пресной водой, устроен целый склад одежды. Места, где находятся водоем и пещера, указаны на плане, который тоже хранится в бочке.

Так что, мой дорогой друг, ни один потерпевший кораблекрушение не мог бы оказаться в лучших условиях. Мы нагуливаем жир и ждем не дождемся прибытия корабля, который доставил бы нас в одну из цивилизованных стран.

Прошу передать нижайший поклон вашей супруге и принять уверения в искренней к вам привязанности.

Виктор Гюйон, по прозвищу Фрике.

Р. С. Пьер Легаль крепко жмет вам руку. 10°36'30'' южной широты и 141°35'06'' восточной долготы».

На конверте было написано: Господину О.-Ф. Барбантону. Улица Лафайет. Париж.

Тайны «Postal Office». — Два письма. — Адрес на конверте. — Фрике поражен. — Парус! — Голландская шхуна «Палембанг». — Радужный прием. — Что думает капитан Фабрициус ван Прет о таможенниках вообще и о нидерландских таможенниках в частности. — На этот раз они попали к контрабандистам. — Гастрономические пристрастия малайцев. — Ловцы голотурий (морских кубышек). — Трепанг — любимое национальное блюдо жителей Малайского архипелага. — По пути на Тимор.

Уныло тянулись дни, буря давно утихла, и морские просторы были удручающе однообразны. Словно оазисы в желтых песках пустыни, среди сероватых волн виднелись небольшие атоллы с их неперменным ожерельем кокосовых пальм, а та движущаяся точка, в которой только опытный глаз моряка способен разглядеть верхушку корабельной мачты, так и не появлялась на горизонте. Не трудно представить себе, как томились наши друзья, считая, что этим дням не будет конца.

Проход по Торресову проливу значительно сокращает путь от восточного берега Австралии до островов Малайского архипелага, но моряков здесь подстерегают бесчисленные опасности. Не так-то просто пробраться через лабиринт островов, островков, отмелей и рифов, которыми изобилует Коралловое море, где к тому же проходит мощное течение. Невозможно нанести на карту стотридцатикилометровую береговую линию пролива, меняющего свои очертания из-за непрекращающейся работы мадрепоровых полипов. Все это делает Торресов пролив, открытый сподвижником Кироса, одним из самых опасных на нашей планете. Корабли, несмотря на мужество английских моряков, обладающих несравненным преимуществом над американскими моряками, ибо умеют быть осторожными, появляются здесь довольно редко.

Было бы ошибочно полагать, что Буби-Айленд посещают лишь сбившиеся с курса суда, а бесстрашные мореплаватели Соединенного Королевства выбирают менее опасные пути. Регулярно четыре раза в году парусники совершают рейсы между Батавией* и Сиднеем. Два корабля,

* Батавия — порт на северном побережье Явы, ныне — Джакарта, столица Индонезийской Республики.

пользуясь северо-восточным муссоном, дующим с октября по апрель, выходят из Батавии в октябре и марте; за двадцать восемь дней они достигают Сиднея, а затем благодаря юго-восточному муссону, дующему с апреля по октябрь, отправляются в обратное плавание и за те же двадцать восемь дней доходят до Батавии. Суда проходят Торресовым проливом и посещают остров Буби. Кроме того, этим маршрутом трижды в год следуют корабли «Eastern and Australian Mail Steam Company»*. Так что «Убежище потерпевших кораблекрушение» не такой уж забытый Богом уголок. И все-таки может пройти добрых два месяца, прежде чем нашедшие там приют робинзоны увидят своих спасителей, если, конечно, с кораблями по пути не произойдет ничего непредвиденного, а эти два месяца тянутся бесконечно долго...

Парижанин опустил письмо в находившийся в бочке мешок, который, как он полагал, был пуст. Впрочем, его содержимое, если даже предположить, что кто-то успел поместить туда свои послания, не слишком интересовало всегда уважавшего чужие тайны Фрике. Правда, по старой привычке, свойственной всем морякам, скромные пожитки которых нередко подвергаются нашествию тараканов, он вытряхнул мешок, намереваясь выгнать оттуда отличающихся редкой прожорливостью насекомых. Но вместо них на землю выпало два письма. Фрике машинально взглянул на конверты. Адреса были написаны твердым, уверенным почерком, свойственным английскому или немецкому письму. На одном из конвертов значился адрес: «Господину Венсану Бускарену, улица Жан-Жака Руссо, дом №... Париж».

— Как бы мне хотелось хоть на неделю очутиться в тех местах, куда рано или поздно попадет это письмо,— с легкой грустью проговорил он.— Я не завистлив по природе, но этому листку бумаги можно позавидовать. Ну что ж, отправляйся в путь, во Францию вместе с моей эпистолюю** к нашему славному жандарму. Что же до второго послания...

Он даже вскрикнул, пораженный, увидев, кому адресовано второе письмо.

— Тысяча чертей!. Неужели я брежу?! Пьер!.. Пьер!.. Но боцман, не отрывавший глаз от горизонта, вдруг

* Восточно-Австралийская почтовая морская компания (англ.).

** Эпистола (устар.) — письмо, послание.

подбросил в воздух свой берет и, позабыв о тропической жаре, пустился отплясывать джигу*, выделявая при этом такие замысловатые коленца, что ему мог бы позавидовать любой итальянец.

— Полно, Пьер, послушай меня... Если бы ты только знал... это письмо...

— Да, кстати о письме, смело опускай его в почтовый ящик. Начальник почтовой службы заберет его в ближайшее время.

— Ты в своем уме?

— Конечно, моряк! Нам есть чему радоваться.

— Что же случилось, в конце концов?

— Сразу видно, дружок, что тебе не приходилось плавать на старом трехмачтовом паруснике, и ты не вглядывался в горизонт с высоты брамселя**, иначе...

— Иначе что?

— Ты бы давно разглядел вдаль, в двух милях отсюда, этот парус, вон, там, над одним из атоллов.

— Парус!.. Ты видишь парус?

— Черт побери! Я же не в кабачке «Салон Флоры», чтобы просто так, одному пуститься в пляс. Для этого должна быть серьезная причина. Ну-ка, посмотри повнимательнее, моряк!

— Да. Ты прав,— согласился с ним парижанин, лицо которого выражало сильнейшее волнение.

— Слава Богу!.. Через пять минут покажется и сам корабль. Смотри-ка, шхуна. Готов побиться об заклад, это голландское судно, один из тех морских дилижансов***, которые бороздят морские просторы, они такие пузатые, как и их хозяева, большие любители пива.

Подгоняемая бризом и течением, искусно обходя подводные рифы, шхуна быстро приближалась к коралловому острову. Она уже подняла флаг. Пьер Легаль не ошибся. Голландский флаг, имевший те же цвета, что и французский,— красный, белый, синий, только расположенные горизонтально,— развевался высоко над кормой.

— Прекрасно,— продолжал боцман.— Я не прочь отправиться в путь. Голландцы — славные парни и хорошие моряки. Мы с ними легко поладим.

* Джига (жига) — старинный парный (у матросов — сольный) быстрый и динамичный английский народный танец. (Примеч. перев.)

** Брамсель — четвертый снизу парус на мачтах.

*** Дилижанс — многоместный запряженный лошадьми экипаж для перевозки почты, пассажиров или багажа. (Примеч. перев.)

Шхуна легла в дрейф в двух кабельтовых* от атолла, моряки ловко спустили шлюпку, туда сели четыре гребца, и шлюпка понеслась к острову. Не успела она еще пристать к берегу, как один из сидевших в лодке, видимо, хозяин, обратился к нашим друзьям на незнакомом им языке.

— Черт побери, если бы можно было бы понять хоть одно слово из того, что он сказал... И все-таки нам надо договориться... Мы — французы, не говорит ли кто-нибудь из вас на нашем языке?

— Я говорю, — ответил хозяин, знавший, как и большинство его соотечественников, несколько языков. — Думаю, вы хотите одного — как можно скорее выбраться отсюда.

— Еще бы! — в один голос ответили Пьер и Фрике.

— Тогда скорее в лодку! Через несколько минут начнется отлив, нам не следует медлить**.

Голландцу не пришлось дважды повторять свое приглашение. У наших друзей не было с собой багажа, и сборы их не заняли много времени. Они сразу же, в чем были, сели в шлюпку, и через несколько минут французы и китайченок уже карабкались по веревочному трапу с ловкостью людей, для которых это было делом привычным. На борту их встретили с тем радушием, с которым моряки, постоянно подвергающиеся опасностям, встречают потерпевших кораблекрушение. Капитан приказал тут же поднять паруса, казалось, он позабыл заглянуть на «почту», что озадачило Фрике, поскольку это противоречило инструкциям, имевшимся в Реестре потерпевших кораблекрушение.

Когда паруса были поставлены, капитан пригласил пассажиров в свою каюту. В нескольких словах Фрике описал ему выпавшие на их долю приключения. Правда, рассказывая о кораблекрушении, он решил умолчать о неблагоприятном поведении американского капитана.

Капитан, славный, круглый, словно бочонок, толстяк, с коротко подстриженными волосами и обветренным лицом, по всему видно, хитрый, как дьявол, не смог, несмотря на свою флегматичность, скрыть своего удивления, выслушав историю наших друзей.

— Рад, что случай привел меня на Буби-Айленд, —

* Кабельтов — единица длины, применяемая в мореходной практике, равна 0,1 морской мили (185,2 м).

** Хотя приливы и отливы почти не ощущаются в Тихом океане, в Торресовом проливе дело обстоит иначе. В открытом океане приливы вообще невелики — 0,9 м; большие величины приливов наблюдаются у берегов, в узких и длинных заливах. (Примеч. авт.)

сказал он с присущей морякам сердечностью.— Я хотел лишь проверить, не сбилась ли шхуна с курса. Не случись этого, вам пришлось бы сидеть там до марта, дожидаясь корабля, идущего из Батавии в Сидней. А добираясь до Суматры, вы потеряли бы еще месяца три. Я сейчас держу курс на Яву, правда, прежде должен разгрузить свой товар. Однако, надеюсь, недель через шесть мы подойдем к острову. А пока чувствуйте себя как дома. Можете работать, если сами того захотите, а можете и просто отдыхать. Решайте...

— Бездельничать, когда товарищи трудятся, капитан, невозможно, уж поверьте Пьеру Легалю. Прошу вас разрешить нам работать наравне с экипажем. Моему другу, вероятно, сподручней было бы шуровать кочергой, чем при сильном ветре брать рифы*, поскольку ему лучше знакомы угольные бункеры на военных кораблях, чем оснастка трехмачтового судна или даже обычной шхуны, но он ловок, как белка, и силен, как ломовая лошадь, так что даром мы свой хлеб есть не будем.

— Поступайте как знаете, дети мои. Вам виднее. Можете помогать матросам, когда сами того пожелаете.

— Благодарю, капитан. Вы очень добры.

— Позвольте задать один вопрос, капитан,— проговорил Фрике.

— Слушаю вас.

— Как случилось, что вы не пристали к берегу и не забрали письма?

При этом неожиданном вопросе широкая улыбка появилась на кирпично-красном лице шкипера.

— Не стану ничего скрывать,— ответил он.— Все очень просто. За славой я не гонюсь, я простой шкипер, но, будучи хозяином этой шхуны, хочу решать сам, куда плыть, какой брать груз, куда его доставить. А голландские таможенники любят совать свой нос туда, куда не следует, бесцеремонно проверяют фрахты** кораблей и обкладывают их грабительской пошлиной. Взяв письма на «почте», я должен был бы передать их консульским служащим, а они уж непременно стали бы допытываться, откуда судно плывет, что везет и тому подобное. И моя любезность мне же влетела бы в копеечку. Проще тихомирно разгрузить свой товар в условленном месте, извест-

* Риф — поперечный ряд прикрепленных к парусу завязок, при помощи которых можно уменьшать площадь паруса. «Брать рифы» — уменьшать площадь паруса при сильном ветре. (Примеч. перев.)

** Фрахт — перевозимый на нанятом судне груз. (Примеч. перев.)

ном только мне и моим партнерам, забрать там новую партию груза, не проходя таможенного досмотра. Вот так и плаваем без вмешательства господ чиновников. Теперь понимаете, в чем дело?

— Понятно,— ответили со смехом оба француза.

Капитан, улыбнувшись, не стал их больше задерживать.

— Наш капитан конечно же хороший плут,— шепнул Легаль парижанину,— но на этот раз нам все-таки больше повезло, чем когда мы отплывали из Макао. Американец был подлым пиратом, а наш голландец просто-напросто контрабандист. Да, кстати, что это за история с письмом? Я помню, в ту минуту, когда появилась шхуна, у тебя в руках был мешок с письмами...

— Готов поспорить, ты ни за что не отгадаешь, кому было адресовано одно из тех двух писем, которые находились в мешке.

— Тут, видимо, что-то кроется. Лучше я сразу признаюсь, что не смогу отгадать.

— Так вот, дорогой мой, на одном из конвертов было написано: «Сеньору Бартоломеу ду Монти, в Макао!»

Пьер вздрогнул, словно пуля угодила ему прямо в грудь.

— Пряничному клоуну с рапирой... Сообщнику пирата!

— Да, именно ему.

— Ну, знаешь! Кто же, черт возьми, опустил это письмо в бочку? Должно быть, американец сумел спастись в своей посудине и добрался до Буби-Айленда... Нет, невозможно. У меня в голове все перемешалось.

— Как бы то ни было, случай порой преподносит нам странные вещи.

— Тысяча чертей! Письмо, дорогой мой, следовало выкрасть.

— Нет, этого я бы сделать не мог.

— А почему нет? Письмо бандита, адресованное мерзавцу.

— То, что получатель — мерзавец, я согласен, но из чего следует, что отправил его негодяй?

— Уверю тебя, это наш американец. Он добрался сюда в своей лодке. У меня нет и тени сомнения.

— Пусть так. И все-таки я бы не смог нарушить тайну переписки.

— Вот еще! Деликатничать с такими подлецами — все равно что метать бисер перед свиньями.

Шхуна «Палембанг», капитан которой минхер Фабрициус ван Прет являлся одновременно и ее владельцем, вышла в море, чтобы доставить к столу малайцев, прихотливых в еде так же, как и китайцы, одно из самых любимых их кушаний. Все восемь матросов шхуны с утра до вечера были заняты ловлей голотурий.

Мы не стали бы говорить о голотуриях, если бы промысел этих иглокожих не занимал в здешних краях не менее важное место, чем ловля трески в Ньюфаундленде. Малайцы просто обожают трепангов* подобно тому, как англичане обожают свой пудинг, немцы — свинину с кислой капустой и картофелем, эскимосы — тюлений жир, а итальянцы — макароны. Трепанги — любимое национальное блюдо не только на Малайских островах, но и в Камбодже, Китае, Кохинхине**, Анголе и многих других странах. А потому этим промыслом с немалой для себя выгодой занимаются не только местные жители, но и множество английских, американских и голландских кораблей.

Голотурии относятся к морским беспозвоночным животным типа иглокожих, об этом можно прочесть в любом учебнике зоологии... Ну а мы попытаемся говорить не столь научным языком и дать объяснение более практическое. Вообразите себе кожаную трубку средней толщины, длиной от пятнадцати до двадцати пяти сантиметров, наполненную водой, с довольно примитивным кишечником; на ее верхнем конце, напоминающем воронку, находится круглое ротовое отверстие с венчиком щупальцев, действующих наподобие присосок и служащих как для ловли добычи, так и для передвижения животного.

Голотурии водятся на утесах и в прибрежных песках, они весьма неприхотливы в еде и заглатывают все, что попадается им на пути — микроскопических животных, частички морских растений, рыбные икринки и даже песок. По довольно странной физиологической особенности пищеварительный аппарат голотурий отличается редкой чувствительностью и не приспособлен к столь разнообразной еде; бедняги нередко страдают несварением желудка, и, когда им трудно очистить кишечник от непереваренной пищи, они безболезненно избавляются не только от неус-

* Трепанги — местное название съедобных голотурий.

** Кохинхина — название Южного Вьетнама в европейской литературе в период французской колонизации. (Примеч. перев.)

военных остатков, но и от собственных внутренностей, которые недостаточно хорошо работают, подобно тому, как мы выбрасываем отслужившие свой срок перчатки или обувь.

И это еще не все: голотурии охотно дают приют мелким ракообразным и, что еще удивительней, мелким рыбешкам, подобно кротам, предпочитающим темноту. Через воронку ротового отверстия голотурии они проникают в узкий для них кишечник, разрывают его, устраиваются между кожей и тонкими стенками внутренностей голотурии и спокойно живут там, не причиняя, видимо, особых неудобств своим хозяевам.

Мясо у трепанга довольно жесткое, а посему готовится оно несколько нетрадиционным способом, а именно: ждут, когда у него появится такой запах, которого не выдержали бы даже любители мяса с душиком. Говорят, что это блюдо, приправленное пряностями, перцем и прочими специями, так высоко ценимое малайцами, начинает нравиться и европейцам. Все дело вкуса, ведь есть же гурманы, предпочитающие, например, наш рокфор*.

Отлавливают трепангов с помощью простых бамбуковых палок с небольшим хорошо заточенным крючком на конце. Эта ловля, приносящая, как было уже сказано выше, немалый доход, требует также терпения и ловкости. А потому капитаны европейских и американских судов нанимают специально несколько гарпунеров. Способ этот верный, но требует немало времени, а потому крупные предприниматели предпочитают нанимать как можно больше людей, в период отлива они подбирают оставшихся на песке иглокожих или же дожидаются бури, во время которой ветер и волны выбрасывают их на берега островов и островков в таком количестве, что после двух или трех ураганов можно без труда загрузить целый корабль.

Именно такой ловлей и занимался капитан «Палембанга»; его шхуна водоизмещением в двести тонн, была уже почти полностью загружена. Появление же на борту корабля наших друзей, казалось, принесло счастье ловцам, так как голотурий вдруг оказалось так много, что судно, заполненное до отказа, уже через неделю взяло курс на остров Тимор, крупнейший из Малых Зондских островов.

Пьер, Фрике и Виктор были почти спасены — они приближались к местам, где жили европейцы.

* Рокфор — знаменитый французский сыр, известный с 1070 года.

Муки экзаменующегося на степень бакалавра.— Остров Тимор и его обитатели.— Ночные сигналы.— Нежданный гость.— Любопытные и непровержимые сведения о моральном облике минхера Фабрициуса ван Прета.— Как один пират обвел вокруг пальца другого.— Мастер** Холлидей.— У морских разбойников, оказывается, есть главарь.— На тенте.— Бегство со шхуны и захват малайской лодки.— Вновь в цивилизованном мире.— Странные отношения между португальскими таможенниками и контрабандистами всех стран. — В тюрьме.*

Из любого учебника по географии вы узнаете, что остров Тимор расположен между Молуккским морем и Индийским океаном*** и простирается от 120° до 125° восточной долготы и от 8°30' до 10°30' южной широты. Пожалуй, это все или почти все.

Думается те, кто не ограничиваются при изучении географии перечнем французских субпрефектур****, включая Корсику, вправе потребовать более подробных сведений и описаний. Но вряд ли можно удовлетворить их любопытство, поскольку одни авторы утверждают, что остров имеет в длину пятьсот километров, другие одним росчерком пера отбирают у него пятьдесят километров, несколько не заботясь о судьбах тех, кого они самовольно, без всяких на то оснований, лишили права на жизнь. Ширина острова также претерпевает подобные изменения и колеблется между сто пятью и сто двадцатью пятью километрами.

Не будем более останавливаться на этом вопросе и перейдем к населению. Фантазия наших авторов не знает границ. Вообразите себе профессора Сорбонны***** или какого-нибудь провинциального учебного заведения, задающего вопрос претенденту на степень бакалавра.

«Не можете ли вы сказать, сколько человек проживает на острове Тимор?»

* Бакалавр — первая ученая степень во многих зарубежных странах. Во Франции присваивается лицам, окончившим среднюю школу, и дает право поступить в университет (*Примеч. авт.*)

** Мастер (англ.) — хозяин, господин

*** Как легко убедиться на географической карте, Тимор не выходит к Индийскому океану. Берега острова омывают моря Саву и Тиморское, а также проливы.

**** Субпрефектура — административный округ во Франции

***** Сорбонна — университет в Париже

«Миллион двести тысяч», — уверенно ответит экзаменующийся, которому благодаря хорошо натренированной памяти удалось запомнить эту цифру.

Представляю, как подскочит уважаемый экзаменатор, и с иронией или сарказмом (в зависимости от его темперамента) возразит:

«Нет, сударь, ошибаетесь. В Тиморе проживает всего лишь четыреста девяносто одна тысяча человек».

Удивленный кандидат в бакалавры клянет свою память вместе с жителями Тимора. Но дело не в памяти нашего кандидата и уж конечно не в жителях злополучного острова, так как разные авторы с одинаковым рвением отстаивают правильность той или иной цифры. Как объяснить этим горе-географам, что бессмысленно пытаться определить численность населения малоизученного края? Было бы куда логичнее, вместо того чтобы жонглировать цифрами, честно признаться в своем незнании, которого нечего, впрочем, стыдиться, ведь на Тиморе проживают представители трех рас!

Начнем — по месту и честь — с аборигенов, они принадлежат к негроидной расе. У них тот же цвет кожи, такие же короткие, пушистые, курчавые волосы, как и у папуасов. Их так и не коснулась цивилизация; вооружены они копьями, луками и дубинами, отличаются невероятной жестокостью и употребляют в пищу человеческое мясо.

Вторую группу составляют малайцы. У них гладкие длинные волосы, выступающие скулы, цвет кожи — медно-красный. Это потомки прежних завоевателей Малайского архипелага. Они и по сей день сохраняют основные черты характера своих предков: храбрость, независимый нрав и двоедушие. И наконец, китайцы, отличающиеся гибким умом и умением лавировать. Этих иудеев Дальнего Востока можно встретить повсюду. Уже не одно столетие они держат в руках всю местную торговлю и богатеют год от года.

И вот я спрашиваю у заядлых поклонников статистики и у проводивших перепись населения: возможно ли среди этих болот, лесов, гор и рек сосчитать Чернокожих, которые едят себе подобных? А кто может сказать, сколько малайских пиратов занимаются разбоем у Малых и Больших Зондских островов, сколько китайцев скрывают от посторонних глаз плоды своих незаконных сделок?

Цивилизованные страны также с давних пор стремились проникнуть в эти богатые земли. Остров Тимор

принадлежит голландцам и португальцам, вроде бы неплохо ладающим между собой. Раздел острова произошел в 1613 году, когда Португалия, считавшая себя после побед, одержанных д'Альбукерком, владычицей всей Индонезии*, вынуждена была уступить голландцам большую часть своих колоний, оставив себе лишь остров Солор и восточную часть острова Тимор, которыми она владеет и по сей день**. Ныне же над фортом Конкордия, цитаделью Купанга, столицы голландских владений в западной части острова, развевается нидерландский флаг. Голландцы сумели сделать неприступной эту и без того защищенную отвесными скалами крепость.

Город Купанг разделен на две части неглубокой рекой, на берегах которой выросли красивые каменные дома с черепичными крышами. Там, по словам голландцев, прекрасно умеющих считать, проживают пять тысяч человек. Всюду царят строгий порядок и чистота, столь дорогие подданным Нидерландского королевства. Есть там и церкви, и банковские конторы, и кафе, и рестораны, и даже театр. По улицам с важным видом расхаживают таможенники в зеленых мундирах и белых фуражках.

Зная по собственному опыту, как честны и неподкупны эти чиновники, Фабрициус ван Прет старался держаться от них подальше. А потому, хоть над шхуной и развевался голландский флаг, он сразу же, как только вахтенный матрос увидел землю, вместо того чтобы идти на Купанг, изменил курс, свернул на север, обогнул мыс Джеки и затем вновь направился на запад, плывя вдоль португальского берега. Достигнув приблизительно $123^{\circ}15'$ восточ-

* История захвата владений в Индийском океане не совсем обычна. В XV веке, когда католический мир признавал лишь одного судью — папу римского, Александр VI провел в 1493 году от одного полюса до другого воображаемую линию, проходящую через Азорские острова и острова Зеленого Мыса. Португалия могла претендовать на земли к западу от этого меридиана, испанцы же — на земли и моря к востоку от него. На следующий год эта линия переместилась к западу на 370 миль. Португалия получила земли между 43° западной долготы и 13° восточной долготы, таким образом, Пернамбуку, Рио-де-Жанейро, Молуккские острова, Филиппины, половина Папуа стали принадлежать ей, о чем она сама и не подозревала, ведь тогда в Европе еще не знали о существовании этих земель. (Примеч. авт.)

** С 1945 года юго-западная часть острова, находившаяся с XVIII века под властью Нидерландов, вошла в состав Индонезийской Республики. Восточный Тимор, бывшая колония Португалии, в 1975 году провозгласил независимость. Фактически Восточный Тимор оккупирован индонезийскими войсками и объявлен индонезийской провинцией (Примеч. перев.)

ной долготы, шхуна легла в дрейф в открытом море милях в трех от острова.

Ночь была темной, что, видимо, очень радовало капитана. Лишь где-то вдали можно было разглядеть огоньки Дили, или Дели, столицы португальской колонии, неудачливой соперницы Купанга. Если бы светило солнце, если бы шхуна, вместо того чтобы держаться вдали от берега, вошла в порт (право, в очень хороший порт), наши друзья, находившиеся на борту, увидели бы жалкие лачуги, которые можно встретить лишь в самых бедных голландских поселениях.

Глиняные домишки, покрытые соломой, форт, обнесенный земляным валом, неказистая церквушка, конечно же таможня, и всюду, в зависимости от времени года, грязь или пыль. Кучи отбросов в канавах, где роются голодные свиньи. Правда, при виде разгуливающих среди этого скопища жалких хибар множества одетых с иголочки чиновников, в черных костюмах и белых манишках, а также франтоватых офицеров в броских безвкусных мундирах, что плохо вяжется с окружающей их грязью, сразу становится ясно, что и сюда уже проникла цивилизация...

Но сейчас стоит непроглядная тьма. Таможенники спят сном праведников. Возможно, у них есть на то причины. А вот Пьеру, Фрике и их верному Виктору теперь, когда земля так близко, не спится. Они присели на корме у руля и тихо разговаривают, строят планы в ожидании близкого освобождения. Вдруг яркий свет заставляет их поднять головы. Огромный огненный язык разрезает темноту, поднимается к небу и рассыпается, оставляя после себя целый хвост маленьких искорок.

— Кажется,— шепчет Пьер,— что-то должно сейчас произойти. Этот фейерверк вряд ли устроен в честь тех, кто проживает на берегу.

Вторая, а затем и третья ракета с шумом поднялись в небо, оставляя после себя целую россыпь звезд. Затем вновь наступила темнота.

Прошло еще минут сорок, и наши друзья услышали легкий плеск. Шум приближался, вдруг совсем рядом раздался резкий свист. В ответ на носу кто-то зажег и сразу погасил фонарь. Но этого было достаточно, чтобы определить положение шхуны, у которой из-за особых отношений капитана с властями не горели положенные по уставу огни.

К шхуне подошла лодка, она глухо ударилась о борт судна. Послышались страшные ругательства на английском языке, голос был хриплым.

— Тише, ребята, тише,— проговорил, облокотившись о борт, капитан.

— Ах, вот это кто, старая морская свинья, поганый кашалот,— продолжал хриплый голос,— могли бы нам и посветить. Здесь не видно ни зги, темно хоть глаз выколи.

— Смотри-ка,— откликнулся радостно капитан, и по его тону стало ясно, что он искренне удивлен,— это же сам мастер Холлидей.

— Собственной персоной. Правда, от меня остались лишь кожа да кости. Я стал страшнее смерти, но, надеюсь, вы не станете из-за этого сторониться меня как прокаженного. Ладно, не будем медлить. Прикажите бросить поскорее конец... Да не забудьте приготовить пинту* вашего лучшего виски. А вы, ребята,— сказал он, обращаясь к гребцам,— привяжите пирогу и ждите моего возвращения.

— Этот голос мне хорошо знаком,— озадаченно прошептал Фрике на ухо Пьеру.

— Пусть меня повесят на рее, но готов побиться об заклад, что и я уже слышал где-то этот хрип.

— Черт возьми, уж не...

— Что ты хочешь сказать?

— Ну, тогда мы попали в хорошенькую переделку. Знаешь...

— Говори скорей, не тяни.

— Не пройдет и пяти минут, как этот человек, а кто он, мы можем не сомневаться, узнает, что мы находимся на борту. Они обшарят весь корабль, и, если нас найдут, наша песенка спета.

— Что же нам делать?

— Мы сейчас проворно заберемся на тент, под которым сидим, благо капитану пришла счастливая мысль не убирать его на ночь, а потом уж решим, что делать. Давай полезай первый, а я подсажу Виктора.

Они мигом взобрались на тент. И слава Богу, что не стали медлить. Капитан и его гость, крепко пожав друг другу руки, перешли на корму и остановились на том самом месте, где несколько минут назад сидели наши друзья.

— Скажите на милость,— продолжал хриплый голос,— что означают эти чрезмерные предосторожности? Неужели из страха перед португальскими таможенниками

* Пинта — мера жидкостей (соответствует 0,568 литра).

вам взбрело в голову встречать своих друзей в полной темноте. Почтенные блюстители порядка спят, верно, крепким сном. Тем более что вы, вероятно, сумели заранее позаботиться об этом, предложив им несколько пиастров.

— Да нет, я сейчас как раз ждал их представителя, и меня беспокоит, что он до сих пор не появился.

Незнакомец громко рассмеялся.

— Неужели вас так легко напугать, старина! Вы уже не тот бесстрашный морской разбойник, вместе с которым я так долго и так хорошо работал. *Vu God!** Сколько кораблей, груженных желтым товаром, мы захватили! Сколько джонок потопили! Сколько купцов обчистили! Сколько факторий ограбили!

— Не так громко, мастер Холлидей, не так громко! Если нас вдруг услышат... Можно ли быть уверенным, что мы с вами одни? Есть вещи, о которых не следует вспоминать.

Эти слова окончательно развеселили неожиданного гостя.

— Да что это? Неужели ваши люди превратились в мокрых куриц? А ваши несравненные пушки заряжаются только перцем?

— Боже,— застонал капитан,— этот несчастный пьян как сапожник.

— С чего вы взяли? Я просто вспомнил, как славно мы жили в доброе старое время. Не стыдитесь ли вы, что были, да и сейчас еще остаетесь, одним из самых славных пиратов Индийского океана?

— Я всего лишь занимаюсь ловлей трепангов.

— Не шутите! Сколько кораблей вы ограбили по дороге?

— Ладно, мастер Холлидей, говорите, что вам надо...

— Послушайте, минхер Фабрициус ван Прет, вы оскорбляете старого друга. Признаюсь, никак не ожидал, что буду иметь честь встретиться с вами этой ночью. Заметив сигнал, поданный с судна, я решил предложить ему свои услуги, так как сижу на мели и мне нужно поправить свои дела.

— Ах, понимаю, ваши парни лихо взяли бы на бордаж мою шхуну и захватили бы мой груз.

— Вероятно. Я остался без гроша в данный момент. Сам дьявол, наш любезный покровитель, привел вас в эти

* Боже! (англ.)

края. Могу лишь сожалеть, что по нашему уставу ничего не могу в данный момент предпринять. Если только вы не порвали с нашим союзом,— неожиданно, с угрозой в голосе закончил незнакомец.

— Конечно нет,— живо ответил голландец.— Я по-прежнему предан известным вам лицам. Но, прошу говорить потише. Я не могу полностью доверять своим людям. Эта ловля — лишь предлог, она дает мне возможность проверить моих новых товарищей. Я собираюсь в ближайшее время приняться за старое. А кроме того, у меня на борту пассажиры, а это вынуждает соблюдать осторожность.

— Пассажиры — плохой груз, от которого вам следует избавиться, и как можно скорее.

— Я бы предпочел их завербовать. Они, как мне представляется, сильные парни.

— Если все дело в этом, мы можем говорить по-французски. Этот язык здесь мало кто знает.

— Но они-то как раз французы!

Наши друзья, лежавшие на тенте прямо над головами беседующих, старались не упустить ни слова из сказанного, они достаточно хорошо владели английским и прекрасно понимали, о чем так откровенно говорили старые сообщники.

— Французы! — воскликнул незнакомец удивленно.— Где вы их отыскиали?

— На Буби-Айленде.

— Но и месяца не прошло с тех пор, как я сам его покинул.

— Вы?

— Да, черт возьми! А до этого я потерял у островов Луизиады судно с первоклассным желтым товаром.

— Это весьма интересно.

— Интересно, что мой корабль разбился о коралловый риф и я потерял около ста тысяч долларов?! Вы слишком любезны...

— Нет. Вы меня неправильно поняли. Я имел в виду нашу встречу с французами. Они находились на борту корабля, который разбился приблизительно в тех же местах.

— Великолепно! Один из них — настоящий морской волк, избородивший не один океан?

— Да, вы правы.

— С ним молодой человек... И оба они крепкие парни?

— Да, можно не сомневаться. Но вы забыли китайца.

— Вот как, с ними еще и китаец! Вероятно, это один из моих кули. Я охотно заберу его (все-таки выручу триста долларов). Согласитесь, на сей раз все складывается как нельзя лучше.

— Конечно, если вы считаете, что сможете извлечь для себя из этого пользу...

— Не только для меня, но и для вас.

— Каким образом?

— Эти два моряка интересуют самого хозяина. Нужно сделать так, чтобы они не смогли больше вредить нашему союзу.

— Нет ничего проще. Накинуть пеньковый галстук на шею или привязать пушечное ядро к ногам...

— Нет, им не время еще умирать. Сначала их надо лишить возможности что-либо предпринять.

— Но почему?

— Это знает только сам хозяин.

— Понятно.

— Как бы там ни было, я никак не мог ожидать, когда корабль «Eastern and Australian Mail Steam Company» забрал меня с острова, куда мне удалось добраться в своей лодчонке, что снова встречу с ними. Выполняя приказ, мы слишком сильно закрутили гайки, но сам я против этих ребят ничего не имел и искренне опасался, что они попали на обед к папуасам. Эта преждевременная смерть нарушила бы, вероятно, планы хозяина. Где же они сейчас?

— Наверняка спят сладким сном в своих гамаках.

— Прекрасно. Мы схватим их без труда. Только не следует жалеть веревок. Они — настоящие дьяволы.

— Согласен.— Капитан поднес ко рту свисток. Он уже собирался отдать приказ арестовать наших друзей, как вдруг на берегу вспыхнул яркий свет, в небо поднялась ракета.— Ну и лентяи, сколько же понадобилось им времени, чтобы ответить на мой сигнал.

— Слишком поздно,— откликнулся мастер Холлидей,— и раз уж я оказался здесь, беру все на себя. Свою лодку отправлю обратно и вместе с вами к Бату-Гиде. Там целая флотилия ловцов трепангов, вероятно, тех самых, которых вы ограбили по дороге. Продайте им отнятые у них же голотурии, и дело закончится к обоюдному удовольствию.

Капитан не стал возражать, и американец, перегнувшись через борт, что-то сказал по-малайски гребцам, которых невозможно было разглядеть в темноте.

— А теперь в путь. Как только поднимете паруса, мы, если не возражаете, схватим французов. Черт побери, представляю, как они будут удивлены, увидев мою козлиную бородку.

Но Фрике, не дослушав до конца разговор этих двух негодяев, составил смелый план, не имевший, казалось бы, никаких шансов на успех, но именно потому, вероятно, и удавшийся нашим друзьям. Не спеша, уверенно, с ловкостью обезьяны парижанин уцепился за край тента, соскользнул вниз по железной трубе, служившей подпоркой, и, бесшумно ступая босыми ногами по палубе, стараясь не делать ни одного неверного шага, добрался до рулевой цепи и спустился по ней в воду. Оказавшись по грудь в воде и держась одной рукой за цепь, он стал ждать. Пьер, казалось, продолжал лежать неподвижно. На самом деле он проделал какую-то странную операцию с Виктором, который покорно ему подчинился.

— Ты не боишься? — шепотом спросил он китайца.

— Нет.

— Ты мне веришь?

— Да.

— Хорошо. Дай руки.

Паренек повиновался, и боцман крепко связал ему руки платком. Затем, взвалив Виктора себе на спину и просунув голову через его связанные руки, он приготовился к прыжку. В этот момент внимание капитана и его гостя было отвлечено огнями, вспыхнувшими на берегу, и они перешли с кормы на нос корабля. Пьер сумел воспользоваться этим столь незначительным на первый взгляд обстоятельством и вскоре оказался рядом с Фрике.

— А теперь поплывем к лодке, только как можно тише.

— Ладно, сынок.

— Надо держаться поближе к кораблю, иначе мы можем потеряться в темноте.

Как раз в эту минуту Холлидей приказал гребцам плыть к берегу. Один из них тотчас же отвязал якорную цепь, а второй уже взялся за весла, как вдруг Пьер и Фрике возникли из воды, один у одного конца лодки, другой у другого, и одновременно напали на гребцов так, что те не успели даже и пикнуть. Впрочем, гребцы попытались оказать сопротивление, но сделали это скорее для виду. Бороться с французами им было явно не по силам.

Пирого отделилась от шхуны и поплыла по течению. Но Пьер, освободившись от груза, то есть отвязав Викто-

ра и вернув ему свободу, взялся за весла и направил пирогу к берегу, туда, где горели огни. Полузадушенные малайцы неподвижно лежали на дне. Их обморок позволил Фрике также взяться за весла, и лодка вскоре пристала к берегу, где находилась небольшая группа людей с фонарем.

— Наконец-то,— сказал Фрике, вздохнув с облегчением,— мы оказались в цивилизованной стране.

— И впрямь, можно только порадоваться, сынок,— ответил Пьер,— хотя до дома нам очень и очень далеко. Но мы сможем все-таки вернуться туда, правда, сперва надо будет побывать на Суматре.

— Ты прав. Но здесь, по крайней мере, нас встретят не так, как встретили дикари.

— Кто вы такие? — грубо крикнул по-португальски человек, стоявший у фонаря.

— Вот дела! И этот тоже говорит не по-людски,— пробурчал Пьер Легаль,— как тут с ними договориться?

— Мы,— ответил по-английски Фрике,— потерпели кораблекрушение и добрались до Буби-Айленда, откуда нас забрало голландское судно.

— Что это за судно? — спросил кто-то по-английски, но с ужасным португальским акцентом.

— Шхуна «Палембанг».

Люди в темных мундирах с кривыми саблями на боку подошли поближе.

— Вас прислал капитан Фабрициус ван Прет? — спросил один из них.

— Конечно нет,— не подумав ответил Фрике.— Что может быть общего, черт побери, у нас с этим старым негодяем. Мы — не морские разбойники, мы — честные французские моряки и хотим вернуться на родину.

Стоявшие на берегу посовещались несколько минут по-португальски, потом один из них, видимо, старший, сказал довольно любезно:

— Хорошо, господа, следуйте за мной.

Наши друзья не заставили себя упрашивать. Промокшие до самых костей, они последовали за своим проводником и вскоре подошли к маленькому невзрачному дому с покосившимися стенами и решетками на окнах. Дверь тотчас же отворилась, и тут все изменилось. Пьера и Фрике грубо втолкнули в комнату, где они оказались в полной темноте. Дверь захлопнулась, зловеще скрипнул засов, затем насмешливый голос крикнул:

— Спокойной ночи, господа. Минхер Фабрициус ван

Прет — честнейший человек. Он ни разу не нарушил закона. Никто здесь не может на него пожаловаться. Вы дурно о нем отзываетесь и наверняка задумали что-то недоброе. Завтра мы посоветуемся с ним и решим, как поступить с вами.

Затем все удалились.

— Тысяча чертей,— проговорил Пьер.— Мы опять попали в ловушку.

Фрике от бешенства заскрежетал зубами.

— А Виктор? — вдруг спохватился Пьер.— Здесь ли он, по крайней мере? Виктор!..

Никто не ответил. Паренек исчез.

ГЛАВА 16

Ярость Фрике.— Утешать бесполезно.— Удивление человека, который никогда ничему не удивлялся.— На помощь! — Решетка сломана, часовой оглушен.— Два здоровенных удара кулаком.— Воспоминание о кукольном театре на Елисейских полях.— Оказавшись в тюрьме, полишинель избивает комиссара, расправляется с жандармом и запирает их вместо себя в камере.— Для каких целей понадобились французам мундиры португальских таможенников.— Жители Тимора.— В горах.— Беспечность белых.— Хлебное поле.— Помали — табу жителей Тимора.— Фрике сообщает, что ровно через сутки они отправляются на Суматру.*

Фрике, хоть и был, как истинный парижанин, человеком веселым и беззаботным, обладал редким хладнокровием и даже в самые критические минуты и в самых отчаянных положениях не терял самообладания. И тот страшный приступ ярости, охвативший его, когда португальские таможенники засадили друзей в темницу, был для него столь необычен, что старый боцман растерялся.

— Мерзавцы!.. Негодяи!.. Что мы им сделали? Что сделал им этот бедный малыш, почему они решили разлучить его с нами?

Благородный юноша, позабыв о собственных несчастьях, больше всего в эту минуту тревожился о судьбе маленького китайца. Пьер Легаль выругался по-бретонски. Славный моряк, хоть и был чистокровным бретонцем;

* Полишинель — комический персонаж старинного французского народного театра (Примеч. перев.)

почти никогда не ругался на своем родном языке. И то, что он изменил своему правилу, свидетельствовало о крайнем волнении боцмана.

— Оттого, что мы с тобой лишний раз попали под замок, с нами ничего не сделается,— возмущенно продолжал Фрике,— нам сам черт не страшен! Но бедный ребенок среди этих жестоких пиратов и этих подлых чиновников, их сообщников... Что станет с ним? Ах, черт побери, это же ясно как Божий день, они продадут его! А мы сидим здесь без оружия и не в силах ничего предпринять. Остается лишь кусать себе локти... Так нет же, не будет этого. Пусть я в кровь обломаю себе ногти и разобьюсь головой о стену, но я выберусь из тюрьмы и разделаюсь с этими негодями.

— Золотые слова, сынок! Неужели перед нами устоят глиняные стены этой халупы? Они и без нас скоро бы развалились.

— Да,— продолжал, все больше распаляясь, Фрике дрожащим от ярости голосом,— они еще пожалеют, что осмелились поднять руку на Виктора. Помнишь, как мы расправились с теми, кто пытался отнять у нас нашего маленького черного принца? Трусы!.. Они нападают на детей, которых наверняка пожалели бы даже дикие звери. Ну ничего, Пьер, эти разбойники у нас еще поплачут.

— И слава Богу, сынок. Таким ты мне куда больше нравишься. Не хотел бы я оказаться на месте этих португальцев... Да уж, тут есть из-за чего выйти из себя. Ты прекрасно знаешь, как твои приемные дети мне дороги. Мы все одна семья, семья настоящих моряков. Я не так вспыльчив, как ты, но меня душит гнев, и у меня руки чешутся. Но хватит разговоров. Надо спасать нашего юнгу. Сперва попытаемся проделать отверстие в стене. Твой нож при тебе?

— Да, но не хотелось бы, чтоб он затупился. Я собираюсь всадить его в живот первого мерзавца, который попадется мне под руку... У нас есть еще револьвер американца, но патроны, вероятно, намокли, когда мы прыгали в воду. Да это и не так важно. На то, чтобы пробить отверстие в стене, понадобилось бы слишком много времени. Надо найти другой способ выбраться отсюда. Решено! Я буду не я, если через два часа мы не будем на свободе.

— Может, для начала следует осмотреть решетку?

— Черт возьми, ты прав. Одно из двух. Либо решетки никуда не годятся и их легко будет выломать, либо, если такое невозможно, придется их раздвинуть, и мы должны

это сделать, чего бы это нам ни стоило. Стань вплотную к стене. Я заберусь тебе на плечи. Раз, два... Решетку не так-то просто выломать.

— Смелее, смелее, сынок!..

— Черт побери, она поддается.

Но тут снаружи послышался грубый голос, кто-то строго приказал молодому человеку замолчать. В темноте сверкнуло дуло ружья. Фрике увидел человека под окном и бесшумно прыгнул на пол.

— Этого только не доставало,— сказал он возмущенно.— Они поставили часового у наших дверей. Негодяи! Засадил под замок и караулят честных людей, зато прекрасно ладят с морскими разбойниками, которые занимаются у них под носом контрабандой, да и не только контрабандой. Правильно говорят, что рыбак рыбака видит издалека. Впрочем, мне наплевать на эту разряженную куклу. Я снова заберусь наверх и, выломав решетку (на это мне не понадобится и получаса), выпрыгну из окна, брошусь на часового, и дело в шляпе! А что делать дальше, решим потом.

Фрике снова забрался на плечи своего друга, как вдруг оттуда, где стоял часовой, раздался пронзительный крик. Детский голос звал на помощь, звал с таким отчаянием, что молодой человек вздрогнул.

— Бог мой! Это же Виктор! Горе тому, кто его обижает.

Гнев и страх за мальчугана удесятерили силы парижанина. Он уперся коленями, головой и плечами в стену, схватил своими сильными руками решетку и сделал поистине невозможное — толстые железные прутья медленно согнулись, потом разом выскочили болты и со стены градом посыпалась штукатурка. Через отверстие пролезть можно было с трудом. Но Фрике не стал долго раздумывать. Он даже не почувствовал, как острые прутья впиваются в его тело.

В темноте, шагах в десяти от их лачуги, боролись двое. Фрике, как тигр, бросился к ним и навалился на поднимающегося с земли человека: его противник не шевелился. Часовой не успел даже схватиться за ружье, как кулак молодого человека опустился ему на голову, и тот упал, не успев даже вскрикнуть. Лежавший на земле Виктор, а это был именно он, попытался приподняться и жалобно застонал, узнав своего друга.

— Флике... Флике... Как я лад..

— Бедняжка. Ты не ранен?

— Нет. Но меня побили, потому что я хотел идти к тебе.

В эту минуту появился Пьер, он что-то нес с собой, но что именно, разглядеть в темноте было невозможно.

— Ты здесь, сынок? — спросил он тихо.

— Да.

— Где мальчуган?

— Вот он.

— Все в порядке. А теперь скажи, что мне делать с этой куклой, которую я, возможно, прикончил?

— Ты убил его?

— Может, и так. Ударил кулаком по голове, а ведь никогда не знаешь, что из этого выйдет; если голова не слишком крепкая, она может и треснуть. Надо сматывать удочки, и чем быстрее, тем лучше.

— Погоди немного. Думаю, сообщники наших достойных таможенников, вероятно, сейчас преспокойно спят или пируют где-нибудь вместе с пиратами. Надо воспользоваться передышкой. Сними-ка быстренько мундир с этого типа. А я пока раздену своего... Теперь свяжи всю одежду в узел. Не забудь прихватить шапки, сабли, ружья и патроны. А теперь в путь. Вещи нам вскоре пригодятся.

— Послушай, сынок, мне вот что пришло в голову. Не переправить ли этих двух типов в лачугу, из которой мы выбрались?

— Что ж, я не против. Даже наоборот.

— Тогда за дело. Надо покрепче завязать им рты, а то вдруг они скоро очнутся. Только поосторожней. Мы сейчас их переправим через окно..

— Через окно?! Да они же кости себе переломают.

— Не все ли равно?! К тому же спуститься вниз гораздо проще, чем взобраться наверх.

Высказав эту здравую мысль, старый моряк ловко просунул не пришедших в себя таможенников через узкое пространство между решеткой и стеной, подтолкнул их и, взяв узел с вещами, сказал Фрике:

— Тебе, конечно, виднее. Но, по-моему, нам следует избегать городов и взять курс на лес.

— Ты можешь идти, Виктор? — спросил Фрике у паренька.

— Да, Флике. Я холосо ходить с тобой.

— Ну что ж, тогда в путь.

Вдруг Фрике весело рассмеялся.

— Ты смеешься, сынок? С чего бы это, позволь узнать.

— Знаешь, я вспомнил одну пьеску, которую видел

в балагане на Елисейских полях. Это любимый театр моего детства. Полишинелю, оказавшемуся в тюрьме, удается отдубасить охранявших его жандармов, избить до полусмерти комиссара полиции и выбраться на свободу, оставив в камере вместо себя своих тюремщиков.

Виктор понятия не имел ни о балаганах, ни о любимом герое французской детворы Полишинели, но, видя, как его друзья весело хохочут, тоже от души рассмеялся.

Часа через три, оказавшись в густом лесу, где уже можно было не опасаться погони, друзья прилегли на землю под большим деревом в ожидании рассвета. Вскоре голод дал о себе знать.

Фрике, хорошо изучивший в свое время этот район Океании, понимал, что рассчитывать на охоту им не приходится, ибо по совершенно необъяснимым причинам на этом большом гористом острове, покрытом великолепными лесами, в большей своей части необитаемом, можно встретить всего лишь несколько видов млекопитающих, одни из них — яванские макаки (*macacus cynomolgus*), которых можно увидеть только на Малайских островах; изредка попадаются дикие тигровые кошки (*felis pardinoides*), многие считают, что водятся они только на Тиморе; встречаются здесь также представители одного из видов циветты, которую называют еще генеттой (*paradoxurus fasciatus*)*, тиморский олень (*cervus timoriensis*), восточный кускус (*cuscus orientalis*) и дикая свинья (*cus timoriensis*). К тому же водятся они в местах, почти недоступных человеку.

К счастью, в ту минуту, когда первые лучи солнца осветили верхушки деревьев, беглецы увидели двух туземцев, которые, вероятно, несли в город всякую провизию. Обитатели Тимора — известные воры. Постоянно воюя между собой, они безжалостны к своим врагам, но с большим уважением относятся к европейцам, которые могут себя чувствовать на острове почти в полной безопасности.

Оба туземца были типичными представителями папуасов — курчавые кустистые волосы, темная кожа и длинный нос сердцевидной формы, что является отличительной чертой этого племени. Полуголые, с набедренными повязками из куска материи, доходившими им до колен, они с грустным видом не спеша шли по тропинке. Каждый

* Буссенар неверно относит животных рода *paradoxurus* к генеттам, на самом деле это близкий род — пальмовые куницы (странныххвосты).

из них держал в руках свой знаменитый национальный зонтик, без которого ни один уважающий себя островитянин не стал бы пускаться в путь. Этот зонт — большой пальмовый лист, все перистые листочки которого тщательно сшиты и не могут разойтись, а при желании легко складываются. Когда же начинаются столь частые в этих местах ливни, путники тотчас раскрывают свои зонты и прикрывают ими плечи

Ленивые от природы, они не слишком торопились. Покинуть деревню заставило их лишь полное отсутствие спиртного. У одного за спиной был украшенный перьями и ракушками туго набитый мешок. Другой же сгнулся под тяжестью корзины дикого меда.

Туземцы искренне обрадовались встрече с нашими беглецами, нарушившей монотонность их путешествия, да и потом, кто знает, они могли продать или же обменять прямо на дороге свои товары. Приветливо улыбаясь, туземцы приблизились, один из них предложил европейцам аппетитные, хорошо поджаренные лепешки, другой — мед, выложив свое угощение на широкие листья вместо тарелок. Великодушие туземцев растрогало наших друзей.

Папуасы, видя, что их угощение пришлось европейцам по вкусу, весело рассмеялись и произнесли несколько непонятных фраз на своем гортанном языке. К счастью, они могли кое-как объясниться по-малайски, и Виктору снова пришлось выступить в роли переводчика. Пьер и Фрике узнали, что их новые знакомые жили в горах, в маленькой деревушке, что добраться до нее европейцы смогут, когда солнце будет в зените, часов приблизительно через шесть, что жители деревни будут рады чужеземцам, если они пожелают туда отправиться.

— Вы очень добры, мои милые островитяне, — не переставал повторять Фрике. — Какая жалость, что у нас нет ни гроша и нам нечем вас отблагодарить. Будь у меня хоть какие-нибудь бусы, которые так любят жители этих мест, но, увы... А знаешь, — обратился он к Пьеру, — лепешки эти очень вкусны, можно подумать, что они из настоящей пшеничной муки. Хотелось бы знать, из чего они их делают.

— Да, ты прав, неплохо было бы всем морякам иметь всегда про запас такие лепешки.

При этих словах боцман машинально развязал узел, служивший ему ночью подушкой. И, к его великому удивлению, оттуда на траву со звоном высыпалось несколько серебряных и медных монет. Глаза у островитян загорелись.

лись. Они хорошо знали цену этим металлическим кружочкам, знали, что смогут обменять их на огненную воду, а она даст им несколько часов радости.

Фрике перехватил этот взгляд и от души рассмеялся.

— Эти деньги, вероятнее всего, заработаны нечестным путем, но вам до таких тонкостей нет дела, не настолько вы щепетильны. Можете положить их себе в карманы, если у вас, разумеется, есть таковые. Знаешь, Пьер, я очень рад, что мы так распорядились нашим трофеем. Пусть на сей раз не оправдается пословица: «Чужое добро впрок не идет» Пусть оно пойдет впрок нашим славным островитянам.

Оба чернокожих в полном восторге схватили монеты и, полагая, вероятно, что они в этот день достаточно потрудились, решили, что в городе побывать они всегда успеют, а сейчас не станут расставаться со своими новыми друзьями и вместе с ними вернутся к себе в деревню, а имеющиеся у них припасы они вместе съедят по дороге.

Европейцев подобный план вполне устраивал, он обеспечивал им несколько дней передышки. Плотно позавтракав и хорошо отдохнув, наши друзья вместе с туземцами снова пустились в путь. Шли они по еле заметной тропинке, и та, петляя, привела их к подножию высокой горы, взобраться на которую было нелегко, но зато потом... Какие великолепные виды открылись их глазам, как чист и прозрачен был горный воздух! Позади остался густой удушливый туман, сквозь который лишь к полудню пробиваются лучи солнца. Освободившись теперь от этого болезнетворного тумана, путешественники легко шагали, любуясь высокогорным плато, где росли прекрасные кофейные деревья, свидетельствовавшие о необъяснимой безопасности колонистов.

Следует заметить, что португальцам, населявшим восточную часть острова, хотя редко кто из них не страдает болотной лихорадкой, не пришло даже в голову построить себе дома на возвышенности. Они настолько ленивы, что не занимаются возделыванием обширных земель, расположенных на высоте трехсот метров, где кофейные деревья растут, не требуя никакого ухода. И более того, они сами лишают себя одной из ценнейших сельскохозяйственных культур, вид которой вызывает в этих местах удивление у путешественников. Мы говорим о пшенице, прекрасно растущей на высоте тысячи двухсот метров над уровнем моря.

Видимо, климат Тимора обладает какими-то особенно-

стями, если пшеница, характерная обычно для районов с умеренным климатом, может расти в тропиках на столь значительной высоте. Этот остров, наверное,— единственный в Океании, где можно увидеть такое. И что удивительнее всего, зерно прекрасного качества, и хлеб из здешней пшеницы не уступает хлебу, испеченному в Европе, хотя муку здесь изготавливают самым примитивным образом.

Португальцы считают ниже своего достоинства самим сеять пшеницу.

Из-за своей немыслимой лени колонисты, вместо того чтобы как-то поддержать земледельцев, помочь им расчистить новые участки и проложить дороги, предпочитают привозить пшеницу из Европы, хотя буквально в двух шагах от их дома прекрасные плодородные земли и много свободных рук.

Эта необъяснимая бесхозяйственность и является причиной бедности Тимора в сравнении с другими землями в тропиках. Прояви поселенцы хоть немного усердия и доброй воли, что, видимо, несовместимо с темпераментом легендарных потомков бывших хозяев Малайских островов, они превратили бы эту жалкую колонию в богатейшую житницу.

Так рассуждал Фрике, глядя на небольшое поле пшеницы, тонкие и крепкие стебли которой сгибались под тяжестью золотистых колосьев.

— Ну и лодыри,— говорил он,— вместо того чтобы грабить торговые суда, заниматься вымогательством, закрывать глаза на гнусности морских разбойников и сажать под замок честных и безобидных путешественников, им следовало бы выкорчевать леса и засеять их пшеницей, которая не требует здесь никакого ухода, и доказательства тому налицо. Достаточно просто бросить зерно в эту плодородную, не нуждающуюся в удобрении почву.

Когда я думаю о наших крестьянах, работающих не покладая рук, и смотрю на эти благословенные земли, которые щедро согревает солнце и поливают дожди, я не могу не почувствовать презрения к тем, кто не ценит эти богатства и не использует их на благо людям.

— Бездельники! — проворчал Пьер Легаль, и слово это, как бы подводившее итог длинной тираде парижанина, прозвучало весьма выразительно.— Знаешь, что я скажу: мы можем, конечно, любоваться природой и на чем свет стоит костить здешних лентяев, но хотелось бы знать не застрянем ли мы надолго в этой стране. Ума не прило-

жу, как отсюда выбраться и вернуться на Суматру. Ведь время не ждет.

— Терпение, друг мой, терпение. Подождем недельку, пока внизу еще помнят о том, что случилось прошлой ночью. Потом вернемся, посмотрим, что происходит в городе, и тогда... У меня есть уже план, великолепный план, ты сам убедишься.

На следующий день наши путешественники вместе со своими новыми друзьями не спеша добрались до примостившейся на склоне горы красивой деревушки, откуда открывался удивительный вид на море. В деревне виднелось около десяти домов очень оригинальной постройки, ничем не напоминавших крепости-деревни на других островах. Стены были сделаны из досок, крыши, покрытые соломой, имели форму конуса. В домах не было окон, лишь маленькие двери не больше метра в высоту. Строения, окруженные небольшими садами, где росли фруктовые деревья, располагались далеко друг от друга.

Каждый из хозяев постарался сделать «помали», т. е. священным, неприкосновенным свое жалкое имущество («помали» на Тиморе все равно что «табу» для народов Полинезии). А поскольку туземцы питают склонность к воровству, они очень часто прибегают к своему «помали», и, как ни странно, оно не теряет своего значения. Несколько заплетенных в косичку листочков пальмы, шкурка зверя, обломки кувшина, кость, прикрепленная к забору, превращаются в пугало, при виде которого воры тотчас же удаляются. И хотя запрет этот имеет чисто символическое значение, он всегда производит впечатление, и куда более действенное, чем страх перед протоколами сельских полицейских.

В этой очаровательной деревушке, расположенной на склоне горы среди величественной тропической природы, нашим друзьям, с которыми так жестоко обошлись представители цивилизованного мира, бедные дикари оказали радушное гостеприимство. Отсюда открывался чудесный вид на море, а потому Пьер и Фрике могли внимательно следить за тем, что происходит на рейде.

На восьмой день утром какой-то корабль на всех парусах вошел в гавань. Невозможно было разглядеть, под каким флагом он шел, но безошибочный глаз Пьера узнал его.

— Голландская шхуна, черт побери. Капитан избавился от груза и теперь зашел в порт пополнить свои запасы.

— Прекрасно! — воскликнул Фрике. — Мы не станем

здесь долго задерживаться, завтра же попрощаемся с нашими хозяевами и вернемся на берег, приняв, естественно, все необходимые меры предосторожности.

— Вот как, это что-то новое.

— Да, мой друг! Завтра вечером мы отправляемся на Суматру.

ГЛАВА 17

Фрике и не думал хвастаться.— Удавшийся маскарад.— Что думала мамаша Бигорно о приготовлении яичницы.— В открытом море.— Заснувший вахтенный.— Два «португальских таможенника» берут корабль на abordаж.— У парижанина действительно железная хватка.— На этот раз Фрике не шутит.— Положение осложняется.— Страшный удар саблей.— Отплытие на Суматру.— Простой переход в двадцать пять градусов.— Вор у вора дубинку украл.— Страшное известие.

Хотя у Фрике, чистокровного парижанина, не было среди предков ни одного гасконца, его смелое утверждение можно было принять за истинно гасконское хвастовство. Слова «завтра вечером мы отправляемся на Суматру» озадачили Пьера Легалья. Боцман долго не мог уснуть, стараясь разгадать, что скрывается за этой фразой.

«Завтра отправляемся на Суматру... Причем не через неделю или месяц, а именно завтра,— размышлял он,— не в Китай или еще куда-нибудь, а на Суматру. Так сказал Фрике, а значит, так и будет. Но сейчас мы находимся на высоте тысячи метров над уровнем моря в жалкой хижине туземцев, у нас всего-навсего несколько голландских монет, чуть больше двенадцати франков, да еще два мундира таможенников... К тому же отношения с местными властями прескверные,— стоит только появиться в городе, и нас тут же схватит первый патруль. Да уж, этому парню сам черт не брат. Можно не сомневаться, он сыграет с этими бездельниками одну из своих шуточек. Одним словом, поживем — увидим. Нечего мне голову ломать, а то и свихнуться недолго. Пора спать».

Моряки, привыкшие к несению вахты в разное время суток и ко всевозможным корабельным шумам, засыпают как правило, мгновенно. Пьер Легаль закрыл глаза, решив не мучить себя, и вскоре громко захрапел. Ему снились дирижабли, подводные корабли, дрессированные

киты, на спинах которых трое друзей плыли в паланкинах.. Разбудил его голос Фрике.

— Быстрей! Свистать всех наверх,— кричал тот во весь голос.— Поторапливайся! Уже рассвело.

Молодой человек широко распахнул дверь, и веселые солнечные лучи ворвались в их жалкое убежище. Кит, на котором путешествовал Пьер, разом исчез. Боцман открыл глаза, крепко выругался, тут же вскочил, словно в нем сработала какая-то пружинка, и сжал кулаки, готовясь к бою.

— Тысяча чертей! Видно, в этой стране живут одни только таможенники! Подожди, я научу тебя хорошим манерам.

Таможенник громко рассмеялся и сделал такое антраша*, что ему позавидовал бы любой танцор. По этой джиге и безудержному смеху Пьер догадался, что перед ним его друг Фрике. На парижанине был темно-зеленый мундир с желтым кантом, на голове — кепи, кожаный пояс с саблей на боку перетягивал талию. Фрике, можно сказать, полностью преобразился и выглядел настоящим таможенником. К тому же он позаимствовал краски у своих хозяев и загримировался не хуже заправского артиста.

— Ну, как ты находишь, дружище? Хорошо ли я выгляжу? Если даже ты меня не узнал, смогу ли я спокойно в таком виде пройти по набережной?

— Просто невероятно! Нет, никогда ничего подобного я не видел. Силен же ты, парень!

— А теперь твоя очередь. Натяни второй мундир. И не медли. Теперь дорога каждая минута.

— Шутишь? В таком виде я буду похож на жандарма во время сельского праздника или же на музыканта из пожарной команды.

— Да нет. Все будет хорошо! Ты будешь похож на таможенника старого закала, старого, лохматого, злого пса, не в обиду тебе будет сказано.

— А если мы встретим других... настоящих таможенников?

— Не бойся. Днем будем избегать людных мест, а когда доберемся до гавани, опасаться будет уже нечего.

— Значит, мы должны добраться до моря?

* Антраша — в классическом балете прыжок, во время которого вытянутые ноги танцовщика скрещиваются в воздухе несколько раз. (Примеч. перев.)

— Конечно же, черт возьми! Не думаешь же ты, что до Суматры можно добраться пешком?

Тем временем Пьер, бурча, успел переодеться. В этом странном мундире он действительно выглядел великолепно. Немного грима, и боцман стал совершенно неузнаваем.

— Гм,— пробурчал он,— если бы мои старые товарищи встретили меня, то приняли бы за попугая или решили бы, что начался карнавал.

— Тем лучше! Значит, наш маскарад удался. Остается только попрощаться с нашими хозяевами и взять курс на гавань. Путь наметим отсюда, с высоты птичьего полета.

Оба друга вместе с Виктором попрощались со славными островитянами и покинули деревню, взяв с собою всего лишь несколько пшеничных лепешек,— этого должно было хватить до того часа, когда наступит развязка.

— Ты понимаешь, что мы рискуем жизнью? — спросил Фрике.

— Если ты думаешь, что сообщил мне что-то новое, то ошибаешься,— с редким спокойствием ответил Пьер.— С тех самых пор, как мы покинули Макао, мы только и делаем, что рискуем жизнью.

— Я говорю тебе это для очистки совести, на случай если нам придется отправиться на тот свет.

— У меня на родине мамаша Бигорно, прекрасная кулинарка, утверждает, что нельзя сделать яичницу, не разбив яиц.

— Совершенно с ней согласен.

— Я тоже. Главное, не оказаться в роли разбитых яиц. А вообще, мы с тобой и не такое повидали. Справимся и на этот раз.

— К тому же люди обычно склонны преувеличивать опасности, угрожающие тем, кто вроде нас не боится приключений.

— Да, ты прав. Так, добропорядочные буржуа в больших городах, например в Париже, покрываются холодным потом даже при одной только мысли, например, о путешествии. Отправиться из Кале в Дувр представляется им героическим поступком, а перед отъездом из Марселя в Алжир они уже составляют завещание, не понимая, что смерть подстерегает нас на каждом шагу и, быть может, по дороге к нотариусу простой горшок с цветами или водосточная труба свалится бедняге на голову.

— И разбойники ночью могут напасть... а всякого рода эпидемии... пожары... А крушения поездов...

— Черт побери, если собрать все это вместе и сравнить с морской прогулкой, то окажется, что разница не так уж велика.

— Одним словом, гораздо проще вдвоем взять судно на абордаж, чем уцелеть во время эпидемии холеры.

— Ах, вот оно что! Все понятно! Твой план великолепен. Теперь я тоже не сомневаюсь в успехе.

— Да?

— Конечно! Неужели мы не сможем зацепить одну из этих шаланд?

Было около трех часов дня, когда оба европейца вместе с Виктором увидели наконец жалкие лачуги, громко именуемые городом Дили. Как и всегда в этот час, местные жители наслаждались в своих гамаках послеобеденным отдыхом. На улицах можно было встретить лишь нескольких малайцев. Они, словно саламандры, не боялись палящего солнца и, сидя на корточках на раскаленной набережной, со свойственным их племени азартом во что-то играли.

Фрике окинул взглядом порт, и лицо его выразило разочарование. На якоре стояло лишь с полдюжины американских и малайских торговых кораблей, рядом с ними видно было несколько парусников с острова Целебес* постоянно курсирующих между Купангом, Дили и Макасаром.

— Вот неудача! Ее тут нет!

— Ты о чем?

— О шхуне, которую мы должны взять на абордаж, о «Палембанге»

— У этой старой акулы, ее капитана, есть причины не подходить к берегу.— Пьер покровительственно улыбнулся и указал пальцем на море.— Он из осторожности остановился не на рейде, а милях в двух от него, у швартовой бочки, указывающей на проход.

— Ты полагаешь?

— Сынок, уж если такому морскому волку, как я, хоть раз довелось поплавать на каком-нибудь корабле, он узнает его из тысячи. А потому я готов побиться об заклад, что это — наш чертов разбойник.

— Все ясно. Лодок здесь предостаточно, и изнывающие от безделья малайцы с удовольствием нас туда отвезут. Сейчас увидишь, что значит носить мундир.

Тут же преобразившись, Фрике с усталым и высоко-

* Прежнее название о. Сулавеси (Примеч. перев.)

мерным видом, свойственным португальцам в колониях, отдал сквозь зубы приказание Виктору, сопроводив его величественным жестом, отыскать лодку и двух гребцов. В двух шагах от них находилась группа малайцев. Они заметили этот повелительный жест и бросились исполнять приказание, переданное им на их языке жителем Поднебесной империи.

Через пять минут наши друзья, уже неслись вперед по серо-зеленым волнам. Гребцы, полагая, что на борту у них находятся колониальные власти, усердно налегали на весла. По всему было видно, что господа португальцы, когда им бывает нужно, умеют заставить повиноваться.

Корабль рос на глазах. Пьер не ошибся, это была та самая голландская шхуна. Фрике дотронулся до сабли, убедился, что ее нетрудно будет достать из ножен, затем зарядил ружье и повесил его через плечо. Пьер молча последовал примеру друга. Лодка вскоре подошла к шхуне и остановилась возле пенькового троса, так что вахтенный ее даже не заметил.

— Я поднимаюсь первым,— сказал Фрике.— Ты последуешь за мной, а уже потом, когда мы окажемся на борту, к нам присоединится Виктор.

Несмотря на висевшие за спиной ружья и сабли, бывшие по ногам, друзья с присущей им ловкостью взобрались наверх, быстро перемахнули через борт судна и с важным видом вступили на палубу.

Пьер дважды топнул ногой и крикнул командирским тоном:

— Эй! Кто там на корабле!

Услышав зычный голос, вахтенный, дремавший на посту, выпрямился.

— Для португальского таможенника,— рассмеялся Фрике,— у тебя, надо признаться, неплохой акцент.

— Ах, черт побери! Я бы должен был крикнуть на их языке. Но ничего не поделаешь, теперь слишком поздно. Этот негодяй уже насторожился. Надо его схватить.

— Не беспокойся.

«Негодяй», о котором шла речь, был помощником капитана. Озадаченный, не зная как отвечать — по-французски или по-португальски,— он направился к нашим друзьям. Положение становилось щекотливым. Фрике, как всегда, не растерялся и быстро нашел выход из положения. С обворожительной улыбкой парижанин сделал шаг навстречу.

— Все в порядке? — осведомился он любезно. Затем,

не ожидая ответа удивленного голландца, продолжил: — У нас тоже, благодарю вас! А как поживает дорогой капитан, минхер Фабрициус ван Прет, надеюсь, он находится в добром здравии?.. Видите, мы переоделись. Такая уж нам пришла в голову блажь. Одежда весьма неудобная, особенно во время путешествия. Этот бедняга Пьер весь взмок, да и с меня пот льет в три ручья.

Моряк совершенно оторопел. Он машинально протянул руку Фрике, и тот, по-видимому, был так рад свиданию, что голландец уже не смог высвободить свою руку

— Но, сеньор француз... господин таможенник...

— Ладно, дружище, пусть это вас не смущает, по наружности не судят, и мы не стали таможенниками оттого, что натянули эти мундиры. Ну как, вы узнали своих бывших благородных пассажиров?

— Да, я действительно вас узнал... Но как вы здесь оказались?.. И в этих мундирах?

— Мы вам расскажем все это, когда окажемся в открытом море,— ответил Фрике, не выпуская руку, которую он с сердечной улыбкой все крепче сжимал в своей

— Но, господа, мы не должны брать на борт пассажиров. Во всяком случае, таково мнение капитана. Он хотел, как вы знаете, когда забирал вас с Буби-Айленда, подписать с вами контракт. И если бы вы так внезапно не покинули нас после появления мастера Холлидея...

— Настоящая каналья, этот ваш мастер Холлидей,— прервал его Пьер.— Свидание со мной будет стоить ему недешево. Уж я-то сумею взять мерзавца на абордаж. Он еще горько обо всем пожалеет.

— Но, в конце концов, что вам надо? — спросил встревоженно помощник капитана.

— Чтоб вы поставили паруса и взяли курс на запад, не слишком удаляясь от десятой параллели. Объяснения последуют чуть позже. Если вас что-то не устраивает, мой друг Пьер Легаль возьмет на себя управление кораблем.

— Господа,— ответил решительно моряк,— вы можете делать со мной что хотите, но я категорически отказываюсь вам повиноваться. Капитан спустился на землю, и на борту, кроме меня, почти никого нет.

— Прекрасно! — воскликнул Фрике.— Тем лучше для нас. Не стоит ломаться, прикажите приготовиться к отплытию, я так хочу.

Этот юноша, веселый и задорный, произнес последние три слова таким властным тоном, что заставил бы

содрогнуться даже самого отчаянного смельчака. Голландец, однако, заупрямился.

— Нет! — ответил он, пытаясь высвободить руку.

Фрике побледнел, его светло-голубые глаза стали стальными. Он еще крепче сжал пальцы помощника капитана.

— Выслушайте меня внимательно, — четко проговорил молодой человек, — смотрите мне прямо в глаза. Я не желаю вам зла. У нас есть очень серьезные причины так поступать. Делайте то, что я велел. Еще раз повторяю, вам не причинят зла и, даже наоборот, вам хорошо заплатят даю слово. Но не пытайтесь сопротивляться, иначе, клянусь честью, я разобью вашу голову о нижнюю палубу

При этих словах Фрике так крепко сжал руку голландца, что у того посинели ногти. Несчастный вскрикнул от ужаса, поднес свисток к губам и свистнул. В ту же минуту четыре малайца, вооруженные пиками и саблями, выскочили из люка и попытались наброситься на Пьера, который стоял ближе к ним.

— Негодяи! — воскликнул тот, выхватив саблю из ножен. — Руки прочь, или я раскрою вам головы!

Трое из нападавших на мгновение заколебались. Четвертый же не отступил. Пьер не стал медлить, он использовал известный фехтовальный прием «мельницу», сабля в его руках сверкнула, со свистом рассекла воздух и опустилась на голову нападающего.

Это был удар настоящего мастера. Мало кому приходилось видеть подобное. Бедняга свалился с расколотым черепом и палуба мгновенно обгадилась кровью. Его товарищи, потрясенные увиденным, побросали оружие и протянули Пьеру руки, словно моля о пощаде. Повелительным жестом Легаль велел им выстроиться у люка. Фрике по-прежнему сжимал руку помощника, который, казалось, от этого страшного пожатия вот-вот потеряет сознание.

— Я бы мог убить вас, — проговорил юноша с пугающим спокойствием, глядя на него своим пронизывающим взглядом. — На этот раз я прощаю вас в память о прошлом. Но впредь при первой же попытке ослушаться приказа придется позабыть о благодарности. Сколько у вас людей на борту?

— Одного убили... осталось только трое.

— И на борту нет европейцев?

— Они все на берегу

— Тем лучше. Четырех человек вполне достаточно

для плавания, а нас шестеро. Я сейчас обрублю канаты — и в путь. Вы отдадите мне все имеющееся у вас оружие. Только не пытайтесь обмануть нас. Идите! — заключил он, разжав руку.

Укрошенный голландец повиновался. Как английские, так и голландские шхуны — очень небольшие суда. У них всего две сильно наклоненные к корме мачты. Паруса самые простые: нижние — в форме трапеции и верхние — квадратные или треугольные гораздо меньших размеров. Несколько человек вполне могут справиться с ними, но в то же время этим быстроходным судам из-за небольшой поверхности парусов следует опасаться резких шквалов и внезапных изменений направления ветра. Изобрели шхуны, естественно, американцы, люди отважные и безрассудные, которым вечно хочется сэкономить время и рабочие руки.

Паруса на «Палембанге» были поставлены очень быстро, поскольку не только команда, но и наши французы взялись за дело, да еще с таким рвением, что их мундиры затрепали по швам. Как только паруса были подняты, помощник капитана встал у руля, и Пьер, еще весь в поту, поспешил взглянуть на компас.

Три недели спустя шхуна бросила якорь на юге Суматры в небольшой бухте между деревнями Кавур и Крофи на 5° южной широты и 105°35' восточной долготы.

Все это время они шли на запад, не делая остановок, позади остались острова Омбай, Пантар, Солор, Флорес, Сумбава, Ломбок, Бали, Ява. Переход был на редкость удачным, хотя занял немало времени. Постоянно дул попутный ветер, что позволило шхуне делать в среднем шесть морских миль в час, скорость вполне приемлемая даже для тех, кто очень спешит. А нашим друзьям не терпелось как можно скорее добраться до места назначения, тем более что запасы воды были на исходе.

Как вы помните, шхуна после ловли трепангов в Торресовом проливе направилась прямо на остров Тимор, не пополнив своих запасов. А потому экипажу, особенно к концу путешествия, пришлось соблюдать строжайшую экономию. Нетрудно представить, как обрадовались моряки, когда корабль вышел в маленькую бухту, откуда в бинокль можно было рассмотреть большую плантацию и около двадцати хижин, прихотливо раскинувшихся на зеленых склонах холма.

— Да, это здесь, — взволнованно проговорил Фрике, сжимая руку Пьеру, — господин Андре... Доктор... «Стран-

ствующие плантаторы!»... Я дрожу, как ребенок... Хочется броситься в море, чтобы поскорее вплавь добраться до берега.

— Вам незачем это делать, господа,— сказал голландец, смягчившийся за время путешествия.— Я велю снарядить лодку, она немедленно доставит вас на сушу.

— Сударь,— с достоинством обратился к нему Фрике,— вы оказали нам огромную услугу, хотя сделали это вопреки своему желанию. Поедьте с нами. Хотя ваш друг или скорее сообщник мастер Холлидей и разорил нас, мы все-таки сможем заплатить вам за проезд, если не деньгами, то хотя бы провизией.

— Мне ничего не надо.

— Тогда прощайте.

Через пять минут оба путешественника ступили наконец на землю, добраться до которой стоило им столько труда. И тут же по знакомой тропинке направились к деревушке. Пьер машинально оглянулся и увидел, как шхуна на всех парусах выходит в открытое море.

— Знаешь, помощник капитана благодаря нам здорово нагрел себе руки.

— Каким образом?

— Неужели ты думаешь, что он вернет шхуну ее владельцу? Полно. Этот плут даст еще несколько очков вперед своему капитану. Сейчас он пополнит свои запасы в каком-нибудь пиратском притоне и сам займется морским разбоем. Представляешь, какая мина будет у господина ван Прета!

— Вот уж действительно, вор у вора дубинку украл.

Ворота ограды из тикового дерева, окружавшей большой деревянный дом, медленно отворились, и два рослых господина, широко раскрыв объятия, бросились навстречу вновь прибывшим.

— Фрике!.. Милый мой мальчик!.. Пьер!.. Дружище!..

— Господин Андре!.. Милый доктор!..

— Бедные мои друзья! Наконец-то! Мы уж не надеялись вас увидеть.

Фрике от волнения не мог вымолвить и слова

— Мы вернулись одни! Нас ограбил один бандит...— выдавил из себя бледный как полотно Пьер.

— Мы разорены, разорены! Но тут нет нашей вины, господин Андре!

— Ах, что значат эти потери по сравнению с обрушившимся на нас ужасным несчастьем,— проговорил Андре удрученно.

— Что же случилось? — воскликнули Фрике и Пьер в один голос.

— Мэдж, ваша маленькая подружка, моя приемная дочь..

— Мэдж, где же она? — прошептал Фрике, у которого подкосились ноги.

— Исчезла! Ее похитили наши смертельные враги «морские разбойники»...

Конец первой части

Часть вторая

СУЛТАН БОРНЕО

ГЛАВА I

Сигнал бедствия, салют или грохот сражения? — Великолепная пятерка. — Малайские пираты. — Атака. — Через вражеский заслон. — Неожиданная помощь. — На борту английской яхты. — Хитрость парижанина. — Лучшие вина на палубу! — Абордаж. — Пятьдесят против одного. — Нужно ли топить яхту? — Пожар на борту. — Пятеро французов объявляют войну султану Борнео.

— Бьюсь об заклад, это пушечный залп.

— Здесь?..

— Почему бы и нет?

— Может быть, салют?

— В чью честь?

— Тогда — сигнал бедствия... Или раскат грома.

— Что-то не верится.

Вдали послышался новый глухой взрыв, прокатившийся над рекой с густо заросшими гигантскими деревьями берегами.

— Я был прав, — произнес один из собеседников. — Это пороховой взрыв. Там, в устье реки. Пушечный залп ни с чем не спутаешь. А треск? Ты узнаешь его, Фрике?

— Это ведь пулемет, не так ли, Пьер?

— Еще почище, сынок. Это новое изобретение. Его называют хочкис.

— Хочкис... киск!.. киск!.. Подходящее имечко, чтобы гонять собак.

— И убивать людей.

— О! Как будто орудия убийства — именно то, чего остро не хватает нашей цивилизации, — иронично заметил Фрике

— Там настоящий бой,— вмешался в разговор третий, до сих пор хранивший молчание.

— Да, не исключено, что мне подкинут работенки,— отозвался четвертый. Он говорил густым, низким голосом с заметным марсельским акцентом.

— Можете не сомневаться, дорогой доктор, там стреляют не по воробьям. Думаю, скоро мы все узнаем.

— Друзья мои, приготовьте оружие,— вновь заговорил главный.— А вы, ребята,— обратился он к двоим гребцам,— подналягте-ка на весла.

Несмотря на то, что на борту, включая гребцов, находилось семь человек, лодка легко заскользила по волнам темным, как волны многих рек Южной Америки.

Собственно говоря, пассажиров было пятеро, из них четверо европейцев. Все, как один, в коротких, но просторных стеганых куртках со множеством карманов, в грубых шнурованных башмаках с кожаными голенищами поверх брюк из того же материала, что и куртки. У всех четверых на головах белые шлемы,— точь-в-точь английские солдаты в колониальной Индии. Вооружение маленького отряда состояло из массивных коротких карабинов,— стволы были спрятаны в деревянные футляры. Доверху набитые патронные сумки крепились к желтым кожаным поясам. Здесь же находились револьвер и широкий нож со слегка изогнутым лезвием и плетеной кожаной рукояткой.

Экипировку довершал вещевой мешок, очень похожий на те, что повсюду таскают с собой художники-пейзажисты. Сверху к нему было привязано прорезиненное покрывало с отверстием посередине, как у южноамериканских пончо*. Эта незаменимая вещь укрывает путешественника от проливных экваториальных дождей.

Легко догадаться, что наши герои собрались в далекий и рискованный путь. Обращение «доктор», проскользнувшее в разговоре, полностью соответствовало профессии одного из них — человека высокого роста, сухощавого, как индийский факир. Он и сам посмеивался над своей феноменальной худобой, из-за которой казался еще выше. Глядя на седую бороду, короткие, жесткие, взъерошенные волосы, нетрудно было понять, что доктор немолод. Ему и в самом деле стукнуло пятьдесят.

И тем не менее марселец Ламперьер нес груз своих лет с непринужденностью, какой позавидовал бы и молодой

* Пончо — индейская накидка из шерсти ламы с прорезью для головы в центре куска.

человек; его мускулы и выступающие, словно веревки, сухожилия не знали усталости; нипочем ему были малярия, холера и даже желтая лихорадка.

Некогда первоклассный хирург французского морского флота, он вышел в отставку три года назад. Как и у всех его соотечественников, у доктора был деревенский домик с зелеными ставенками, под чью гостеприимную сень он и удалился, полагая вести размеренную жизнь буржуа, посвятив себя невинным сельским радостям. Провинциальная идиллия длилась два месяца, после чего доктор Ламперьер закрыл зеленые ставни, положил ключ от домика в карман и отправился... на Суматру в компании своего друга Андре Бреванна.

Последний, глава экспедиции, представлял собой полную противоположность доктору. Лет тридцати двух, темноволосый, бледный, с серьезным выражением лица, он был столь же скрытен, сколь его компаньон общителен. Пропорциональное сложение, элегантность и изящество никак не выдавали в нем недюжинной силы.

Невероятная ловкость, редкое умение обращаться с любым оружием делали Бреванна незаменимым компаньоном в путешествии. При этом в нем не было ничего от вульгарного авантюриста. Напротив, джентльмен до кончиков ногтей, коренной парижанин, он умел придать особый шарм даже бивуачной жизни.

Остальные участники разговора — Фрике, парижский паренек, и старый бретонец, матрос Пьер Легаль. Пятый персонаж, до сих пор не проронивший ни слова, — молодой негр. Ему около восемнадцати лет. Одет на европейский манер, но мощный торс вот-вот, казалось, разорвет его одежду по швам. Умное лицо искрилось добротой и юношеским, почти детским задором. Молодой великан, типичный представитель Центральной Африки, проявлял полное безразличие ко всему, что происходило вокруг. Друзья относились к нему по-братски, и этого было достаточно.

Лодка, управляемая двумя гребцами, неслась по волнам. Европейцы готовили оружие. Пушечные выстрелы раздавались все ближе и ближе, а молодой человек безмятежно валялся на дне судна, словно отдыхающий лев.

Голос Фрике заставил его подскочить.

— Эй! Мажесте*, малыш, ты разве не слышишь шума? Пошевеливайся. Неплохо бы подготовиться к бою. Там

* Мажесте (*фр.* majeste) — величество

собираются стрелять, вернее, уже стреляют. Придется давать отпор.

«Малыш», выше Фрике на целую голову, ответил тем нежным, музыкальным голосом, что отличает многих чернокожих:

— Да, Фрики, да... Ты всегда торопиться. Я не торопиться и всегда успевать.

— Твой карабин, по крайней мере, заряжен?

— Ой! Я очень неловкий. Могу ломать ружье. Пуф!

— Без глупостей. Я тебя знаю: будешь дубасить что есть силы, сломаешь карабин и в самый нужный момент останешься безоружным.

Мажесте улыбнулся, с наивным удовольствием напрягая мускулы.

— Моя удар всегда тяжелый.

— Все это ерунда. Дубина с успехом шла в дело лишь во времена твоих давних предков. Как натурализованный парижанин ты должен выбросить из головы примитивные замашки.

— Я сделаю так, как ты хочешь. Я всегда так делать. Правда, Адли?

— Не слушай его, Мажесте,— отозвался Андре.— Ты же знаешь, он все время подшучивает над тобой.

— О! Это забавно.

— Черт побери! Не хватало еще и вправду надоест тому, кого так трудно было вытащить из неволи и кого я люблю как брата, как большого ребенка.

— Тише! — скомандовал Андре.— По местам! Вперед враг.

Четверо европейцев замерли в напряженном ожидании, подняв карабины, готовые в любую секунду выстрелить.

Неожиданно река сделала крутой поворот, устье расширилось, превратившись в лиман. Показался небольшой островок, густо поросший деревьями. Перед взором путешественников предстала странная, если не сказать страшная, картина.

На расстоянии пятисот метров они увидели маленький неподвижный корабль, окруженный клубами дыма. Он потерпел аварию в каком-нибудь одном кабельтове от берега. Время от времени раздавался залп, вслед слышались выстрелы. В тот момент, когда из облака дыма вырывалось пламя, можно было увидеть, что множество пироги образовали кольцо вокруг оборонявшегося судна.

Каждый залп встречали свирепые выкрики. Кольцо

сужалось. Еще несколько мгновений, и нападавшие возьмут несчастных на абордаж. В том, каковы будут последствия, сомневаться не приходилось.

— Ах! — вскричал Пьер Легаль. — Черт меня подери, если я что-нибудь понимаю!

— В чем дело? — спросил Фрике.

— Я еще пока в своем уме и не страдаю галлюцинациями. На трехмачтовике — труба. Стало быть, это паровик... Почему же не заводят машину? На всех парах враз оторвались бы от негодяев, которые вот-вот пропорют кораблю борт.

— А если там поломка? Если он сел на мель?

— Так тем более! Нужно дать задний ход и попытаться сняться с мели. Во всяком случае, необходимо развернуть все паруса, чтобы воспользоваться первым же дуновением ветра.

— Но мы в низине, и никакого ветерка не чувствуется.

— Мало ли что! Никогда нелишне принять все возможные меры предосторожности и использовать любой шанс. Сейчас ведь атака начнется.

— Это точно, — подтвердил доктор. — Малайским пиратам необыкновенно повезло. Захватить такую яхту! Они в два счета превратят ее в грозного морского разбойника.

— Вы говорите, яхту? — спросил Андре.

— Именно — английскую прогулочную яхту.

Лодка находилась уже в тридцати саженях от пирога. Поначалу ее присутствие, казалось, не занимало нападавших. Быть может, они решили, что подоспело подкрепление. Но, заметив белые шлемы и стволы карабинов, в которых отражались солнечные лучи, пираты заволновались и, обнажив громадные мечи, словно бешеные бросились на хрупкое суденышко, рассчитывая, несомненно, что мгном разнесут его в пух и прах. Но не тут-то было.

— Огонь! — грозно командовал Андре, и все вокруг заволокло дымом.

Выстрелы вспыхивали как молнии, снова и снова, без перерыва — неумолимые, смертельные. Победоносные выкрики сменились возгласами ужаса и хрипами агонии. Время от времени можно было даже услышать глухой звук пули, пронзающей человеческое тело или ударяющейся о кости. Прошло каких-нибудь двадцать секунд, а две пироги из тех, что находились ближе к лодке, вышли из строя. Две другие еще сопротивлялись, но их ожидала та же участь. Стрельба продолжалась — ритмично, размеренно, монотонно, будто действовали отборные войска.

Спрятавшись на дне лодки, четверо путешественников палили без устали и наделали столько шума, что можно было подумать, будто их человек двадцать, не меньше. Странная штука — это и бандитов удивило — европейцы не меняли оружие и не перезаряжали его. Казалось, заряды в их тяжелых карабинах нескончаемы.

Пригнувшиеся к веслам гребцы втайне радовались неудаче малайцев, их извечных, непримиримых врагов. Наконец лодка прошла мимо пирог и приблизилась к яхте.

— Полагаю, все кончено,— произнес Фрике.— Мой карабин жжет руку.

— Опusti его в воду, да поторопись. Делай как я.

— Ну вот, остыл. Кажется, можно снова начинать. А между прочим, неплохо сработано. Скажу, не хвалясь, мы оказали англичанину услугу. Он нам очень обязан.

На борту показался мужчина с карабином в руке.

— Соболаговолите бросить трап,— кричал молодой человек,— чтобы мы смогли подняться на борт.

Англичанин, однако, рассудил иначе. Он решил, что подъем по трапу окажется слишком долгим и его спасители станут великолепной мишенью для сарбаканов* малайцев (те по-прежнему дрейфовали неподалеку, на почтительном расстоянии); в одно мгновение хозяин яхты сбросил веревочный трап.

— Давай, Мажесте, взбирайся! — велел Андре.

Чернокожий ухватил свой мешок, карабин и в два прыжка поднялся на борт.

— Твоя очередь, Фрике.

— Есть! — отозвался парижанин.

— Теперь вы, Пьер! И начинайте огонь... Доктор, будьте любезны...

Вслед за доктором последовали и гребцы. Оставшись один, Андре подгреб к яхте, вцепился в канат и с силой оттолкнул лодку. В это время пираты подошли совсем близко. Андре ничего не оставалось, как, задержавшись посередине пути, вскинуть карабин и с завидным спокойствием открыть огонь. Четыре выстрела прогремели с интервалом в пятнадцать секунд. Четверо нападавших на полном ходу остановились как вкопанные и рухнули за-мертво. Ловко взобравшись по трапу, молодой человек

* Сарбакан — вид оружия у первобытных народов: длинная духовая трубка, из которой выпускали стрелы, дуя с противоположного конца

щегоольски, словно находился на высоком приеме в парижском салоне, поприветствовал джентльмена с седой бородой, встречавшего вновь прибывших.

Перепуганные малайцы-пираты поспешили остановить пироги вне пределов досягаемости. Убедившись в том, что европейцы — отличные стрелки и в руках у них отнюдь не хлопушки, бандиты тем не менее не отказались от своих планов. Они, похоже, собирались с силами и обдумывали наиболее безопасный способ завладеть столь заманчивой добычей.

Бой был явно не окончен. Осажденные могли рассчитывать всего на несколько мгновений передышки.

Пока Пьер и Фрике сматывали канаты, Андре быстро осмотрел яхту. Его поразило, что на борту всего пять членов экипажа, включая и джентльмена, сердечно приветствовавшего своих спасителей.

Французу слишком хорошо были известны обычаи по ту сторону Ла-Манша, и, несмотря на опасность, он считал неприличным пренебрегать необходимыми формальностями при знакомстве. Представление происходило по всем правилам Соединенного Королевства. Англичанин, являвшийся одновременно владельцем и капитаном яхты «Конкордия», представился как сэр Генри Паркер.

Близкое соседство пиратов помешало дальнейшим церемониям. Атака возобновилась. Под ударами весел вокруг кипела вода. Надо было действовать. Англичанин с необыкновенным тактом отвел Андре в сторону и предложил ему общее командование, аргументируя предложение тем, что его ломаный французский может внести сумятицу в самый разгар боя.

— Мы постараемся оправдать честь, оказанную вами.— Молодой человек улыбнулся.— Пока жив хоть один из нас, английский флаг будет развеваться на мачте... Пьер, в вашем распоряжении артиллерия. Надеюсь, нет нужды напоминать, что целиться следует ниже.

Пьер по-военному отдал честь и, ни слова не говоря, занял свое место.

— Они, очевидно, пойдут на abordage,— рассуждал Фрике.

— Вполне возможно.

— Можно ли мне взять на себя оборону палубы?

— Что ты хочешь предпринять?

— Не мешало бы развесить по бортам капканы; когда мерзавцы полезут наверх, их ноги превратятся в кровавое месиво.

— Делай, если считаешь нужным. Только поскорее.

— Есть. Мужесте, за мной на камбуз! Рысью!

Не прошло и двух минут, как парижанин, а за ним и его помощники снова появились на палубе с несколькими ящиками бутылок.

— Клико номер один... Туринский вермут... Паль аль Басси Компания... Сухое бордо... Какая жалость! Этим чудесным напиткам отведена незавидная участь. Эй, ребята, разбейте-ка все бутылки. Их содержимым, как ни печально, придется вымыть палубу.

Послышался оглушительный звон битого стекла. Знаменитые вина, перемешавшись, полились рекой.

— Сходим-ка еще раз. Этого мало. Хочешь жить — умей вертеться.

После второго похода на камбуз бутылок оказалось еще больше, чем в первый раз. В конце концов вся палуба на три четверти покрылась битым стеклом.

— Капканы готовы! — радостно проговорил Фрике. — Вот что значит отличный винный погреб! Там осталось еще чем промочить горло, когда бой закончится.

— Ох уж эти французы, — восхищенно прошептал сэр Паркер. — Им не откажешь в смекалке.

— Что скажете, Пьер? — обратился к главному артиллеристу Андре.

Расстояние, отделявшее яхту от пиратов, не превышало одного кабельтова.

— Огонь! — громко крикнул Пьер.

Огненный ураган обрушился на пироги, разбил их кольцо и поднял высокую волну: на ее гребне показались обломки лодок и человеческие трупы. Артиллерию поддерживала стрельба из карабинов. Атакующие явно не ожидали подобного приема. Но, невзирая на чувствительные потери, разбойники продолжали наступать. Правда, теперь они выбрались из своих пирог и плыли под их прикрытием, не нарушая при этом симметрии. От яхты нападавших отделяло теперь ничтожное расстояние.

Сохраняя спокойствие, Андре обратился к сэру Паркеру:

— Не кажется ли вам, месье, что судно движется?

— Действительно, вы совершенно правы. Это прилив. Еще немного, и мы снимемся с мели. Как жаль, что на борту нет горячего!

— Без машины нам не справиться. Проклятый штиль не оставляет никакой надежды. Скажите, ваши матросы хорошо знают свое дело?

— Это лучшие матросы!

— Необходимо сориентировать паруса. Правда, они убраны, но это дело нескольких минут. Мы продержимся. А потом вдруг да подует ветерок. Пока же надо приложить все силы, чтобы отбить атаку и не допустить абордажа.

— Хорошо.

Тактика малайских разбойников очень проста; если на море штиль, если борта корабля невысоки, а экипаж невелик, можно считать, что победа обеспечена. Пираты плотным кольцом окружают судно, и даже когда стрельба обороняющихся нарушает строй, он мгновенно восстанавливается за счет значительного числа нападающих, — в каждой пироге по три-четыре бравых, до зубов вооруженных молодца, — сколько ни отбивайся, все напрасно. В таком поединке и артиллерия бессильна. Бандиты скоро добираются до судна и набрасываются словно голодные хищники на добычу. Силы обычно неравны — пятьдесят против одного. Что тут поделаешь? Почти всегда встреча с пиратами заканчивается одинаково.

Как ни старались французы держать оборону, пока англичане разворачивали паруса, им все же не удавалось вести непрерывный огонь, чем атакующие вскоре и воспользовались. Их авангард окружил яхту. Взяв в зубы кинжалы, они карабкались наверх, подбадривая идущих следом воинственными криками.

Сэр Паркер схватил кусок троса, растрепанный с одного конца, поджег его и положил на кабестан* — струйка беловатого дыма поднялась строго вертикально. Англичанин покачал головой:

— Если через десять минут дым не изменит направление, мы пропали. Вы ведь не хотите живыми попасться в руки бандитов?

Все разом ответили «нет», да так, что на мгновение даже заглушили бешеные вопли малайцев.

— Прекрасно! Я знаю, что нужно делать.

В это время на носу яхты появились пираты.

— Эй, ребята! Шутки в сторону! — закричал Фрике. Волосы его растрепал ветер, лицо и руки были черными от пороха. — Поберегите ваши пятки!

В ту же минуту победный клич сменился криками и стонами; босые ноги натыкались на битое стекло, кровь ручьями разливалась по палубе. Бежавшие впереди хоте-

* Кабестан — судовая лебедка с вертикальным барабаном.

ли было повернуть назад, но падали от ударов в спину тех кто шел сзади и не знал, какая опасность подстерегает их на борту. Упавшие не могли уже больше подняться: сотни острых осколков впились им в тело.

Фрике ликовал.

— Разве ты не видишь,— сказал ему Пьер,— что дело кончится плохо? Они падают и своими телами закрывают стекло. Те, кто идут за ними, ступают уже по трупам. Черт меня побери! Их больше пятисот.

— Огонь, Пьер! Огонь! — взревел Андре.

Первые из наступавших упали замертво, но — увы! — на смену погибшим тотчас же пришли новые.

— Думаю, что все кончено, месье,— произнес сэр Паркер, приготовившись спуститься вниз с револьвером в руке.

— Пусть так,— отозвался Андре,— мы потопим яхту, не так ли? Да здравствует Англия и..

— Да здравствует Франция! — подхватил англичанин.— У нас еще есть время, чтобы поднять французский флаг на мачте. Я хотел бы отдать салют вашей доблестной родине.

Но несмотря на то, что выдумка Фрике не сработала, как говорится, на все сто, и несмотря на то, что обороняющиеся прекратили стрельбу, бандиты стали отступать. Почему? Новая уловка? Увы, нет!

Второпях Фрике и его помощники разлили спирт, и теперь «Конкордия», окруженная пиратами, могла стать добычей огня; палуба была объята пламенем, огонь, пожирая снасти, полз дальше и дальше, превращая в угли тела убитых и раненых.

— Что я наделал! — воскликнул Фрике.

— Успокойтесь,— прервал его сэр Паркер.— Мне все равно пришлось бы потопить яхту.

— Но есть иной выход, черт возьми!

— Сдаться живыми в лапы малайцев? Уверяю, уж они придумают для нас самые невероятные мучения перед смертью...

— А я вам говорю, нам необходимо выжить! Понимаете? Разве вы не знаете, почему мы здесь?

— Нет.

— Так вот. Мы, все пятеро, едем объявить войну султану Борнео!

ГЛАВА 2

*Фрике не лгал.— Спасены.— «Конкордия» не затонет.— Почему экипаж яхты столь немногочислен.— На борту не осталось угля.— Парижанин обещает починить машину за один час.— Фрике и механик.— Фрике может решительно все.— А тем временем два даяка...**— *Отрубатели голов.— К отплытию!*

Фрике отнюдь не был хвастуном. Он принадлежал к категории людей, чрезвычайно одаренных как умственно, так и физически. В его голове рождались самые дерзкие и неправдоподобные проекты, которые, однако, всегда претворялись в жизнь, несмотря на их кажущуюся нереальность.

Столь безапелляционное, а если учитывать сложившуюся ситуацию, абсурдное заявление изумило англичанина. В любой другой момент сэр Паркер лишь пожал бы плечами, решив, что пред ним обыкновенный болтун или умалишенный. Но ведь считать болтунами людей, в трудную минуту пришедших на помощь, невозможно! Да и как назвать сумасшедшими тех, кто еще пять минут назад восхищал тебя своей отвагой и находчивостью?

Безусловно, французы вызывали самое глубокое доверие, и нет ничего удивительного в том, что сэр Паркер вдруг позабыл о чудовищной несоразмерности сил (с одной стороны, монарх, в чьем повиновении миллион подданных, а с другой — пятеро смельчаков, объявивших ему войну), мало того, он подумал, что не исключена победа его новых друзей. Ведь в истории уже был аналогичный случай: в 1841 году англичанин Джеймс Брук стал раджей Саравака** и сохранял этот титул до 1865 года.

Все эти мысли пронеслись в голове сэра Паркера в какие-нибудь две-три секунды; зная цену времени, он поспешил как-то отреагировать на сказанное Фрике, но тот уже исчез. Не обращая больше внимания на пиратов, француз собрал людей и попытался остановить огонь.

* Даяки — группа народов (нгаджу, клемантаны, ибаны, кенья и др.) Индонезии (о. Калимантан). В 1973 году насчитывалось 2,3 млн. человек. Языки индонезийской группы, традиционные верования, часть — мусульмане.

** Саравак — южная провинция султаната Бруней; династия Брука правила там до 1941 года; независимость Саравака была признана США и Великобританией; во время второй мировой войны был захвачен японцами; в 1946 году стал британской колонией, с 1963 года входит в состав Малайзии.

В дело пошли все имевшиеся на судне швабры и поспешно извлеченные из трюма паруса.

Работая за четверых, Фрике то и дело, как истинный парижанин, отпускал разные словечки, стараясь шутить в минуту опасности.

— Эй, давайте! Сони, пошевеливайтесь, не то мы сгорим тут, словно пакля. Ну и скандал! Эй, Мажесте! Осторожнее, малыш. Ты покалечишься. Надень-ка башмаки. Ой! В башмаках у тебя походочка точь-в-точь как у утки за девятнадцать су... Возьмись-ка за насос... Теперь надо развернуть один парус и растянуть на палубе... Идея! Давайте подцепим его тросами и поднимем на мачту. Тогда он в момент намокнет. Поднимаем!.. Эй, там, у насоса! Не зевайте! Команда дается для того, чтобы ее выполнять... Ох! Ну и жарница! Растягивайте!.. Пьер, возьми один конец паруса, а я — другой, иди к правому борту... Да, да... Я пошел к левому... Чудесно! Накрываем палубу! Не обращайте внимания на этих ублюдков! Что им еще остается, кроме как поджариваться на медленном огне? Смотрите-ка, некоторые еще дрыгают ножками. Позовите доктора. Он сумел выжить дух из этих молодцов, сумеет и привести их в чувство...

Однако для пиратов все уже было кончено; предсмертные стоны становились тише, дурманящий запах паленого мяса разносился по всей округе.

Два паруса целиком покрыли палубу. Насосы работали во всю мощь, и намокшая парусина в конце концов полностью приостановила доступ воздуха, и пламя мало-помалу стихло. Но как только эта опасность миновала, малайцы, терпеливо поджидавшие, пока на борту справятся с пожаром, вновь возобновили атаку. Борьба стала еще ожесточеннее, еще беспощаднее.

— Тут и секунды не оставят в покое, — вскричал промокший с ног до головы парижанин. — Если так будет продолжаться, я пошлю жалобу мировому судье.

Оставив насос и снова взявшись за карабин, Фрике присоединился к товарищам, которые второпях перезаряжали оружие. Андре собирался уже было отдать команду возобновить огонь. Но радостный крик Фрике — скорее даже вопль — остановил его.

— Спасены!.. Мы спасены!.. Нас не убьют и жаркое из нас не сделают! Топиться тоже не придется.

— Что это на тебя нашло? — удивленно спросил Пьер.

В это мгновение из-из борта показалась голова одного из пиратов, и Легаль метким выстрелом срезал непрошен-

ного гостя. А дело было в том, что от внимательного взора Фрике ничего не ускользало. Он вспомнил о фитиле, который смастерил сэр Паркер, и, взглянув на него, увидел, как дым отклонился немного в сторону. Через некоторое время уже все почувствовали легкий ветерок, и наконец поднялся бриз. Паруса медленно раздулись, мачты закрипели. В довершение всего начинался отлив. Вода заволоновалась, судно вздрогнуло и сошло с мели.

Малайцы, видя, что добыча уходит из рук, изрыгали проклятия, но бриз крепчал, и «Конкордия» стала для них недосыгаема.

Пожар только что стих. Необходимо было поработать насосом — смыть грязь, оставшуюся после боя. Прежде чем развернуть яхту, штурвальный обратился к сэру Паркеру, вновь превратившемуся в капитана, с вопросом, в каком направлении следует плыть.

— Направление — это поддела. Видите ли, друзья мои, по-моему, на яхте повреждена паровая машина. На парусах мы далеко не уйдем, да и времени понадобится много. Механика на борту нет, и я ума не приложу, как поступить...

В это мгновение раздался крик Легаля.

— Матрос!

— Пьер? — отозвался Фрике.

— Сколько времени тебе понадобится, чтобы завести машину и привести в порядок механизмы, если учитывать, что у нас нет ни крошки угля?

— Думается, около часа, — ответил парижанин. Затем, обернувшись к сэру Паркеру, почтительно поинтересовался: — Не позволите ли мне произвести маленький осмотр? Я мог бы без труда запустить винт.

— Вы? — удивился капитан.

— Да, месье, но только при неперменной свободе действий, одного-двух бочонков гудрона, бутылки спирта, пилы и топора.

— Все это к вашим услугам.

— Ну, тогда за дело!

Фрике быстро повернулся на каблуках, подошел к Пьеру, и оба с таким видом, как будто корабельные неполадки для них плевое дело, принялись выискивать необходимые для работы инструменты.

— Господи! Да это просто, как дважды два. Пила, топор, немного гудрона — и дело сделано, — приговаривал паренек, роясь в ящике плотника.

— Черт побери! И жарко же будет сейчас в кочегарке.

— Ничего страшного. Мы запасемся пляжным зонтиком и веером.

Оба друга дружно расхохотались.

— Этот молодой человек,— говорил тем временем сэр Паркер Андре и доктору, который с заинтересованностью истинного антрополога* разглядывал отрубленную голову малайца,— удивительное создание. Какие ловкость и сноровка! А сколько у него сил! Ничто его не смущает, ничто не удивляет. Он способен выйти из любой переделки невредимым и решить самую неразрешимую проблему. Ничто не застанет его врасплох.

— Можете добавить, и вы не ошибетесь, что никогда еще в человеческой груди не билось столь благородное сердце. Виктор Гюйон, которого друзья называют Фрике,— олицетворение преданности. Несмотря на то, что он еще почти ребенок, это настоящий герой, поверьте. Я бы мог бесконечно рассказывать о его подвигах, каждый из которых составил бы славу герою и навсегда остался бы в памяти человечества. Наш друг не принадлежит сам себе. С кем бы ни случилось несчастье, он всегда может рассчитывать на помощь Фрике, а помощь такого человека, уверяю вас, дорого стоит.

— К чему уверения? Кто, как не я, имел возможность убедиться в правоте ваших слов?

— А что до его энергии и смелости, так они не знают себе равных. В семнадцать лет, один, без родителей и друзей, влекомый жадной страстью к путешествиям, он без гроша в кармане сумел обойти вокруг света. Одиссея длилась больше года. За это время Фрике спас экипаж паровой шлюпки, потерпевшей аварию в Габоне, спас жизнь доктору Ламперьеру, находящемуся здесь, вырвал из лап смерти Пьера Легалья, нашего brave матроса и вызволил из неволи этого молодого чернокожего. Теперь он путешествует с нами.

— В таком случае я знаю вашего отважного друга давно. Я читал английский перевод французской книги под названием «Кругосветное путешествие юного парижанина», но, по правде говоря, отнес на счет бурного воображения романиста рассказы о невероятных приключениях героя.

— И очень ошиблись, сэр Паркер. Мы, его друзья,

* Антрополог — ученый, занимающийся антропологией, наукой о происхождении и эволюции человека, происхождении человеческих рас и об изменениях физического строения человека

готовы под присягой подтвердить: все, что касается Фрике, абсолютно достоверно.

— Господа, мне неведомы мотивы, побудившие вас объявить войну султану Борнео. Но каковы бы они ни были, увéрен, что такие люди, как вы, руководствуются благородными и достойными целями... Думается, помощники вам не мешают. Мое состояние, мои кредиты, наконец, я сам в полном вашем распоряжении.

— Невозможно отказаться от столь лестного и благородного предложения. Но мы не вправе втягивать вас в авантюру. Увы! Это слишком рискованно и может привести к серьезным дипломатическим осложнениям... Надо соблюдать строгую секретность — от этого зависит успех нашего предприятия. Не пройдет и двух месяцев, как на границах владений султана может разразиться настоящая революция. Однажды спущенные с цепи, даяки никогда уже не захотят попасть в кабалу. Ой! Глядите, глядите! Вон там... Боже, какие милые, гостеприимные люди!.. Да это сущие демоны!

Сэр Паркер, услышав возгласы, поднял голову. То, что он увидел, привело англичанина в ужас; пока на яхте с помощью парусов гасили разбушевавшееся пламя, оба лодочника, попавшие на «Конкордию» вместе с нашими друзьями, предались своеобразному, по европейским понятиям, занятию. При виде многочисленных трупов даяки схватили свои сабли, похожие на те, с которыми никогда не расстаются папуасы, положили крест-накрест на еще дымящейся палубе и принялись исполнять диковинные танцы, довольно, впрочем, грациозные. Дикари неистово трясли ногами, руками и торсом; много раз, склоняясь к лежавшим у ног саблям, делали вид, что хотят поднять их, но замирали как бы в испуге или, точнее сказать, в суеверном ужасе.

В конце концов они действительно подняли клинки, сделали в воздухе несколько вращательных движений и стали с еще большей одержимостью прыгать вокруг поверженных пиратов. Когда предварительная церемония была закончена, даяки с жуткими криками бросились к трупам, хватая мертвецов за волосы и одним движением отсекая головы. Второй, третий...

Даяки не уgomонились, пока не отрезали головы всем убитым, не тронув только тех, кто сильно обгорел. Затем, действуя, как будто делают нечто само собой разумеющееся, они сложили отрезанные головы в кучу, словно пушечные ядра, и снова начали плясать, предварительно выкинув обезглавленные тела за борт.

Натанцевавшись вволю, оба притащили по небольшой корзине, сплетенной из тростника и украшенной человеческими волосами. Взяв по одной голове и уложив в корзину, они аккуратно прикрыли их крышками и только тогда бросили полные гордости взгляды в ту сторону, где находились опешившие белые.

В это время доктор, смолodu привыкший к подобным зрелищам, подошел поближе к зловещим трофеям. Ламперьер, в котором проснулся инстинкт ученого-антрополога, поднял одну из голов и принялся внимательно изучать ее с таким хладнокровием, будто держал в руках кокосовый орех. Глядя на это, даяки, очевидно, решили, что белые тоже испытывают слабость к подобного рода трофеям. Стараясь быть вежливыми на свой лад, они поспешили преподнести каждому по голове; держа их за волосы, даяки приветливо улыбались, а ошарашенные европейцы видели перед собой лишь искаженные смертью лица, белые глаза да разинутые рты.

Эта сцена, столь же омерзительная, сколь и неожиданная, вызвала у сэра Паркера возглас удивления.

— Я вовсе не чувствителен,— обратился он к Андре,— но все же не могу не заметить, что у ваших лодочников довольно дикie нравы. Не могли бы вы попросить их унести подальше эти, с позволения сказать, подарки?

Андре, не столь впечатлительный и, видимо, уже успевший привыкнуть к обычаю туземцев, обратился к даякам по-малайски, после чего те преспокойно отправились на верхнюю палубу, чтобы торжественно водрузить там свидетельства своей победы.

— Это и есть ваши будущие соратники и помощники? Пожалуй, у вас не будет проблем с пленными... К тому же, думаю, не придется волноваться и о тех, кого ранят в бою.

— Таковы даяки. Но имеют ли цивилизованные люди право осуждать несчастных дикарей? Разве наша история не полна кошмарных, еще более жестоких фактов? Мы не дикие племена, а совершали и совершаем куда более страшные зверства. Можно ли сравнить обезглавливание трупов (заметьте: даяки отрубили головы мертвому врагу) с религиозными войнами, сотрясавшими Францию и Германию? Помните ли вы святую инквизицию и ее холодящую кровь судебную машину? А завоевание Америки? Перу, Мексика? Непрерывные казни, массовое истребление и вековое преследование коренных жителей, у которых завоеватели отняли все. Эти «великие люди» дадут сто очков вперед даякам из Борнео, отрубателям голов.

Дикарь убивает своего врага так же, как и цивилизованный человек, с той лишь разницей, что у дикаря нет ни образования, ни воспитания, и он понятия не имеет ни о морали, ни о религии, призывающей прощать и любить ближнего.

— Вы правы. Нам надо бы в первую очередь спросить с себя, а уж потом требовать чего-то от других

— Вот-вот Мои друзья и я провели рядом с даяками около полугода. Поверьте моему слову, нигде раньше я не встречал такой честности, бескорыстности и, я сказал бы, нежности, хотя это слово, очевидно, не слишком подходит к сегодняшнему случаю. Даяки гостеприимны. Они великодушные мужья и заботливые отцы. Вот вам пример их бескорыстия, когда даяк, договорившись со своим извечным врагом, предпринимает совместную экспедицию, то всю добычу оставляет своему алчному помощнику, взяв себе лишь головы поверженных.

— Не известны ли вам истоки столь чудовищного обычая?

— Полагаю, что виной всему суеверия.. Да разве у нас не то же самое?

— А правда ли, что у даяков, как утверждают некоторые путешественники, молодой человек должен положить к ногам своей избранницы только что отрезанную голову?

— Ну, это спорное утверждение. Мне ни разу не приходилось быть свидетелем подобного. Хотя этот факт действительно имеет место в описании Лейдена Тромпа и доктора Риделя. Но вот, например, такой добросовестный исследователь, как Теммингк, отрицает существование подобного обычая. Не подтверждает этого и мадам Пфейффер*, знаменитая путешественница, чья отвага равняется ее честности. Я склонен поддержать точку зрения двух последних и вовсе не потому, что молодые девушки плохо приняли бы такого рода презент. Мой мотив прост: где смогли бы даяки отыскать столько голов, если подобное приношение обязательно должен сделать каждый жених каждой невесте?

Шум вырывающегося из клапанов пара прервал этнографические споры. Из кочегарки показался Фрике. Лицо его так закоптилось, что парижанина трудно было бы отличить от его чернокожего друга Мажесте.

— Я справился на пять минут раньше. Отведенный

* Пфейффер Ида (1797—1858) — австрийская путешественница, совершившая два кругосветных путешествия.

мне час еще не истек, не так ли? Машина под парами. Жду ваших приказаний, капитан.

— Великолепно, друг мой. Займите свой пост. Я дам вам сигнал к отплытию.

Взяв рупор, сэр Паркер отдал приказ держать курс прямо на горы.

ГЛАВА 3

Царство пиратов.— Джеймс Брук — раджа Саваака.— Кровожадные бандиты и освободитель Борнео.— Как оказались здесь пятеро французов.— Похищение.— Письмо.— Тайный советник султана Борнео.— Восстание даяков.— «Конкордия».— Молчаливый механик и слишком разговорчивый помощник капитана.— Размышления доктора Ламперье-ра.— Трагедия.

Между 95° и 140° восточной долготы по Гринвичскому меридиану, между четырнадцатой северной и десятой южной параллелями (территория, насчитывающая не менее пяти миллионов квадратных километров), живут диковинные хищники, настоящие амфибии, царящие на суше и на море, чья единственная забота — отнимать нажитое тяжелым трудом.

Этот океанический рай, согреваемый серебряным экваториальным солнцем, эти орошаемые благодатными тропическими ливнями изобильные, плодородные земли с буйной листвой, дивными цветами, фруктами круглый год был бы истинно богоизбранным краем, если б малайские пираты, гроза простых тружеников, не приносили сюда несчастья, разорение и смерть.

Малайцы размножаются, как насекомые. Они отважны, хитры, неутомимы, умны, глубоко порочны и не поддаются цивилизации в том смысле, какой мы вкладываем в это слово, — им ненавистен честный, каждодневный труд во имя процветания отечества.

Население больших и малых островов состоит из производителей и хищников. Первые не покладая рук работают на земле, объединяясь вокруг европейцев, которые вместе с цивилизацией несут им благосостояние; вторые (их большинство) — кочевники, бандиты, морские пираты, завладевающие львиной долей добытого тяжелым трудом.

Нет ни одного уголка в здешних краях, ни одного

рифа, ни одной лагуны, где не скрывались бы морские стервятники, после набега которых от процветающего селения остается лишь груда мусора. Нападение, грабеж, пожар, убийство — так, с незначительными вариациями, представляют себе пираты свои общественные права.

Что касается их действий на море, то читатель мог познакомиться с ними в прошлых главах. Подобные набеги — увь! — нередки. Несмотря на усиленные действия правительства европейских государств и на старания местных властей, пиратство в Индийском океане* процветает и в наше время. Оно словно проказа, от которой нет спасения. Сможет ли кто-нибудь приостановить разбой? Найдется ли могучая рука, чтобы задавить эту проклятую стоголовую гидру? Воцарятся ли мир и покой? Смогут ли, наконец, жить без страха мирные труженики?

То, что было до сих пор не под силу целым правительствам, почти удалось одному человеку на Борнео. Это ставший раджей Саравака и заставивший пошатнуться трон самого султана Джеймс Брук. Ах, что это за человек!

Отпрыск семьи баронета Вайнера, который при Карле II был лордом-мэром Лондона, Джеймс Брук родился в 1803 году, воевал в Индии, отличился в бою и был тяжело ранен. Здоровье не позволило ему остаться в строю, он покинул армию и отправился в Калькутту, чтобы сменить обстановку и уйти от мрачной реальности Старого Света. За время путешествия по Малайскому архипелагу в голове Брука созрел план, сделавший его знаменитым. Упразднить работорговлю, положить конец пиратству, принести туземцам цивилизацию — такова триединая цель. Если и был человек, способный реализовать ее, то это Джеймс Брук. Хладнокровный, расчетливый, отнюдь не романтик, как можно было бы подумать, приняв во внимание удивительный план, бывший офицер индийской армии нашел в Борнео землю обетованную.

Вскоре Бруку смертельно надоели бесконечные препоны правительства. К счастью, он обладал огромным состоянием. Как человек трезвый и благоразумный, Джеймс на собственные средства снарядил шхуну под названием «Роялист» и на протяжении двух лет плавал по морям и океанам, готовя свой экипаж к любым случайностям, могущим встретиться во время беспощадной борьбы.

В 1838 году Брук прибыл в Саравак, где и нашел

* Неточность автора: внутренние моря Малайского архипелага относятся к Тихому океану.

раджу Муда-Хасима плененным восставшим народом. Английский путешественник великодушно оказал монарху помощь. благодаря его мудрым советам и успешным действиям мир и спокойствие воцарились в стране через полтора года. Тогда-то Брук и объявил всем разбойникам войну, войну, превратившую обыкновенного человека в легенду.

Он бороздил океан и, обходя берега Борнео, нападал внезапно и дерзко там, где, как считалось испокон веков, суда не могут пришвартоваться. Прикинувшись мирным торговым судном, Брук привлекал к себе внимание пиратов, позволял им подойти как можно ближе и наносил сокрушительный удар, доставляя разбойникам немалые хлопоты. А то еще симулировал серьезную аварию, делая вид, что не в состоянии сдвинуться с места. Пираты охотно поддавались на эту уловку, полагая, что судно, потерпевшее аварию, станет для них легкой добычей. Однако, как только они приближались, «Роялист» внезапно оживал и давал сокрушительный отпор, безжалостно уничтожая противника.

Слава непобедимого Брука росла день ото дня, и вскоре флаг «Роялиста» нагонял на пиратов такой ужас, какого, пожалуй, никогда не испытывали их собственные жертвы. Наконец-то на острове воцарилась нормальная жизнь. Раджа Муда-Хасим воздал своему спасителю высокие почести, отдав во владение Саравак и его окрестности и сделав англичанина раджей.

Победитель пиратов, признанный не только султаном, но и английским правительством, вступил во владение страной в 1841 году; его управление было не менее блестящим, чем морские победы. Столь же неподкупный, сколь и энергичный, Брук скоро добился небывалого процветания своей страны. С 1841 по 1851 год — за десять лет! — население Саравака выросло с одной тысячи пятисот до десяти тысяч человек.

Рассказы о необыкновенных подвигах и деяниях Брука дошли до самых отдаленных и глухих уголков этого края. Еще и сегодня даяки вспоминают раджу Саравака как освободителя, как человека, уравнившего их в правах с малайцами, чьими рабами они были до тех пор, пока не появился в этих землях неустрашимый англичанин.

Имя Брука нагоняло страх на морских бандитов и служило защитой индо-малайскому острову. Торговец мог спокойно вести свое дело; моряк не боялся, что судно его вот-вот потопят разбойники; рабочий трудился на сурьмя-

ных, золотых, алмазных копиях, крестьянин получил в аренду землю и не боялся за завтрашний день, как раньше. Помимо сказанного, английскому радже удалось также решить, казалось бы неразрешимую, проблему налогов. Так, оброк с крестьянского хозяйства уменьшили в несколько раз, а рабочих и вовсе освободили от оброков.

Совершенно естественно, что процветание, явившееся результатом мудрой политики, породило массу завистников. Ревнители порядка, травившие австралийцев охотничьими псами и отнимавшие у китайцев опиум с помощью пушек, обвиняли европейца во всех смертных грехах, а больше всего в жестокости во время борьбы с морскими пиратами.

Брук отправился в Англию и без труда снял с себя нелепые обвинения, а затем вернулся на Борнео, где и прожил до 1856 года. После известия о поражении английской эскадры в Китае в Сараваке разразился бунт, и Брук, благодетель здешних мест, вынужден был бежать. Власть перешла к племяннику Муды-Хасима, султану Борнео.

По возвращении в Англию, пораженный лихорадкой, парализованный и без средств к существованию, Брук умер бы в нищете, если бы не его почитатели, собравшие множество подписей и накопившие сумму, позволяющую восстановить утерянное состояние.

Брук умер в 1868 году в Девоне. Он метеором пронесся по небосклону истории, доказав, как, в сущности, просто привить цивилизацию на огромных территориях, до тех пор считавшихся недоступными лучам прогресса. Его дело?.. Увы! Никто не подхватил факел из слабеющей руки умирающего. Флаг английского раджи, защитника угнетенных, не развевается больше над морем.

С 1869 по 1880 год, то есть в то самое время, когда происходят события, о которых в нашем повествовании идет речь, набеги пиратов возобновились с новой силой. Но вот что странно. малайцы, до сих пор недисциплинированные, стихийные разбойники, не ведавшие иного закона, кроме собственного каприза, стали организованнее. Можно было подумать, что у них появился руководитель. Теперь пираты имели точные сведения о том, где и когда появится тот или иной торговый корабль, пройдет наземный или речной транспорт с золотом и алмазами. Это не могло быть случайностью.

Все операции по перевозке ценных грузов держались в строжайшей тайне. Но ничего не помогало. Султан

Борнео, безвыездно засевший в своем дворце, каждый день напивался пьяным и нисколько не интересовался тем, что происходит за пределами его покоев. Он с радостью переложил все государственные заботы на человека, появившегося здесь два года назад. Этому человеку с зеленым тюрбаном на голове правитель доверился целиком и безоговорочно.

Дела шли все хуже и хуже, к вящей радости разбойников. Со смерти раджи Брука каждый день становился для них праздником. Такова была ситуация в этих некогда столь благословенных землях, когда пятеро французов оказались рядом с осажденной яхтой и пришли ей на помощь.

Друзья очутились тут не случайно. Вспомним ужасную весть, полученную Пьером и Фрике, когда им все-таки удалось вернуться на Суматру; приемная дочь Андре, ради которой и копилось богатство, стала жертвой катастрофы,— Мэдж украли бывшие сообщники ее недостойного отца, те самые пираты, которые, как надеялись, давно канули в небытие.

Один из матросов с голландского судна принес как-то раз записку. Принесший послание человек некогда работал на плантациях и сохранил искреннюю привязанность к бывшим своим хозяевам. Будучи на Борнео, он случайно в присутствии некой мулатки сказал что-то о плантаторах-путешественниках. Мулатка проявила вдруг к нему необыкновенный интерес и назначила свидание на следующий день. Она доверила ему записку, умоляя доставить лично и держать все в секрете. У нее не было денег, чтобы расплатиться, и в благодарность посланец получил крошечные золотые часы изящной работы (часы принадлежали Мэдж — подарок Андре, сделанный в лучшие времена). Затем мулатка исчезла, напомнив о необходимости хранить тайну и добраться до Суматры как можно скорее.

Матрос, человек терпеливый и преданный, как может быть предан тот, в чьем сердце сохранились доброта и привязанность, решил искать корабль, идущий на Суматру. Ему без особого труда удалось найти такое судно. Он добросовестно выполнил поручение.

Записка гласила:

«Пользуюсь случаем, быть может, единственным, чтобы дать знать о себе. Меня препроводили к мадам Л... согласно письму, написанному и подписанному вами. Из Марселя я выехала с компаньонкой. По приезде на Борнео меня полностью

лишили свободы, так что нет ни малейшей надежды на связь с внешним миром.

Бог мой! Чего от меня хотят? Я во дворце султана, в крепости. Здесь есть человек, европеец, чье пристальное внимание ужасает меня. Он хорошо знал моего отца, и тем не менее я боюсь его. Есть ли у него дурные намерения? Не знаю. Но разве меня стали бы заманивать сюда нечестным способом, если б у них не было преступных планов?

Мне сказали, что я никогда больше не должна видеть вас! Друзья мои, помогите. Помогите, если любите меня!

Мэдж

Р. С. Этого человека называют здесь Хасаном, но мне удалось узнать его настоящее имя — Винсент Бускарен»

Имя похитителя стало откровением для Андре, — он знал Бускарена как человека, беззаветно преданного главе морских разбойников, рассеянных, но не уничтоженных капитаном Флаксаном.

Читатель имел возможность не раз убедиться в том, что наши французы были людьми дела. План возник молниеносно. Андре за бесценок продал свое хозяйство на Суматре и, получив наличными, отправился в Сингапур, где было приобретено полное обмундирование для пятерых и отличные карабины, которые англичане предпочитают всякому иному оружию.

Друзья встретились в небольшом городке на юге Борнео. Первое же путешествие во владения султана показало, что девушку голыми руками не выручить. Для начала необходимо как-то связаться с ней, а это было непросто. Пришлось хитрить, не привлекая к себе внимания, и выжидать, пока представится удобный случай.

Тем временем среди независимых даяков назревало восстание, ибо султан хотел навязать им такие повинности, каких они до сих пор не знали. Андре быстро сообразил, что ему и его товарищам представляется счастливый случай действовать. Не колеблясь ни минуты, друзья ринулись в самую гущу движения; посещая мятежные племена, они всеми средствами раздували пламя восстания.

Великолепное знание малайского языка позволило Андре возглавить восставших, бесконечно тронутых тем, что европейца волновали их проблемы, и вспоминавших о старых добрых временах героического раджи Брука.

Природная храбрость позволяла крошечным отрядам

атаковать регулярные войска султана и наносить им серьезные поражения. Возвращаясь из подобного похода, подготавливающего почву для решительных действий, пятеро друзей и встретили яхту сэра Паркера.

Сэр Паркер, владелец солидного состояния, страстный яхтсмен, приехал из Англии на Борнео навестить брата, управляющего на небольшом острове. Тому, кто знает, как легки на подъем жители Соединенного Королевства, такое путешествие вовсе не покажется странным. Для англичанина этот путь — все равно что регата в Ницце, с той, быть может, разницей, что сигнальные пистолеты пришлось заменить настоящими. Яхта, умело построенная и прекрасно оборудованная для длительных путешествий, легко перенесла испытания.

«Конкордия» насчитывала сорок пять метров в длину, почти восемь — в ширину и была снабжена машиной в семьдесят две лошадиные силы. В трюме ее хранилось семьдесят бочонков с углем. Скорость яхты достигала десяти узлов в час, а топлива расходовалось всего четыре бочонка в день. Однако владелец яхты — впрочем, дилетант в парусном плавании — использовал паровую машину лишь при полном штиле или встречном ветре. Судно почти постоянно шло под парусами и обнаруживало исключительно мореходные качества.

Сэр Паркер, как некогда и Джеймс Брук, очарованный богатством и изобилием Борнео, решил там обосноваться. Идея начать жизнь плантатора и солдата вполне соответствовала его характеру. Англичанин не чужд был авантюризма. Он плыл вдоль берегов острова, ища подходящее место. Тут-то его и настигло несчастье. Дальнейшее читателю известно...

Пиратов больше не было видно. «Конкордия» на малых парах шла вдоль берега. Управлял движением сам капитан; он стоял рядом с рулевым, постоянно сверяясь с морской картой. Глубина была не больше восьми саженей, и сэр Паркер решил пройти на расстоянии двух кабельтовых от берега и дать пушечный залп из сигнальной пушки. Пороховой дым над палубой еще не успел рассеяться, а на берегу уже показался белый флажок, вслед за которым последовал и ружейный выстрел, что несказанно обрадовало англичанина.

— Хвала Господу! — произнес он. — Наши люди живы!

Вскоре показалась большая, шедшая на приличной скорости лодка с девятью пассажирами на борту. Вновь

прибывшие, спрятавшиеся в прибрежных зарослях и оттуда наблюдавшие за кровавым сражением, наконец взобрлись на борт яхты, громким «ура» выказывая свою радость. Они, похоже, никак не ожидали такого исхода. Радость перемешалась с любопытством при виде тех, чья помощь и находчивость способствовали успеху дела.

Несмотря на свою чисто английскую сдержанность, сэр Паркер встретил помощника капитана жарким рукопожатием и обратился с сердечными словами к тем, кого не чаял уже увидеть в живых. Был, однако, все же некий диссонанс в общих восторженных восклицаниях и поздравлениях; механик, детина метра в два ростом, с довольно грубым, почти целиком заросшим бородой лицом и мощным, как у канадского ореха, торсом держался особняком,— он мрачно поприветствовал всех, закурил и спустился в машинное отделение.

— Наш храбрец Кеннеди не очень-то общителен,— с улыбкой заметил сэр Паркер.— Впрочем, я знаю его совсем недавно. Он на борту всего две недели. Мой механик внезапно заболел... И все же эти янки — отважные люди, хотя с виду похожи не то на лошадей, не то на крокодилов, в чем и сами охотно сознаются.

Насколько неприветлив был механик, настолько же мил оказался помощник капитана. До такой степени, что его чрезмерная вежливость становилась даже навязчивой и подозрительной. У него была странная манера коверкать английский язык; помесь итальянских и провансальских фраз до такой степени запутывала и делала бессвязной речь, что, несмотря на свою марсельскую выдержку, доктор начал терять терпение, слушая эту сборную солянку.

— Послушайте,— начал он наконец с обычной своей прямоотой,— в моей стране ни для кого не составит труда изощряться в языке великого Шекспира; я, к вашему сведению,— француз, и более того — марселец. Если хотите, можно перейти на родной язык. Ведь если я не ошибаюсь, вы имели честь появиться на свет где-нибудь недалеко от...

— Синьор Пизани родом из Генуи, дорогой доктор,— прервал его сэр Паркер.

— Он такой же генуэзец, как вы или я,— запротестовал доктор. Испугавшись собственного напора, он было остановился, но потом все же добавил: — Если синьор Пизани не настоящий любитель чесночного супа, пусть меня разжалуют в санитары третьего класса.

— Это отменный моряк,— отвечал хозяин яхты.— По-

мощником капитана был боцман, и встреча с синьором Пизани стала для меня большой удачей.

Доктор почтительно поклонился, а так называемый генуэзец, после невыносимо долгих приветствий, отправился в свою каюту

Вскоре Андре и морской хирург остались вдвоем. Фрике, передав бразды правления механику, поднялся на палубу. Он был весь черный и мокрый от пота

— Уфф! — выдохнул он, присаживаясь рядом с друзьями. — Вахта закончена. Боже, Боже! Ну и занятие. Я рад, что нашлась замена. А преемничек-то у меня каков! О-ля-ля! Что за голова! Настоящий медведь! Пришел, отдал мне все ноги и принялся за дело, не проронив и слова. Я, знаете ли, не привык к такому обращению. В былые времена ваш покорный слуга, конечно, оттащал бы его за бороду, но теперь, став джентльменом, не могу позволить себе подобного.

— Оставь, парень! — отозвался доктор. Остроумие приемного сына явно радовало его. — Гляди-ка. — Он кивнул в сторону помощника капитана. — Наш якобы генуэзец нынче что-то уж очень печален. Кучерявые вообще таковы, — уж если веселы, так веселее не бывает, а коли загрустили, так мрачнее тучи.

— Совершенно с вами согласен, этот человек — не итальянец. Я знаю итальянский, как французский. Изучал все диалекты, включая и генуэзский. Он не так произносит некоторые слоги, что в других обстоятельствах мы бы и не заметили, но сегодня надо быть предельно осмотрительными.

— Черт побери! — сказал доктор, охваченный все возрастающим беспокойством. — Я вижу этого малого не в первый раз. Даю голову на отсечение, мы с ним уже встречались, но где?.. Синьор Пизани молод (ему лет тридцать), смуглый, волосы черные, борода клинышком, нос вздернутый, как у ищейки. Все это не так уж характерно. Так же обращают на себя внимание его светло-голубые глаза, подобное несоответствие между пигментацией кожи и цветом глаз должно было привлечь мое внимание и раньше... Ладно, поживем — увидим.

Человек, о котором так много говорили, присутствовал на обеде, устроенном капитаном в честь пассажиров «Конкордии». Главной темой разговора было, естественно, утреннее происшествие. Снова заверив французов в своей благодарности и признательности, сэр Паркер повторил, что хотел бы иметь с ними общее дело.

— Что бы ни было, господа, я с вами душой и телом, я готов любить ваших друзей и драться с вашими врагами. Вы задумали благородное дело, и мое правительство не станет осуждать меня, если мы соединим наши силы. Завтра у нас первый военный совет.

К несчастью, страшная катастрофа разрушила все планы. Ночь пятеро друзей провели в салоне, специально оборудованном для них капитаном. Прекрасно выспавшись, французы утром отправились поблагодарить гостеприимного хозяина.

Андре постучал в дверь каюты сэра Паркера и, против ожидания, не получил ответа. Он постучал сильнее — никакого отклика. Постарался открыть дверь, но тщетно, она была заперта изнутри. Серьезно обеспокоенный, молодой человек спросил слугу, видел ли он сегодня капитана. Получив отрицательный ответ, Андре обратился к помощнику капитана, поставив его в известность о странном происшествии. Теперь Пьер решил постучать в дверь каюты, да с такой силой, что стук разнесся по всей округе.

Явился матрос с топором и взломал дверь. В комнате не было ни малейших следов беспорядка, бортовой иллюминатор* открыт настежь, кисейная занавеска у кровати плотно задвинута. Доктор поспешил войти первым. Он отдернул занавеску... Сэр Паркер лежал на кровати с широко открытыми глазами и с пеной у рта.

Все было кончено. Труп уже успел окоченеть.

ГЛАВА 4

Подозрения.— Ищи, кому выгодно.— Приспущенный флаг.— Карантин.— Что представляет собой синьор Пизани.— Хозяин знает все.— Почему яхта «Конкордия» должна была стать добычей пиратов.— Тайна раскрыта.— Убийца капитана и всего экипажа.— Приказ хозяина.— Хозяин всюду.— Чудесная неуязвимость.— Неприятные четверть часа.— Набоб или бандит.— Раджа Брук ошибся.— Король ночи.

Хотя французы уже успели привыкнуть к смерти, они все же не могли несколько минут оправиться от потрясения. Почему этот благородный и могучий человек, стойко выдержавший все невзгоды, наконец, милейший и воспи-

* Иллюминатор — окно на судне

таннейший джентльмен превратился в холодный, окочевевший труп?!

Сэр Паркер вошел в жизнь наших друзей в обстоятельствах исключительно драматичных. Общая опасность, совместная борьба с кровожадными пиратами сблизила их. Отважная пятерка считала англичанина своим другом.

Несмотря на очевидность происшедшего, друзья все еще не в состоянии были поверить своим глазам. Кошмарная реальность не укладывалась в голове.

— Доктор,— потерянным голосом спросил Андре,— неужели ничего нельзя сделать? Он мертв, не так ли?

Старый морской хирург опытной рукой прощупал безжизненное тело сэра Паркера. Внимательно выслушав грудную клетку, приложив ухо к сердцу, детально изучив глазные белки, он отошел от кровати и безнадежно махнул головой.

— Ничего не поделаешь! — проговорил Ламперьер.— Медицина бессильна. Сэр Паркер мертв уже часа четыре.

Андре, Фрике и Пьер одновременно обнажили головы и молча встали у изголовья умершего. Помощник же капитана рыдал, стenal и чуть ли не бился в истерике, всячески демонстрируя, что эта потеря для него невозполнима, что в лице сэра Паркера он потерял единственную опору, своего благодетеля, едва ли не родного отца. Его выкрики странно было слышать в тишине каюты, на фоне благоговейного молчания французов. Затем помощник стремительно вышел, будто не мог долее видеть труп своего бывшего капитана, и принялся нервно ходить вдоль палубы.

— Надо заметить,— медленно проговорил доктор,— что несчастный очень страдал, минут пять, не меньше. Это не кровоизлияние, могу поклясться. Быть может, при вскрытии черепа по мозговой оболочке мы бы и смогли установить следы удушья, но у меня нет достаточной квалификации для подобного дела. Да и к чему все это?.. И тем не менее вскрытие помогло бы ответить на вопрос, стал ли сэр Паркер жертвой убийцы...

— Убийцы? — вскричал Андре.

— А почему бы и нет? Я ищу гипотезу. Если это не патология*, то, возможно, отравление... Не забывайте, что мы находимся в краю самых изощренных и сильнодействующих ядов.

* Патология — здесь. болезненные процессы в организме, отклонение от нормы.

— Но я не вижу среди членов экипажа никого, кому смерть несчастного сэра Паркера принесла бы пользу.

— Мы ведь никого здесь не знаем. Да и сам сэр Паркер многих узнал совсем недавно. Эта яхта — завидная добыча для негодяев.

— Мы готовы защищать ее как от внешних, так и от внутренних врагов.

— Кто знает! Быть может, именно этим нам и суждено заняться.

— Доктор, вы меня пугаете. Пожалуй, впервые за всю мою жизнь я боюсь чего-то. Наши жизни нам не принадлежат. Если вы полагаете, что здесь было совершено преступление, то как объяснить, что дверь заперта изнутри и нет ни малейших следов борьбы...

— А настезь открытый иллюминатор? Какой-нибудь тщедушный человечек вроде помощника капитана преспокойно может пролезть в это отверстие,— тихо проговорил Фрике.

— Вот о чем я и боялся заговорить, друзья мои,— отвечал доктор.— Поверьте моим предчувствиям, что чем дольше мы пробудем здесь, тем в большей опасности можем оказаться. Необходимо скорее покинуть яхту и высадиться на берег. А пока пусть никто из вас не берет в рот ни крошки съестного, ни глотка воды. Что же касается умершего, то внутренний голос говорит мне: будущее откроет нам тайну его гибели и, быть может, нам удастся отомстить убийце сэра Паркера.

Не сказав более ни слова, пятеро мужчин вернулись в салон, собрали вещи и направились просить у синьора Пизани немедленно высадить их на берег. Внезапное решение вызвало у новоиспеченного капитана удивление, которое он даже не счел нужным скрывать.

— Даже и не думайте, господа. Для вас здесь ничего не изменилось. Я буду счастлив продолжить дело нашего несчастного капитана. Нам известно, каковы были его намерения. Мы все очень обязаны вам... Вы не можете покинуть нас просто так. Вслед за моим благодетелем я говорю: ваши враги — это и наши враги.

Андре мгновенно остановил эти словоизлияния бывшего помощника капитана:

— Мы признательны вам и за оказанное гостеприимство, и за предложенную помощь, но тем не менее в данных обстоятельствах не следует забывать, что у сэра Паркера есть наследники. Яхта, которой вы всего лишь управляете, по закону принадлежит его брату. И нам кажется,

что, мягко говоря, неэтично распоряжаться чужой собственностью. Сובлаговолите организовать высадку. Мы найдем на берегу проводника, который доведет нас до голландских владений.

Синьор Пизани не сдавался, он по-прежнему старался переспорить французов, желая задержать их на борту. Понадобились общие усилия (возможно, — кто знает? — аргументом послужило внушительное вооружение), чтобы итальянец наконец согласился. Друзья заняли места в лодке, и двое даяков начали грести к берегу.

Прошла неделя, и «Конкордия» с приспущенным флагом и желтой эмблемой на мачте, означавшей, что на борту заразная болезнь, бросила якорь в виду острова Борнео.

Множество малайских лодчонок, обычно кружащих возле остановившихся здесь судов, завидев зловещую эмблему карантина, поспешно отходили подальше от судна, мало заботясь о том, чтобы установить связь с зараженным экипажем. Надо сказать, не только малайцы, но и представители местных властей не спешили вступать в контакт с «Конкордией».

Всяческие сношения с зараженными строго-настрого запрещены. Нарушителя ждут суровые меры. Яхта получит свежие продукты, общение будет происходить по понтону, как предписано инструкцией. Скоро ночь, одна из бесконечных экваториальных ночей — душных и темных настолько, что кажется, будто весь мир укутан в черный бархат.

Несмотря на категорический запрет санитарных служб, — запрет, который европейские советники умеют заставить уважать даже султана, — большая лодка с несколькими малайцами на борту покинула рейд и приблизилась к яхте, словно уснувшей на неподвижных волнах. Хотя не видно было ни зги, малайцы будто инстинктивно чувствовали, как именно расположена «Конкордия». Послышался свист. Затем, обменявшись на первый взгляд ничего не значащими словами, которые, вне всякого сомнения, служили паролем, с яхты сбросили трап. Один из тех, кто правил лодкой, поднялся на борт, и человек, чей характерный акцент выдавал синьора Пизани, подал ему руку.

— Хозяин с тобой? — спросил он обеспокоенно.

— Быть может... — уклончиво отвечал незнакомец. — Хозяин везде, он слышит и видит все... Его приказания исполнены?

— Да, однако не обошлось без трудностей. В последний момент на борту появились пятеро ненормальных. Сущие дьяволы. Они перебили добрую четверть наших людей.

— Какое имеет значение, сколько народу погибло? Ты сделал свое дело. Рассказывай, но будь краток. Хозяин хочет знать все.

— Засада была подготовлена. Наши малайцы ждали, рассеявшись вдоль берега. Они заманили яхту на мель и собирались захватить ее. К этому времени я устроил так, что на борту не осталось угля. Мне удалось убедить капитана отослать на берег большинство матросов, якобы для того, чтобы собрать дров. После долгих колебаний он все-таки согласился, и с ним осталось всего пять человек. Все шло прекрасно. Наши пошли на абордаж, но вдруг откуда ни возьмись появились пятеро французов, вооруженные до зубов. Должен признать, что быют они без промаха, да и сила у каждого как у троих. самые крепкие из наших не смогли устоять. Словом, французы отбили атаку

— Впятером? — недоверчиво спросил незнакомец.

— Ты бы посмотрел на них! Они стояли целого полка. Им удавалось все: и борьба, и тушение пожара, и парусный маневр... Они даже машину смогли завести. Я видел все это с берега, и мне, признаюсь, стало не по себе. Малайцы отступили, и мы вынуждены были вернуться на борт, чтобы избежать подозрений. Так как у меня было четкое задание завладеть яхтой, я решил действовать энергично и быстро. Словом, сэр Паркер умер в ту же ночь...

— Ты убил его?

— В таких вещах не признаются, даже лучшим друзьям. Короче, он умер. Это главное.

— Хорошо!

— Я принял командование по всем правилам и повел яхту в прибрежные воды.

— А экипаж?

— Разве ты не заметил желтый флажок?

— Да. Это означает, что на яхте карантин.

— На борту желтая лихорадка

— Желтая лихорадка?

— Или другая смертельная болезнь... какая разница.

— Не понимаю.

— Ты не слишком понятлив.

— Говори, я здесь представляю хозяина

— Не кажется ли тебе, что ты выбрал не очень подходящий тон? Мне это может не понравиться.

— Повторяю, будь краток. Я должен вернуться через час

— Как помнится, захват яхты малайцами имел целью отвести подозрения от истинных руководителей этого дела. Важно, чтобы власти не узнали, что корабль попал во владения европейцев. Все было бы нормально, если бы операция удалась. Английский экипаж целиком перерезали бы, за исключением помощника капитана и механика. Мы бы сформировали из малайцев новый экипаж, подходящий для дальнейших действий, и преспокойно бы занимались своим делом на судне, которое нам ничего не стоило. Но атаку отбили, сэр Паркер умер, нужно было чтоб матросы экипажа исчезли один за другим... Так что на борту свирепствует желтая лихорадка, и, честное слово, все, кроме Джима Кеннеди и меня, мертвы. Двое последних, необходимых нам для безопасных маневров, отдали Богу душу сразу после того, как выполнили свои функции.

— Они умерли так же, как и сэр Паркер...

— Конечно.

— И французы, естественно, тоже.

— Увы! Нет.

— Черт побери! Ты упустил их! Они должны умереть. Этого требует наша безопасность.

— Невозможно!

— Почему?

— Потому, что они, вероятно, уже давно под защитой голландских властей. Впрочем, лишняя предосторожность,— эти парни способны постоять за себя сами

— Следовало схватить их во что бы то ни стало

— О! Нам это было не под силу.. Пришлось высадить их прежде, чем они успели попробовать мое лекарство.

— Ладно! Эти французы обречены. Они умрут

— Это все, что ты хотел сказать?

— Нет. У меня для тебя секретные распоряжения. Пойдем в твою каюту. Там поговорим... О моих спутниках не беспокойся. Это — твой новый экипаж. Шестьдесят отъявленных мерзавцев, с которыми при желании можно захватить хоть весь остров. Думаю, они уже на борту

В роскошно обставленной столовой горела лампа. Дальше располагалась спальня, принадлежавшая еще недавно несчастному сэру Паркеру. Синьор Пизани, усевшись на диван, над которым красовалась богатая коллекция холодного и огнестрельного оружия, жестом предложил гостю сесть рядом.

Незнакомец (мужчина приблизительно тридцати пяти лет, среднего роста, но хорошо сложенный) был одет как европеец, хотя фигура, лицо и характерная мимика выдавали в нем малайца. Не чистокровного, а одного из тех, в ком причудливо соединились две крови, придав им силу и ум белого, хитрость, коварство и дикие инстинкты азиата. Его чистый и правильный английский еще более оттенял ломаную речь итальянца. Незнакомец то и дело вскидывал на капитана черные глаза, отчего тому, казалось, становилось не по себе.

— Вот приказ хозяина,— начал он сразу, вынимая из кармана желтоватый листок бумаги и разворачивая его на столе.

Синьор Пизани взглянул на надпись, и лицо его изобразило гримасу недовольства. Надпись, начертанная на листке, была предельно лаконична: «Капитан «Морского короля»...»

— Что означает «Морской король»?

— Таково новое название судна. Вряд ли прилично сохранять за ним название «Конкордия»*, если принять во внимание его нынешнее назначение. Это производило бы странное впечатление.

— «Капитан «Морского короля» должен в два часа утра отправиться на остров Баламбанган и курсировать вдоль берега в ожидании дальнейших указаний». И это все? — спросил синьор Пизани.

— Все,— холодно ответил метис.

— Кто даст мне эти.. указания?

— Я.

— У тебя есть такие полномочия?

— Увидишь. А пока подчиняйся.

Мимолетный румянец, вспыхнув на лице итальянца, тут же уступил место мертвенной бледности.

— Кто здесь командует? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Капитан,— хладнокровно отвечал метис.

— А капитан — это я.

— Только в том случае, если будешь послушен, если будешь действовать, не обсуждая, и смотреть, не видя. В противном случае...

— В противном случае?..

— В противном случае придется вернуться туда, откуда ты появился...

* Конкордия (лат.) — согласие, взаимопонимание, мир.

— Бред. Послушай меня внимательно. Я уже по горло сыт рабством. Я хочу быть свободным! Судно будет готово к отплытию через час, но мы пойдем туда, куда захочу я! Мною слишком дорого заплачено за право владеть этой яхтой, хотя пролитая кровь и не очень-то тревожит мою грешную душу. Здесь на борту — миллион, миллион золотом, — карманные денежки бывшего капитана. Поделится по-братски... Если согласен, я высажу тебя на берег

— А если откажусь?..

— Я прострелю тебе голову! — выхватив револьвер, вскричал синьор Пизани.

— Исключено! — послышался насмешливый голос.

Дверь спальни отворилась, и на пороге появился человек среднего роста, со сверкающими глазами на невероятно бледном лице, с иссиня-черными волосами и бородой. Особенно же обращал на себя внимание зеленый тюрбан на его голове.

— Хозяин повсюду! Хозяин все видит! — вдохновенно проговорил метис, который и бровью не повел под дулом револьвера.

Пизани понял, что проиграл, но он был решительным человеком и, ни секунды не колеблясь, выстрелил в метиса, — пуля разнесла ему череп, мозги забрызгали стены и покрывало. Пока тело сползало вниз по дивану, убийца направил револьвер на человека в зеленом тюрбане и выстрелил прямо в грудь.

— Наконец-то моя цепь разрублена! — проговорил он тоном победителя.

— Пока нет! — ответил незнакомец, чье лицо, еще более бледное, чем в момент появления, показалось из облака порохового дыма.

Потрясенный Пизани, преодолевая страх, все же попытался выстрелить в третий раз, но не успел; неуязвимый гость молнией кинулся к дивану и мертвой хваткой сжал руку, державшую револьвер. Итальянцу пришлось отступить перед явно превосходящим его во всех отношениях противником.

— Дурак! Стрелять надо в голову. Эта шутка будет тебе дорого стоить.

Выстрелы привлекли внимание экипажа, и несколько человек появились у двери. Среди них выделялся огромным ростом механик-американец.

— Джим! — обратился к нему незнакомец.

— Я здесь, хозяин! — ответил тот с уважением, которое странно контрастировало с его обычной суровостью.

— Возьми-ка этого джентльмена. Свяжи его, но так, чтобы был цел и невредим... Чудесно! Теперь положи на диван и возвращайся к своим обязанностям.

— Есть, хозяин.

— Когда машина будет готова?

— Через четверть часа, хозяин. Топка уже зажжена.

— У тебя достаточно дров, чтобы эта посудина дошла без угля до Баламбангана?

— Да, хозяин.

— Хорошо. Скажешь мне, когда будешь готов.

— Есть, хозяин.

Механик собрался было уходить, но незнакомец жестом остановил его, пригласив войти в спальню, посреди которой стоял большой сундук, полный золотых монет.

Джим, держа в руке свою фуражку, молча стоял над сундуком, не в силах отвести взора от золота.

— Можешь взять!

— Хозяин!..

— Поторопись! Набери полную каскетку, и дело с концом. Позови боцмана, пусть он оттащит сундук на палубу и разделит содержимое поровну между всеми, кто есть на борту.

Покончив с этим, незнакомец остался наедине со связанным по рукам и ногам незадачливым синьором Пизани.

— Теперь мы вдвоем, милейший... Вы многим мне обязаны, не так ли? Бесполезно напоминать, что я снял вас с якорной цепи (помнится, она сильно сжимала вам горло). К чему говорить, что благодаря мне вы стали бы богатым, как набоб*, и могущественным, как султан. От вас требовалось лишь подчинение, лишь безоговорочная поддержка в момент, после которого каждый из нас пошел бы своей дорогой и смог бы насладиться всеми радостями жизни... Разве я нарушал когда-либо свои обязанности? Разве забирал себе слишком много, когда выпадал случай хорошенько пожить? Разве сегодня вы не богаты? Разве завтра вас не ожидало могущество? И разве не умел я уберечь своих друзей от опасности? А это, скажу откровенно, порой стоило очень и очень недешево. С вашей почтенной внешностью можно было спокойно и достойно жить в том обществе, из которого нынче мы сосем кровь. Разве вы, грязные малайцы, не стали настоящими

* Набоб — первоначально: титул правителей провинций, отколовшихся в XVIII веке от индийской империи Великих Моголов; во Франции этим словом обозначали европейца, разбогатевшего в Индии.

джентльменами?.. Но не забывайте, что всем руковожу один я, я — хозяин, я — король ночи!

Раджа Брук сумел получить княжество, объявив войну малайским пиратам. Простак! Когда он добился мира в архипелаге, ему, словно кость, бросили Саравак. К счастью, англичанин ошибся. Он не знал, что в душе каждого малайца дремлет разбойник, и вместо того, чтобы бороться с ними не на жизнь, а на смерть, их нужно объединить.

Человек, который сможет держать в повиновении этих негодяев, будет могущественнее самого султана. Наступит день, он станет богом, он будет управлять морскими пиратами, как некогда цезари управляли Римской империей. Час этот близок. Скоро король морей станет султаном Борнео.

Пизани, я сохраню за тобой имя, под которым сделал из тебя человека. Пизани, ты прощен. Помни, что говорил Идрис*, — я везде, я все вижу и все слышу. Вот приказ: ты должен отплатить. А когда запасешься углем, откроешь конверт. Не буду ничего обещать, но и угрожать тоже не буду. Подчиняйся мне.

Незнакомец снял со стены кинжал, разрезал веревки, связывавшие капитана, открыл дверь спальни и исчез. Пизани с трудом поднялся, шатаясь, словно пьяный. Стук в дверь вернул его к реальности.

— Войдите! — глухо отозвался он.

На пороге появился Джим Кеннеди.

— В чем дело, Джим?

— Капитан... машина... можно заводить...

— Заводите.

Джим Кеннеди вышел, спрашивая себя, не приснилось ли ему все происшедшее? Пизани медленно прошел через столовую и заглянул в спальню. Комната была пуста.

* Идрис — коранический персонаж, пророк и праведник, «из терпеливых», вознесенный Аллахом на «высокое место». Исследователи отождествляют его с библейским Енохом. Это благочестивый человек, обняв ангела смерти, проник в рай и был за свою верность Аллаху оставлен там или на одном из небес до дня Суда. Идрис, один из «вечно живых» исламской мифологии, был первым, кто писал каламом, шил и носил шитые одежды, узнавал судьбу по звездам и умел считать время, был знатоком древних писаний Адама и Шиса (библ. Сиф). В качестве обладателя сокровенных знаний иногда идентифицировался с Гермесом Тризмегистом.

ГЛАВА 5

Фрике и Пьер становятся полиглотами.— Изготовление патронов.— Деревня.— Возвращение партизан.— Зловещие трофеи.— Священное дерево.— Спроси оракула.— Не стоит приносить в жертву человека, если его можно заменить кабаном.— Меткий стрелок.— Пленники.— Тумонгон-Унопати.— Малайские пушки.— Легенда о слоне и дикобразе.— Всесокрушающие пули.*

— Ну, Пьер, как тебе наши милые и гостеприимные хозяева? Взгляни на Мажесте, он чувствует себя словно рыба в воде, особенно с тех пор, как стал любимчиком даяков. В этой деревне его любят все: старики и дети, женщины и мужчины... Что ты думаешь о здешней жизни?

— Наше теперешнее положение можно сравнить лишь с жизнью матроса, сошедшего на берег после трехлетнего плавания.

— И то правда! Раньше я и представить себе не мог что посреди леса, в каком-то затерянном краю, можно так чудесно проводить время.

— Да уж. Но милые даяки, гостеприимные и доброжелательные по отношению к друзьям, пожалуй, ни секунды не помедлят, если придется разрубить пополам какого-нибудь малайского бандита.

— Они верные, смелые, преданные. Господин Андре сформировал отличный корпус. К нам все время прибывают и прибывают новички. Дня не проходит, чтобы кто-то не явился с вестью, что они только и ждут сигнала.

— Если так и дальше пойдет, недели через две вспыхнет восстание... Послушай! А где же господин Андре?

— В большой хижине. У них там военный совет с Тумонгон-Унопати...

— Знаешь, ты с каждым днем удивляешь меня все больше!

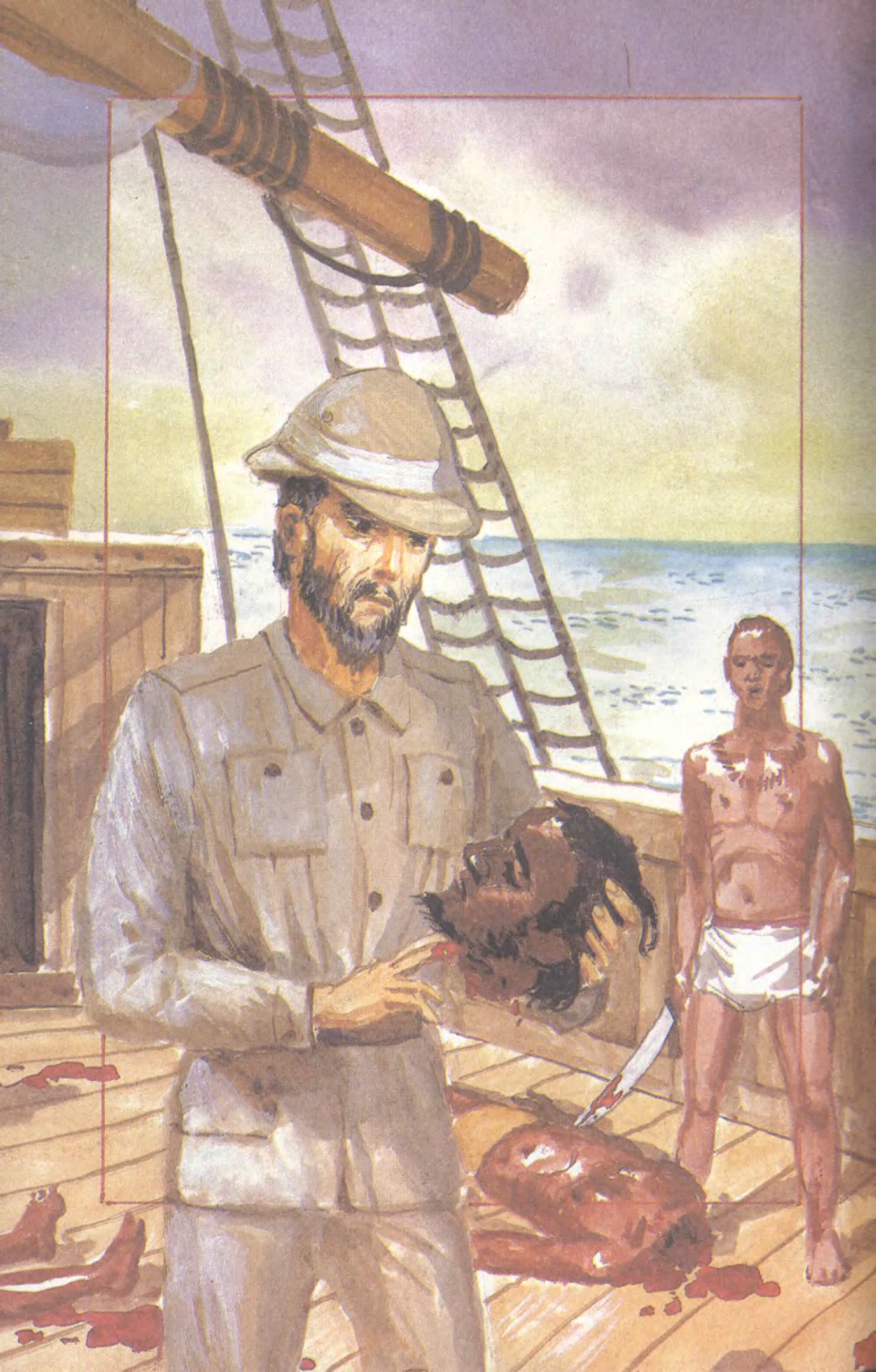
— Чем это? — улыбаясь, спросил Фрике.

— Общаясь с даяками, ты уже не только понимаешь их, но и можешь говорить на местном наречии.

— Нет занятия приятнее, чем с утра до вечера упражняться в произношении. Постепенно, сам того не замечая, все чаще и чаще переходишь с французского на язык даяков.

* Оракул — человек, все суждения которого признаются непреложной истиной, откровением.

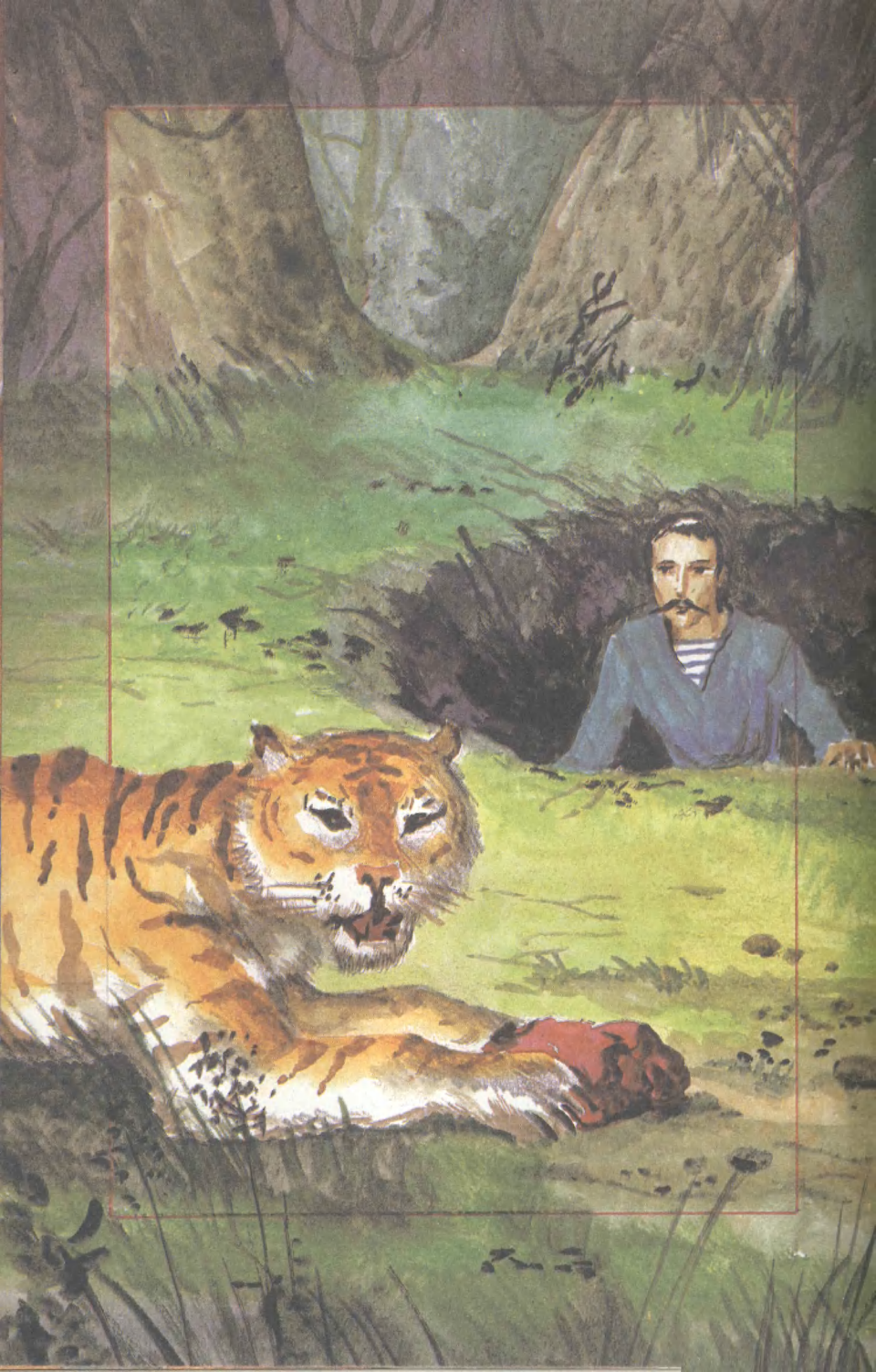

— Это точно. Я тоже начинаю понимать, что говорится вокруг. Впрочем, хватит болтать. Пора приниматься за дело. Займемся нашим арсеналом...

Закончив разговор, Пьер принялся, напевая вполголоса матросскую песенку, перезаряжать оружие. Он работал с необыкновенной тщательностью и усердием, свойственными, наверное, только матросам. Старательно засыпал порох, точно отмеряя необходимое количество и ворча на Фрике:

— Послушай! Я ведь говорил, не болтай без умолку, а лучше следи за тем, что делаешь. У меня уже все готово, а ты все еще возишься.

Устройство, над которым трудился Фрике, было предельно просто: бамбуковый вертикальный цилиндр высотой в один метр и диаметром в пятнадцать сантиметров с поршнем внутри, в нижней части цилиндра глиняная трубка в виде сопла три фута длиной. Вот и все. Но бедняга Фрике, обливаясь потом, мудрил над аппаратом.

— Наконец-то! Готово. Теперь пора,— произнес он, притащив железный котелок с расплавленным металлом.— Ничего не стоит отлить три сотни пуль. Мы заполним наши патронташи в два счета. Даже запаса не понадобится.

— Гениальная выдумка! Эти патроны нам здорово послужат... Послушай, держу пари, что наши друзья отправятся на охоту и принесут малайские головы.

Друзья не ошиблись. Радостными криками встретила деревня группу даяков, показавшихся на поляне, посреди которой и раскинулась Котта — укрепленное поселение. Туземцы построили великолепную крепость: разбить ее могла лишь пушка. Представьте себе, читатель, высокий частокол, сложенный из бревен железного дерева длиной приблизительно метров в десять, глубоко вкопанный в землю и с внутренней стороны укрепленный вторым рядом бревен длиной метра в четыре. Даже пожар не мог справиться с неприступной изгородью. В ней были просверлены бойницы, возле каждой висели заранее приготовленные арбалеты и сарбаканы с отравленными стрелами.

Рядом с высокими бревнами возвышались колья, увенчанные выточенными из дерева фигурами птиц-носорогов. В клюве у птиц виднелись человеческие головы, одни абсолютно разложившиеся, другие высохшие, словно мумии. У каждого зловещего трофея вместо глаз были вставлены белые, закрученные спиралью раковины.

Внутри цитадели ее защитники воздвигли причудливо вырезанных идолов. Сложность орнамента говорила скорее

об усердии его создателей, чем об их художественном вкусе. В самом центре, окруженном частоколом и оградой из идолов, на пятиметровых сваях возвышались хижины соединенные между собой дощатыми переходами. Независимые даяки с острова Борнео в этом смысле были похожи на всех жителей Океании, жилища которых всегда приподняты над землей.

Внизу шлепали по грязи, переругивались, пищали, блеяли, шипели домашние животные и птицы; козы, буйволы, куры, собаки, кошки, свиньи кишмя кишели в этом болоте, великолепно плодясь и размножаясь. В случае осады они становились ценным подспорьем, составляя вместе с запасаемым в изобилии рисом рацион жителей крепости.

Всюду росли высокие фруктовые деревья. Кроны их смыкались в вышине и образовывали живой покров, приносящий вкусные, ароматные плоды: кокосы, бананы, цитрусовые, саго, гарцинии*, хлебные деревья...

Пьер и Фрике, оставив на минутку свою работу, направились к маленькой потайной дверце, что служила входом пришедшим в крепость.

Прибывшие шагали по деревне с видом триумфаторов, и на всем их пути мужчины, женщины и даже маленькие дети что есть мочи кричали «Нгаяус!». Их было человек двадцать, вооруженных острыми пиками, бамбуковыми прутьями и саблями, с помощью которых эти молодцы с одного маху сносили головы врагам.

По случаю торжественного прибытия победителя украсили свои костюмы с невероятной пышностью: у одних шея и грудь были сплошь покрыты ожерельями из стекляшек; у других — из раковин, тигриных или медвежьих зубов; на ногах по колену и на руках по локоть — яркие медные браслеты. Некоторые надели на руку всего лишь один браслет, искусно сделанный из белой раковины и представлявший для дикарей неопишемую ценность. Так некоторые из наших модниц, якобы свысока смотрящих на суету вокруг драгоценностей и туалетов, однажды вдруг появляются в обществе в бриллиантовом колье стоимостью в целое состояние. Мочки ушей украшались латунными кольцами. На головах — колпаки из ярко красной ткани, с прикрепленными к ней стекляшками,

* Гарциния — род вечнозеленых деревьев и кустарников семейства клюзиевых, некоторые виды гарциний дают камедесмолу (гуммигут).

перламутром, латунными бляшками и красивыми перьями. В остальном костюмы ограничивались ситцевым лоскутком, закрывавшим бедра и лишь едва скрывавшим наготу. У всех на шеях позвякивали массивные кольца из человеческих зубов, что являлось здесь знаком отличия.

— Нгаяус!.. Нгаяус!.. — кричали встречавшие и стучали по барабанам в такт шагам триумфаторов.

Нгаяус — это небольшие отряды по пять — десять, в крайнем случае пятнадцать человек, ведущие партизанскую войну. Вольные стрелки здешних непроходимых лесов примерно на неделю покидают деревню; нападая на уединенные поселения, они уничтожают урожай, сжигают жилища, отрубая головы мужчинам и уводят в рабство женщин и детей.

Это вовсе не бандиты, как можно подумать. Наоборот, они свято чтут закон и нападают лишь на те племена, с которыми враждуют. Здесь нет места грабежу и мародерству. Единственное, что приносят войны домой после таких походов, — это победа. Обычно подобные набеги туземцы предпринимают с целью кровной мести. Быть может, это лучше и честнее, чем войны цивилизованных людей, опустошающие целые государства, уничтожающие целые народы?

Походы, которым в этих местах дали название «сарах», очень популярны среди даяков, и каждый воин не мыслит себе возвращение с позором. Только победа, только триумф!

Похоже, что на сей раз сарах оказался удачным. Маленькие плетеные корзинки, служившие даякам для переноски отрубленных голов, оставляли за собой красные кровавые следы на траве. Возвращение воинов стало настоящим праздником. Навстречу вышел базир* — шаман племени, он мерно бил в барабан, ведя за собой десятерых баядерок**, облаченных в богато украшенные жемчугом и золотом одежды. Каждая выкрикивала что-то невнятное, толпившиеся тут же животные блеяли и ревели в ответ, так что какофония получилась ужасная.

В знак особого внимания кортеж направился к хижине, в которой устроились пятеро гостей, и французы с ужасом увидели четырех рабов, связанных по рукам и ногам, едва способных передвигаться.

* Базир (малайск.) — прозорливый.

** Баядерка — слово, не отражающее местные реалии, ибо баядерками европейцы называли храмовых танцовщиц в Индии.

Невдалеке росло высокое хвойное дерево, считавшееся здесь священным. Дикари поклонялись ему, словно оракулу. Жертвоприношение этому дереву — первое, что делалось по возвращении из похода. Но прежде надо было пустить стрелу в ошетилившуюся, словно дикобраз, хвою. Тому, кто промахнется, грозило разорение, а то и потеря головы. Удачливого же стрелка, напротив, ожидали почести и всеобщее признание. Он становился богатым, могущественным, а дом его кишел отрубленными головами.

На сей раз жертвами должны были стать четыре пленника. Андре и его друзей мутило при одной мысли об этом. Молодой человек хотел вмешаться и попросить, чтобы рабам сохранили жизнь, но его остановил базир, повелительным жестом приказавший всем замолчать. Он произнес нечто вроде заклинания, подал знак европейцам, чтоб те взяли карабины и стреляли в хвойную купу.

Попасть в такую цель — игрушки для истинного стрелка. Цель была повержена ко всеобщему ликованию. Четверых несчастных поставили у подножия дерева, а рядом положили четырех кабанов. Из строя вышли четверо воинов с саблями. Базир поднял руку. Клинки взвились и в мгновение ока обрушились на связанных животных.

Кровь брызнула и полилась рекой, пропитывая землю вокруг священного дерева. Европейцы обрадовались тому, что страшная церемония окончилась довольно мирно, и кинулись развязывать ошалевших рабов, которым, кажется, до сих пор не верилось, что их головы еще на плечах.

Четверо малайцев с раскосыми глазами и желтыми, неприятными лицами озирались вокруг, словно загнанные в западню зверьки, и не могли понять, чем объяснить неожиданное великодушие. Базир снизошел до того, что решил растолковать им происшедшее: белые умолили оракула, и в этом вся причина.

— Я благодарю тебя, базир,— сказал Андре, понявший все, о чем говорил шаман.— Тебе, очевидно, неизвестно, что мы никогда не убиваем пленных.

— Но ведь их проще убить, когда они безоружны, чем когда вооружены и могут защищаться.

— Наверное, ты прав, но это не в наших правилах. Люди моей расы так не поступают.

— Дело твое,— заключил озадаченный подобными доводами базир.

Когда все закончилось, по кругу пустили котелок с рисовой водкой. Все жители деревни, стар и мал, пили без

ограничений. Легко представить себе, каков был результат. Когда все опьянели, воины открыли корзины и достали оттуда отрубленные головы. Они плевали в искаженные гримасами ужаса и боли лица, а затем швыряли свои трофеи к подножию священного дерева. Следившие за этим женщины и дети, обычно такие спокойные, смотрели на происходящее с достаточно свирепым выражением лиц.

Затем, вставив в глазницы спиралеобразные раковины, головы подвесили за волосы на ветви дерева. Наконец церемония завершилась. Еле живые от отвращения, европейцы вернулись к себе. В этот момент один из воинов подошел к Андре и позвал его к Тумонгон-Унопати, тот срочно хотел о чем-то поговорить.

Тумонгон-Унопати — вождь, предводитель гарнизона крепости. Он стоял во главе сараха в последнем походе и должен был отчитаться перед своим белым другом. Унопати, казалось, был чем-то озабочен. После предусмотренных этикетом приветствий и теплого рукопожатия Андре решил прервать затянувшееся молчание.

— Ты — настоящий воин, и твои даяки — молодцы.

— Белые тоже храбрые, — с достоинством ответил Тумонгон-Унопати. — Но наши враги хорошо вооружены, у них есть ружья величиной со взрослого мужчину. — Андре улыбнулся, но вождь продолжал: — Да-да, они гремят, точно гром небесный, а их пули величиной с кулак.

— Да, я знаю, — рассмеялся Андре, — это называется пушки. Но, уверяю тебя, мы справимся.

— Ошибаешься, мой бледнолицый друг. Смотри!

С этими словами вождь достал из своей корзины круглое ядро весом не менее двух кило и протянул его своему собеседнику.

— Я видел, — продолжал он, — командира солдат султана. Он показывал мне свой лагерь. Меня принимали с почестями. Он позвал солдат и приказал стрелять из пушки. Она весит столько, что десять дюжих молодцов не могли сдвинуть ее с места. Залп был ужасен, я думал, что мои уши никогда уже больше не услышат лепетания ребенка. Потом командир сказал. «Тумонгон-Унопати, ты видишь мощь моей армии, возьми этот кусок железа, покажи своим воинам и скажи, что они не могут ничего сделать против меня». Я опасаясь за своих людей, которых мои бледнолицые друзья хотят послать под огонь султанского воинства. Что с нами станет?

— Успокойся, Унопати. Я сейчас же докажу тебе, что наша армия не слабее армии султана. Пойдем!

Приведя дикаря в свою хижину, Андре открыл спрятанный под обрывком кожи маленький ящичек; внутри ящичек был обит медью, а крышка крепилась на каучуковой прокладке, что делало его абсолютно непроницаемым. Внутри находилась приблизительно тысяча цилиндрических пуль, покрытых слоем сурика. Взяв одну из них, Андре подозвал Пьера и попросил его наполнить пулю порохом.

Когда все было сделано, Андре зарядил карабин.

— Ты полагаешь, что командиру малайцев под силу пробить своими пушками железное дерево?

— Нет,— отвечал даяк,— воинам султана это не под силу.

— Хорошо! Ты, стало быть, считаешь, что частокол, окружающий крепость, непроницаем для орудий. Я же обещаю, что пробью его с первого же удара.

— Вот этим оружием толщиной с палец?

— Да.

Тумонгон недоверчиво улыбнулся.

— Скажи, когда лес погружается в ночь, когда обезьяны-ревуны* оглушительно кричат во тьме, когда птицы гомоном своим заглушают гром небес, испытываешь ли ты чувство страха? — продолжал Андре.

— Нет. Даже малые дети не боятся этих звуков.

— А когда ты слышишь шуршание змей в траве...

— Я боюсь и ищу глазами место, где притаилась ядовитая гадина.

— Хорошо. То, что показал тебе командир малайских солдат,— это всего лишь крик обезьян-ревунов или ночной гомон птиц. Послушай же теперь шуршание ядовитой змеи.

Сказав это, Андре вскинул карабин и выстрелил, почти не целясь. Раздался пронзительный звук, затем свист. Пуля попала в столб приблизительно на высоте одного метра от земли, и он тут же рухнул, разлетевшись в щепу.

Ошарашенный даяк не верил своим глазам. Он глядел на упавший столб и не мог произнести ни слова.

— Хочешь, чтобы я и мои друзья сделали в частоколе брешу, сквозь которые смогут пройти сразу десять человек?

* Несколько неожиданное обращение Андре. Во-первых, обезьяны-ревуны относятся к семейству широконосых, которое распространено только в Южной Америке. Во-вторых, рев этих животных можно слышать при восходе и закате солнца, но никак не ночью.

— Нет, мой бледнолицый друг, я верю тебе. Мы победим врага. А теперь послушай меня. Много лет назад из-за моря пришел слон, чтобы объявить войну животным острова. Чтобы доказать им, насколько он силен и могуч, и чтобы напугать их заранее, он послал впереди себя гонца, который нес слоновый клык. При виде огромного клыка животных и впрямь обуял ужас. «Ах, до чего же силен слон!» — думали они. Но тут появился дикобраз. Он велел животным принять вызов слона и послать врагу одну из его колючек, чтобы тот призадумался, какой силой должен обладать зверь, покрытый такими колючками. Слон попался на удочку и с позором повернул назад, не решившись напасть.

— Мудрая притча, но что ты хочешь делать?

— Я полагаю, нужно послать командиру малайцев гонца с разрушительной пулей.

— Сомневаюсь, что она произведет на него то же впечатление, что игла дикобраза на слона. По-моему, лучше будет послать ему кусок дерева, разбитого этой пулей. Четверо пленных малайцев были свидетелями происшедшего. Думаю, они с радостью отправятся к своим и расскажут об увиденном. Кто знает, быть может, узнав, что их здесь ожидает, воины султана откажутся от похода, который не принесет им ни победы, ни пользы.

ГЛАВА 6

Государство султана Борнео.— Индо-малайский остров.— Почему грустил Тумонгон-Унопати.— Гибель и погребение собаки.— Легенда о Патти-Палангкенг.— Пантах.— Зловещие предзнаменования.— Золотоискатели Борнео.— Бурная ночь.— Фрике выходит на прогулку.— Парижанин не уступит героям Майн Рида и Купера.— Запах бетеля.— Засада.— Тревога! — Плен.

Узнав о коварном похищении своей приемной дочери, Андре Бревани и не подумал обратиться за помощью к представителям европейской цивилизации в Борнео. Ему слишком хорошо была известна та медлительность, с которой действуют местные власти, вместо оружия предпочитающие дипломатические переговоры.

Если бы Андре был голландцем или англичанином, он смог бы предупредить свое правительство о предпринимаемых им и его друзьями действиях. Но англичане нахо-

дились лишь на подступах к малайскому острову, а после смерти Брука их власть здесь стала намного слабее. Что же касается голландцев, то они, рассеянные по обширной территории своих владений, и так достаточно уже сделали для поддержания престижа собственного флага.

Нечего было и думать о том, чтобы получить разрешение пересечь с оружием в руках голландские земли. Никого не интересовали истинные причины, побудившие отважную пятерку вступить в неслыханную схватку. А посему решение приняли не раздумывая и не колеблясь: друзья не будут ни у кого спрашивать дозволения и ни к кому не обратятся за помощью. Отряд пойдет вперед, через неведомые земли, пользуясь внутренними разногласиями и междоусобицами, и нападет на султана с тыла, откуда он вовсе не ожидает опасности. Вероятно, тому, кто не знаком с образом жизни сатрапов* и с их взаимоотношениями с собственными народами, этот проект покажется безумным и невыполнимым. Тем не менее сея в народе вражду и ненависть друг к другу и порождая тем самым склонность к бунту, деспот сам же раскачивает свой трон; сегодня он — могущественный монарх, а завтра может быть свергнут, сметен народным восстанием.

Андре и его друзьям во многом помогала еще жившая в народе легенда о радже Бруке. Они так же, как и легендарный англичанин, помогали слабым и боролись против малайских пиратов: светлая кожа необыкновенно поднимала их престиж. Туземцы относились к французам с той преданностью, какая отличает лишь дикарей.

Султанат Борнео раскинулся на северо-западе острова, между 7° и 2° северной широты. Ему принадлежало пятьсот километров побережья, омываемого Южно-Китайским морем, между мысами Торонг на северо-востоке и Датук на юго-западе. От голландских владений королевство отделяла гряда гор Батан-Лупар. Султан считался также сюзереном** Сибокко и Нандигара, правда, этот сюзеренитет было скорее номинальным. Несмотря на то, что на картах эти территории значились принадлежащими султану, оба принца, очевидно мало интересовавшиеся евро-

* Сатрап — в древнеперсидском царстве Ахеменидов и некоторых других древних государствах — наместник царя в провинции (сатрапии), пользовавшийся неограниченной властью. Здесь применяется в значениях: жестокий начальник, администратор-самодур, деспот

** Сюзерен — в Западной Европе в эпоху феодализма — крупный феодал (король, князь, граф и т. п.), являвшийся государем по отношению к зависимым от него вассалам.

пейской картографией, претендовали на независимость и не торопились обеспечивать воинские части, посылаемые к ним султаном.

Если бы султан довольствовался поставками камфары, перца, бамбука, ласточкиных гнезд, добычей сурьмы, золота, алмазов и других полезных ископаемых, которыми были богаты здешние земли, его столица на сваях со множеством снующих по каналам лодчонок, несмотря на небольшие размеры, стала бы второй Венецией, важнейшим торговым центром на пути из Сингапура в Китай и главным из малайских портов. Но так как у здешнего правителя была дурная манера запрещать торговлю, тогда, когда ему казалось, что его не слушают, дела шли из рук вон плохо; коммерция чахла, а с полезными ископаемыми было и того хуже, все, что оседало в руках местных племенных вождей, нещадно отбиралось и складывалось в королевские сундуки.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, а также привилегированное положение Андре и его друзей у туземцев, можно было надеяться на успешное завершение опасного предприятия. Тем не менее не в привычках Бреванна было полагаться на случай, а посему к выступлению готовились очень серьезно. Предполагалось, что, когда экспедиция поднимется на вершины Батан-Лупар, являвшиеся, как уже говорилось, границей между владениями султана и голландскими землями, наступит время подготовить пути к отступлению.

Покинув борт «Конкордии» после ужасной гибели сэра Паркера, европейцы вовсе не собирались идти на поиски голландских властей, как сказали синьору Пизани. Следуя вдоль Трусана, канала, что течет на протяжении пятидесяти километров, соединяя реки Кахаян и Мурунг, они без труда добрались до 2° южной широты. Теперь их лодка оказалась в водах широкой реки Дусона, текущей между 112° и 113° восточной долготы*.

Река брала начало на отрогах горного хребта, отходящего от гряды Батан-Лупар к юго-западу и юго-востоку, напоминая по форме утиную лапу. Первое из ответвлений носило название Сиканг, второе — Мади. У подножия хребта река делилась на пять рукавов, образуя долину

Именно здесь, на севере долины, и лежали владения Тумонгон-Унопати, граница же султаната находилась от-

* Видимо, имеется в виду река Пембуанг (Серуян).

сюда километрах в ста. Несмотря на то, что формально территории принадлежали голландцам, султан орудовал здесь по-хозяйски, устраивая налеты чуть ли не каждые два месяца. И жадный взгляд его устремлялся все дальше и дальше.

Бой продолжался уже несколько дней. Потому-то Фрике и Пьер тратили все время на пополнение боеприпасов. Пятеро друзей были полны надежд, а энтузиазм их сторонников-даяков достиг, казалось, высшей точки. Им удалось наголову разбить крупный отряд малайцев, вынужденных с позором отступить за горы Батанг-Лупар. Крошечная армия Андре, состоявшая из лучших воинов, находилась еще в четырехстах километрах от столицы, однако с такими бравыми ребятами добраться до нее было делом каких-то двух недель.

Все приготовления наконец закончились, меры предосторожности были приняты, и настала пора пускаться в путь. На тот случай, если друзьям придется разлучиться, договорились идти в сторону английских владений. У каждого при себе имелись голландская карта и компас.

Выступать решили завтра, и настроение у всех было приподнятое. Туземцы мечтали о том, что по возвращении у них не будет недостатка в отрубленных головах. Они построят пантах (небольшую квадратную площадку с плотно утоптанной землей), окруженную громадными деревянными идолами с протянутыми друг к другу руками. Один лишь Тумонгон-Унопати был печален — во время последней стычки убили его любимую собаку.

Чтобы в полной мере оценить, насколько велика эта потеря, нужно знать, что после детей, к которым даяки испытывают необыкновенную любовь, самые близкие им существа — собаки. Четвероногие пользуются здесь уважением не только при жизни, но и после смерти, считается, что у них есть душа.

По поверью наивных туземцев, собаки ведут свой род от султана всех животных Патти-Паланкена. Легенда рассказывает, что некогда жил монарх, властвовавший над всеми животными. Несмотря на смелость и силу, хитрость и ум, он был беден, не имел богатых одежд и ходил нагим. Подданные смеялись над своим королем. И вот однажды оскорбленный подобным неуважением, монарх набросился на смеявшихся над ним, разорвал их в клочья, усеял землю трупами, а оставшиеся в живых в страхе бежали. Ужасное злодеяние привело к низвержению монарха.

С тех пор он был проклят... Проклят всеми, но не человеком, который, встретив однажды бывшего короля, приласкал его, накормил, взял с собой и сделал своим лучшим другом. Сверженный монарх питал неутолимую ненависть к восставшим подданным и, мечтая о мести, все счастье своей жизни искал в охоте. Вместе с человеком они составляли великолепную пару. Потомки Патти-Паланкена, в чьих душах не иссякла ненависть к прочим животным, сохранили любовь и преданность людям и завещали ее следующим поколениям...

Тумонгон принес тело своего убитого друга в деревню, чтобы устроить ему пышные похороны. Накануне погребения неподалеку выкопали глубокую яму; надев самые роскошные украшения, даяки в полном вооружении, не произнося ни звука, выстроились вокруг могилы, на дно которой было насыпано немного риса и соли. Облаченного в драгоценные ткани пса уложили и прикрыли сверху еще одним слоем риса, перемешанного с золотым песком. Все это делалось для того, чтобы боги благосклонно приняли усопшего и пустили его душу в собачий рай.

Пока яму закапывали, присутствующие на похоронах пели монотонную погребальную песню. Унопати, установив на могиле толстый трехметровый столб, повесил на него головы оленей и кабанов, загнанных псом. Затем базир привел огромного кабана, и вождь разрубил его одним ударом сабли, окропив столб кровью.

— Здесь будет пантах! — воскликнул Тумонгон. — Отныне это место священно. Я сам принесу сюда отрубленные головы. Покойся с миром, друг мой. Мы отомстим за тебя.

С этими словами все вернулись в деревню. И только вождь, окруженный европейцами, хранил скорбное молчание. Андре выразил свое искреннее сочувствие.

— О, друг мой, смерть потомка Патти-Паланкена — великая потеря, — отвечал Тумонгон-Унопати. — Мое сердце тоскует, а губы мои не могут больше улыбаться. Эта смерть — зловещее предзнаменование. Мы победим, но одного из нас постигнет неудача.

На следующий день отряд даяков числом примерно в сто человек покинул туземную крепость, ведомый нашими друзьями. Предстояло пересечь горы и соединиться с двумя другими отрядами, идущими с северо-востока и с юго-запада; еще недавно эти воинские части подчинялись султану, но посланцы Андре убедили их перейти на сторону восставших.

После двух дней пути по крутым лощинам и болотистым оврагам, остановились на привал возле золотых копей, давно, казалось, покинутых людьми. Но пусть читатель и не думает сравнивать здешние прииски с богатейшими приисками Калифорнии, Австралии или нашей Гвианы. Хотя залежи золота в Борнео достаточно велики, способы их добычи настолько примитивны, что не идут ни в какое сравнение с принятыми в других краях. Здесь все дело ограничивается тем, что золотодобытчики вручную намывают песок.

Если на дне реки видна золотая пыль или песок, туземцы размещаются на плоту, к которому крепится некое подобие решета на длинном деревянном пруте. Нехитрый механизм опускают на глубину, после чего мужчины и женщины ныряют вслед за решетом, наполняют его песком со дна реки, который потом терпеливо промывают. Если же золото жильное, то его добывают так же, как некогда первые поселенцы Австралии и Калифорнии — с помощью кирки и лопаты. Но, несмотря на несовершенство способа добычи, урожай получается неплохой. Если бы не поборы местных властей, то любой из здешних золотонискателей мог бы, пожалуй, стать богатым, как какой-нибудь раджа, а то и сам султан.

Между тем неожиданно наступила ночь. Все лесные звуки моментально умолкли, и даже свет звезд не проникал под кроны спящих деревьев. Растения вокруг как будто оцепенели. В темноте их очертания напоминали сказочных чудовищ. Приближалась ужасная буря и вся природа затаилась в ожидании.

Расставили часовых. Поначалу, в сумерках, они еще видели друг друга. Потом silvэты стали исчезать и наконец лагерь погрузился в кромешную тьму.

Фрике, обладавший кошачьим чутьем, нервничал в ожидании бури и не мог усидеть на месте. Ему казалось, что он ощущает запах приближающихся хищников.

— Как досадно, что собака Унопати погибла. Бедняга не имел себе равных, когда нужно было унюхать малайцев. Нынешние наши собаки в сравнении с ним просто недотепы. В темноте любой куст кажется человеком. Пьер сопит на всю округу, доктор посвистывает, словно у него в носу кларнет, Мажесте храпит громче их двоих вместе взятых. Да и господин Андре, похоже, спит без задних ног. Что же с моими нервами? Такое ощущение, будто по всему телу ползают тысячи москитов. Аж волосы встают

дыбом. Быть может, пройтись? А почему бы, собственно, и нет?

Сказано — сделано. Фрике тихо приподнялся, взял свой револьвер, убедился в том, что нож на месте, проверил карабин и крадучись вышел.

— Кто знает, что может здесь случиться, — бормотал он про себя. — Карабин хорош днем, но обременителен ночью, ведь его нужно держать двумя руками. То ли дело двенадцатимиллиметровый револьвер «нью-кольт». Будь ты хоть на четвереньках, а он не подведет. Ну что же, Фрике, вперед!

Волею капризной судьбы наш молодой человек прошел через множество самых невероятных испытаний и научился, помимо прочего, великолепно находить дорогу там, где, казалось бы, ее и вовсе нет. В этом он мог соперничать даже с туземцами. На первый взгляд такая чуткость для белого кажется невероятной. На самом же деле, если европеец действительно старается, то он порой превосходит самих туземцев и в хитрости, и в ловкости. Разве наши солдаты в Африке не выслеживают бедуинов, словно лучшие ищейки, а английские поселенцы в Австралии не находят следы укравшего скот, даже если он прошел здесь давно и успел отойти на сотни километров? А подвиги канадских охотников и героев Майн Рида, Купера?.. Да мало ли еще примеров знает история освоения диких земель!

Таков был и Фрике. Австралийская природа не скрывала от него своих секретов. Подобно змее пробирался он среди трав, безошибочно преодолевая преграды, переступая через корни, проскальзывая под лианами, не шурша сухими листьями, почти не дыша и не реагируя, когда рука прикасалась к рептилии или острая колючка вонзалась в кожу.

Фрике прошел метров триста. Прогулка заняла полтора часа. Он все время ходил кругами, не удаляясь, таким образом, от места стоянки более чем на сто метров. Но этого было достаточно, чтобы убедиться в том, что их небольшая армия угодила в засаду. Сомнений не было: враг где-то рядом следит за ними из темноты. Сомнения окончательно улетучились, когда совсем близко, метрах в двух от него раздался характерный звук плевок, слюна обладала едва уловимым запахом бетеля (жвачки из смеси различных трав, употребляемой для возбуждения нервной системы). А если человек жует бетель, то, значит, это малаец.

Нужно срочно вернуться в лагерь и бить тревогу. Фрике попытался пройти незамеченным тем же путем, однако внезапно могучие руки схватили его, инкогнито было раскрыто. Даже в темноте малайцы не спутали бы парижанина с одним из них, ведь на нем была одежда (разбойники ходили обнаженными). Фрике вырвался, схватил револьвер и закричал:

— Тревога! К оружию! Здесь враг!

В ответ послышались свирепые окрики, заглушаемые громом и молнией. Огненная стрела расколола небо, на мгновение осветив лес: Фрике увидел, что окружен плотным кольцом. Он попытался прорваться, но тщетно! На него накинули сеть и, связанного, потащили через лесную чащу.

ГЛАВА 7

Фрике уносят в лес — Тому, кто знает тайны индийской почты, не страшны испытания. — Побег — Западня. — Соседи. — Такие глаза могут быть только у тигра. — Мертвый олень, тигр и орангутан. — До поверхности земли четыре метра. — Царь природы дает урок царю джунглей. — Тигр — это всего лишь кот. — Сырое мясо, что может быть вкуснее? — Геркулесов труд. — Последняя капля воды. — Фрике спасает жизнь своему предку. — И вновь тигр и обезьяна.

Буря разыгралась не на шутку. Шум ветра и ливень помешали Фрике услышать долгожданные выстрелы. Неужели его друзья схвачены? Было ли у них время понять, что происходит, или же европейцы и даяки застигнуты врасплох?

Как обычно, парижанин перед лицом опасности, грозящей другим, забыл о собственном горе. Между тем его положение представлялось отнюдь не утешительным; связанный по рукам и ногам, он мертвым грузом лежал на некоем подобии носилок, которые двое малайцев то и дело спотыкаясь, уносили все дальше и дальше. Гвт всякий пришел бы в отчаяние. Но только не Фрике.

Поняв, что у разбойников на его счет есть какие-то планы (в противном случае они убили бы его сразу), парижанин решил воспользоваться, быть может, совсем краткой передышкой, предоставленной ему случаем и обдумать свое положение.

Ураган усиливался, а бег малайцев, вместо того чтобы

замедляться, наоборот, становился все быстрее. Фрике отчетливо слышал тяжелое дыхание носильщиков, довольно часто на бегу менявших друг друга. Время от времени до слуха пленника долетал разговор, из которого он разобрал лишь слово «раб».

— Раб!.. Я, парижанин, вольная птица? Ну и дела! Вы еще за это поплатитесь. Подождите, мои дорогие. Придет и мой черед.

Фрике так внезапно и быстро связали, что он не успел воспользоваться ни револьвером, ни ножом. Нападавшие умело оплели его тело веревкой, парализовав движения. На этом и успокоились. Несмотря на серьезность своего положения, Фрике мысленно улыбался.

«Погодите,— говорил он про себя,— долго меня так не продержат... Я бы рассказал вам, как учился у Робера Удена тайнам транспортировки почты в Индии, но лучше приготовлю для вас небольшой сюрприз. Надеюсь, он вам понравится».

В ранней юности Фрике упорно тренировал свое тело. Сильный, словно борец, ловкий, как клоун, он был и гибок, как акробат. Постоянные упражнения привели к тому, что парижанин научился принимать такие немыслимые позы, какие и представить-то себе нельзя. Прежде всего надо попытаться освободить хотя бы одну руку, остальное не составило бы труда. Но именно эта задача и оказалась довольно сложной,— обе руки были накрепко притянуты к туловищу. Вскоре он начал ощущать, что тело его немеет.

Набравшись сил и терпения, Фрике на протяжении двух часов постоянно напрягал и расслаблял мускулы правой руки, стараясь ослабить веревку. Мало-помалу она и вправду ослабла. Пленник осторожно освободил руку, и счастливый вздох вырвался из его груди.

— Теперь я буду свободен в каких-нибудь пятнадцать минут,— прошептал он.

Тем временем буря кончилась. Похитители бежали по-прежнему быстро. После долгих усилий Фрике наконец достал нож, медленно, не привлекая внимания, разрезал веревки и, высвободив затекшие ноги, вынул из кармана револьвер. Все это он проделал как можно спокойнее, сохраняя почти полную неподвижность.

Прыгать сразу было нельзя, пришлось подождать, пока кровь снова прильет к ногам и полностью восстановится нормальное кровообращение. Ощупав сплетенное из грубой сетки дно носилок, Фрике сразу понял, что это те

самые носилки, на которых малайцы обычно переносят добычу, взятую во время набегов: хотя их размеры довольно солидны, они почти ничего не весят.

Фрике сделал в дне прорез такой величины, чтобы свободно проскользнуть в него, спрятал нож и, раздвинув прорез, бросился на землю. Малаец, бежавший сзади, наткнулся на упавшего под ноги пленника, и от страха и неожиданности громко завопил, кинувшись прочь. Воспользовавшись моментом замешательства, беглец скрылся в зарослях кустарника. Пробежав не оборачиваясь метров двести — триста, молодой человек, спрятавшись за мощным стволом исполинского дерева, остановился перевести дух. Побег удался.

— О! Вот это дело! — Фрике расхохотался во все горло.— Повезло так повезло, ничего не скажешь. Я теперь буду смеяться долго-долго. Надо же так обвести их вокруг пальца! Кричите, кричите сколько угодно. Вам меня не найти. Однако надо подумать о возвращении в лагерь. Там уж наверняка заметили мое отсутствие. Дождь, к несчастью, смыл все следы. Здесь темно, словно в погасшей печке. Интересно, где я нахожусь и в каком направлении бежали малайцы? Фрике, мальчик мой, вы допустили серьезную ошибку, не определив вчера местонахождение лагеря... Но здесь оставаться нельзя. Надо подыскать местечко, чтобы переждать до наступления дня. Подыскать!. Я потерял север, как говорит Пьер. Словно в угольной яме сижу. Пожалуй, все-таки лучше пока остаться на месте

К сожалению, темперамент Фрике не позволял долго сидеть без дела. Он машинально кружил вокруг дерева. Казалось, что где-то совсем близко лианы и кустарники кончаются, а впереди поляна. еще несколько шагов, и ты в цели. Но вдруг земля ушла у него из-под ног; молодой человек почувствовал, что катится на дно глубокого оврага. Сильный удар, и он потерял сознание.

Обморок, должно быть, длился долго, но, когда юноша пришел в себя, стояла еще глубокая ночь. Фрике хорошо помнил, как обходил лагерь, как его похитили и как он сбежал, но на этом воспоминания обрывались. Что случилось дальше, можно было лишь предполагать. Парижанин попытался подняться и только тогда почувствовал, что едва может ступить на левую ногу.

— Этого еще не хватало! Перелома нет, но вывих серьезный. Как бы то ни было, а здесь мне долго оставаться нельзя,— продолжал молодой человек, как обычно,

разговаривая сам с собой.— Если бы мое огниво не размогло, я бы его зажег, но теперь это, пожалуй, лишь пустая трата времени. А что, если попытаться ощупью определить размеры оврага, чтобы не угодить в новую расщелину?

Француз встал на четвереньки и хотел уже было приниматься за дело, как вдруг замер, услышав какое-то урчание за спиной.

— Гляди-ка! Да тут кто-то есть,— произнес он вполголоса, обернувшись на шум. Заметив два зеленоватых огонька, неподвижных в темноте, Фрике добавил: — Ставлю трон султана Борнео против жалованья юнги, что это не светлячки.— Урчание повторилось, перейдя в грозный рык, полный гнева и страдания.— Мне известно лишь одно животное такого роста. Если не ошибаюсь, это тигр. Большая кошка. Я его не вижу, но он-то видит меня, как среди бела дня. Чудненькие глазки. Если б не темнота, я бы пристрелил его. Да уж! Мало мне приключений. Теперь ясно, что я угодил в одну из ям, служащих островам западней для хищников,— здешние жители трусоваты, а этот способ абсолютно безопасен. Слава Богу что им еще не пришло в голову усеять дно колючками. Не слишком-то охота напороться на кол из железного дерева. Положеньеице не из забавных, прямо скажем. Похоже, это временная передышка, и долго она не продлится. Полагаю, что тигр в такой же растерянности, как и я, а может быть, тоже подвернул лапу, иначе бы он вел себя не так смирно. На всякий случай надо быть начеку и устроиться от него как можно дальше.

Фрике пополз прочь, не отводя глаз от зеленых огоньков. Каково же было его удивление, когда его рука уткнулась во что-то мягкое, пушистое и дрожавшее от страха.

— Да это зверинец какой-то!

Животное издало жалобный писк.

— Нам больно... Черт побери! Если еще и тигр ранен, то мы составим миленькое трио инвалидов. А почему, собственно, я все время говорю о тигре? Сужу по глазам. Во всяком случае, надо готовиться к худшему, это не помешает. А там поглядим.

Прикосновение руки человека, очевидно, доставляло раненому животному страдание, потому что оно пыталось как можно плотнее прижаться к земле. Шевелиться зверю вероятно, было тоже тяжело: при каждом движении раздавался стон и прерывистое дыхание.

— Не могу беспокоить друзей по несчастью,— вновь

заговорил Фрике,— я пришел последним, и простая вежливость требует деликатности. Место уже было занято, так что постараюсь как-нибудь пристроиться. Ну вот... Вроде бы ничего. Жаль, что тут воды маловато. В остальном же все вполне приемлемо и даже удобно. Соседи пока что очень милы. Не шумят, не беспокоят. Если бы еще вон тот не строил мне глазки, я бы смог поспать.

Несмотря на пристальный взгляд хищника, парижанин все же задремал и проспал до тех пор, пока веселое щебетание птиц не возвестило о приходе утра. Слабый луч солнца проник на самое дно западни и разбудил Фрике. Теперь он мог убедиться, что это действительно была яма, вырытая туземцами специально для поимки хищников. Местные жители выкапывали глубокие канавы и маскировали их настилом из веток, травы и цветов. Они достигали в своем деле такого мастерства, что дикие животные попадались, как несмышлениши. Яма оказалась метра четыре в глубину и пять в ширину. К несчастью, стены не были отвесными — тогда бы их еще можно было бы преодолеть,— форма ямы напоминала пирамиду, дно шире, чем выход. Фрике загрустил: по такой стене не вылезешь.

Солнце поднялось высоко, и стало лучше видно. Он оглядел подземную тюрьму, предчувствия его не обманули. Примерно в четырех метрах, вытянув лапы и положив на них морду, лежал огромный тигр, неподвижный, словно каменное изваяние. Здешние тигры меньше по размерам и не так свирепы, как их родичи королевские тигры. Фрике тут же отметил это про себя. Неистребимый оптимизм!

— Впрочем, если даже один тигр не так кровожаден, как другой, он все же не слишком похож на ягненка... Гляди-ка, не шевелится, пусть пока спит или делает вид, что спит. Посмотрим, кто мой второй товарищ по несчастью. Боже правый! Да это обезьяна! Большая... Кажется, орангутан... Как? Тут еще и третий? Крупный олень. Бедняга, он разбился насмерть. А ведь это, по крайней мере, килограммов сто пятьдесят свежего мяса... Почему же тигр не нападает? Он наверняка голоден. Итак, в нашей уютной комнатке разговаривать умею только я один. Вы меня боитесь? Успокойтесь. Я и мухи не обижу. Глупый тигр дрожит как осиновый лист. А у обезьяны такой вид, будто она сошла с ума от страха. Но, быть может, у них сломаны лапы. Я ведь вывихнул ногу. Ну что ж, тем хуже. Они очень милы, но я ничем не смогу им помочь.

Где ж тут взять ветеринара? Остаться в этой яме дольше нельзя. Надо подумать о том, как выбраться отсюда, и побыстрее.

Несмотря на поразительную изобретательность и смекалку выработанные за годы приключений и скитаний, Фрике ровным счетом ничего не мог придумать. Соседство тигра и обезьяны его больше не беспокоило. Очевидно они пробыли здесь уже очень долго и совершенно обессилели. Ничего удивительного не было и в том, что тигр не напал на беззащитную обезьяну. В лесные ловушки порой попадают самые разные животные.

В иных обстоятельствах такая встреча неминуемо закончилась бы для одного из них трагично, но в западне хищники не трогают слабых и беззащитных целыми сутками. Го же самое происходит, к примеру, когда случается большой пожар; буйволы и пантеры, антилопы и тигры, лошади и леопарды бегут рядом, надеясь спастись от всепожирающего пламени,— общий страх, общая опасность уравнивают их между собой.

Усевшись на мертвом олене, по щиколотку в воде, Фрике силился что-либо придумать. Немного погодя он начал явственно ощущать, что голоден и хочет пить. Сделав несколько жадных глотков из лужицы на дне канавы, он взглянул на оленя.

— Сырая оленина... Дьявольски невкусно. Я еще не так голоден, чтобы дойти до этого. К тому же вид и запах крови может возбудить хищные инстинкты у моего соседа. Где гарантии, что ему не захочется вместо падали кусочек живого человеческого мяса? Правда, тут есть обезьяна, но кто мне гарантирует, что этот гурман не выберет человечину?.. Да ведь я всегда могу пустить ему пулю в лоб. По такому случаю не помешает перезарядить револьвер.

Не долго думая, Фрике занялся оружием,— вынул патроны и методично начал перезаряжать револьвер. Металлический звук потревожил тигра. Тот поднял голову и, ощерившись, зарычал на человека.

— Ах! Знаешь ли, дружище, не надо строить мне рожи. Ты, возможно, и властелин здешних лесов, но это вовсе не означает, что я буду терпеть твои штучки. Ты должен знать: человек — царь природы, венец мироздания. Хватит! Закрой пасть и заткнись!

Доводы явно показались тигру убедительными. Он снова улегся, положив голову на лапы, и замер.

Между тем парижанин начинал не на шутку беспоко-

иться. Его самые невероятные способы, самые головокружительные проекты вдребезги разбивались о наклонные стены ловушки. Сначала Фрике думал разорвать одежду и смастерить канат, который смог бы выдержать его вес. Но зацепиться было не за что. Да и разгуливать по лесу в чем мать родила как-то не хотелось: его кожа не вынесет палящих лучей экваториального солнца. Правда, можно воспользоваться шкурой оленя... И все же не за что зацепиться, не за что...

— Ну и глупец же я! — закричал он вдруг. — Столько волнений из-за пустяка. У меня есть нож величиной почти что с саблю. Клинок широк и тонок, как нож гильотины*. Мне ничего не стоит прорыть ход в земле. Можно сделать наклонную шахту, выходящую на поверхность. Здесь и дел-то всего дня на два. Вода есть, мясо есть, правда, вывихнута нога, но тут ничего не поделаешь. Займусь этим, когда выберусь отсюда. Вперед! Чем раньше примусь за работу, тем скорее окажусь наверху.

Фрике предусмотрительно вырыл ямку с другой стороны и залил ее водой, чтобы комья земли, которые будут падать на дно во время работы, не засыпали лужу и не оставили его без питья. Туда же он оттащил и оленя. На всякий случай Фрике наполнил водой и свой шлем, установив его в нише, проделанной в стене на высоте человеческого роста. Затем, стараясь не думать о еде, принялся за дело.

К счастью, оказалось, что земля в этом месте рыхлая и состоит, главным образом, из растительного перегноя, копившегося столетиями. Работа была тяжелой, но продвигалась быстро. Фрике без усталости орудовал правой рукой, нож посверкивал на солнце, а комья земли летели вниз.

В конце концов ход был прорыт и оставалось только расчистить его получше. Обрадованный Фрике принялся было карабкаться вверх, как вдруг заметил, что тигр, заинтересовавшись работой, встал и подошел совсем близко к шахте. Это несвоевременное любопытство сильно озадачило и обеспокоило парижанина.

— Приятель! Если ты будешь слишком любопытен, мы не сговоримся. Ты испортишь мне все дело. Болван! Разве не видишь, что я работаю для нас троих? Когда я выберусь через эту дыру, ты сможешь сделать то же самое... Ну,

* Гильотина — устройство для обезглавливания осужденных, изобретенное в годы Великой французской революции

давай, возвращайся на свое место... Не желаешь уходить? Ну, подожди! Сейчас посмотрим, быть может, запах пороха заставит тебя уступить.

С этими словами Фрике быстро схватил револьвер и выстрелил, но так, чтобы не задеть зверя. Попади он в тигра, тот, если окажется ранен, может разорвать его в клочья. Результат оказался — лучше не придумаешь. Оглушенный выстрелом, ослепленный вспышкой, хищник отпрянул назад и кинулся к тому месту, что облюбовал себе прежде.

Не обращая больше внимания на зверя, Фрике умиравший от голода, отрезал кусок оленьего мяса и проглотил его не прожевав. Но сердце у него было добрым: не долго думая, он отрубил оленью ногу и бросил ее притихшему тигру, приговаривая:

— Держи, обжора! Ешь и помалкивай... Мне очень жаль, бедняжка,— обратился он к обезьяне,— что ты не ешь мяса. Знаешь, когда мы выберемся отсюда, я угощу тебя всякой вкуснятиной. Ты, право, такая милая... Будь же умницей. Мне пора за работу.

Парижанин не знал усталости. Даже ночь не остановила его. Он рыл землю как одержимый. Глаза слезились от пыли, руки покрылись мозолями и едва могли держать нож, поврежденная нога доставляла ужасные страдания, но ничто не останавливало его. Странное дело! Животные будто осознавая всю важность происходящего, сидели неподвижно каждый в своем углу, ожидая освобождения.

И вот во второй раз взошло солнце. Фрике чувствовал, что час освобождения близок. Внезапно снизу раздались приглушенные крики.

— Какого черта там случилось? Неужто тигр напал на обезьяну? Надо взглянуть. Если нужно, придется спуститься. Тем более что я умираю от жажды. В моем шлеме должно еще остаться несколько капель воды.

Парижанин напрасно клеветал на тигра, так и не покидавшего своего места. Но несчастный орангутан, обезумевший от голода и жажды, катался прямо по земле в страшных муках. Фрике хорошо понимал, что чувствует в этот момент бедное животное. Он машинально поднес к губам шлем. Взгляд его упал на обезьяну, которая рассматривала человека, будто бы умоляя о помощи. Фрике наклонился и, приподняв голову орангутана, залил немного воды в пересохший рот. Зверь жадно выпил воду, ухватившись лапами за шлем и не отпуская его до тех пор, пока спасительная влага не иссякла.

— Бедная зверюшка! — ласково прошептал молодой человек. — Я так счастлив, что помог тебе... Знаешь, ученые утверждают, что человек произошел от обезьяны, а я не могу принести вред своему предку.

Пять минут спустя Фрике закончил работу. Он был спасен. Ему хватило сил, чтобы отползти на несколько шагов от шахты. Но потом усталость взяла свое, и он заснул прямо на земле.

Часа через три его разбудил сильный голод. Фрике открыл глаза, потянулся и вскрикнул от удивления. Оказалось, что тигр и орангутан, выбравшись вслед за человеком из ловушки, устроились тут же, рядом, как добрые друзья, один подле другого, будто ожидая, когда проснется парижанин

ГЛАВА 8

Хищник и его жертва. — Бесстрашие юной леди. — Кровавые преступления пиратов. — Корабли-гробы. — Английский парламент рассматривает вопрос о пиратстве. — Взрыв на бременском рейде. — Морские бандиты и корабль-призрак. — Последний разговор двух друзей. — Предсмертная воля. — Темная история капитана Флаксана. — Опекун. — Обманчивое спокойствие.

— Итак, месье, что вам угодно?

— Я хочу, чтобы вы были счастливы.

— Счастлива?!

— Именно. Пусть мне понадобится перевернуть вверх тормашками весь архипелаг, поджечь остров с четырех концов, вы будете счастливы.

— Все время одно и то же, все время насилие!

— А я добавлю: все время то же презрение ко всему, мною сказанному и сделанному

— Да!.. Мне все здесь противно и вы в том числе

— Мэдж!..

— Меня зовут мисс Флаксан!

— Мисс.. простите. О! Если бы вы знали..

— Что вы хотите, чтобы я знала? Что я — рабыня?

— О! Мисс...

— Пленница, если вам так больше нравится. Я, дочь американца и француженки! А ваш дворец для меня — тюрьма. Почему я на Борнео, а не у своих покровителей?

— Вы называете их вашими покровителями? Авантюристы...

— Довольно! Я запрещаю дурно говорить о тех, кому мой отец поручил меня, умирая. Они заменили мне семью, они трудились для того, чтобы прокормить меня, они заботились о моей душе.

— Чего же вам не хватает? Для вас я построил эти покои из кленового дерева с драгоценной инкрустацией, с панно из тика, которым позавидовал бы набоб. К вашим ногам я бросил восточные ткани и самые дорогие ковры из Франции. К вашим услугам целый сонм рабов: искусная малайка, неумолимая индианка, ласковая мавританка, преданная негритянка. Ваши драгоценности не стыдно носить королеве. Вы властвуете в городе, а если захотите, завтра будете королевой Океании!..

— Когда я была еще ребенком, красивая, молодая, но всегда бледная женщина целовала меня и плакала. Она была такой доброй и нежной, что, если при виде ее слез начинала плакать и я, она умела поцелуями вызвать улыбку на моем лице. Мы были бедны, очень бедны. Чего только она не делала, чтобы купить мне игрушку, а то и просто кусок хлеба... А потом я больше ее не видела. Ничто не могло утолить мою печаль... Помню и мужчину огромного роста, с гордым лицом. Он никогда не улыбался; он порывисто и крепко обнимал меня, как будто хотел вложить всю свою любовь в одну минуту свидания. Мой отец был моряком. И умер как моряк... в море. Вы ведь знали его... Вы слышите?

— Я слушаю вас, мисс, и спрашиваю себя, к чему вы все это говорите.

— А к тому, что моя мать, жившая и умершая в бедности, научила меня обходиться без роскоши. И еще к тому, что мой отец, один из борцов за независимость Америки, привил мне любовь к свободе... Когда он доверил меня, умирая, тому, кто был его лучшим другом, и когда этот человек, осознавая ответственность, обещал. «Твоя дочь станет моею дочерью», — я перестала быть сиротой. Мой приемный отец и его друзья, собравшиеся для того, чтобы заменить умершего, любили меня всем сердцем. Они умели быть деликатными, стараясь, однако, воспитывать меня, как того хотели бы мои родители. А вы, месье, желая мне счастья, вошли в мою жизнь непрошено, — ваш поступок не к лицу благородному человеку. Единственной радостью для меня было жить в крошечной келье с белыми стенами, а вы навязываете мне несметные богатства. Вы не можете отрицать, что ваши намерения нечестны и что забота о моем счастье — не единственное ваше беспокойство.

— Вы не раз могли убедиться в моем бесконечном

уважении к вам и в том, что это благоговение руководит всеми моими поступками.

— Не мешало бы еще, чтобы вы уважали закон.

— Мисс!..

— Знайте же, что если я не дожусь освобождения, то предпочту смерть позору!

— Вы говорите «смерть»?

— А почему бы и нет? Вы не ожидали найти во мне силы пренебречь жизнью? Знайте, что я давно уже не ребенок,— лишения и одиночество сделали меня взрослой. Те, кто заботился обо мне, сумели научить меня тому, как должна держать себя женщина в этом жестоком мире.

Та, что давала отповедь человеку, привыкшему к всеобщему почитанию, та, из уст которой он слышал неожиданные речи, была еще почти ребенком. Лет семнадцати, стройная, гибкая и с виду очень хрупкая девушка с вызовом смотрела на своего собеседника, а тот, защищаясь от ее нападков, испытывал, казалось, наслаждение. Да и немудрено: в молодом теле девушки, несмотря на утонченность сложения, чувствовалась такая же сила, какая таилась в ее душе. Голос Мэдж дрожал лишь от негодования, а если в черных как смоль глазах сверкала слеза, то внутреннее пламя немедленно высушивало ее. Необычный и пленительный контраст!

Из-под крошечной фетровой серой шляпки, украшенной белым пером, на плечи ниспадали прекрасные золотые волосы. Нежная кожа, под которой текла благородная кровь, изумляла своей свежестью, свойственной ранней молодости и еще не погасшей от житейских забот; орлиный нос, наравне с черными глазами придававший лицу решительность, и правильно очерченные губы, с чьим чистым цветом не сравнить никакие, самые драгоценные кораллы, довершали картину.

Несмотря на ранний час и на невыносимую жару, мисс Мэдж была одета в закрытое платье из тонкой серой материи с укороченной юбкой, на стройных ножках красовались кожаные ботиночки с высокими голенищами. Настоящий дорожный костюм. Она носила его все время, готовая к любым неожиданностям.

Ее собеседником был тот самый таинственный человек, чье драматическое появление на «Конкордин» так поразило синьора Пизани, тот самый, пред которым дрожали, словно малые дети, самые отъявленные бандиты архипелага. Словом, хозяин. Одетый аккуратно, на европейский манер, он отложил в сторону свой зеленый тюрбан, свиде-

тельствовавший о том, что его обладатель совершил паломничество* в Мекку, и вызывавший поэтому невероятное уважение и поклонение у мусульман Борнео.

Вопреки неукоснительной вежливости и предупредительности в обращении с девушкой он, не в силах больше сдерживать свой гнев, внезапно побледнел, но, быстро справившись со своими чувствами, вновь обрел хладнокровие, выдававшее в нем хорошо воспитанного человека. Однако его натянутая улыбка походила скорее на оскал черной пантеры. Хозяин не привык к сопротивлению и был поражен такой непреклонностью; девушка понимала, что жизнь ее поставлена на карту, и он, почувствовав это, вынужден был отступить перед силой духа своей пленницы.

Волей каких немыслимых обстоятельств два столь разных человека оказались рядом во дворце в столице Борнео? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассказать историю отца мисс Мэдж и человека, стоявшего сейчас перед ней. Постараемся быть краткими.

В 1876 и 1877 годах несчастные случаи на море стали так часты, что ни у кого уже не было сомнений: это дело рук злодеев, заинтересованных в гибели кораблей. Начались правительственные дебаты, среди прочих и в парламенте Англии, и по инициативе лорда Гранвиля состоялась международная конференция, ход которой держался в строгом секрете. «Господа,— сказал достойный государственный муж, ознакомившись с цифрами морских крушений за последние годы, цифрами, непомерно возросшими в связи с активизацией торговых перевозок,— по моему убеждению, отныне мореплавание представляет серьезную опасность для судов всех, без исключения, государств. Для большинства из нас существование морских разбойников очевидно. Позвольте ознакомить вас с некоторыми документами...»

Перечислив корабли, погибшие и пропавшие за последний период, лорд Гранвиль назвал их реальную стоимость, сведения о которой скрупулезно собирались во всех портах приписки, а затем рассказал об усилиях, предпринимаемых морскими службами, и о вопиющем несоответ-

* Паломничество (от *лат.* palma — пальма) — путешествие верующих к святым местам (у христиан — в Иерусалим, Рим, у мусульман — в Мекку и др.) в надежде на божественную помощь. Название происходит от обычая паломников привозить из Палестины пальмовую ветвь.

ствии между стоимостью судов и страховыми полисами. Эти сведения вызвали в парламенте настоящую бурю. Оказалось, что существование «кораблей-гробов», как называли их англичане, было выгодно!..

Однажды в один прекрасный день паровое торговое судно под названием «Мозель» стояло в Бремене, готовое выйти в море. Погрузка уже закончилась. Пассажиры должны были занять свои места на следующий день, оставалось только пополнить запасы угля, как вдруг на причале, где стоял «Мозель», раздался оглушительный взрыв. Четырех грузчиков разорвало на куски, еще человек двадцать — ранено, а судно получило пробойину.

Смертельно ранен был и владелец страховой кассы по имени Томас родом из Дрездена. За несколько минут до смерти он признался, что в ящиках, погруженных на борт корабля, находился динамит. Часовой механизм завели на неделю вперед, но что-то не сработало. «Мозель», застрахованный во многих компаниях на сумму, в несколько раз превышавшую его стоимость, спасся лишь благодаря случаю. Томас умер, так и не назвав сообщников.

Происшествие нарушило привычный и чрезвычайно доступный процесс, к которому принаоровились негодяи. Теперь им оставалось только брать суда на абордаж. Так появились «морские разбойники».

Ведомый энергичным и ловким капитаном, с экипажем из лучших моряков, если такое вообще можно сказать о бандитах, пиратский корабль был построен по последнему слову техники и мог в несколько часов совершенно преобразиться. Трехмачтовик с черной кормовой надстройкой и белыми бортами, он становился ночью бригом с черными бортами и серой надстройкой. В другой раз прямо на глазах крейсера он поднял паруса и пустился наутек с такой неимоверной скоростью, что только его и видели. Плавая то под американским, то под французским, то под каким-нибудь иным торговым флагом, пираты умело скрывали бортовую артиллерию: снаружи ничего нельзя было заподозрить.

И вот новый случай. Один из самых блестящих офицеров нашего морского флота, человек с громким именем, решил преследовать морских разбойников. Поддержанный министром, давшим в его распоряжение трехмачтовый крейсер, барон де Вальпре уверенно взялся за дело. Андре Бреванн, доктор Ламперьер, Пьер, Фрике и Мажесте входили в число членов экспедиции.

Штаб-квартира пиратов, эмиссары которых находи-

лись во всех концах света, располагалась в Париже. Окруженный и поддерживаемый многочисленной администрацией, директор бандитского предприятия, чьи решения были законом, официально принадлежал к числу крупнейших парижских финансовых магнатов. Он бывал в свете и вел роскошную жизнь нувориша*.

Его люди получали солидные деньги, нажитые нечестным путем, и происходили из самых различных классов общества и из самых разных стран мира; от спесивого и надменного русского до свирепого грека, от корректного и деликатного англичанина до любящего пышность и богатство бразильца, от хитрого китайца до жестокого американца. Косоглазый малаец и людоед из Новой Зеландии, работороговец с берегов Гвинеи и индус-душегуб, фанатик из Занзибара, дикарь-мальгаш, как один, беспрекословно повиновались его приказу.

Несмотря на то, что дело было налажено почти совершенно и машина работала без сбоев, барону Вальпре все же удалось поразить ее в самое сердце; случай помог ему добиться от одного из матросов с таинственного судна важных сведений, что и позволило нагнать пиратский корабль.

Разбойничье судно, метко окрещенное теми, кто за ним охотился, «хищной посудиною», скрылось в лагуне кораллового атолла. Это был, конечно, обманный маневр. Бандиты спрятались в огромной пещере, специально выдолбленной ими на случай опасности. Такие пещеры-крепости оборудовались пиратами с невиданной тщательностью и удобством.

Как известно, героизм наших моряков преодолевает любые препятствия; вскоре преследователям удалось проникнуть в пещеру. Следуя темным коридором, то и дело освещая себе путь пороховыми шашками, Андре Бреванн в конце концов очутился перед массивной деревянной дверью. Сработана она была из такого прочного тика, что Андре сломал свой топор, пытаясь ее открыть. Он уже хотел было положить под дверь мину, как вдруг дверь сама открылась настежь и на пороге в потоке света показался мужчина с револьвером в руке. Завязалась короткая и жестокая схватка. Молодой француз одержал верх и разоружил бандита. Повернув его лицом к свету, Андре в ужасе отпрянул, узнав одного из своих самых близких друзей. Это был американец Флаксан, семнадцатилетним

* Нувориш (фр.) — внезапно разбогатевший человек

юношей героически сражавшийся за Францию, опытный моряк, мудрая голова! Андре не видел его многие годы...

Нетрудно себе представить разговор двух друзей в таких необычных и печальных обстоятельствах. Американец, до глубины души тронутый великодушием своего товарища, поведал ему о том, как оказался в числе морских разбойников.

— Сейчас для меня очень важный и торжественный момент,— начал он.— Я смогу умереть, покайся в своих преступлениях. Дорога каждая секунда, послушай... Если бесстрашный моряк и бескорыстный солдат, какого ты некогда знал, стал капитаном пиратского корабля, человеком, совершившим множество кровавых злодеяний, то все это из-за того, что он сделался игроком, который был не в силах бороться со своей порочной страстью. Игра стала для меня важнее самой жизни. Я очень скоро разорился... И все играл, играл... Проигрывал громадные суммы и в конце концов должен был застрелиться. Но я колебался... из-за моей дочери.

— У тебя дочь? — прервал его Андре.

— Попробуй объясни, но я, обожая мою девочку, собирался оставить ее сиротой, без средств к существованию... Когда я готов был уже выстрелить себе в висок, случилось чудо. Появился мой удачливый партнер, очень богатый финансист. Он забрал у меня оружие и выписал вексель на очень солидную сумму, а затем и распоряжение о моем назначении капитаном одного из его кораблей.

Я не верил в происходящее. Лишне, думаю, объяснять, с каким восторгом было принято это предложение. Об остальном догадаться нетрудно.. Я пытался бороться, разорвать цепи, но тщетно! Пустые хлопоты!

Чтобы удержать меня, эти мерзавцы похитили мою дочь. Я смертельно боялся, что они убьют девочку, и поэтому убивал сам. Убивал ради того, чтобы они оставили в живых Мэдж! Понимаешь? Потом мало-помалу бремя преступлений становилось все менее тягостным. И вместо того, чтобы однажды бросить это проклятое судно на рифы, я выполнял грязную работу.. Со временем мои хозяева после особенно успешных операций стали разрешать мне видеться с дочкой. Я давно расстался с надеждой вырваться из их лап, ибо знал, что любая попытка окончится смертью. К тому же ребенок рос в любви и заботе, вместе с родной дочерью того, кто железной рукой руководил нашей бандитской ордой. Этот человек

занимает высокое положение в обществе, репутация его безупречна.

Теперь, когда ты все узнал, еще два слова, Андре. Мне осталось жить каких-нибудь две минуты. Вот важные документы о нашей организации. Это грозное оружие. Ты сможешь вырвать у них мою дочь. Пусть Мэдж никогда не узнает обо мне правды. Умоляю, замени ей отца.

— Флаксан! Обещаю, твоя дочь станет моей дочерью. Я сделаю все, чтобы она сохранила о тебе добрую память. Умри с миром. Прощай.

Через несколько секунд американец погиб, уведя за собой в мир иной всех бандитов, укрывшихся в подземной пещере.

Вернувшись во Францию, Андре Бреванн сдержал слово. Он сумел поднажать и добиться освобождения девочки. Затем, заручившись поддержкой барона де Вальпре, отважный француз получил в магистрате разрешение на арест могущественного финансиста. Сообщники предали негодяя, и он собирался бежать из своего дома через подземный ход. Однако уже на следующий день в этом подземном ходе обнаружили труп, объединенный крысами...

Итак, главаря пиратов посчитали мертвым, и пятеро друзей полагали, что бандитский улей навсегда разорен. В мире и спокойствии прошли три года. Но потом дела стали плохи. Доходы почти совсем иссякли.

Андре, близко к сердцу принявший свое обещание, не хотел, чтобы его приемная дочь узнала нищету. Посоветовавшись с Фрике и доктором Ламперьером, он решил вместе с друзьями отправиться на Суматру добывать себе состояние. Так они организовали собственное дело.

Мэдж, привыкшая с детства ко всевозможным превратностям судьбы, была отправлена на попечение директрисы одного из пансионов, а трое друзей, к которым присоединились Пьер и Мажесте, пустились в путь.

Дела шли вполне успешно, пока не произошли события, описанные нами в первой части, и пока Андре не получил извещение об исчезновении его воспитанницы. Имя похитителя звучало грозно и не внушало никаких надежд. Вскоре мы узнаем, что за человек Винсент Бускарен и на что он способен.

ГЛАВА 9

Страничка истории Японии.— Двадцатилетний француз становится японским адмиралом.— Печальный исход морской битвы.— Схватен.— Знатные японцы делают себе харакири.— Необыкновенные приключения бывшего адмирала.— Предводитель разбойников.— Учитель и достойный ученик.— Наследство.— Бандитские планы.— Малайские бандиты против восставших даяков.

Как известно, японцу нелегко привыкнуть к европейской цивилизации, а уж нам проникнуть в тайны японской культуры совсем трудно. Сие утверждение относится не только к европейцам. Первую серьезную попытку в этом отношении предпринял в 1853 году commodore американского флота Перри. Он хотел открыть двери в империю, еще более замкнутую, чем Китай*. Первым из японцев на это откликнулся таикун Есу**, осмелившийся лишить голландцев исключительной привилегии свободного общения с империей. Общественное мнение не поддерживало подобную инициативу. Вековая ненависть японцев ко всему иностранному стала сильнее обычного. Аристократия, почувствовав, что пошатнулись ее устои, всячески противодействовала открытости Японии для иностранцев. И случилось ужасное: в 1863 году, близ столицы Иеддо*** был потоплен англо-французский флот. В ответ на неслыханное злодеяние англичане атаковали японские порты.

Население встретило их с радостью, чего нельзя было сказать о правительстве, расторгнувшем все ранее подписанные договоры. Невыносимо тяжелая ситуация, в которой оказались торговцы, привела к новому вооруженному вторжению в мае 1863 года. Внутри страны вспыхнуло восстание. Во главе встал энергичный человек по имени

* Автор неверно излагает этот эпизод японской истории. Коммодор Мэтью Перри был послан в 1852 году во главе эскадры к японским берегам и под угрозой открытия военных действий вынудил японское правительство подписать договор об открытии для иностранцев портов Симода и Хакодате. Вскоре аналогичные договоры японцы заключили с правительствами ряда европейских держав.

** Буссенар неправильно передает титул феодального правителя Японии — сегун (сокращение от «сейи тай-сегун», или «великий полководец, покоряющий врагов»). Токугава Есинобу был последним сегуном перед буржуазной революцией 1867—1868 годов.

*** Иеддо (Эдо) — прежнее название современного Токио. Буссенар ошибается, столица в Токио была перенесена только в 1869 году (после революции 1868 г.).

Хитоцубаси*, стремившийся к укреплению связей с иностранцами, кои, по его убеждению, привели бы страну к невиданному расцвету. Однако Хитоцубаси был побежден.

К этим-то печальным событиям и имел отношение таинственный похититель приемной дочери Андре Бреванна.

Однажды на рейде порта Йокогама, недалеко от Иеддо, появилось французское военное судно. На борту находился гардемарин, отважный, дерзкий, с непомерными в свои девятнадцать лет амбициями. Его звали Винсент Бускарен. Он быстро понял, что из политических дрызг, в которые втянута Япония, можно сколотить немалое состояние. Гардемарин не замедлил предложить свои услуги таикуну и, заручившись его поддержкой, начал действовать.

Таикун, будучи человеком умным и опытным, представил каждому — такому же, как Бускарен, — юнцу по военному кораблю и, присвоив им высокие титулы, поднял на недостижимую для многих японцев высоту

Во время морских сражений двадцатилетние капитаны дрались отважно и показывали чудеса морского искусства. Бускарен торжествовал. Но тут его предал механик, что привело к позорному поражению. Винсент жестоко расправился с предателем, но все уже было потеряно. Окруженный со всех сторон, он решил направить судно к берегу в надежде занять там оборону. Предательство механика стало роковым и для второго судна, шедшего под командой приятеля Винсента. Тот предпочел смерть плену и потопил корабль.

Бускарену же, вопреки его ожиданиям, не удалось организовать сопротивление на берегу, он был захвачен в плен и предстал перед военным советом, единогласно приговорившим француза к смертной казни. Однако дело заключалось в том, что документ, причислявший молодого человека к высшей японской знати, был подписан не только свергнутым к тому времени таikuном, но и захватившим власть Микадо.

По незыблемым законам Японии тот, кто принадлежит к привилегированной касте, может умереть, только сделав

* Хитоцубаси Кэйки — опекун последнего сегуна и его личный представитель при императоре. Надо отметить, что в предреволюционное время восстания и бунты феодалов были единственным явлением в стране и придавать какое-то особое значение восстанию «в мае 1863 года» как это делает Буссенар по меньшей мере легкомысленно.

себе харакири. Происходит это следующим образом. Осужденного, одетого во все белое, в сопровождении друзей, родных, защитников и судей приводят в зал, специально предназначенный для подобных церемоний. Несчастный встает на колени посредине белоснежного ковра, окаймленного красным. Место за спиной занимает лучший друг либо кто-то из самых близких людей, держащий в руках длинную и тяжелую саблю (в обязанности этого человека входит отсечь голову осужденному в тот самый момент, как он вспорет себе живот). Орудие харакири — острый, словно лезвие бритвы, нож: его торжественно преподносят осужденному на серебряном блюде. Тот хватается нож и вонзает по рукоять в то место, которое знает с раннего детства. В этот момент друг или родственник одним ударом отрубает ему голову.

Было решено подвергнуть Бускарена лишь второй части церемонии, то есть отсечению головы, ибо к первой части каждого японца кропотливо готовили с детских лет. Француз же вряд ли справился бы с этим.

И вот в то самое мгновение, когда меч уже должен был опуститься и поразить осужденного, пришел приказ, отменяющий казнь. Французский представитель в Японии, связавшись с местными властями, сделал все возможное, чтобы освободить своего соотечественника.

Бускарен, несомненно, должен был благодарить судьбу за неожиданное спасение. Но дальнейшая жизнь представлялась ему туманно, ибо он был немедленно уволен из морского флота и оказался фактически выброшен на улицу в незнакомой и чуждой всякому европейцу Йокогаме. Испробовав все профессии, в надежде избавиться от нищеты и голода, молодой человек смог все же вернуться во Францию, нанявшись матросом на торговое судно. Испытания сделали его еще более суровым и желчным, чем раньше. Так прожил он до начала франко-прусской войны*

Чтобы не умереть с голоду, Винсент поступил рядовым в пехотный полк. Чего-чего, а боевой доблести ему было не занимать. Вскоре забрезжила перспектива производства в офицерский чин. Обстоятельства благоприятствовали, начальство, возможно, закрыло бы глаза на его мелкие грешки и проступки, но Бускарена как будто преследовали неудачи. Он попал в плен и был отправлен в Ульм, откуда после долгих мытарств все же смог бежать.

* Война между Пруссией и Францией началась в 1870 году

Один богатый французский финансист нашел его умирающим у австрийской границы и взял с собой. Нежданный благодетель назвался графом Жаверси. Читатель конечно же догадался, кем был этот граф. Совершенно верно, Бускарена спас предводитель морских пиратов.

Очень скоро вельможа, убедившись в многочисленных способностях, трудолюбии и глубоких знаниях навигационного искусства, которыми обладал спасенный им молодой человек, сделал его своим личным секретарем. Граф, будучи гонимым психологом, хорошо понимал, что сердце Бускарена было изъедено алчностью и жаждой власти. «Именно такой помощник мне и нужен», — думал он, видя, как в возрасте, когда иной юноша еще полон иллюзий, его подопечный направил все свои силы и помыслы к одному: преуспеть.

Граф мало-помалу посвящал секретаря в тайны разбойничьего общества, культивируя в нем жестокость и беспощадность. Бускарен воспринимал все как человек, раз и навсегда избравший свой путь в жизни. Его амбиции росли при виде столь широкого поля деятельности. Он мечтал, как весь океан задрожит от ужаса перед ним. Какое счастье! Вчерашний нищий и неудачник отныне может мстить жестокому, сковывавшему все его желания обществу. Он бросался в водоворот сумасшедшей парижской жизни, предавался разгулу и наслаждался властью, поскольку покровитель ни в чем ему не отказывал.

Вскоре Бускарен стал вторым «я», серым кардиналом, тенью хозяина морских бандитов. Сидя в своем логове, эти двое хладнокровно отправляли на смерть тысячи людей, топили корабли, присваивали миллионы и совершали еще сотни самых страшных и коварных преступлений, оставаясь неуловимыми. Никому и в голову не могло прийти кто такие эти богачи.

Могущество разбойников достигло высшей точки. Старый хозяин подумывал о том, чтобы переложить свои заботы на плечи молодого помощника. Бускарен уже готов был принять бразды правления в свои руки, как вдруг случилась катастрофа, о которой рассказывалось в прошлой главе; морские бандиты были застигнуты французским военным судном, капитан Флаксан погиб, корабль пиратов потоплен, важнейшие документы оказались в руках Андре Бреванна, а граф Жаверси умер (точнее, его смерть официально констатирована — найден труп). Бускарену ничего другого не осталось, как немедленно бежать. Бежать, захватив сокровища хозяина.

Мы уже рассказывали, что морские бандиты похитили

некогда дочь капитана Флаксана, что мисс Мэдж выросла рядом с дочерью графа и превратилась в красивую девушку. Она произвела на Бускарена неизгладимое впечатление. Вскоре страсть захватила его целиком. Трудно передать гнев, с каким узнал он о том, что Андре Бреванн удочерил Мэдж.

Напрасно тратил Бускарен силы и время, по пятам следуя за ее опекуном, устраивая ему ловушки и крушения Андре и его друзья одинаково свободно чувствовали себя и в большом городе, и в джунглях, всегда были начеку, всегда были готовы к любым неожиданностям. Все хитрости Бускарена не достигали цели.

Наконец злодей понял, что ничем не проймет этих людей, пока их независимость будет определяться состоянием. Он решил прежде всего разорить наших друзей, надеясь, что бедность заставит смельчаков капитулировать. Это, надо признать, оказалось гораздо проще, нежели попытки взять их силой, ибо если во всем, что касалось девочки, Андре и доктор проявляли неусыпную бдительность, то к деньгам они относились проще.

Путем серии финансовых операций Бускарену без труда удалось разорить совершенно не подозревавших, откуда дует ветер, друзей. Однако ради девочки необходимо было как можно скорее восстановить утерянное. Благородные души, они и помыслить не могли о том, чтобы пополнить свои кошельки за счет спекуляции. Зная, что за морями есть нетронутые плодородные земли, обрабатывая которые энергичный человек скоро разбогатеет, друзья решили отправиться туда.

Итак, на Суматру! Единственной ошибкой было то, что они не взяли Мэдж с собой. Конечно же, разве перенесет нежное создание все испытания подобного путешествия. беспощадное экваториальное солнце, ядовитые змеи, крокодилы, хищные птицы, звери-людоеды! А болотная лихорадка?.. Нет, они не могли подвергнуть ребенка таким испытаниям.

Все меры предосторожности, чтобы обеспечить ее безопасность, казалось, были приняты. Мэдж отправили под крыло директрисы одного из пансионов, женщины столь же отважной, сколь и неподкупной, близкой родственницы доктора Ламперьера. Она без слов приняла на себя эту миссию, не испугавшись ни возможной опасности, ни трудностей. Так как незримый враг давно не проявлял признаков жизни, бдительность пятерых друзей ослабела. Пробуждение было ужасным..

Страсть не лишила Бускарена рассудительности. Потеряв надежду на безграничную власть, которая, казалось, прямо плыла ему в руки, негодай не мог упустить все остальное. Он долго и молчаливо вглядывался в географическую карту; взор его скользил от Японских островов по Тихому океану: Суматра, Ява, Филиппины, Борнео.

— А почему бы и нет! — произнес он, будто бы отвечая на мучивший его давным-давно вопрос. — Там живет Бог знает кто, и цивилизация долго еще не доберется до этих отбросов общества. Свирепые малайцы, необузданные мусульмане, жадные китайцы — все они грызутся между собой, бьются насмерть, убивают друг друга без всякой пользы. Насколько было бы лучше, если б они подчинялись кому-то одному. Ведь их призвание — пиратство и разбой, как у наших крестьян, к примеру, выращивание злаков, овощей или разведение скота. Голос крови, климат и среда обитания! Черт возьми! Тот, кто сумеет координировать их действия и управлять ими, станет могущественным владыкой...

Да, да! Сделаться хозяином этих скотов! Встать во главе всех пиратов Малайского архипелага! Создать, в конце концов, мощную державу... Вот это дело! В Европе я — обыкновенный миллионер, а завтра на островах я стану императором... Кто знает? Быть может, через некоторое время у меня будет и титул, и знатное происхождение! Я буду султаном Борнео, и все соседние земли подчинятся моей воле. А она... Она станет моей султаншей. Разве можно отказаться от такого? Нет. На свете не существует женщины, которая отвергла бы корону. И потом, я ведь могу затуманить ей голову, проповедуя идеи цивилизации, прогресса... Впрочем, я с ума сошел, — срывать нежные маргаритки руками, что по локоть в крови! Но ведь можно сделать и что-нибудь хорошее... Хватит! Нельзя уступать слабости. Надо действовать, и Бог мне судья!

Поняв, что он в стране мусульман-фанатиков, где единственный закон — Коран, Бускарен решил представиться мусульманином, совершившим паломничество в Святую землю. К тому же он свободно владел арабским и малайским языками, знал Священное писание. Все это вместе обеспечило ему всеобщее признание. Он объездил весь архипелаг, вербуя новых и новых сторонников, подогревая фанатизм мусульман и подготавливая таким образом нечто вроде священной войны. Он действовал так ловко и вместе с тем так «доверял» своим многочисленным

помощникам в центре и на местах, что все подвиги приписывали ему, а черные деяния и несправедливость — им.

Наконец, по прошествии четырех месяцев, все было кончено: Бускарен завоевал Борнео, сохранив моральное превосходство и непререкаемый авторитет. Теперь нужно было увезти из Парижа Мэдж. Усыпить бдительность директрисы для такого человека, как Бускарен, — пустяк. Небольшая интрига, и готово.

Выполнив эту часть плана, он занялся морскими пиратами. Вскоре разбойники целиком были в его власти. Отныне свержение султана стало делом нескольких дней. Все шло как по маслу. Оставалось лишь склонить Мэдж на свою сторону.

Охраняемая людьми, фанатично преданными хозяину, воспитанница Андре Бреванна общалась только с мулаткой с Мартиники, своего рода компаньонкой, приставленной к ней Бускареном. Добрейшее и преданное существо, мулатка скоро стала доверенным лицом своей юной хозяйки и служила ей верой и правдой. Мы уже знаем, как девушке удалось переправить своему опекуну весточку с Суматры, в которой она умоляла о помощи.

Таковы обстоятельства к тому моменту, как Бускарен поднял своих малайцев, а Андре вел им навстречу, к стенам столицы, восставших даяков.

Разговор между мисс Мэдж и ее похитителем внезапно прервался. Снаружи доносился неопиcуемый шум. Там царил суматоха. Весь город бурлил. Люди метались по улицам с воплями и стонами. Били барабаны. Отовсюду слышались призывы к оружию.

ГЛАВА 10

Фрике угощает новых приятелей.— Обезьяна улыбается.— Шутка тигра.— Как может утолить жажду опытный путешественник.— Непобедимое добродушие Фрике.— Парижанину пригодился бы костыль.— Орангутаны.— Человекообразные с острова Борнео.— Предок — новый друг Фрике.

Каково должно быть удивление человека, проснувшегося в соседстве с тигром и обезьяной? А именно таким было пробуждение Фрике. Если бы парижанин не выработал в себе привычку к самым невероятным сюрпризам, если бы он не воспитал в себе редкое хладнокровие,

позволяющие не раз выходить из опасных переделок не-
вердимым, он, пожалуй, был бы сильно напуган.

Фрике широко открыл глаза, а потом и рот зевнул потянувшись, попытался подняться, но тут же упал. Удивительно, но тигр и обезьяна точь-в-точь повторили за ним все движения: встали, а затем вновь тяжело упали на землю, в один голос жалобно застонав.

Несмотря на то, что такая компания не сулила ничего хорошего, Фрике, придя в себя после болевого шока посчитал нужным тепло поздороваться с товарищами по несчастью.

— Привет обезьяна... Привет, тигр... Приветствую вас, мои нежеланные соседи. Мы вместе попали в ловушку, вместе выбирались из нее, так пусть же одинаковая судьба объединит нас и на будущее узами дружбы.

Услышав эти слова, обезьяна надула щеки и тихонько присвистнула, а тигр приоткрыл пасть и заурчал.

— Гы, моя обезьянка, сказала: уфф!.. уфф!.. — улыбаясь, продолжал Фрике.— Я хорошо понимаю, что это должно означать. Вообще-то ты, похоже, довольно добродушное существо, это по твоей морде сразу видно. Ну что ж неплохо! Что до вас, господин тигр, то такое урчание к лицу котенку. Впрочем, это меня вполне устраивает. Советую вам продолжать в том же духе, не то в ход пойдет револьвер. Будьте умниками. Мне бы очень не хотелось нанести вред таким чудесным животным, как вы. А! Понимаю. У тигра сломана передняя лапа, а у обезьяны — задняя. У меня тоже вывихнута нога. Тем хуже.

Все сказанное произвело на животных любопытное действие. Четвероногий хищник, гроза малайских лесов, зажмурил глаза, почесал за ухом и принялся вновь мурлыкать громче прежнего. Светлые глаза человека, казалось, успокоили его. Он перестал когтить землю и опустил уши.

— Очень хорошо! — радостно воскликнул Фрике.— Вы довольно сговорчивы. Вместо того чтобы позавтракать мною, идете на мировую. За это я дам вам поесть. Бьюсь об заклад, что желудок у вас совершенно пуст. Но наберитесь терпения и помните, что и у меня больна нога.

Фрике и его товарищи по несчастью находились в самой чаще леса. Для обезьяны сразу нашлось множество вкусных плодов. Не теряя из виду тигра, зная его коварную сущность, молодой человек набрал их сколько мог унести и вернулся к месту вынужденной стоянки. Обезьяна была довольна.

— Ах! Ты понимаешь мои действия лучше, чем слова.

Хорошо! Так как я вынужден оставаться здесь, пока не поправлюсь, думаю, найти путь к твоему сердцу через желудок. Возьми! Ешь!

Увидев любимые фрукты, орангутан заерзал на месте. Он протянул руку, схватил сочный плод и принялся набивать щеки.

— Один накормлен. Это было не слишком трудно. Ну что ж, хороший аппетит! К сожалению, вы не плотоядное животное, господин тигр. Если и дальше будете вести себя хорошо, я займусь и вами. На дне ямы еще лежит килограммов сто оленины. Я отправлюсь за нашим завтраком.

Морщась от боли при каждом движении, Фрике спустился по вырытому им ходу вниз, отрезал большой кусок мяса, привязал к своей голове и медленно поднялся. Пот стекал по его лицу. Он был уже почти у поверхности, когда почувствовал сильный удар, а затем услышал рычание. Кусок ткани, которым была привязана оленина, слетел с головы, и Фрике показалось, что кожу содрали чем-то острым.

— Это, очевидно, тигр пошутил,— прошептал Фрике, вылезая из ямы.

Фрике не ошибся. Тигр, раззадоренный запахом мяса, поднялся с места, подошел к краю ловушки и устроился у выхода, словно кошка, поджидающая мышь у норки. В ту секунду, когда кусок мяса показался на поверхности, тигр выпустил когти, подцепил его и начал уплетать за обе щеки.

Парижанин был вне себя от ярости.

— Послушай-ка, приятель! Можно и полюбезнее. Не стоит торопиться. Я научу тебя самообслуживанию. Тогда не придется дожидаться, пока кто-то принесет тебе поесть. Кроме того, мне бы тоже хотелось пообедать. Ты не один.

Фрике схватил револьвер и, забыв всякую осторожность, вцепился в мясо и стал тянуть к себе. Тигр держал крепко и рычал.

— Ой! Ой! Ему не нравится делиться подобру-поздорову! Придется вышибить тебе мозги... Раз... Два...

Зверь взревел так, что вздрогнул лес. Несмотря на мучившую его рану, он, похоже, готов был кинуться на обидчика. Фрике ничего не оставалось, как защищаться с помощью оружия. Но тут тигр неожиданно подпрыгнул, растопырил все четыре лапы и отпустил добычу.

Гнев Фрике сменился хохотом; обезьяна внимательно наблюдала за тем, как тигр виляет хвостом, и в конце

концов прыгнула и ухватила своего нового приятеля за хвост, потянув что есть мочи. А так как орангутаны вообще очень сильны, то тигр неожиданно для самого себя отлетел от края ловушки и, обалдевший, так и остался лежать метрах в трех от нее, жалобно при этом повизгивая

Орангутан, очевидно, был доволен сделанным. Он схватился за живот, выгнул спину, и на физиономии его появилась обворожительная улыбка. Вот уж действительно — рот до ушей...

— Спасибо, дружище. Ты и вправду похож на доброго папашу. Я этого не забуду. Если хочешь, будем дружить. Дружба не на жизнь, а на смерть. Должен признаться, удар был что надо. Наш грозный зверь походил в этот момент на жалкого котенка. Смотри-ка, как он присмирел. Что до меня, то я намереваюсь пообедать прямо на его глазах. Когда наемся, наступит и его очередь. Будет знать, как вести себя в обществе. Этим, пожалуй, моя месть и ограничится. Я не злопамятен.

Орангутан опять принялся за плоды и орехи, а Фрике тем временем устроил себе настоящий пир, даром что мясо было сырым. Тигр, ошеломленный силой обезьяны, держался в сторонке, на почтительном расстоянии. Но вид у него был настолько несчастный и затравленный, что Фрике не выдержал, решил поделиться с провинившимся. Он бросил тигру увесистый кусок, который тот проглотил в одно мгновение.

— Для начала хватит. Предупреждаю, веги себя пристойно, а будешь хулиганить, подпалю шкуру. Сразу научишься быть вежливым и честным. Ну вот, теперь нам хочется пить. Здесь не осталось ни капли воды. Я знаю, что делать, но, черт побери, если господин тигр снова захочет поиграть со мной своими крошечными коготками, то я рискую остаться без головы. Тебя, дорогой предок, как особо для меня важную персону, я напою. Подожди немного.

Фрике за свою жизнь успел побывать в разных переделках. Приобретенного опыта хватило бы, пожалуй, на целую дюжину путешественников. К примеру, ему была известна некая разновидность деревьев, с помощью которой он и собирался утолить жажду. Крупные овальные листья этих деревьев сворачивались и разворачивались в зависимости от времени суток. На доньшке такого листа часто можно было отыскать немного влаги. Была ли это дождевая вода или же выделения самого растения, сказать

трудно, но скапливавшаяся в чашечке влага оказалась довольно неприятной на вкус. Поскольку выбирать не приходилось, Фрике с жадностью выпил сей нектар, воздавая благословения Господу за то, что получил хоть какую-то возможность промочить пересохшее горло.

Увидев, что человек что-то пьет, обезьяна протянула к нему руки и стала просить. Фрике тотчас дал ей напиться.

— Что поделаешь! Из нас троих я все-таки самый здоровый. Приходится заботиться об остальных.

Выпив все до последней капельки, обезьяна закрыла глаза, тяжело вздохнула и улеглась на земле, давая отдохнуть больной ноге и, очевидно, надеясь немного поспать. С тигром дела обстояли сложнее. Ему не под силу было залезть внутрь листа. Поэтому Фрике пришлось бы поить его, подойдя совсем близко.

— Д-а... Не напрасно мои друзья говорят, что кровь для тигра — все равно что вино для алкоголика. Если я подойду к нему, чтобы дать попить, он может поцарапать меня, а тогда уж, почуяв запах крови, разорвет в клочья. С другой стороны, я хотел бы как-нибудь помочь этому бедняге. Впрочем, есть идея.

С этими словами Фрике снова отправился в нелегкое путешествие. До дерева метров пять-шесть. С больной ногой это не шутка. Добравшись до цели, молодой человек сорвал самый крупный лист, вернулся обратно, не дойдя до тигра каких-нибудь два шага, вынул нож, разрезал лист и, положив его на землю, спокойно удалился.

Тигр прекратил рычать. Постукивая хвостом по земле, он подполз к листку и обмакнул в теплую влагу язык. Эта операция, казалось, возвратила ему прекрасное самочувствие.

— Ну вот! Теперь, полагаю, нам стоит последовать примеру моего милого предка и немного вздремнуть. Отправиться в путь на поиски своих друзей я все равно не в состоянии. Значит, надо терпеливо ждать, пока они найдут меня сами; а поскольку найти меня трудно и даже скорее всего невозможно, то придется в одиночку добираться до султанской столицы. Но прежде ничего иного не остается, как сидеть здесь и ждать выздоровления.

Поговорим немного о новом приятеле Фрике. Нет, не о тигре, естественно. Такому зверю трудно ужиться с человеком, уж больно необщительный у него характер. Речь пойдет об орангутане.

Это крупное животное ростом примерно один метр

тридцать сантиметров, с продолговатой головой, приземистой фигурой и деформированным телом, покрытым рыжеватой шерстью. Орангутаны очень сильны; широкая, мускулистая грудь и длинные, мощные руки в размахе составляют почти два метра. Верхняя часть тела таких же размеров, как у человека, а ноги коротенькие, кривые с непомерно большими ступнями. Выражение его широкой приплюснутой физиономии достаточно свирепо.

Среда обитания — первозданные леса. Орангутаны скитаются среди тропических исполинских деревьев, словно арабы в пустыне. У них славный аппетит. Едва справившись с запасенными лакомствами, они уже снова в пути, в поисках фруктов и прочих яств, в изобилии предлагаемых экваториальным лесом.

Поражает в этом животном мощь и решительность движений, идет ли оно по земле или скачет по деревьям. Прыгая с ветки на ветку, несмотря на свою тяжесть, обезьяна никогда не сорвется и не упадет. На земле тело согнуто под углом примерно сорок пять градусов, что позволяет сохранять устойчивость. Однако орангутаны все же предпочитают передвигаться «по воздуху». На первый взгляд кажется, что скорость невелика, но на самом деле такой способ передвижения очень быстр. Человек, бегущий по земле, вряд ли в состоянии обогнать обезьяну, прыгающую с ветки на ветку.

На землю орангутаны спускаются в общем редко, например, в засуху, когда на деревьях не остается сочных, полных влаги листьев. Тогда приходится искать ручей. Даяки рассказывают, что орангутаны любят иногда закапываться в груды влажных листьев и умеют устраивать себе настоящие хижины.

Возвращаясь к их удивительной силе, можно сказать и о том, что, как уверяют местные жители, никогда ни одно животное не решается напасть на орангутана, кроме, пожалуй, крокодила и питона. Но и рептилиям не всегда везет в таких схватках. Порой, когда в джунглях не остается еды, орангутан выходит к реке. На берегу обычно больше плодовых деревьев. Если крокодил решается напасть, то обезьяна часто опережает его, топчет ногами, рвет и в конце концов убивает. С питонами же орангутан ведет себя еще решительнее, — стоит змее чуть зазеваться, как облюбованная им «жертва» уже хватает его сильными руками, крепко сжимает, душит, а потом перекусывает пополам.

Словом, нет в джунглях животного, которое могло бы соперничать в силе с орангутаном. Однако он свиреп

и беспощаден лишь с врагами. В обычное время это довольно застенчивое существо и никогда не нападает на слабого, будь то зверь или человек. Сознывая свою мощь, орангутан не позволяет напрасно себя беспокоить, спокойно разгуливая по лесу в поисках пропитания. При встрече с человеком он внимательно присматривается, с любопытством разглядывает, на мгновение остановившись, но затем вновь пускается в путь.

Обезьяны вообще очень умны. Во многих деревьях их приручают и они живут как домашние животные, чувствуя себя среди людей совершенно на равных. Эти животные чрезвычайно привязчивы. Они могут уйти от хозяина в лес, провести там несколько дней, не показываясь в деревне, но все же обязательно возвращаются. Короче, ведут себя как хорошие соседи.

Если добро, сделанное Фрике, тронуло сердце четвероногого существа, которого он называл теперь не иначе как Предком, то можно с уверенностью сказать, что парижанин приобрел верного друга.

ГЛАВА 11

Три недели ожидания.— Привязанность обезьяны и неблагодарность тигра.— В лесной чаще.— Плоды с неприятным запахом.— Предок и его палка.— Полусвинья-полухорек.— Фрике жертвует своим рационом ради тигра.— Беглец.— Один в лесу.— Орангутан стал бы отменным полицейским.— В путь! — Коварные реки.— Трое верных друзей.

Вывих лишил Фрике возможности свободно передвигаться. Приходилось дни и ночи ждать, пока наступит улучшение. Нельзя сказать, чтобы он не пытался сопротивляться обстоятельствам: решение ждать было принято лишь после долгих и безуспешных попыток преодолеть недуг. Несмотря на то, что забота о новых приятелях несколько заглушала собственные страдания, молодого человека не покидали невеселые мысли: он каждую минуту был готов к внезапному нападению малайцев. Кроме того, Фрике беспокоился о своих друзьях. Как продвигается экспедиция? Не стало ли его исчезновение причиной срыва всех замыслов и планов? Он старался утешить себя тем, что друзья наверняка благополучно пересекли границу, что в султанате, должно быть, уже пылает восстание и что трон владыки скоро пошатнется

— Я доберусь туда к шапочному разбору, когда все уже будет кончено,— размышлял он вслух, будто бы для того, чтобы не забыть человеческий язык.— Вот уж они посмеются надо мной, увидев хромящее чучело с костылями. Но ведь это не моя вина. Я торчу тут уже три недели, корчась от голода по двадцать четыре часа в сутки и пожелтев, словно малаец. Ладно! Будь что будет! Надо идти. Кто любит меня, за мной! Не так ли, Предок?

Обезьяна медленно потянулась, поднялась и, что самое поразительное, пристроившись рядом, решительно зашагала с человеком, бросив на него почти осмысленный и нежный взгляд.

— Нет, ты и в самом деле — лучшее из созданий природы. Твой перелом почти зарос, так что теперь есть кому добывать нам пропитание. Ну что ж. Неплохая компания. Жаль, что у тигра несносный характер. Для нашей маленькой экспедиции его участие было бы незаменимым... Ну ладно, ладно! Я шучу.

К Фрике вернулись его обычная веселость и неутомимость.

Предок оказался верным другом. Он скоро привык к Фрике и, несмотря на то, что рана еще болела, взял на себя некоторые обязанности по добыче съестного: орангутан кругами ходил вокруг стоянок и неизменно возвращался с целой охапкой вкусных плодов.

Чтобы не спать ночью на влажной земле, Фрике соорудил себе высокую постель из веток и листьев. Орангутан всякий раз устраивался подле хозяина.

Парижанин шел, опираясь на палку, а обезьяна уморительно похоже копировала его пластику, не отступая ни на шаг. Предок постепенно совсем оправился, но вовсе не хотел покидать нового друга и, казалось, чувствовал себя счастливым. Иногда, заметив вкусный плод на верхушке какого-нибудь гиганта, он молниеносно взбирался наверх и доставлял оттуда понравившийся ему плод. Несмотря на голод, молодой человек никак не мог преодолеть отвращения к некоторым из таких плодов, издававшим неприятный запах. Но кончилось тем, что он все же привык.

Пройти удалось немного; Фрике быстро понял, что он еще слаб и что лучше вернуться туда, откуда они начали свое путешествие. Тигр по-прежнему был там. Если человек и обезьяна кое-как обходились фруктами, то хищника этот вид пищи явно не устраивал. Оленьё мясо вскоре закончилось, и тигр нетерпеливо ходил вокруг Фрике, так

что тот начал подумывать, не освободиться ли от назойливого соседа

В конце концов тигр напал внезапно Фрике успел только огреть зверя палкой по голове Этот случай произвел на орангутана неожиданное действие Увидев, как человек пользуется палкой, и желая, должно быть, доказать, что он помнит добро, силач схватил дубину и принялся за дело Он устроил тигру такую трепку, что тому ничего другого не оставалось, как уgomониться

На следующий день тигр глухо рычал, а орангутан замахивался палкой Фрике, смеясь, обратился к своему защитнику

— Довольно, Предок Думаю, урок пойдет ему на пользу Да к тому же бедняга рычит от голода Ты-то с утра до вечера грызешь фрукты, а у него в желудке маковой росинки не было Попытаемся найти что-нибудь для него Во всяком случае, не следует кормить зверя только палочными ударами

К счастью, в эту минуту на поляне показалось какое-то животное, и Фрике оставалось лишь вытащить револьвер Остальное было секундным делом. Обезьяна не успела еще прийти в себя от громкого выстрела, а человек уже подавал тигру обед.

— Ешь, негодяй! Предок угостил тебя прохладительным напитком, а это нечто более вкусное Ешь и будь паинькой

К радости Фрике, неизвестные ему четвероногие водились в этих местах в изобилии. Он мог частенько баловать тигра свежим мясом А если вдруг добыча не попадалась и хищник принимался капризничать, в дело вступал Предок. Он хватал дубину, глаза его становились свирепыми и безжалостными Палочные удары сыпались на рычащего и визжащего тигра После вынужденной экзекуции тот обыкновенно валялся на земле и долго приходил в себя.

Однажды утром тигр внезапно исчез Возможно, его утомили постоянные побои и унижения Накануне Фрике снова подбил неизвестное животное, похожее сразу и на свинью и на хорька Тигр, очевидно уже решивший назавтра покинуть компанию, поужинал и спокойно улегся отдыхать с таким благостным видом, что Фрике даже показалось, не приручил ли он капризника и в самом деле Но на следующий день парижанин, заметив исчезновение полосатого соседа, понял, что ошибался

Проснувшись и увидев, что больше некого воспиты-

вать, Предок очень расстроился. Он фыркал и помахивал ненужной теперь палкой.

— Ты, верно, переборщил. С твоей любовью хватать палку, когда надо и когда не надо, ты вынудил его оставить нас.

— Фуф! Фуф!..— пыхтел орангутан, как бы соглашаясь с доводами хозяина.

— Вот-вот! Теперь можешь изображать из себя паровик.. Если ты думаешь, что это поможет вернуть его, ты глубоко ошибаешься. Ну, ладно! Что сделано, то сделано. В конце концов, я не для того убежал от малайцев, чтобы в один прекрасный день превратиться в тигриный обед. Кто знает, что у них на уме, у этих хищников. Да и, признаться, мне было грустно отдавать ему мясо. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Сегодня наконец я сделаю себе жаркое. Впрочем, все же жаль. Хотя он и антиобщественный элемент, но я к нему привыкся. Может, оттого, что приходилось о нем заботиться.

Так, рассуждая о том о сем, Фрике разжег огонь и стал готовить мясо. Предок, увидев пламя, невероятно развеселился. Он не понимал, что к чему, но веселый огонек обрадовал его.

Друзья пообедали с аппетитом. Наевшись вдоволь и даже слегка опьянев от непривычной сытости, Фрике взобрался на свое лежбище и заснул глубоким сном. Солнце успело проделать три четверти дневного пути, когда молодой человек проснулся, немного смущенный тем, что так долго проспал.

— Честное слово! — бормотал он. — Я становлюсь невообразимым лентяем. Надо что-то делать. Благо, моя нога почти совсем прошла. Пора в дорогу. Мы вдвоем отправимся в столицу Борнео. Вот господин Андре и доктор удивятся! Пьер, конечно, будет ворчать, но уж кому мой друг придется по душе, так это Мажесте. Куда же он, черт возьми, подевался?

Фрике два раза свистнул. Никого.

— Вот это да! — вскрикнул парижанин, потрясенный исчезновением номера два. — Неужели и он бросил меня? Ни за что в это не поверю! Но, с другой стороны, почему бы и нет? Бедное животное находилось здесь, потому что у него болела нога. Рана зажила, и обезьяна вспомнила родные места. Ностальгия! Дело знакомое. Почувствовав себя здоровым, Предок, очевидно, вернулся туда, где прожил всю свою жизнь. Это же так понятно и естественно. Имею ли я право жаловаться и сокрушаться? И чему тут

собственно, удивляться? И меня моя судьба зовет в путь. Конечно, без этих зверюшек будет одиноко, но...

Ночью Фрике не мог сомкнуть глаз; уже светало, когда он наконец задремал. Вдруг до слуха донесся едва слышимый шумок. Парижанин схватился за оружие, не понимая пока, должен ли он защищаться или нападать. Шум приближался. Фрике настороженно вглядывался в заросли кустарника. Но тут страх пропал, и он рассмеялся. Право же, трудно было удержаться от смеха при виде фантастической картины. Из зарослей показался орангутан; в руке он держал дубинку, а впереди плелся, прижав уши, тигр.

— Bravo! Bravo, Предок! Это превосходит все ожидания. Я обвинял тебя в измене, а ты, оказывается, отправился на поиски нашего дезертира. Мы ведь теперь никогда не разлучимся, не так ли? Эй, дружище,— обратился он к тигру,— не валяй дурака, оставайся с нами. С тобой будут хорошо обращаться, даю слово. С Предком я договорюсь, вот увидишь. Ну и заживем! Подойди-ка сюда, поближе. Ты ведь милый зверь. Когда у меня будет сахар я обязательно тебя угощу.

Тигр, боязливо поглядывая на орангутана, послушно подошел к человеку, а затем растянулся у его ног, как обыкновенная домашняя кошка. Увидев это, Фрике, совершенно забыв о предосторожностях, принялся трепать тигра по мохнатой голове, и тот вдруг замурлыкал.

— Вот и хорошо. Мир! Завтра мы уходим отсюда.

На следующий день парижанин покинул поляну в сопровождении двух надежных телохранителей.

Такое путешествие не каждому под силу. Солнце нещадно палит целый день, над головой летают стаи докучливых насекомых, пока идешь по лесу, только и смотри, чтобы не напороться на колючки и шипы, многие из которых ядовиты. Ко всему прочему, Фрике потерял ловкость и быстроту, так спасавшие его раньше. Двигался он довольно медленно, озираясь по сторонам и все время оглядываясь назад. Еды не было. Не раз приходилось ложиться спать натошак, надеясь хоть завтра отыскать в лесу что-нибудь съестное. Фрике опирался на палку и сильно хромал.

Что до обезьяны и тигра, так они, похоже, радуясь перемене обстановки, бодро шагали рядом.

— Если вы голодны, друзья мои, предлагаю найти выход из положения самим.

Тигр откликнулся, а возможно, так только чудилось, на

имя Бартоломеу или просто Меу. С тех пор, как он вновь появился, Предок ни разу не брал в руки палку. Недавние враги, очевидно, уже позабыли о своих столкновениях и неплохо ладили.

Фрике старался придерживаться северного направления, надеясь выйти к одной из рек, впадающих в Южно-Китайское море, а затем, следуя вдоль берега, добраться до столицы.

Взобраться на высокие горы, пересекающие остров с северо-востока на юго-запад, не представляло особого труда — это лишь требовало времени. Сложнее обстояло с водными преградами, ибо приходилось идти по колено в воде. Орангутан следовал за хозяином без размышлений но вот тигр.. Как и все кошачьи, он не слишком-то любил воду, и его долго нельзя было заставить войти в реку или даже крошечный ручеек. Всякий раз дело доходило до того, что Предок начинал заметно нервничать и даже вспоминал, наверное, о своей палке. Тогда бедняге Меу ничего не оставалось, как смириться с судьбой и лезть в воду.

Время от времени трое друзей останавливались посреди водоема, увязнув в ряске и тине. От таких мест старались держаться подальше даже птицы и насекомые. И только жизненная энергия Фрике позволяла преодолеть препятствие. Парижанин всякий раз мастерил нечто вроде плота и с его помощью перевозил животных на другой берег.

Наконец добрались до горного района. Трудно описать все лишения, выпавшие на долю Фрике. Пока длилось путешествие, тигр и орангутан еще кое-как утоляли голод, чего не скажешь о человеке. Не зная языка местных жителей и не будучи уверенным в том, что его друзья не напугают людей, парижанин вынужден был сторониться деревень. Лишь под покровом ночи он решался подойти к посевам и добывал себе то горстку риса, то маис. Но, как только замечал людей, тут же уходил в лесные заросли.

После десяти дней скитаний, измученный лихорадкой, с израненными ногами и без сил Фрике увидел, что достиг наконец подножия Батан-Лупар. Здесь царил совсем иная атмосфера, воздух был свеж и лечил язвы, подсушивал раны, останавливал кровотечение. Вдохнув полной грудью молодой человек почувствовал, что оживает, и решил сделать привал дня на два в этом чудесном месте, надеясь, что целебный климат подлечит его изношенный организм. Фруктов и дичи было в избытке — полный витаминный рацион.

Пообедав, все трое устроились на отдых, причем Фрике

без опаски положил голову на теплый и мягкий тигриный бок, а тигр жмурился и поглядывал на порхавших вокруг птичек

Удивительно, но животные вели себя на редкость покладисто. Гигр по пятам ходил за человеком, словно собака к вящей радости орангутана. Тот вовсе не ревновал, а, наоборот, был, казалось, доволен своим полосатым спутником. И оба они любили хозяина.

ГЛАВА 12

Беспольные поиски.— Ужас.— Ночная схватка.— Атака отбита — Тайник под деревом.— «Копай!» — Фрике украден — Сквозь леса — Малайская крепость.— Пьер не только отменный артиллерист, но и умелый сапер.— Пробоина.— Атакующие превращаются в осажденных — Против целой армии — Голод — Капитуляция.— Борнео — Станный крик

«К оружию! К оружию! На нас напали!» — так кричал Фрике, когда среди ночи был схвачен малайцами. Выстрел разбудил лагерь, и крик предупредил друзей об опасности.

— Да это же Фрике! — закричал Андре, хватаясь за карабин.

— Фрике! — подхватили в один голос доктор и Пьер.

Но все заглушил нечеловеческий вопль. Мажесте. Разразилась гроза, и первый всполох молнии на мгновение осветил занявших оборону даяков и полуголых малайцев, поднявших свои пики и готовых вот-вот атаковать.

На какой-то миг все замерло, а затем бросились друг на друга. Гремел гром, небо освещали зловещие отблески молний, стихия бушевала вокруг, словно боги низвергли на землю свое негодование. Но что за дело богам до вражды этих земных пигмеев?

Выстрелы вторили раскатам грома, стрекотали карабины. Это продолжалось с час. Потом небеса разверзлись, и на землю обрушился настоящий тропический ливень.

Понятно, что наши друзья не могли в таком грохоте перебраться ни словечком. Наконец раздался последний раскат грома, а с ним и последний вскрик. Это был победный клич даяков. Храбрые воины отбросили врага, понесшего большие потери.

— А где же Фрике?

Друзья даже не успели поинтересоваться, ранен ли

кто-нибудь. Их беспокоил только Фрике. Увы! Буря пронеслась, солнце мириадами бриллиантов отражалось в каплях воды на листьях деревьев, птицы порхали вокруг поляны, обгаренной кровью, жужжали насекомые, и ничто не могло поведать друзьям о том, куда запропал Фрике.

Тумонгон-Унопати был слегка ранен ударом пики в бедро. Увидев убитым одного из своих лучших воинов, он рассвирепел и стал что есть мочи топтать ногами труп малайца, лежавший тут же.

Благодаря принятым мерам предосторожности и привычной для даяков тактике ночного боя их потери были все же невелики. Насколько дерзки они днем, настолько осторожны ночью: построились в две шеренги, локоть к локтю, оцетинились пиками... Малайцы, несмотря на внезапность нападения и на численное превосходство, так и не смогли разбить эту фалангу. Конечно, оружие европейцев не помешало, но даяки обошлись бы и собственными силами. Словом, бандиты потерпели сокрушительное поражение.

Победители, как водится, устроили настоящий праздник: с ритуальными танцами, криками и отрубанием голов. Тумонгон радовался вместе со своими людьми, что не мешало ему то и дело поглядывать на землю, сиюсья отыскать хоть какие-нибудь следы, которые привели бы его к Фрике. Вождь даяков даже любил парижанина и переживал случившееся не меньше европейцев.

— Посмотри,— обратился он к Андре.— Я говорил, что смерть моей собаки дурное предзнаменование. Говорил? Но ведь мы устроили пышные похороны, все сделали как надо... Быть может, Патти-Паланкен считает, что этого недостаточно. Хорошо! Я отдам ему все отрубленные сегодня головы. Душа моей собаки поможет найти молодого белого. Мужайся, брат.

— Будьте осторожны, господин Андре,— вмешался Пьер.— Возможно, там, за деревьями, кто-нибудь скрывается. Как бы не получить удар в спину. Какое несчастье, что дождь смыл все следы. Мы бы могли отыскать их в траве и следовать за похитителями по пятам.

— Вы правы, Пьер. Несчастье случилось слишком быстро и неожиданно. И все же нужно попытаться найти Фрике. Мы должны немедленно отправиться в путь.

— С вашего разрешения, господин Андре, вы не так поняли мои слова. Я имел в виду, что вам нельзя идти в лес одному. С меня хватит Фрике. А если еще и с вами что-нибудь стрясется!..

— Дорогой Пьер, отважный друг мой,— прервал его

Андре, пожимая руку,— поверьте, что я воспринял ваше предупреждение как проявление заботы и дружеского расположения. Благодарю за добрый совет

— Я думаю,— вмешался доктор,— что сейчас нам будет нелегко найти Фрике.

— Откуда такая уверенность?

— Пока вы тут спорите, мы с Мажесте и двадцатью даяками обследовали окрестности и ровным счетом ничего не нашли.

— В таком случае мы все отправимся на поиски, будем рассматривать каждую травинку, каждый бугорок, каждый корешок. Внутренний голос говорит мне, что Фрике жив. Но с какой целью его утащили бандиты? Быть может, чтобы сделать из него заложника? Не хочу верить, что жизни нашего друга грозит опасность.

— Да услышат вас Небеса! — проговорил Пьер

Поиски продолжались двое суток. Безрезультатно. Правда, Унопати нашел носилки. Те самые, что распорол Фрике при побеге. Крови нигде не было видно, и все облегченно вздохнули, надеясь, что парижанину удалось бежать.

— Видите, Андре,— сказал доктор,— невозможно, чтобы этот парень так просто смирился. Надеюсь, с минуты на минуту мы найдем его. Ну, а если нет, то, полагаю, он сам отправится в столицу Борнео и, возможно, появится там раньше нас.

— Мне бы не хотелось уходить, не оставив опознавательных знаков. Быть может, Фрике удастся найти нашу поляну.

— Что вы собираетесь делать?

— Очень просто. Смотрите!

Андре отыскал самое заметное дерево и прикрепил к его стволу листок бумаги с надписью: «Копай». Затем, взяв другой листок и написав что-то карандашом, свернул его, засунул в пустую гильзу и зарыл под деревом. Дикари не знают французского, а посему никто не догадается, что здесь зарыт тайник.

Покончив с этим, все отправились в султанскую столицу

Путешествия в здешних местах, как правило, сопряжены с множеством опасностей. Но случается, что человек проходит даже очень значительные расстояния, нисколько не устав и не подвергаясь ни малейшему риску. Так случилось с нашими героями. Тумонгон предупреждал, что смерть собаки — дурной знак и надо ожидать ката-

строфы. Исчезновение Фрике подтвердило его слова. Но дальше путешествие проходило спокойно. В этом, собственно, не было ничего удивительного, даяки здесь дома, это их земля, и белым в такой компании было неплохо провизии запасли достаточно, в каждой встречавшейся на пути деревне нанимали носильщиков,— везде открывался свободный путь.

Иногда бывает иначе, особенно если белые идут одни. Приходится вести долгие, изнурительные переговоры с местными жителями. И неизвестно, пропустят ли тебя дальше. Нравы здесь первобытные.

Надо сказать, что даяки никогда не уничтожают лесную поросль вокруг своих жилищ, используя ее как естественную защиту: они оставляют лишь узенькую тропинку, которую в любой момент можно замаскировать. Нередко случается, что путешественник блуждает среди зарослей и вдруг, неожиданно для самого себя, выходит к хижине на сваях. Нет смысла пытаться свернуть вправо или влево: вокруг поднимается плотная стена из колючих кустов и деревьев. Гости взбираются в дом по специальной лесенке, если прохожему необходимо пересечь деревню, такую же лесенку подставляют с другой стороны хижины, у начала новой тропинки.

Легко себе представить, что если подобное устройство вполне подходяще для обороны, то для обычного передвижения оно чересчур громоздко. К счастью на пути наших героев ничего подобного не встретилось. Они быстро пересекли Батан-Лупар и вот уже четверо суток шагали по земле султана. Все шло хорошо, пока путешественники не увидели военное укрепление.

— Неприятное соседство,— обратился Андре к Пьеру.— Нелегко будет пробить брешь в крепкой стене. Там видимо, скрываются солдаты султана.

— Да, чудная клетка. Вы намереваетесь предпринять осаду?

— И не просто осаду, дорогой мой, мы возьмем крепость.

— Если так, то ничего не имею против. с вами я готов на любую авантюру.

— Даже не вникая в ее смысл?

— Конечно, черт возьми.— Пьер рассмеялся.— Простите, господин Андре. Тут нет ничего особенного. Французский матрос не привык рассуждать, когда ему дан точный приказ. Вы — сухопутный человек и, возможно этого не знаете...

Пьер не успел закончить свою тираду о дисциплинированности французских моряков, как вдруг раздался страшный взрыв. Все вокруг заволокло белым дымом, а над стеной крепости поднялся султанский флаг.

Услышав грохот, даяки насмерть перепугались.

— Провалиться мне на этом месте, если это не пушка! Но заряжена она, ей-богу, кокосовыми орехами! А это знамя! Кусок тряпки...— заворчал Пьер.— Господин Андре, прошу вас, успокойте этих чудаков! Вы ведь знаете их язык. Не из-за чего так пугаться. Завтра же мы возьмем крепость.

Сомнений быть не могло. Белые и даяки оказались перед одним из форпостов, расставленных султаном Борнео по всей территории острова. Жалкое подобие крепости, которой и двух часов не продержаться под напором белых, могло привести в ужас только дикарей, понятия не имевших о тактике военных действий. Тем не менее необходимо было покончить с гарнизоном. Не оставлять же за спиной врага, способного помешать в самый решительный момент.

К счастью, у Пьера созрел план. Речь шла о том, чтобы под покровом ночи подкрасться к стене, сделать подкоп, заложить туда петарду и несколько килограммов пороха. Затем останется лишь протянуть шнур и поджечь его на безопасном расстоянии. Пьер головой ручался за успех, Андре благословил его, приказав быть осторожным.

Сказано — сделано. Охваченные беспокойством, Андре и доктор не сомкнули глаз. Когда Пьер наконец появился, до восхода солнца оставалось еще не менее часа.

— Готово! Сработано на славу. Через несколько минут увидите.

Пьер так все устроил, что взрыв прозвучал точно в назначенный момент. Даяки, не привыкшие к грохоту взрывов, дрожали, словно малые дети. Андре пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтоб хоть как-то успокоить их.

Тем временем наступило долгожданное утро. Увидев, что произошло, дикари, даже не дождавшись приказа, кинулись на штурм. Малайцы пытались восстановить стену, но у них было слишком мало времени.

Ничто не могло устоять перед натиском нападавших. Они захватили почти всю территорию крепости и безжалостно уничтожали ее защитников. Даяки убили человек

шестьдесят, прежде чем белые смогли остановить их. Андре отдал приказ поджечь стену, но внезапное происшествие изменило его планы.

Откуда ни возьмись нагрянуло целое войско малайцев, не то привлеченных звуками взрывов, не то предупрежденных ночью. Те, кто еще недавно осаждали крепость, сами превратились в осажденных. Но, несмотря на то, что у них не хватило времени собраться с силами, наступавших встретил дружный огонь из карабинов. Малайцы похоже, никак не ожидали подобного приема. Они отступили, а вскоре принялись копать окопы.

— Любопытно! — сказал доктор. — Неужели эти мерзавцы намереваются взять нас измором?

Старый морской хирург оказался прав. Малайцы, поняв, что с ходу крепости им не взять (очень уж примитивно их оружие), решили предпринять долгую осаду.

К несчастью, провизии оставалось немного. Положение становилось отчаянным. День ото дня число осаждавших все увеличивалось и дошло до двух тысяч человек. Бедные даяки изголодались и похудели, но стойко переносили испытания. Белых била лихорадка, мучила анемия, они едва не умирали от истощения. Прошло уже двадцать два дня осады. А на двадцать третий в крепости появился с белым флагом высокий человек в полувосточном полумалайском костюме.

Андре плохо держался на ногах, но все же отправился навстречу. Парламентер приблизился на такое расстояние, чтобы слышен был его голос, и призвал осажденных сдаваться без всяких условий. Андре отклонил его предложение. Незнакомец произнес:

— Нам известно, кто вы такие и чего хотите. Мы знаем о ваших намерениях.

— Ну и заливай, — обратился Пьер к доктору, слушавшему очень внимательно. — Заливай, заливай! Хочешь выведать правду? Попробуй выуди из нас хоть слово!

— Ваши планы раскрыты, — продолжал парламентер. — Готовьтесь к поражению. Армия султана приближается..

— Чего вы хотите? — спросил Андре.

— Чтобы избежать напрасного кровопролития, бессмысленных убийств, вы должны сдаться в плен.

— При одном неслыханном условии: вы отпустите всех даяков и гарантируете нам жизнь.

— Они еще диктуют условия! Бросьте! Вы в наших руках.

— Пока нет. Знайте, что у нас хватит пороха, чтобы выбраться отсюда или взорвать себя...

— Нет-нет,— прервал его незнакомец.— Мне приказано препроводить вас живыми и невредимыми к самому султану, моему повелителю. Он сам будет решать вашу судьбу вместе с английским советником.

— Что там болтает этот болван? — спросил доктор.

— Я ничего не понимаю,— тихо отозвался Андре.— Здесь какое-то недоразумение. Во всяком случае, вмешательство английских властей нам на руку. Нужно этим воспользоваться.

— Вы согласны?

— Освободите даяков!

— Они будут освобождены.

— И нам оставят наше оружие?

— Да.

— Где гарантия, что ваши слова не ложь?

— Клянусь вам!

— Хорошо! Еще один вопрос: почему мы должны предстать перед англичанами?

— Вам предъявлено три обвинения: в пиратстве, в захвате «Конкордии» и в убийстве сэра Паркера, брата правителя Лабуана*.

Через неделю Андре Бреванн, доктор Ламперьер, Пьер и Мажесте, сопровождаемые многочисленным войском, вошли в столицу. Их привели в роскошный дворец, возвышавшийся посреди города и окруженный охраной из малайских и индийских солдат. В огромной зале друзья увидели человека с большим тюрбаном на голове. Рядом стояли индийские карабинеры. Однако английского представителя что-то не было видно... Парламентер солгал.

— Господин Андре,— тихо сказал Пьер,— сдается мне, что мы горим.

И вдруг раздался пронзительный вопль.

* Лабуан — маленький остров в Южно-Китайском море, у северо-восточных берегов острова Борнео, у выхода из бухты Бруней.

ГЛАВА 13

Угроза.— Пленница и ее охранник.— Шум восстания.— Многоликая армия.— Арсенал.— Вперед!...— Султан мертв...— Да здравствует султан!— Кто он?— Незнакомец.— Новые подвиги парижского паренька.— Победа Фрике, тигра и обезьяны.— Меу, взять!..

Читатель, должно быть, помнит суматоху, прервавшую разговор мисс Мэдж и ее похитителя. Неожиданные события произвели на них различное впечатление; мисс Мэдж не могла скрыть радости, а Винсент Бускарен страшно побледнел, лицо его нервно задержалось.

Для пленницы шум мог означать освобождение, тогда как ее собеседнику он не сулил ничего хорошего. Винсент ударил в гонг. Не успел еще смолкнуть металлический гул, как появились двое: мужчина — высокий араб с гордым орлиным профилем и свирепым взглядом, в руке он держал сверкающий дамаский клинок, а к поясу были привязаны два богато украшенных револьвера, таких красивых, что не хотелось думать об их истинном предназначении; и женщина — мулатка с округлыми бедрами, белоснежными зубами и коралловым ртом, на ней были богатые одежды, а из-под кокетливого головного убора виднелись прекрасные черные волосы.

Мулатка бросилась к девушке, закрыла ее собой и грозно взглянула на араба. Тот, неподвижный, точно бронзовая статуя, ждал, что скажет хозяин.

— Могу ли я рассчитывать на тебя, Али?

— Приказывай, господин.

— Сколько у тебя людей?

— Тридцать.

— Верных?

— ...и бесстрашных.

— Готовы ли они умереть по моему приказу?

— Они готовы на все ради того, кого любит Аллах!

— Ты отвечаешь мне за жизнь этой девушки.

— Отвечаю своей головой.

— Ты будешь защищать ее до последней капли крови.

— Да, хозяин.

— Ты безжалостно убьешь всякого, кто попытается приблизиться к ней.

— Клянусь.

— Хорошо! Спаси тебя Аллах! Послушайте меня, мисс. Я не предполагал, что события развернутся с такой

быстротой. Похоже, город охвачен восстанием. Быть может мне суждено погибнуть...

— Какое мне дело до вас и ваших бандитов?

— Мисс!..

— Довольно! — гордо отвечала девушка.

— Молю вас, не судите слишком строго. Я не тот, за кого вы меня принимаете, я не преступник. Цель оправдывает средства. А в моей цели нет ничего незаконного. Завтра... Завтра, если останусь жив, я буду султаном Борнео. Слышите, мисс? Султаном... Я сяду на трон. Хотите ли вы стать моей женой?

— Никогда! — медленно, четко выговаривая слоги, произнесла Мэдж.

— Или со мной, или в могилу!.. — в ярости воскликнул Бускарен и вышел.

Как только он исчез, девушка сразу как-то обмякла, решимость оставила ее, она дрожала всем телом, рыдания сдавливали ей горло. Мэдж кинулась к мулатке. Та, стараясь успокоить хозяйку, продолжала бранить араба. Нервный припадок, к счастью, скоро закончился, и девушка удалилась в сопровождении служанки в свои покои.

Вдалеке шумел город. Это было тем более странно, что улочки здесь чрезвычайно узенькие и кривые, а кроме того, со всех сторон проходят водные каналы (основные пути города), все это делает практически невозможным большие скопления народа.

Из центра послышались выстрелы, к облакам поднялись легкие струйки дыма. Внезапно загорелись дома, и пламя с невероятной быстротой распространялось все дальше и дальше. Всюду царила паника.

Выйдя из себя всего лишь на мгновение, Бускарен, покинув мисс Мэдж, вскоре вновь успокоился и стал самим собой; если бы не нервный тик и не горящие гневом глаза, никто бы не догадался о том, какой взрыв произошел только что. Винсент удалился к себе всего на несколько минут, чтобы надеть турецкий костюм, и вышел в сопровождении эскорта до зубов вооруженных малайцев. В сопровождении слуг он сел в лодку, взявшую курс на крепость на другом конце города.

Несмотря на внешнее спокойствие, Бускарен был не на шутку взволнован. Он долго готовился, чтобы захватить трон, и вдруг бунт... Конечно, неожиданным его не назовешь; в последнее время частенько возникали волнения, и их с трудом удавалось подавить. Но никто не мог предугадать такого развития событий. Какие тайные силы подтолкнули восстание?

Время от времени лодка останавливалась, Бускарен перекидывался несколькими фразами с кем-то на берегу и плыл дальше, к крепости. Наконец прибыли к величественному и мрачному зданию с узкой деревянной дверью и массивными железными затворами. Прибывшие прошли длинным коридором и оказались в просторном зале, посреди которого кипело оживленное собрание.

Смешение рас и наречий представляло собой странную и пугающую картину; европейцы с иссушенными тропическим солнцем лицами, горбоносые арабы с фанатичными глазами, бронзовокожие и невозмутимые, словно статуи, индусы, мощные негры-атлеты, малайцы с изуродованными в бою лицами, пропитанные опнумом китайцы, метисы... Все бестолково суетились, толкая друг друга, шумели, бранились.

Это было настоящее бандитское логово. Стены сплошь увешаны оружием всех видов: английские карабины, малайские кинжалы, ружья, кавказские клинки, турецкие палаши, дамасские пистолеты, американские револьверы, сабли даяков — словом, все, что только придумали люди для того, чтобы убивать.

С появлением Винсента суета прекратилась, шум стих. Человек, чье появление произвело столь сильное впечатление на присутствующих, был воистину Повелителем ночи. Помолчав и окинув внимательным взглядом разноликую толпу, он произнес слова приветствия:

— Благодарю, друзья мои, за то, что вы собрались здесь в решительный час. Ведомый единой целью, ни один из вас не спасовал перед опасностью, несмотря на то, что смерть подстерегает нас каждую секунду. Еще раз спасибо! Вы долго готовили переворот. Трон жестокого монарха пошатнулся. Великий час наступил! Может ли быть вознаграждение большим, чем полное и безраздельное владение султанатом и всем, чем богат остров Борнео? Вперед!

Мой отважный Иривальти. Тебя, факира из Буда-Сура, султан пытал и морил голодом, желая превратить в бессловесного раба! Сегодня Иривальти — раджа! А ты, Лоу-а-Кан! Твое тело до сих пор носит следы ожогов. И это тоже дело рук проклятого султана. Пусть же свершится отмщение. Абдалла, к оружию! Пусть все мусульмане в Европе откликнутся на твой зов! Вперед, Джая-Негара! Вас много, ваша смелость мне известна. Мужайтесь, братья, и завтра мы станем сказочно богаты. Мир будет в наших руках.

Толпа заволновалась, словно стая голодных хищников

при виде богатой добычи. Вооружившись, разбойники были готовы ринуться в самое пекло.

Внезапно Бускарен, наблюдавший за своими подручными, побледнел. Человек, одетый в арабский костюм, шепнул ему что-то на ухо. Через потайную дверь, весь в поту и в крови, появился посланец. Рукой вошедший держался за рассеченную грудь, словно бы хотел хоть как-то удержать иссякавшую по каплям жизнь. Среди общего оживления и суеты его поначалу никто не заметил.

— Гы лжешь! — тихо прошипел хозяин, сжав зубы.

— Нет, хозяин! Я сам видел. Султан мертв. Убит охранниками. Среди них есть и белый, настоящий демон. В его руке разящий меч.

— Говоришь, белый? Кто он, откуда?

— Его никто не знает. Индийцы торжественно внесли его в тронный зал, и теперь..

— Продолжай!

— Дворец закрыт. Его охраняет гвардия. Незнакомец готовится к обороне, и народ вместе с ним.

— Проклятие! Посмотрим, что это за самозванец. Он еще узнает, кто здесь хозяин!

Когда солнце поднялось над столицей Борнео, в этот памятный день, по дороге, ведущей к крепостной стене, шел бедно одетый молодой человек. Глядя на его лохмотья и стертую обувь, можно было подумать, что шел он издалека. Если бы наши друзья, находившиеся еще в двух днях пути от города, встретили бы этого человека, то необыкновенно обрадовались бы ему.

«Фрике, мой матрос!» — воскликнул бы Пьер.

Это действительно был отважный парижанин. Он подошел к воротам, возле которых стоял на часах малаец. Увидев незнакомца, часовой, ни слова не говоря, преградил ему путь. Фрике хотел было пошутить, но малаец, похоже, не понимал шуток: вид у него был довольно воинственный. Он собирался оттолкнуть Фрике, но тот предупредил атаку и отбросил противника метра на два.

— Ну что ж, друг мой, — обратился парижанин к запутавшемуся в одежде часовому, — хорошо же вы приветствуете путников. Я хоть и хлопотный гость, но в мои планы не входит ни съесть вашего правителя, ни штурмовать город. Будь умницей и дай пройти.

Фрике сделал шаг, не сводя глаз со своего противника. Едва он отвернулся, малаец бросился в атаку, но получил сильнейший удар и отскочил. Справиться с одним малайцем для парижанина не составляло труда, но на крик

сбежались другие, человек тридцать, во главе с офицером который, однако, предусмотрительно держался позади.

— Предупреждаю, лучше пропустите. Я за себя не отвечаю.

Фрике окружили. Со всех сторон сверкали клинки

— Ну что же! Тем хуже для вас. Запомните, не я первый начал.

Парижанин отступил на несколько шагов, набрал воздуха в легкие и обрушился на малайцев. Первый упал с разможенным черепом, другой уронил оружие и схватился за сломанную руку, дико крича.

— Давайте, давайте, картонные вояки! Я с удовольствием расправлюсь со всеми. Надо же мне поразмяться

Малайцы, несмотря на численное преимущество, колебались: неожиданное происшествие повергло их в ужас.

Фрике пронзительно свистнул, и откуда ни возьмись появился тигр, а с ним и громадная обезьяна с дубиной в руке. При виде этой парочки малайцы бежали.

— Браво, Меу!.. Браво, Предок!.. Молодцы, друзья мои! Втроем мы завоюем город.— В голове парижанина мелькнула дерзкая мысль.— А что, если мне взять пленника. Неизвестно, как обернется дело. Быть может, он послужит мне заложником. Меу, взять! — дал команду, указывая на офицера, Фрике.

Тигр в два прыжка догнал беднягу и, осторожно прикусив, притащил к хозяину ни живым ни мертвым. Картина была уморительная.

— Прекрасно, дорогой мой! Надеюсь, ты его не слишком помял. Сегодня вечером получишь сахару. А вы, господин хороший, извольте следовать за нами. Вам не сделают ничего плохого, но попытайтесь вести себя хорошо. Сами понимаете, Меу ничего не стоит проучить вас.

Если офицер и не понял слов, то догадался обо всем по жестам, да к тому же и страх сделал его сообразительнее: он послушно встал между тигром и обезьяной и поплелся за воинственным незнакомцем.

Можно себе представить, какое впечатление произвела на прохожих эта странная процессия. Осторожный Фрике держал наготове револьвер и то и дело внимательно осматривался по сторонам. Однако грозный вид его спутников отпугнул бы любого, так что предосторожности были излишни.

— Надо попробовать заполучить еще одного пленного. Чем больше заложников, тем безопаснее.

На этот раз помощи тигра не понадобилось. Из-за угла показался раджа в сопровождении двух рабов: один нес его

зонтик, другой — шкатулку Раджа направлялся к лодке, но Фрике, приставив ко лбу вельможи револьвер, жестом, не допускавшим возражений, пригласил того присоединиться к кортежу.

В это время на улице появилась группа вооруженных ружьями индийцев в больших белых тюрбанах, одетых в белоснежные куртки и широкие шаровары

— А! — пробормотал Фрике, заметив, что при виде его отряда индусы остановились как вкопанные.— Вот это, кажется, настоящие солдаты. Если мы им не понравимся, дело может принять плохой оборот

ГЛАВА 14

Сипаи на службе у султана Борнео.— Индеец отказывается есть свинину.— Ужасные последствия.— Когда придет час расплаты? — Сипаи удивлены: белый человек укротил тигра и обезьяну.— Цветок лотоса и маисовая лепешка.— Уличный бой.— Ну и Фрике! — Месть Иривальти.— Султан Борнео!*

Несмотря на влияние, которое оказывал на него Винсент Бускарен, султан Борнео чувствовал, что живет в атмосфере предательства. Что с того, что Хасан-Винсент уверял в преданности и бесконечном уважении? До султана доходили невероятные слухи, и он становился все подозрительнее и подозрительнее. Возможно, ему и в голову не приходило, что европеец стремится свергнуть монарха, однако интуитивно он чувствовал, как качается его трон. Хитрый султан тем не менее не показывал виду иностранным дипломатам, всячески демонстрируя стабильность и безопасность своего положения.

Вот уже десять лет, как он правил островом, и единственной его заботой были налоги: побольше выжать из горожан и сельских жителей. Нетрудно представить, насколько непопулярен стал монарх за это десятилетие. Подобная политика, игравшая на руку лишь толстым кошелям, снискала султану самую лютую ненависть народа. А появление нового правителя всегда связывают со свободами и льготами, так что нынешнему было чего опасаться.

Доверяя своему обычному окружению лишь внешне, султан нанял батальон индийцев, пятьсот отборных сол-

* Сипаи — солдаты английской наемной армии в Индии, созданной колонизаторами из местного населения

дат, вымуштрованных и дисциплинированных, единственных, кто во время восстания 1857 года* остался верен англичанам. Это внушало султану некоторую уверенность в том, что, не предав в первый раз, индийские войска не предадут и во второй. Новой гвардии предоставили всевозможные льготы и почести, осыпали солдат милостями. От них зависела жизнь султана и судьба его династии.

Индийцы демонстрировали правителю Борнео свою преданность и верность, вызывая ненависть и порождая ропот среди малайцев, завидовавших богатству и положению иностранцев. К несчастью, жестокая натура султана взяла верх, и в один прекрасный день ему захотелось во что бы то ни стало заставить одного из наемников, индийского лейтенанта, попробовать свинины, что настрого запрещала его вера.

Грубая шутка повлекла за собой отнюдь не шуточные последствия. Сипай, а именно к ним принадлежал лейтенант, терпеливы, выносливы и неутомимы, но приходят в бешенство, лишь только кто-то посягнет на их религиозные обычаи, ибо, что бы ни случилось, они прежде всего верующие, а потом уже солдаты.

Лейтенант Иривальти наотрез отказался взять в рот свинину. Султан пришел в ярость. Он желал сломить дерзкого и забылся до того, что ударил офицера. Ликование малайцев, присутствовавших при этом, вернуло его к реальности. Но было уже слишком поздно. К тому же Бускарен нашептал султану бросить Иривальти в темницу. Подобный совет пришелся по нраву жестокому повелителю. Но из осторожности инцидент был скрыт от наемников. Иривальти исчез.

Бускарен решил воспользоваться ситуацией; когда несчастный Иривальти, избитый до полусмерти, окровавленный и голодный, оскорбленный и униженный, был брошен в темницу, Винсент помог ему бежать, переправил в свою крепость и приказал слугам ухаживать за индийцем, пока тот не поправится. Бускарен посетил больного, как только тот смог держаться на ногах. Иривальти поцеловал рук своего спасителя.

— Хозяин,— сказал он,— наступило ли время отмщения?

— Еще нет.

— Ты же не хочешь, чтобы мой пыл угас в бездействии?

* Речь идет об индийском национальном восстании 1857—1858 годов против английских колонизаторов.

— Терпение!

— Мой предок — черный тигр, и я, да будет тебе известно, сделан не из глины. Взгляни на мою кожу. Это бронза. Она темнеет от жестокости, как кожа белого — от солнца.

— Чего ты хочешь?

— Послать моим братьям цветок голубого лотоса, чтобы они знали: час мести пробил. Я хочу послать всем индийцам на острове маисовый пирог — знак нашего единства.

— Хорошо, Иривальти. Мне неведомы ваши обычаи, но мы вместе, и пусть твои обычаи станут моими.

— Это слова истинно верующего. Когда ты будешь готов?

— Не раньше чем через две недели. Да и тебе еще надо встать на ноги

Иривальти лукаво улыбнулся, выхватил из-за пояса Бускарена нож и вонзил себе в бедро. Полилась кровь.

— Что ты делаешь, несчастный?

— Ничего, хозяин.— Индеец пожал плечами, протянув нож Бускарену.— Сколько раз тело мое кровоточило от ран! Взгляни на эти рубцы. Большинство из них сделаны добровольно. Я был факиром и выделял такие трюки для того, чтобы заработать несколько рупий и поддержать репутацию святого.

— Ну ладно. Я не нуждаюсь в новых доказательствах твоей отваги. Выздоровливай поскорее. Найди своих друзей-сипаев и расскажи им, как тебя унизили. Пусть твоя ненависть по капле перейдет и в их сердца. До свидания, Иривальти! Будь осторожен.

Добившись дьявольской хитростью преданности индийских солдат, единственных, на кого мог рассчитывать султан, Бускарен уже не сомневался в победе. Только случай мог теперь помешать ему. Он был далек от мысли об истинной причине восстания в городе, полагая, что его подняли посланные им люди.

Так обстояли дела, когда в городе появился Фрике. Увидев индийцев, он удивился, но и солдаты, встретив европейца в столь странной компании, удивились не меньше. Одно дело — опытный факир постигает секреты укрощения ядовитых змей и свирепых тигров, но совсем другое дело, когда белый спокойно шествует в компании обитателей джунглей. Такого индийцам видеть не приходилось. Юный сипай, подойдя к Фрике, протянул ему цветок голубого лотоса и кусочек маисового пирога — два таинственных символа.

Фрике умирал с голоду. Он пожирал глазами пирог и вдыхал дурманящий запах цветка. Еще немного, и он съел бы все это не задумываясь, но тут командир батальона, мощный, мускулистый индеец, подошел к нему, протянув руки и умоляя жестом и взглядом вернуть предметы. Удивленный Фрике улыбнулся.

— Пожалуйста, если это доставит вам удовольствие.. Впрочем, как символы эти вещи прекрасны, сомнений нет. Но у меня пусто в желудке — я бы с удовольствием съел чего-нибудь. Думаю, и вы, друзья мои, того же мнения. Потерпите. Надеюсь, нам удастся найти что-нибудь и для тебя, Меу, и для тебя, Предок.

Тем временем цветок и хлеб снова оказались в руках индийцев. Когда последний солдат дотронулся до них, командир приказал по-английски: «На караул!» Не успел Фрике и его пленники опомниться, как очутились окруженными с двух сторон стройными шеренгами, словно на параде. Забил барабан, загудел рожок, и странный кортеж пустился в путь.

Среди всей этой возни Предок и Меу держались прекрасно. Орангутан лишь время от времени принимался раздраженно пыхтеть, но Фрике тут же успокаивал его. Удивительно, но Меу, казалось, был взволнован меньше. В общем, все шло неплохо, как вдруг..

Процессия шла через малайский квартал, направляясь ко дворцу султана. Парижанин, понятия не имея о том, что цветок лотоса и маисовая лепешка означают сигнал к восстанию, думал, что их ведут в казармы. Единственным его желанием было пообедать. Сипаи приняли его с почестями. Это вполне понятно и естественно. Почему бы и нет? Они увидели столько необычайного!

В малайском квартале индийцев встретили неприветливо. Сначала отовсюду раздавались оскорбительные выкрики, а потом в них полетело все, что попадало под руку. Командир сомкнул ряды и велел приготовить оружие к бою.

— Погодите! Погодите!. — пробормотал Фрике. — Сдается мне, что здесь солдат любят еще меньше, чем на моей родине, во Франции. Черт побери! Да, дело приобретает серьезный оборот. Индийцы слишком терпеливы. Я бы давно уже потерял терпение.

Раздался выстрел. Один из сипаев упал. Двое солдат унесли своего приятеля. Фрике, подобрав его ружье, убедился, что оно в порядке.

— Вперед! — крикнул он.

Началась беспорядочная перестрелка. Палили из-за каждого угла. Жители квартала, получив наконец возможность сразиться с ненавистными наемниками, взялись за пистолеты.

Командир отдал короткую команду, и шеренги сомкнулись вновь, образовав вторую линию огня, и теперь стреляли уже из карабинов. Малайцы чувствуют себя смелыми лишь тогда, когда превосходят противника в силе. Теперь же обстановка изменилась, и они побежали.

Один из индийцев вошел в дом, что находился неподалеку, и вскоре оттуда повалил дым. Обезумевшие жители старались спастись, выбежать из горящего здания, но наемники стреляли в каждого, кто показывался на улице. Через мгновение вокруг все пылало.

Фрике пытался успокоить Меу. Испуганный хищник прижал уши и угрожающе рычал, не признавая ни друзей, ни врагов. Он готов был наброситься на индийцев. Однако Предок внимательно следил за своим компаньоном, несколько не испугавшись выстрелов. Когда Меу собрался уже было прыгнуть, Предок схватил дубинку и что есть мочи ударил тигра. Бедняга тут же вспомнил недавние побои и послушно вернулся на место. Аргумент оказался сокрушительным. Меу, подобно собаке, уселся рядом с Фрике.

Сипаи были в восторге. Этот молодой европеец, почти мальчик с нежным пушком над верхней губой, необычайно вырос в их глазах; он не просто приручил обоих животных, но еще и сумел заставить одного из них следить за поведением другого!

Разве может такой человек не вызвать суеверного ужаса и безграничного уважения? Если бы Фрике знал прекрасный язык Калидасы, которым написана «Шакунтала»*, он, услышав то, о чем говорили индийцы, безмерно бы возгордился. Но, даже не зная языка своих внезапных союзников, парижанин понял, что может рассчитывать на их помощь не только на улицах города, но и в поисках своих товарищей и мисс Мэдж: сипаи стали отныне его личной гвардией.

Всего через несколько минут отряд достиг дворца. Тем временем султан, дрожа от страха, взывал к тем, кто, как ему казалось, остался верен трону. Шум на улицах всякий

* «Шакунтала» — драма величайшего санскритского поэта Калидасы (376—454); это произведение до сих пор не утратило своей популярности в Индии.

раз заставлял сжиматься сердце тирана, на протяжении десяти лет мучившего и угнетавшего миллион несчастных подданных.

Премьер-министр, единственный, кто сохранил хотя бы остатки хладнокровия, пытался принимать какие-то меры для защиты дворца; вызвал малайскую гвардию, поставил часовых, раздал оружие и боеприпасы. При виде сипаев страшное подозрение закралось в его душу.

— Государь! — вскричал он. — Государь! Спасайся, тебя предали!

— Ты лжешь, пес! — отвечал султан, выстрелом сразив беднягу наповал. — Хасан! Где Хасан? Пусть позовут Хасана!

— Он сейчас будет здесь, — слышался голос человека, одетого в окровавленные лохмотья.

Его внезапное появление как громом поразило султана.

— Иривальти!.. О, Боже! Пощади!

Да, это действительно был Иривальти, появившийся словно ангел мщения. Схватив монарха за бороду, он одним махом отрубил ему голову.

— Ко мне, друзья мои! Ко мне! Тиран мертв. Да здравствует султан Хасан!

Однако Иривальти поторопился. Он ничего не пообещал малайцам.

— Нет!.. Нет!.. — завопили те. — Только не араб! Не Хасан!

Иривальти был взбешен; он полагал, что восстание подняли по сигналу Хасана, и никак не мог думать, что причиной всему стало появление Фрике и перестрелка в малайском квартале. Малайцы кинулись на Иривальти и закололи его ножами, бросив тут же, рядом с трупом султана.

В это время сипаи проникли во дворец. Тут уже ружье было ни к чему, Фрике схватился за саблю. Дрались за каждый метр. Парижанин первым вошел в тронный зал в сопровождении Предка и Меу, который, проворно работая когтями и зубами, храбро сражался с малайцами.

Умиравший Иривальти, увидев молодого человека с цветком голубого лотоса в петлице, с трудом поднялся и крикнул:

— Ты будешь султаном! — Это были его последние слова.

Разъяренным индийцам потребовалось каких-нибудь пятнадцать минут, чтобы разделаться с малайцами. Пере-

ступая через бьющиеся в предсмертной агонии тела, командир подошел к Фрике и сказал по-английски то, о чем крикнул перед смертью Иривальти. Парижанин не поверил своим ушам,— его провозгласили султаном Борнео.

ГЛАВА 15

Фрике ничем не удивишь.— Друзья составили бы неплохой кабинет министров.— Тигр и орангутан ведут себя замечательно.— Фрике великолепно смотрится на троне.— Драгоценная сабля.— Неожиданное появление.— Предок и Меу скалят зубы.— Визит его превосходительства посла.— Грязное обвинение.

Должны с радостью сообщить читателю, что Фрике ничуть не вскружила голову происшедшая перемена. Перспектива жить как султан несколько его не прельщала.

— Султан Борнео! Я?.. Невозможно... Впрочем, пусть лучше так, чем иначе. Мало ли чего тут могло быть.

Быть султаном, править множеством подданных и обладать несметными богатствами... Все это сводилось для парижанина в одну фразу: пусть лучше так, чем иначе.

— Хороша монархия, если ее так просто свергнуть. Неровен час меня тут пристрелят. Пожалуй, надо бы воспользоваться случаем и разобраться, что к чему. Начнут требовать с меня должности, награды, почести. Если бы Пьер был здесь, я сразу же назначил бы его морским министром. Черт возьми! Эта должность как раз по нему. А Мажесте? Мажесте стал бы министром общественных работ. Господин Андре, возможно, согласился бы принять портфель министра внутренних дел, а доктор... Почему бы ему не заняться народным образованием? Он мог бы немало сделать на этом посту. Кабы были здесь такие министры, султану нечего было бы бояться. Да... Между тем надо подумать о дне грядущем. Стоит, наверное, приказать сипаям заняться укреплением дворца, чтобы никто не добрался до нашей царственной особы.

Однако индийцы начали строить баррикады, не дожидаясь приказа. Под командованием офицеров они возводили заграждения не только внутри дворца, но и за его пределами. Дисциплинированные и хорошо обученные солдаты быстро справились с этим делом. Впервые за весь день Фрике получил возможность перевести дух и утолить голод, не забыв, конечно, и о своих друзьях.

— Ну что, ребята? Надо быть готовым ко всему. Ты, Предок, поостерегись. Силы в тебе хватит на четверых здоровых мужиков, но не надо так безоглядно рваться вперед, могут подстрелить в два счета. Бери пример с Меу — он смел, но осторожен, что не мешает ему бить точно и вовремя. Не забывай, дисциплина в армии — это уже полдела, а осторожность вовсе не сродни трусости.

Орангутан и тигр внимательно слушали дельные советы и, казалось, абсолютно все понимали. Предок громко кашлянул, опустил свою палку, присел на корточки и обхватил голову руками. Похоже было, что он дремлет, облокотившись на собственные колени. Меу тихо мурлыкал, растянувшись на ковре, и точил когти, что явно не шло ковру на пользу.

Вошли слуги. Они старались держаться на безопасном расстоянии от зверей и замерли у двери.

— Что вы хотите? — спросил Фрике. — Мне больше ничего не нужно.

Командир сипаев подошел ближе, поднял обе руки ко лбу и ответил:

— Господин, слуги хотят облачить тебя в царские одежды. Султан носит белую тунику и тюрбан. Займи место на троне...

— Вы очень любезны. (Как тут не вспомнить бедного Мамамуши из мольеровской комедии?*) Вообще-то я не очень люблю переодеваться.

Офицер настаивал:

— Господин, поторопись! В этой одежде ты — священная персона...

— Моему предшественнику она не слишком-то помогла.

— Тебя провозгласил народ. Когда появится Хасан, он уже ничего не сможет сделать.

При упоминании имени Хасана парижанин оживился.

— Хасан!.. Вы сказали: «Хасан». Он ведь белый, не так ли?

— Да.

— Черт возьми! Это Винсент Бускарен, тот самый негодяй, который хочет жениться на нашей крошке. Надо бы мне подцепить этого ловкача. Хорошо! Я готов. Буду монархом. В конце концов, это всего лишь на один день. Похоже, султан не признавал гигиены, — ворчал Фрике, натягивая на свое платье белую тунику. — А тюрбан?..

* Речь идет о комедии Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве»

Придется рискнуть. Это даже красиво. Боже правый! Да тут бриллиантов на несколько миллиардов. Спокойно! Прежде чем уйти, сложу их в царский сундук. Надеюсь, они не подозревают, что я не собираюсь здесь долго оставаться. Пусть пока остаются в неведении. Теперь дайте мне саблю.

Принесли великолепный клинок, богато украшенный золотом и драгоценными камнями. Некогда сабля принадлежала доблестному Ахмеду-эль-Мансуру*, который и выгравировал на рукоятке слова: «Аллах в душе того, кто верит».

Великолепное оружие было явно не по силам повергнутому монарху и потому лежало в его сокровищнице без употребления. Фрике поднял клинок и от удовольствия прищелкнул языком:

— Неплохо! Ей-богу, неплохо! Правда, слегка громоздко для того, кто привык к морскому кортику. Но, в общем, здорово. Ну, я — к вашим услугам, мои дорогие.

Парижанин уселся на трон и снова подозвал к себе командира сипаев, единственного, с кем мог общаться хотя бы по-английски. После долгих путаных переговоров индеец наконец понял, что речь идет о взятии логова Хасана, да так, чтобы оттуда ни одна живая душа не смогла выйти.

Фрике решил было отправиться вместе с батальоном, чтобы в случае чего протянуть руку помощи тем, кто беспрекословно подчинится новому султану; но вдруг двери тронного зала широко открылись, и на пороге появились четверо друзей в сопровождении малайцев. Фрике хотел уже было кинуться им в объятия, но передумал. А как посмотрят на подобный жест в отношении иностранцев сипаи, поднявшие его на такую высоту?

Новоиспеченный султан заметил, что, хотя у его друзей и не отняли оружие, они явно пришли сюда не по доброй воле, а под конвоем, о чем свидетельствовали воинственные взгляды малайцев. Одно неосмотрительное движение, и им могли перерезать горло.

И тогда Фрике издал хорошо знакомый его друзьям пронзительный крик. Произошло это так внезапно, что Андре побледнел, но тут же узнал парижанина и счастливо улыбнулся.

* Видимо, имеется в виду живший в XV веке Мансур-шах, при котором начался политический и экономический подъем Малаккского султаната.

— Это Фрике,— шепнул он на ухо доктору.— Все в порядке.

— Вот паршивец, настоящий дьявол! Оказывается, он и султаном может быть...— прогремел на весь тронный зал голос Пьера.— Как я рад! Ну и молодец! Дай обнять тебя, друг!

Легаль кинулся к трону, но индийцы преградили ему дорогу.

— Эй вы! Думаете напугать меня? Напрасно сверкаете глазюками. Тот, кто сидит на вашем троне, мой матрос, Фрике. Будь он хоть султан, хоть кто!.. Вы выбрали неплохого правителя. Думаю, что теперь у вас все будет прекрасно.

Однако индийцы не отступали. Пьер даже покраснел от злости.

— Черт побери! Да будь я королем Мадагаскара или самой Америки, разве это помешало бы моим друзьям общаться со мной? Разве они не могли бы пожать мне руку и выпить стаканчик-другой? Дорогу! Или я за себя не ручаюсь. Господин Андре, доктор, Мажесте, на помощь!

Малайцы отступили, но индийцы окружили европейцев и приготовились с оружием в руках защищать своего султана. Фрике сначала в растерянности наблюдал за происходящим, а потом вдруг пронзительно свистнул. В ответ послышалось грозное рычание, а затем глухое покашливание. У ног хозяина возникли две фигуры — тигра и орангутана. Животные ждали лишь сигнала к нападению.

— Разойдись! — сжимая в руке саблю, воскликнул Фрике.

Испуганные индийцы и малайцы разошлись по сторонам, а четверо друзей смогли наконец подойти к Фрике и обнять его.

— Дорогие мои! — Парижанин плакал и смеялся одновременно.— Наконец-то мы снова вместе! Спокойно, Предок! На место, Меу! Без глупостей. Эти люди — моя семья, и вы должны обращаться с ними, как со мной.

— Ну, парень, расскажи нам, как ты очутился здесь? — обратился к Фрике Андре.

— Да еще в роли султана! — подхватил доктор.

— Император, ну как есть император! А какой роскошный!

— Флики! — с наивным восхищением повторял Мажесте.

— Похоже, нашего полку прибыло. Теперь экспедиционный корпус пополнился еще двумя рекрутами. Эй! Да у тебя что, ноги отнялись и язык отсох?

— Вы все говорите одновременно! Можно мне раз в жизни немного помолчать? Да и не время — султан я всего лишь с сегодняшнего утра, а дел у меня уже неупрото. Кстати, где даяки?

— Вернулись в деревню.

— Бедняги, я хотел бы что-нибудь сделать для них.

Пока длился этот разговор, малайцы, эскортировавшие наших друзей, стояли в стороне, не понимая, что происходит. Они ожидали увидеть султана, а нашли на троне незнакомца, который к тому же освободил их пленников, а те, в довершение всего, подошли к трону совсем близко, хотя такой чести удостоиваются лишь избранные.

Старший среди малайцев попытался высказать недовольство, ведь он надеялся получить вознаграждение за четверых пленников.

— Тише! — приказал Фрике. — Еще слово, и я прикажу посадить тебя на кол.

Малаец испуганно умолк, уловив, очевидно, общий смысл сказанного, хотя Фрике и говорил по-французски. Доводы султана показались ему убедительными. Во всяком случае, в раскосых глазах засветились страх и восхищение.

— Теперь, друзья мои, — благо эти болваны оставили вам оружие, — надо быть посерьезнее. Отбросим шутки, ибо сей маскарад не продлится долго. Полдела уже сделано: мы снова вместе. Но не надо забывать о главной цели нашего путешествия.

— Мэдж! — воскликнул Андре.

— Наша девочка! — в один голос сказали Пьер и доктор.

— Я хотел вместе с сипаями отправиться на поиски негодяя, который держит ее взаперти, но как оставить дворец? От этих индийцев не скроешься, они смотрят на меня, словно я с неба свалился... Думается, что Хасан — Бускарен где-то рядом. Неужели нам пятерым не под силу с ним справиться?

— Фрике, — прервал его Андре, — послушай меня. Все, что ты сделал, правильно, мой мальчик. Но этого недостаточно, поверь. Наш враг слишком опасен; его хитрость неисчерпаема, а возможности очень и очень велики. У него целая армия. Думаю, надо вербовать людей (благо султану всегда есть чем расплатиться), надо немедленно спасать девочку. Возможно, что мы уже опоздали.

— Вы правы, Андре, — вмешался Пьер. — Вперед, на помощь мисс Мэдж!

Фрике приказал сипаям построиться и собирался уже отправляться в дорогу, когда раздались звуки фанфар и появился человек в сопровождении дюжины вооруженных матросов.

— Его превосходительство чрезвычайный посол английских владений! — гаркнул некто, исполнявший обязанности переводчика при англичанине.

— Молчи, — шепнул Андре парижанину, — пускай посол принимает тебя за настоящего султана, не раскрывая свое инкогнито, пока я не подам тебе знак. Тут что-то неладно.

Фрике, не проронив ни звука, кивнул, словно китайский болванчик.

— Могуущественного султана Борнео приветствует его светлость правитель английских владений от лица ее величества королевы Англии!

По знаку Андре Фрике чинно кивнул еще раз.

Посол слегка коснулся шлема рукой, затянутой в белоснежную перчатку.

— Могуущественный султан Борнео! — продолжал переводчик. — Совершенно кровавое преступление — убийство подданного ее величества, сэра Генри Паркера, выполнявшего здесь сугубо мирную миссию. В убийстве обвиняются четверо французов и негр. Они захватили яхту «Конкордия», уничтожили экипаж, злодейски убили сэра Паркера, брата его светлости правителя английских земель.

Так как его светлость убежден, что преступники находятся в данную минуту в столице всемилостивого султана, его превосходительство посол просит немедленно выдать их, дабы убийцы предстали перед судом и понесли суровую кару. Отказ будет воспринят как объявление войны, и в течение двадцати четырех часов правитель английских земель отдаст приказ обстрелять город.

Андре побледнел от гнева. Когда переводчик закончил, Бреванн заговорил с негодованием, в то время как англичанин по-прежнему сохранял хладнокровие и спокойствие.

Безупречное знание английского языка позволило молодому человеку в подробностях, но не многословно рассказать обо всех обстоятельствах, сопровождавших прибытие на Борнео наших друзей.

Англичанин слушал не шелохнувшись. Наконец он произнес:

— Совет разберется. Есть ли свидетели, могущие подтвердить истинность ваших слов?

— Английские матросы с «Конкордии».

— Все они умерли... И вам это прекрасно известно! Остался лишь один свидетель, и он выступает против вас. Двое матросов ввели синьора Пизани.

ГЛАВА 16

Лжесвидетель.— Кто такой синьор Пизани.— Это не английский посол.— Огонь! — Предок и Меу совершают подвиг.— Геройская смерть.— Во дворце Хасана.— К оружию! — Слишком поздно! — Мэдж исчезла.— «Конкордия»! — Паровая шлюпка.— Китайцы.— Нежданно-негаданно.

Бывший помощник капитана «Конкордии» вошел в полной тишине. Хотя французы и не могли знать всей меры ничтожности этого человека, но подозрения, некогда их мучившие, стали еще сильнее.

Возмущению наших друзей не было предела, но никто не проронил ни слова. Султан жестом подозвал к себе командира индийцев и что-то шепнул ему. Офицер склонился в почтительном поклоне, а затем, отсчитав двадцать солдат, поставил их у входа.

Лицо английского посла исказила недовольная гримаса. Он удивился и, похоже, даже забеспокоился, поняв, что не может выйти из тронного зала. Синьор Пизани мертвенно побледнел.

— Султан, ты слышал решение правительства Англии и ее величества королевы, ты слышал показания свидетеля,— вновь заговорил переводчик.— К тому же обвиняемые молчат, что красноречиво свидетельствует об их виновности. Отдай преступников английским властям. Пусть свершится правосудие!

Султан Борнео ничего не отвечал. Он с любопытством поглядывал на синьора Пизани, а потом склонился к Андре и тихо произнес:

— Продолжим. Это будет забавно.

— Султан отказывается выдать своих гостей,— сказал Андре.

— Это равносильно объявлению войны,— запротестовал англичанин.

— Пусть так.

— Отказ не может быть серьезным. Султану известно, что он потеряет все.

— Нам кажется, вы сами больше, чем султан, опасаетесь войны. Поверьте мне, стоит еще и еще раз хорошень-

ко подумать. Нынешний султан Борнео (Андре специально сделал ударение на слове «нынешний») не отступит. Английские войска потерпят здесь сокрушительное поражение.

— Сэр, вы оскорбляете парламентарера.

— Вы — не парламентар. Вы явились сюда в сопровождении вооруженных солдат и к тому же без документа, подтверждающего ваш статус. Наивно полагать, что такие люди, как мы, сдадутся на милость первому попавшемуся интригану

— Можете арестовать меня или даже перерезать мне глотку. Такого рода преступления вам совершать не впервой. Но знайте, что за моей спиной английское правительство...

Торжественную тираду прервал взрыв хохота. Султан Борнео поднялся со своего трона.

— Довольно, господин посол! Довольно! Ей-богу, вы меня уморите! — заговорил парижанин, скидывая с себя драгоценные одежды.

— Что случилось?

— Друзья мои, помните ли вы, как года три тому назад нам повстречалось судно под названием «Рона», оказавшееся не чем иным, как замаскированным пиратским кораблем? Гак вот, капитана этого судна звали Мариус Казаван или... синьор Пизани, присутствующий перед вами. Наконец я вспомнил его.

— Ну, парень! Ну, Фрике! Ты ведь абсолютно прав, черт побери! Это ж ясно как белый день... Теперь и я узнаю его! — вскричал доктор.

Потрясенный Пизани не мог вымолвить ни слова.

— Что до вас, господин посол, то не могу сказать точно, англичанин вы или американец, — продолжал Фрике. — Но когда я уступил вам место у машины, вряд ли вы могли предвидеть, где встретите меня вновь, не так ли? Отвечайте же, господин Джим Кеннеди!

Последние слова поразили мнимого посла как громом. Но, в отличие от совершенно растерянного Пизани, Кеннеди, всей душой преданный Бускарену, сумел взять себя в руки. Он подал знак своим матросам, и те сгрудились, ошестинившись карабинами.

— Ну что ж, — прорычал американец, — ты прав! Но триумф твой недолог. Огонь! Убейте их всех! Это приказ хозяина.

— Ложись! — завопил Фрике.

Пятеро друзей кинулись на пол. Раздался залп, но тут

же сипаи бросились на матросов и завязалась потасовка. Тигр и орангутан не отставали от солдат. Парижанин схватил саблю, за ним — Андре, доктор, Пьер и Мажесте. Через четверть часа все было кончено.

— Поздно! Слишком поздно! — внезапно закричал Фрике.

— Что с тобой, дружище? Ты ранен?

— На мне ни царапины. Но мои бедные звери погибли, спасая нам жизнь.

Молодой человек говорил правду. Когда он скомандовал «Ложись!», тигр и орангутан встали на защиту европейцев и приняли на себя удар, предназначавшийся людям. Смертельно раненные, они продолжали сражаться до последнего: преданные души пали геройской смертью при первом же столкновении с жестокой цивилизацией.

Фрике был вне себя. Он оплакивал друзей и даже не заметил вошедшего в зал посыльного. Пришлось Андре разговаривать с ним.

— Откуда ты?

— Господин, мы выполнили приказ. Ни одна живая душа не могла покинуть логова Хасана... Но город охвачен восстанием. Дворец в осаде. У Хасана гораздо больше сил: все бандиты Борнео на его стороне. Наш командир погиб, все погибли. Я смог дойти сюда, но и я умираю...

— К оружию! К оружию, друзья мои! — вскричал Фрике. — Больше нельзя медлить. Сипаи! Кто любит меня, за мной! Вперед!

Подняв с пола саблю султана Борнео, Фрике выбежал на улицу. За ним — наши друзья и сипаи. Несмотря на выносливость и хорошую тренированность, индийцы едва-едва поспевали за белыми.

Город со всех сторон был охвачен пламенем. Повсюду слышались выстрелы и крики о помощи. Однако удалось все же организовать оборону, и бандиты стали отступать. Наконец достигли дворца Хасана, в котором томилась Мэдж. Кругом видны были следы жестоких схваток — кровь, трупы, тела раненых на ступеньках.

Все двери оказались открытыми настежь. Мебель перевернута, кровь на коврах. Али, готовый скорее умереть, чем уйти со своего поста, погиб у входа в покои мисс Мэдж.

Девушки нигде не было видно. Друзья осмотрели все комнаты. Ничего! Дворец абсолютно пуст, мисс Мэдж исчезла. Фрике почувствовал, что силы покидают его. Он поблелел словно полотно и закричал от отчаяния.

— Фрике!.. Виктор, мальчик мой, возьми себя в руки,— обнял его Андре.— Будь же мужчиной. Мы найдем ее.

— Да... Конечно... Мы должны ее найти. Если она погибла из-за меня... Господин Андре, я не хочу жить.

Пьер оказался единственным, кто сумел сохранить самообладание.

— Друзья мои,— сказал он,— вряд ли эти негодяи оставят девочку в городе, охваченном хаосом. Должно быть, у них есть корабль, чтобы уйти в море.

— А ведь вы правы,— ответил доктор.— Нужно бежать на берег...

Каких только судов не было в порту! Американские и голландские, шхуны и бриги, парусники и паровики. Но один корабль отличался от всех элегантностью и красотой. Он удалялся от берега на полном ходу.

— Да это же «Конкордия»! — узнал его Пьер.

На борту друзья увидели группу мужчин, а среди них мелькнуло белое платье.

— Мэдж! — закричал Андре.— Девочка моя! Будь я проклят! Слишком поздно.

— Нет. Еще не все потеряно. Взгляните, вон там стоит паровая шлюпка,— вмешался доктор.

— Чья бы она ни была,— оживился Фрике,— я беру ее напрокат.

На борту оказался всего один человек. Английский моряк. Увидев Фрике, он попытался было сопротивляться, но парижанин очень быстро с ним справился.

— Пьер! К рулю! Держи курс на «Конкордию».

— Готовы?

— Да, да! Все пятеро на борту.

— Быть может, дожждаться сипаев?

— Будь что будет! Вперед!

Вскоре они нагнали «Конкордию». Решили взять ее на abordаж.

— Как только сделаем пробоину, все кидаемся на борт. Ваше дело — оружие, мое — Мэдж,— отдал команду Андре.

До яхты оставалось не более пятидесяти метров. Мэдж узнала своих друзей и подбежала к борту. Внезапно перед ней показалась голова Бускарена. И вдруг откуда ни возьмись — китайская джонка, прямо наперерез преследователям. Крик ужаса вырвался из груди Пьера.

— Стоп машина! Мы сейчас столкнемся.

Еще одно мгновение, и было бы поздно. Но радоваться

пришлось недолго. Пятеро друзей не успели опомниться, как очутились связанными на борту китайского судна. К ним подошел незнакомец:

— Прекрасно! Это именно те, кто нам нужен. Хозяин будет доволен. Заковать их в кандалы!

Но тут случилась новая неожиданность. Появился китайский матрос, который, рыдая, бросился наземь.

— Флике!.. Пьел!.. Друзья мои, как я лад!

— Виктор! Ты ли это?

— Я, конечно же я. Отец, это они...

Молодой человек сказал что-то по-китайски пожилому, и тот расплылся в улыбке.

— Вы вызволили моего сына из рабства, вы спасли ему жизнь. Нынче наступила пора платить долги. Можете положиться на меня.

...Тем временем яхта, уносившая Мэдж, почти скрылась за горизонтом.

Конец второй части

Часть третья

ПИРАТЫ ЗОЛОТЫХ ПОЛЕЙ

ГЛАВА I

Кошелек или жизнь! — Воспоминания о шляпе Гесслера. — Встреча парижского гамена Фрике с австралийским бандитом Сэмом Смитом. — Уличный мальчишка и бушрейнджер состязаются в боксе. — Что значит «корзина апельсинов» по-австралийски. — Самый сильный боксер провинции Виктория разбит наголову. — Неожиданное появление трех полицейских. — Сэм Смит убегает, Фрике недоволен властями.*

— Джентльмен!..

— Месье?..

— Стойте!..

— Да идите вы...

— Что вы сказали?

— Идите к чертям!

— Не понял.

— Плевал я на вас!

— Что?

— Ну, хватит!.. некогда мне тут болтать...

— Джентльмен... Ваш кошелек! Опустите его в белый шлем на дороге. Быстрее, если вам дорога жизнь!

— Мой кошелек? Да вы шутите! Какой может быть кошелек у нищего? Я себя в обиду не дам. Буду защищаться хоть этой дубиной!

— Неужели у вас нет ни денег, ни серебра?

— Даже золота... Кстати, о вашем шлеме. Я слышал о некоем Гесслере, он требовал, чтобы все поклонялись его шляпе. И это принесло ему несчастье. Не шляпе а именно ему.

* Бушрейнджер — так в Австралии называли беглых каторжников, скрывавшихся в кустарниковых зарослях.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что не прячь вы в кустах свою голову в этом дурацком колпаке...

— Что бы вы тогда сделали?

— Обошелся бы с формой, как и с содержанием — отдал бы хорошенько!

— Подумаешь, испугали!

— Вот и думайте!

— Ладно! Посмотрим!

— Видели уже.

Из кустов выскочил здоровенный детина, вооруженный двустволкой; голова его была повязана белым носовым платком.

— Наглости вам не занимать, — сказал бандит

— Вам тоже, — парировал юнец.

— А вы, кажется, смелый, черт побери!

— Хотите в этом убедиться?

— Не откажусь.

— К вашим услугам.

— Право, вы мне нравитесь.

— Вам не надоело болтать?..

— Вы — француз?..

— Да, и могу набить вам морду.

— Ого!

— Я немало измолотил их в жизни. И ваша вполне сгодилась бы для моей коллекции.

— Я — Сэм Смит!..

— А я — Фрике! Парижанин.

— ...Меня называют королем бушрейнджеров.

— А меня — султаном Борнео... При желании я мог бы остаться им и по сей день.

— На язык вам обижаться не приходится!

— На кулаки тем более.

— Мастер Фрике...

— Господин Сэм Смит...

— Что-то я заскучал.

— Бедняга!

— Целых два месяца не боксировал.

— При вашей профессии, однако, можно нахватать тумачков.

— Нет, — резко ответил Сэм Смит, сверля Фрике своими колючими глазами. — Те, с кем я имею дело, совсем не умеют боксировать.

— Как элегантно вы выражаетесь! Вероятно, до тонкостей овладели нашим прекрасным языком.

— Не только!

— Не сомневаюсь. Значит, вы убиваете каждого встречного?

— Конечно, у кого есть золото, если он не кладет его в мой шлем.

— Ну, а вдруг осечка, как, например, со мной?

— Тогда я предлагаю посостязаться в боксе и противник летит вверх тормашками!

— Но ведь и вам могут как следует врезать!

— Мне? Сэму Смит? Не бывало такого!

— Вам, видно, встречались одни слабаки.

— Слишком вы молоды, чтобы судить обо мне.

— А вы слишком самонадеянны! Но меня не запугаете!

— Берегитесь!

— Господин Сэм Смит!..

— Мастер Фрике!..

— Одно удовольствие беседовать с вами по-французски. На все находите ответ. Можно подумать, вы — мой соотечественник. Что и говорить! Знаток языка вы блестящий! Не угодно ли продемонстрировать, какой вы боксер?

— О-о! Хоть сейчас!

— Нет, погодите! Дело в том, что ваш вид не внушает доверия!

— Как это понимать?

— Вы вооружены с головы до ног, настоящий бандит с большой дороги. Заряженная двустволка; револьвер за поясом! А у меня только дубина!

— Ну и что из того?

— Вы можете в случае поражения пустить мне пулю в лоб!

Сэм Смит разразился хохотом, растянув до ушей рот, ощерившийся частоколом зубов — на зависть акулам.

— Честное слово, с этими французами не соскучишься... Успокойтесь, юноша! Оружие не понадобится, хватит и моих мускулов. Сейчас я положу ружье рядом со шлемом и займу оборону, а вы защищайтесь как можете, я согласен на любые приемы, в том числе и «башмак», столь любимый вашими соотечественниками, хотя любой боксер Соединенного Королевства считает этот прием недостойным джентльмена.

— Вы очень добры, господин Сэм Смит. Но к делу!

— Я готов, мастер Фрике.

Англичанин, верзила пяти футов десяти дюймов ро-

стом*, весь в узлах мышц, похожий на вяз, слегка согнул ноги в коленях и скрестил перед грудью два здоровенных кулака. Ничего подобного не стал делать Фрике. В его позе не было и намека на героизм. Он повернулся боком, сдвинув ноги, прямые, как трубы тромбона, правую руку согнул в локте, левой загородил бок, а ладони, раскрыв, повернул к противнику.

Англичанин весь напрягся, француз, напротив, расслабился и рядом с огромным детиной, которому едва доходило до плеча, выглядел весьма жалко.

Сэм Смит, настоящий мастер бокса, знал, что первый удар решает обычно исход битвы. Фрике не спешил атаковать противника, сохраняя беспечный и насмешливый вид, пристально глядя в голубые с холодным металлическим блеском глаза англичанина.

— Не угодно ли господину начать? — пренебрежительно спросил он.

Сэм Смит с силой выбросил вперед руку, словно раскрутил пружину, и нацелил удар в голову Фрике, но попал в пустоту.

С необычайным проворством юноша откинулся назад, изогнулся дугой, коснувшись руками земли, и, прежде чем англичанин, потерявший равновесие, смог снова занять оборону, лягнул его в голень, да так стремительно, что заставил Сэма Смита вскрикнуть.

— Будьте здоровы! — насмешливо произнес Фрике, снова приняв небрежную позу. — Все по-честному, не правда ли? Вы сами мне разрешили пользоваться любыми приемами.

— Совершенно верно. И сейчас я сломаю вам ногу.

— Не выйдет. Вам придется присесть.

Сказано — сделано. Англичанин и не заметил, как получил подножку и плюхнулся на землю, не повредив, правда, при этом свой драгоценный зад.

Когда он, сконфуженный, стал подниматься, Фрике не без издевки заметил:

— Смотрите не разбейте ваши часы.

— Подумаешь! Видел я обезьян еще и половчее!

— Стыдитесь, господин Смит, можно подумать, вы мне завидуете. Но пока я лишь забавлялся... Хотел вас немного проверить. А теперь давайте всерьез! Идет?

— Я готов.

— Прекрасно. Будем играть всерьез.

* Соответствует 177 см.

Мы не сказали, что этот поистине странный поединок между парижским гаменом и австралийским бандитом происходил неподалеку от озера Тиррель, находящегося на пересечении 143° восточной долготы и 35° южной широты. Поболтавшись, как сказал бы Пьер Легаль, по Южно-Китайскому морю, Новой Гвинее, Малайзийским островам, достопочтенный Сэм Смит в конце концов оказался в центре провинции Виктория, одной из самых процветающих на Австралийском континенте.

И надо же было прославленному боксеру и столь же именитому вору встретить на дороге маленького парижского гамена и испытать на собственной шкуре, какой он достойный противник. Пожалуй, в душе англичанин уже раскаивался, что предложил Фрике состязаться в боксе. Но кто бы мог подумать, что этот худенький бледный мальчик окажется таким ловким и сильным? Лохмотья едва прикрывали его тело, не защищая ни от холода, ни от зноя. Из-под шляпы, кое-как сплетенной из листьев латании*, во все стороны торчали белокурые волосы. Но уж чего ему было не занимать, так это веселой отваги. Настоящий чертенок.

У Фрике не было ни гроша, а о лошади, ружье, сумке, которые есть у любого, самого бедного путешественника, и говорить не приходится. Фрике шел пешком, опираясь на палку, по мягкой, густой траве, образующей толстый ковер между банксиями, синими камедными деревьями и эвкалиптами. Голодный, но неунывающий, он был уже у цели, оставался всего день пути, когда австралийский вор, приняв Фрике за шахтера, прячущего под лохмотьями «корзину апельсинов», преградил ему дорогу.

Возможно, впервые в жизни Сэм Смит, большой любитель чужого добра, сам оказался обворованным, причем вдвойне. Начнем с того, что у Фрике не оказалось никакой «корзины апельсинов», иными словами — пояса, набитого золотым песком, а что может быть хуже для джентльмена с большой дороги, чем обмануться в своих ожиданиях?

Тогда англичанин захотел утешиться победой в боксе. Фрике должен был заплатить ему собственной шкурой. Но не тут-то было. Искусный боксер, Сэм Смит сразу почувствовал, что имеет дело с сильным противником, и потерял всякую надежду одержать верх над Фрике, хотя мальчик выглядел хилым и весил не более ста фунтов**. Не

* Латания — род пальм.

** То есть не более 45 килограммов.

помогли Сэму Смиту ни сноровка, ни ловкость, которыми он славился на всю провинцию, ни железные кулаки. Фрике ни секунды не стоял на месте, прыгал, скакал, то сожмется в комок, то распрямится стремительно, словно пружина. Он отражал каждый удар, как будто у него было четыре руки, а кулаки англичанина неизменно попадали в пустоту. Фрике наносил удары метко, ни разу не промахнулся, словом, продемонстрировал преимущества французского бокса над английским.

Весь в синяках и кровоподтеках, Сэм Смит тем не менее наслаждался этим состязанием с парижским гаме-ном. Оно было для англичанина настоящим праздником. Он больше походил на болельщика, чем на избитого соперника. Такого еще не бывало ни с одним из претендентов на звание чемпиона.

И что удивительно! Сэм Смит нисколько не сердился на мальчишку, напротив, проклятия перемежал громкими «ура» и аплодисментами. Он просто не мог не восхищаться искусством маленького бродяги. Мальчик был блестящим боксером. И Сэм Смит вовсе не раскаивался в том, что разрешил Фрике пользоваться любыми, даже недозволёнными, приемами. Наоборот. Он был в восторге, о чем свидетельствовали его возгласы и яростные удары, ни разу не достигшие цели.

Для бандита с большой дороги борьба превыше всего, и в этом смысле Сэму Смиту нельзя было отказать в честности.

Пожалуй, он многое позаимствовал от легендарного бретера* Жакмена Лампурда, прославленного Теофилом Готье**.

Фрике между тем оставался свежим и бодрым, как в начале поединка. Лишь на скуле едва заметно алело пятнышко да волосы у корней блестели от пота, как перламутр. Что же до Сэма Смита, то он дышал тяжело, словно тюлень, и все его тело было влажным.

Не переставая восхищаться великолепным и очень опасным поединком, Сэм Смит поинтересовался, чем занимается Фрике и что побудило его отправиться в Австралию.

— Решил попутешествовать,— ответил Фрике, нанося противнику очередной удар в челюсть.

* Бретер — забияка, задира (фр.).

** Готье Теофиль (1811—1872) — французский писатель и критик, автор историко-приключенческого романа «Капитан Фракасс».

— О-о! — воскликнул Сэм, выплевывая вместе с кровью два передних зуба.— Видимо, джентльмен либо миллионер, либо нищий...

— Ни то, ни другое, приятель...

— Пойдемте со мной... Из вас получится прекрасный бушрейнджер! Клянусь Богом!

— Что вы еще скажете? — крикнул Фрике, всадив каблук в грудь Сэма, будто в мешок с мукой и, заняв оборону, добавил: — Послушайте-ка! Долго еще вы собираетесь драться? Поглядели бы на себя! Нос синий, как баклажан, глаз заплаыл, зубы в траве валяются. А вам все мало? Чего же вы хотите, господин Сэм Смит?

— Победы, мастер Фрике!

— Вы как-то странно ее добиваетесь.

— Все ваши удары ничего для меня не значат. Я, как говорят на ринге, сырое мясо.

— Сырое мясо? — насмешливо переспросил Фрике.— Да вы просто плохо прожаренный бифштекс, который не возьмут самые острые зубы.

— Ну что же, мастер Фрике, давайте кончать.

— Я готов, господин Смит.

— Но прежде сделаем короткую передышку, мне надо вам кое-что сказать.

— Я весь внимание.

— Вы просто очаровали меня, мастер Фрике. И я не хочу оказаться вероломным. Знайте же, я употреблю все свое умение, чтобы одержать верх над вами. Я уже изучил все ваши приемы.

— От скромности вы не умрете, господин Смит.

— Мне тридцать пять, молодой человек. С двадцати пяти занимаюсь боксом. Было бы недостойно с моей стороны запугивать игрока вашего класса... Желаю вам быть счастливее тех, кому довелось испытать на себе мой тайный удар.

— Благодарю за любезность, господин Смит... Уж я постараюсь. Вы готовы?..

— Готов!

С этими словами Сэм Смит опустился на корточки, втянул голову в плечи и, поставив локти на колени, заслонил себя руками.

Таким образом, перед Фрике теперь была бесформенная масса напряженных мышц, готовая к удару и непробиваемая.

— Честное слово,— бормотал Фрике,— это похоже на бочку, взгроможденную на два эксцентрика. Пробить та-

кую массу может только восьмидесятимиллиметровое ядро.

Фрике призвал на помощь все свое мастерство, ринулся на противника и за десять секунд нанес Сэму Смиту двадцать ударов, пустив в ход не только кулаки, но и ноги.

Однако все усилия юного парижанина оказались тщетны. Удары отскакивали от Сэма Смита как от стенки.

Совершенно измученный, Фрике никак не мог понять причину неуязвимости англичанина, но чувствовал, что эта человеческая машина, состоящая из мускулов, вот-вот заработает и нанесет ему сокрушительный, возможно смертельный, удар.

Фрике не ошибся. В тот самый момент, когда он решил перевести дух, бушрейнджер, только и ждавший этого с хладнокровием истинного англичанина, вскочил со стремительностью раскрученной пружины. И Фрике показалось, будто нога его попала в тиски. С трудом сдержав готовый вырваться крик, француз, словно в тумане, увидел лицо бандита и услышал, как тот прошептал:

— Если эта чертова нога не сломалась как кусок стекла, значит, вместо костей у вас расплавленная сталь...

Так и не договорив, Сэм рухнул на землю: собрав последние силы, Фрике нанес ему удар в висок.

Падение Сэма Смита сопровождалось оглушительным «ура», и Фрике все еще сквозь туман увидел четырех всадников: трех европейцев и негра. Негр в красной шерстяной рубашке сидел на великолепной неоседланной лошади. Остальные всадники были в белых шлемах и голубых куртках с серебряными пуговицами, с карабинами через плечо, револьверами у пояса и короткими саблями, слегка изогнутыми наподобие мексиканских мачете*.

Всадники приближались потихоньку, чтобы не спугнуть соперников, и не могли сдержать возгласа восхищения, когда увидели, какой удар Фрике нанес Сэму Смиты.

Парижскому гамену просто повезло. Еще немного, и англичанин сломал бы ему берцовую кость, раздробил словно молотком. Это непременно случилось бы, опоздай Фрике со своим ударом хотя бы на долю секунды. Трудно сосчитать, сколько таких секунд было в жизни юного француза. Но Фрике, надо отдать ему должное, никогда не опаздывал.

* Мачете — большой тяжелый нож.

Тем временем Сэм Смит, красный, словно туша на бойне, дышал как кузнечный мех. Он лежал неподвижно и, казалось, был равнодушен ко всему окружающему.

Один из всадников молча подал Фрике фляжку рома, и француз, не питая ни малейшей симпатии к своему противнику, счел своим долгом влить ему в рот стакан живительной влаги.

Бандит громко чихнул, сел, поблагодарил Фрике и, увидев незнакомцев, издал яростный вопль:

— Проклятие! Полиция!

— Рады видеть вас, мастер Смит,— с вежливостью, несвойственной французским жандармам, произнес полицейский.— Чтобы найти вас, мы отмахали за четыре дня почти четыреста миль* и, поверьте, ни разу не потеряли след, как ни старались вы его замести.

— Черта лысого вы нашли бы меня,— мрачно произнес Сэм Смит,— не будь с вами негра, этой двуногой ищейки!

— Да, наша ищейка, как вы говорите, нам помогла. Теперь вас осудят и скорее всего повесят, мой дорогой мастер Смит,— добродушно и не без лукавства заявил полицейский.

— Повесят!.. Меня!

— Мастер Смит, ваши проделки в последнее время превосходят все допустимое, недаром власти провинции переполошились...

— Какая честь для меня!

— Да, разумеется. Только без выгоды, мастер Смит. За неделю вы убили двух возчиков и двух шахтеров...

— Э!.. Э!.. Делаю что могу, но еще не сплели для меня веревку.

— Кстати,— произнес полицейский,— я думал, вы работаете в одиночку. А тут вдруг компаньон.

— Как? — возмутился Фрике.— Вы полагаете, что я заодно с этим негодяем?

— Так вы, оказывается, француз!

— Да, господин, француз и ни разу в жизни не нарушил закона.

— Суд разберется.

— Суд? Что за вздор! С какой стати я должен предстать перед судом?

— Сыщик вправе задержать бродягу, возможного сообщника бандита, обвиняемого в кражах и убийствах.

* Здесь речь идет о сухопутной английской миле, равной 1604 м.

— Довольно странно вы определяете сообщников, если имеете в виду взбучку, которую я ему дал.

— Да, здорово вы отделали мастера Смита. Клянусь Богом. Нрав у вас крутой, и ваша поимка принесет нам славу. Вы станете героем дня, все австралийские газеты буквально переделерутся за ваш портрет и биографию.

Сэм Смит тем временем с трудом поднялся. Подполз к цветущему кусту мимозы и тихо свистнул.

— Что вы делаете, мастер Смит? — спросил веселый полицейский.

— Зову свою лошадь. Надеюсь, вы не потащите меня пешком, как простого жулика.

— Боже избави. Правда, лишь при условии, что вы поедете между нами, а вашу лошадь будут вести на поводу, чтобы я мог следить за каждым вашим движением с револьвером наготове.

Великолепная лошадь, белая, с хвостом и гривой аспидного цвета, гарцуя, приблизилась к Сэму Смиту и положила ему на плечо свою красивую с умными глазами голову.

— Клянусь Богом, прекрасное животное, мастер Смит.

— Мало сказать прекрасное. Не будь на его левой задней подкове трещины, да проклянет меня Бог, вы никогда не нашли бы мой след, а уж тем более не догнали бы меня. Ладно, что теперь говорить. Влип я, и все. Помогите мне, по крайней мере, сесть в седло, раз этот джентльмен довел меня до такого жалкого состояния.

Двое полицейских с готовностью спешили и попытались посадить раненого на лошадь.

Сэм Смит только и ожидал этого момента, хотя виду не подавал. Двумя ударами кулаков, резкими и быстрыми, как выстрелы из карабина, он буквально сразил полицейских, и они покатались по земле. Затем, с проворством тигра, Сэм Смит вскочил на лошадь и крикнул озадаченному Фрике:

— Вы невиновны, выпутывайтесь.

Третий полицейский не растерялся. Вмиг зарядил револьвер и выстрелил в беглеца. Но промахнулся. Англичанин изо всех сил стиснул бока своего несравненного коня, тот проскочил кустарник и исчез в тот момент, когда пуля, не долетев до цели, исчезла в стволе каучукового дерева.

— Не важно, — заявил незадачливый стрелок, — все равно мы его найдем. А нет, вы заплатите за двоих. — Блюститель закона бросил злобный взгляд на Фрике.

ГЛАВА 2

Англичане по другую сторону континента.— Начало колонизации.— С 1788 до 1880-го.— Как меньше чем за век население в миллион сто тысяч жителей достигло трех миллионов.— «Королева южных морей».— Парадоксы австралийской природы.— Отважные усилия, увенчавшиеся успехом.— Влияние губернатора сэра Томаса Брисбейна.— Страна золота.— Австралийская федерация.— Колониальная полиция, ее организация и бюджет.— Негры — ищейки полиции.— Тревога!..— Побег.

В 1787 году, во времена правления Питта*, по инициативе прославленного капитана Джеймса Кука, эскадра из одиннадцати кораблей под командованием commodora Филиппа покинула Англию и через восемь месяцев стала на якорь в 33°33' южной широты и 148°35' восточной долготы, в точке, за семнадцать лет до этого названной тем же Куком заливом Ботани-Бей**.

Корабли перевозили каторжников, мужчин, женщин, а также их детей, и еще двести солдат и офицеров охраны. Всего миллион сто тысяч человек.

Таким образом метрополия освобождалась от всякого рода отщепенцев и преступников. Их доставляли на отдаленные земли, где основывали что-то вроде нынешних исправительных колоний. Бык, четыре коровы и теленок, жеребец-производитель и три кобылы, тридцать три овцы и пять баранов, козы и свиньи — вот все, на что могли рассчитывать новые поселенцы.

Но произошло чудо. Единственное в летописи колонизации, вызвавшее восхищение экономистов. Поселенцы со временем превратились в богатейшую нацию, насчитывающую в настоящее время три миллиона жителей, обладающих миллионом лошадей, восемью миллионами голов рогатого скота и шестьюдесятью миллионами овец.

Таково сегодня положение Австралии, способной соперничать со старой европейской цивилизацией и носить гордое название «Королева южных морей».

* Питт Уильям Младший (1759—1806) — премьер-министр Великобритании в 1783—1801 и 1804—1806 годах, лидер так называемых новых тори. Один из главных организаторов коалиции европейских государств против революционной, а затем наполеоновской Франции. В 1787 году правительство Питта подавило ирландское восстание, в 1801 году ликвидировало автономию Ирландии.

** Сейчас в этом месте располагается город Сидней.

Все это было достигнуто меньше чем за столетие, и комментарии здесь излишни.

Порой кажется, что не только отдельные личности, но и целые народы, словно движимые неотвратимой судьбой, устремляются в погоню за счастьем, и яркий пример тому англичане. Им не откажешь в силе, отваге, особом колонизаторском чутье, наконец, просто в трудолюбии. Тот, кому повезет, преодолевает любые препятствия на пути к богатству. Но лишь благодаря упорному труду, который компенсирует возможные жизненные просчеты и ведет к процветанию. Едва ли человек преуспевающий станет полагаться на судьбу, тем более в наше бурное переменчивое время.

Англичане — народ, преуспевающий в делах. Им кажется: достаточно воткнуть флаг в бесплодную землю, где туземцы голодают, чтобы на этой земле вырос город и со всех сторон потекли реки изобилия.

Все сказанное в полной мере относится к Австралии, хотя поначалу трудно было себе представить страну, более неподходящую для колонизации. Первые путешественники, пораженные богатством флоры, мягкостью климата и реками, величественными, как реки старой Азии, подумали было, что Австралия и есть земля обетованная, но очень скоро испытали жестокое разочарование.

Этот большой континент, называемый тогда *Terra australis incognita**, мельком увидел в 1601 году португалец Мануэль Годенгу, затем его посетил голландец В. Янц, в 1606 году открывший мыс Йорк, исследованный другим голландцем — Д. Хартогсом**, который обнаружил также несколько соседних островов. В принципе континент этот должен был стать нидерландской землей. И в самом деле, голландский мореплаватель Питер Карпентер открыл на севере Австралии залив Карпентария, названный так в его честь, а Абел Янсен Тасман, тоже голландец, — Тасманию, отделенную от южной оконечности Бассовым проливом.

Однако свой флаг там никто не водрузил. Ни голландские мореплаватели, ни француз де Сент-Алуран, высадившийся юго-западнее мыса Луин*** в 1670 году, ни англичанин Дампир, приставший к западному берегу

* Неизвестная южная земля (лат.).

** Хартогс Дирк посетил австралийские берега в 1616 году.

*** Мыс Луин, крайняя юго-западная точка Австралии, был открыт командой голландского корабля «Левин» в 1622 году (по-голландски он называется мыс Левин).

в 1666 году*. На протяжении целого столетия то англичане, то французы, то голландцы подходили к берегу, создавали какие-то предприятия, влачившие жалкое существование. Так продолжалось до 1770 года, когда капитан Кук в один прекрасный день вступил во владение землей от имени короля Англии.

Как мы уже говорили, через восемнадцать лет коммодор Артур Филипп, назначенный верховным правителем колонии, серьезно взялся за дело, оказавшееся отнюдь не легким. В борьбе, начатой первыми поселенцами острова, и обнаружился колонизаторский талант англосаксонской расы. Тех, кто прибыл сюда впервые, поражало буквально все.

Во внутренней части континента к прочим трудностям прибавлялась еще одна, почти непреодолимая: недостаток воды. Большие реки Австралии несутся с гор, прокладывая себе глубокие русла среди долин, разливаются в травах, теряются в песках и с большим трудом достигают моря, ибо большинство из них не имеет крупных притоков, чтобы компенсировать ежеминутные потери.

Ограниченные собственными водами, сбегая с небольших склонов, реки натапливаются на дюны и образуют солончатые бездонные болота.

Попытка исследователей передвигаться по суше принесла им дополнительные жестокие тяготы. Они повсюду встречали диковинные деревья с тусклой листвой, изобилие бесплодных растений, а также странных существ, которые, казалось, своим существованием бросали вызов флоре и фауне других частей света. Австралия действительно земля парадоксов, лишенных реальности. В свое время я посвятил им специальный труд**.

А сейчас хочу процитировать размышления по этому поводу одного английского автора, поскольку спешу перейти к современности.

«Австралия,— говорит М. Уллаторн,— является антиподом Европы не только по своему географическому положению, но и во многих других отношениях. Природа в глазах европейца там сказочная в буквальном смысле этого слова. Когда у нас зима, в Австралии лето. К дождю барометр поднимается, к хорошей погоде опускается. Лебеди в том краю черные, орлы белые. Нередко встречает-

* Неточность автора: Дампир плавал у австралийских берегов в самом конце XVII века.

** «По Австралии, или Десять миллионов Рыжего Опоссума»

ся разновидность яйценосного крота, или утконоса. Он кормит детенышей молоком, а клюв у него утиный. У собак Новой Голландии голова волка, и они не лают*. Есть там птица с языком в форме метлы; рыба наполовину гаја**, наполовину акула. Треску ловят в пресной воде, окуня — в море. В Австралии можно увидеть крылатых змей, рыб с широкими пятнистыми крыльями, которые они складывают, как летучие мыши. Крапива достигает высоты большого дерева, тополь — не выше куста. У папоротника стебель в двадцать пять или тридцать футов, а ветви раскинуты на пять-шесть футов, как зонтик.

Эму, или казуар,— гигантская птица***, напоминающая страуса, вместо перьев у нее что-то вроде шерсти. Есть также птицы, подражающие свисту кнута, переливчато-му колокольчику, жалобному крику ребенка, раскаты-стому смеху. Деревья в большинстве своем ежегодно теряют кору, а листва остается. Обо всех этих чудесах можно рассказывать без конца.

Когда известный немецкий натуралист Блюменбах стал заниматься природой Австралии, он был так поражен, что усомнился в ее земном происхождении. И чтобы выйти из затруднения и объяснить самому себе существование Австралии, он, как и многие натуралисты в подобных случаях, придумал комету, некогда заблудившуюся и затерявшуюся в южном море!..

Но со временем, наивно добавлял автор этого «открытия», геологи обнаружили в Австралии следы потопа, более обильного, чем в других странах. Двое из них даже утверждали, что воды потопа в этой местности дольше, чем в других, не уходили под полярные льды...»

Поражали путешественников и исполинские деревья: миртовые, синие или красные (эвкалипты в голубой или красный горошек), с крепким негниющим волокном, достигающие шестидесяти — восьмидесяти метров высоты. Я уже не говорю о черных лесах, деревьях с волокнистой корой, кровавых лесах, плетеных лесах, пьяных лесах, гигантских соснах Муррея, древовидной жимолости, да мало ли еще что. А заросли мимозы, сирени, леса араукарий, банксий или казуарины, где резвятся кенгуру, фалан-

* Видимо, имеются в виду одичалые собаки динго.

** Научное родовое название скатов.

*** Эму и казуар — две разные птицы, относящиеся к двум различным семействам. Различны и районы их распространения: казуары обитают только на северо-востоке континента, тогда как эму первоначально занимали почти всю остальную Австралию.

ги, опоссумы, австралийские летяги, хаматуры, парамели и даже сумчатые крысы!

Да, трудно здесь приходилось эмигрантам. С другой стороны, несмотря на плодородие почвы и льготы, предоставляемые правительством первым поселенцам, многие из них переставали честно трудиться, предпочитая легкую наживу.

Капитан Мак-Артур первый заметил, что грубая и жесткая шерсть овец в климатических условиях Австралии очень быстро становится тонкой и мягкой. Однако его усилия развивать скотоводство не увенчались успехом. И только в 1822 году, когда прибыл назначенный губернатором Томас Брисбейн, колониальные предприятия заработали. Он сообщил в Англию, что бескрайние плодородные земли Австралии только и ждали новых поселенцев, ибо страна эта просто создана для колонизации, а также для развития скотоводства.

Это заявление Томаса Брисбейна, весьма популярного в Англии, вызвало приток колонистов; скотоводство приобрело в Австралии первостепенное значение. Вскоре эта страна вошла в период процветания, который длится по сей день.

Между 1830 и 1836 годами на юге континента недалеко от заливов Спенсер и Порт-Филлип были обнаружены новые пастбища. Эмигранты, пастухи и скваттеры*, покинули Новый Южный Уэльс со столицей Сиднеем и обосновались на берегах реки Ярра, где сейчас расположен город Мельбурн. В 1836 году население этой будущей колонии, через пятнадцать лет названной Викторией, уже насчитывало двести восемьдесят жителей, и среди них тридцать восемь женщин. Был там табун из семидесяти пяти лошадей, а также сто пятьдесят голов крупного рогатого скота и сорок одна тысяча триста тридцать два барана. За полгода до этого Ж. П. Фоукнер пришвартовал свое судно «Энтерпрайз» («Предприятие») у эвкалиптов, где стоял Мельбурн, нынешняя столица этой богатой провинции**.

С каждым днем англосаксы находили для своих ком-

* Скваттеры — колонисты, захватывавшие свободные необрабатываемые земли.

** Из документа, найденного лишь в 1877 году в архивах Сиднея, явствует, что первым исследователем Ярра был не Бэтман, не Фоукнер, а Чарлз Грайм, геометр из Нового Южного Уэльса. Значит, Грайм — подлинный основатель колонии. Впрочем, этот славный титул был ему присужден посмертно в 1877 году постановлением парламента. (Примеч. авт.)

мерческих устремлений все новые и новые возможности, и две соседние колонии, соперничавшие между собой, процветали тем более быстро, что английское правительство, прекрасно понимая собственные интересы, избавило Австралию от своих чиновников, обычно тормозящих развитие колоний. Ведь человек, выросший в колонии, лучше знает ее нужды и ресурсы и может лучше управлять, чем господа, только что прибывшие из метрополии. Поэтому в 1843 году Австралии был предоставлен представительный образ правления.

В 1851 году Виктория насчитывала семьдесят пять тысяч жителей! Каких только чудес не порождает магическое слово «свобода»! Всего за полвека англичане создали процветающее государство. Но не только способности помогали им, а еще и везение. И в без того богатой благодаря скотоводству Австралии было найдено золото.

Третьего апреля 1851 года Харгривс нашел возле бухты Соммер-Хилл (Сидней) золотые россыпи*.

Четырнадцатого августа того же года некий коногон, пересекая бухту Андерсена, увяз в иле. Освобождая колеса, он выбил киркой самородок золота в тридцать две унции**.

Новость распространилась молниеносно. Началась золотая лихорадка, все ринулись в шахты, яростно вспарывая чрево земли. Скваттер покинул свое стадо, моряк — судно, негоциант — торговый дом, адвокат — контору, даже врачи не устояли, бросили своих больных.

Город опустел и стал напоминать кладбище. Это был настоящий исход, массовая эмиграция, безумие, сопровождаемое бунтами, мгновенно нажитое богатство и столь же стремительное разорение, отчаяние, убийства — как в свое время в Сан-Франциско.

Вы уже знаете, что в Виктории до открытия золота в 1851 году было семьдесят пять тысяч жителей. В 1854 году число их возросло до трехсот двенадцати тысяч. Всего за год две тысячи пятьсот шестьдесят девять кораблей привезли восемьдесят четыре тысячи четыреста семьдесят пассажиров!

В любой другой стране подобное нашествие вызвало бы голод. Но казалось, все эти долгие годы скот размножа-

* По другим данным (см.: Марфунин А. С. История золота. Москва, 1987), россыпь Офир была открыта Э. Харгривсом в феврале 1851 года.

** Унция — мера веса, имеющая различное соответствие в метрической системе; около 30 г

ется для того лишь, чтобы прокормить эту обезумевшую толпу. Англичане, с их практическим умом и любовью к порядку, все предусмотрели, так что начавшаяся была паника быстро улеглась. Через некоторое время появилась горная промышленность, не прошло и двух лет, как были созданы крупные предприятия.

В настоящее время Виктория, единственная провинция, о которой пойдет речь в нашем повествовании, насчитывает почти миллион жителей, а ее столица — триста тысяч.

Еще несколько слов об этой стране удивительной судьбы, на редкость богатой. Как дерево, выросшее на благодатной земле, выпускает из своего ствола мощные ветви, раскинувшиеся во все стороны, так и Австралия благодаря неукротимой энергии и плодотворной деятельности англичан приумножила свои богатства, и из векового ствола Сиднея как бы появились на свет еще пять провинций: Виктория, Южная Австралия, Западная Австралия, Квинсленд и Северная Австралия. Каждая из них захотела жить по-своему, исходя из собственных потребностей и возможностей, соответственно своему климату, географическому положению, а также промышленности, иметь собственную власть, не разрывая связей внутри животворной и могущественной федерации.

Как бы поучительно и притягательно ни было изучение этих прекрасных земель, нам необходимо вернуться к герою нашего повествования, которого мы покинули если не в отчаянном, так, во всяком случае, в весьма неопределенном положении.

Об Австралии, справедливо названной страной чудес, можно рассказывать до бесконечности. И ниже мы снова сделаем экскурсы в ее историю и географию. А поскольку действие нашего повествования развертывается в провинции Виктория, то и ее описание, правдивое и полное, найдет место в «Приключениях парижанина».

Не будь Фрике нищим, он, несомненно, стал бы жертвой бушрейнджера. В этом случае о боксе не могло быть и речи. Сэм Смит уложил бы Фрике выстрелом из карабина и ободрал как липку. Но именно нищета бросила парижского гамена в руки полицейских, заподозривших его в сообщничестве с бандитом.

Справедливо или нет, но принято считать и в нашем полушарии, и на другом конце земли, что полицейские непогрешимы и потому не могут допустить оплошности, как это было в случае с бежавшим Сэмом Смитом.

А потому, что бы ни говорил Фрике, он представлял собой прекрасную добычу. На безрыбье и рак рыба, говорит пословица. Мальчишка предстанет перед судом, а полицейские за его поимку получат награду, если, конечно, он не выкинет какой-нибудь штуки.

С аппетитом уплетая большой кусок мяса, любезно предоставленный стражами порядка, молодой человек обдумывал побег, представлявшийся ему, не без оснований, делом совсем не легким, если учесть бдительность трех англичан и проницательность их черного товарища.

Фрике хорошо знал, что перед ним не обычные полицейские. И хотя каторжники давно исчезли, дороги Виктории были достаточно широки, а главное, достаточно пустынные, чтобы называться «большими». Там еще довольно часто встречались преступники, подобные Сэму Смиту, которые без зазрения совести грабили путников. И вот, чтобы обеспечить безопасность в районе шахт, предотвращать конфликты между китайскими кули и белыми, а также защитить прохожих от негров-людоедов, колония содержала жандармские отряды, пеший и конный. Пеший был создан для охраны города, а всадники рыскали по горам и долинам в поисках различного рода бродяг. Жалованье они получали солидное, около двухсот тысяч фунтов.

Отряды эти были немногочисленны, но очень мобильны и боевиты, прекрасно ориентировались на местности и умело обращались с преступниками, а также с подозреваемыми в преступлениях. Они, как говорится, проводили всю жизнь в седле. Только сегодня их видели в Сендхерсте, Кестльмене или Эмералд-Хилл, а уже завтра в девьяноста, а то и ста километрах от этих мест.

Всадникам помогали полуцивилизованные негры*, не знавшие себе равных в преследовании как своих сородичей, так и китайцев с белыми. Австралийский туземец никогда не теряет след, если даже едет верхом через леса и долины. Как ни странно, черная ищейка с особым удовольствием преследует своих братьев по крови, и беглецу нечего рассчитывать ни на передышку, ни на пощаду. С какой-то отвратительной радостью неумолимый преследователь отмечает зарубкой на прикладе карабина каждого, павшего под его ударами.

* Буссенар называет коренных жителей Австралийского материка «неграми», что, строго говоря, неверно, потому что у аборигенов «зеленого континента» очень много сходных черт с жителями Восточной и Юго-Восточной Азии.

Аборигену приказано очистить дороги, и он выполняет этот приказ с каким-то дьявольским упоением.

Оглушенные ударами бушрейнджера, полицейские отказались от немедленной погони, но при виде Фрике к ним вернулось хорошее настроение. Стоит ли огорчаться, если этот мальчишка вполне сойдет за сообщника бандита. Австралийским стражам порядка, в отличие от французских, несвойственно высокомерие в обращении с задержанными, скорее почтительность и даже добродушие. Они не пользуются ни кандалами, ни наручниками, дают пленнику относительную свободу, полагая, что двести или триста миль пустынного леса являются непреодолимым препятствием. Прибавьте к этому поистине удивительное чутье негра, и вы согласитесь, что побег вряд ли возможен.

Итак, после сытного ужина стражи порядка улеглись спать под огромными раскидистыми деревьями, чьи очертания вскоре растворились в ночной темноте. Фрике дали одеяло, и он, с видом человека, измученного перипетиями дня, свернулся калачиком, чтобы хорошенько отдохнуть за ночь.

Четыре лошади, стреноженные и спутанные веревкой, были привязаны к дереву и шумно жевали жвачку.

Ночь была на исходе, звезды уже проделали две трети пути, еще три часа — и солнце разгонит тьму. Царившую вокруг тишину нарушал только громкий храп. Полицейские, как известно, спят одним глазом, зато легкие их работают как мехи.

Неожиданно лошади перестали жевать и захрапели еще громче своих хозяев.

— Слышите? — сиплым голосом произнес кто-то из полицейских.

В этот момент послышался конский топот, приглушенный мягкой густой травой. Англичане и негр мгновенно вскочили. Фрике по-прежнему лежал на земле, закутанный в одеяло.

— Тревога!.. Лошади убежали...

— И арестованный тоже! — завопил один из жандармов, зацепившись за одеяло, — оно оказалось пустым, словно кокон, из которого вылетела бабочка.

Лошади были явно чем-то встревожены. Разрезать путы и вскочить в седло для англичан не составляло никакого труда. А вот негр остался пешим, одной лошади не хватало. Справедливо полагая, что кони кинутся вслед

за беглецом, полицейские прищипорили их, издавая громкий клич.

Несчастные лошади вздыбились, жалобно заржали и, рухнув, покатались по земле, увлекая за собой всадников.

ГЛАВА 3

Фрике развлекается.— Побег.— Избиение лошадей.— Цель оправдывает средства.— Фрике переодевается полицейским.— Через австралийский лес.— Юный француз оказывается хорошим эстрадным актером.— На пути к золотой россыпи.— Парижанин соглашается, что вооруженные силы полезны.— Золотое поле.— Лагерь золотоискателей.— Суд Линча.— Молодой человек собирается помешать народному правосудию.— Виктор Гюйон вынимает из петли повешенного.— Выстрел коммодора.— Возможные последствия выстрела из карабина.*

Пока три английских всадника, запутавшись в оборванной сбруе, ругались как настоящие немецкие ломовики, пытаясь выбраться из-под лошадей, Фрике мчался по лесу со скоростью метеора.

— Кажется,— бормотал он, корчась от смеха,— я не засиделся в компании этих поставщиков товара для виселицы. Допустим, меня застукали, когда я хотел перевести дух после победы над Сэмом Смитом, но с какой стати они решили протащить меня, будто какого-то вора, по этой бесконечной равнине, или бушу**, как они ее называют, да еще привести потом в суд. Нет, это уж слишком!

Я не был бы Фрике, истинным парижанином, если бы эти чучела задержали меня хотя бы еще на два часа. Представляю себе их физиономии, когда они увидели, что меня нет! Конечно, шутку я с ними сыграл злую, но они сами виноваты. Что это им вдруг взбрело в голову схватить меня? Или жулья в этой уважаемой стране мало, что надо бросаться на честных людей?

Будь я проклят, если у них не сломан хребет. Вот

* Коммодор — в британском флоте так назывался командир соединения кораблей, не имевший адмиральского звания.

** Буш — типичный для внутренней Австралии ландшафт, представляющий собой заросли колючих, густо переплетающихся, иногда совершенно непроходимых кустарников.

только лошадей жалко. Бедные! Ни за что пострадали! Попал бы мне в руки этот негр, который служит ищейкой! Хоть на несколько секунд! Я показал бы негодяю, как хватать ни в чем не повинных прохожих!

В общем-то я зря времени не терял. Дал хорошую взбучку этому подлецу, Сэму Смити... А теперь вот обзавелся отличной лошастью. Добыл я ее, конечно, не самым лучшим образом. Но война есть война.

А знаешь, лошадка, тебе выпала честь нести на себе матроса боцмана Легалю. Иди же прямо и держи курс на север!

Злая шутка, которую Фрике сыграл с полицейскими, на самом деле была жестокой проделкой. Закутанный в одеяло, Фрике лежал на земле, смотрел на звезды, прислушиваясь к громкому храпу стражей и придумывал, как ему убежать. В конце концов он пришел к выводу, что самый лучший способ — это самый простой. Тогда он вытащил из кармана нож, провел пальцем по лезвию, причем проделал это даже не шелохнувшись.

План побега был смелым и дерзким, и осуществлению его благоприятствовала крошечная тьма. С завидным терпением, достойным краснокожего на тропе войны, молодой человек проделал уйму движений, прежде чем бесшумно вылезти из одеяла, сохранившего при этом форму его тела. Так же тихо скользнув по траве, Фрике подобрался к лошадям и ударами ножа перерезал трем из них подколенный сустав.

Юный парижанин долго колебался, прежде чем решиться на такую жестокость. Мысль о мучениях этих благородных животных вызывала у юноши тошноту. Он чувствовал себя настоящим убийцей. Но как еще мог он освободиться от полицейских? И Фрике совершил задуманное.

Затем он бросился к четвертой лошади и помчался во весь опор, в то время как полицейские катались по земле, не в силах вылезти из-под брыкавшихся лошадей.

Когда опасность преследования миновала, гамен поехал медленнее, продолжая свой монолог:

— Живодер! До чего же гнусное ремесло! Не могу видеть страдания четвероногих! А вот двуногих хозяев тех трех лошадок мне ничуть не жаль. Пусть дышат с голоду! Ведь я увез все их припасы! В сущности, я не виноват. Я только обороняюсь. Чертовы жандармы! Пристали ко мне! На худой конец съедят лошадей, а потом раздобудут других, отнимут у кого-нибудь. Нет, лучше не

надо. А то негр найдет меня по следу. Впрочем, ничего страшного! Ведь я превосходно экипирован и готов сразиться с ними, как первоклассный крейсер.

Светало, и Фрике с восхищением рассматривал великолепный карабин «Мартини-Генри», притороченный к «бурдюку», патронташ, набитый патронами, чемодан с полным обмундированием вплоть до великолепного белого шлема, подвешенного к одному из ремней чемодана. С невозмутимой серьезностью Фрике заменил свою шляпу из листьев латании на шлем, напялил синюю куртку, в которой буквально утонул, вложил в патронник карабина патрон, повесил оружие на плечо и приподнялся в седле, чувствуя себя капитаном корабля.

Солнце в это время, прорвав пелену тумана, позолотило верхушки эвкалиптов с листьями, словно вырезанными из фольги. Белые какаду подняли свои желтые гребешки и болтали без умолку. Разноцветные попугайчики резвились в потоках солнечного света, а колибри наслаждались ароматом, разлитым грациозной ручкой богини цветов. Вспугнутые приближением всадника, убежали кенгуру, похожие на больших лягушек, запихивая на ходу своих детенышей в сумку. Каких только насекомых здесь не было! Все в ярких, пестрых нарядах. Огромные бабочки с сапфировыми крыльями кружили в воздухе. Ночные кукусы и опоссумы прятались в дупла вековых деревьев, гирлянды гигантских летучих мышей раскачивались на ветвях араукарий и древовидных папоротников.

Наслаждаясь этим поэтическим пробуждением природы с присущей парижанину любовью к загородной жизни и красивым пейзажам, которыми он никогда не пресыщается, Фрике не отрывал взгляда от окружавших его прекрасных видов, стараясь ничего не упустить; и это утомило — молодому человеку показалось, что время тянется нестерпимо долго, как вдруг он увидел на земле многочисленные следы лошадей и издал радостный крик.

— Наконец-то я смогу запутать след. И пусть теперь попробует негр найти отпечатки копыт моего коня среди всех остальных. Нет, не видать ему награды! Здесь, вероятно, проходит дорога, по которой скваттеры и золотоискатели ездят в новое поселение. А это и есть цель моего путешествия. Так что теперь мне остается лишь не спеша ехать по их следам. Зачем торопиться? Достойные полицейские не скоро смогут отправиться в путь... Но что за невезенье! Копыта у моего коня в форме клевера, их и близорукий заметит среди других. Дело серьезное. Та-

ких копыт, пожалуй, в этой местности больше не сыщешь. Может, это специальный отличительный знак всех жандармских лошадей... Или только моей? Не все ли равно! Надо что-то делать не мешкая. Наверняка в одной из сумок найдутся гвозди и молоток. Они должны быть у каждого, кто ездит по австралийскому бушу на случай, если лошадь потеряет подкову.

Парижанин нашел маленькую, но довольно увесистую сумку.

— Так и есть! Здесь все, что нужно. Есть даже клещи. Англичане — народ предусмотрительный. Изменить форму подков я, разумеется, не могу, а вот снять их не составит большого труда. И тогда след моей лошади не отличишь от других.

Фрике быстро спешился, привязал лошадь к дереву и за несколько минут расковал ее; после чего снова вскочил в седло и продолжал беседу с самим собой:

— Теперь все в порядке, можно двигаться дальше. Эти дураки полицейские считают французов легкомысленными, а сами ни за что не сообразят, до чего я додумался.

Фрике доверился коню, предоставив ему идти по давно проторенной тропе. Парижанин ехал без всяких происшествий, почти не останавливаясь и то и дело прикладываясь к запасам полицейских. Многие приметы на дороге свидетельствовали о близости города или населенного пункта.

Все чаще встречались свежие следы копыт, глубокие колеи тяжелых австралийских повозок, запряженных десятью, а то и двенадцатью лошадьми, всадники, с неприязнью смотревшие на Фрике, одетого в странный наряд; погонщики быков с огромными бичами, в красных рубахах нараспашку, с рыжей, выгоревшей на солнце нечесаной бородой; пастухи в ветхой златанной одежде, с собаками; золотоискатели, бледные, худые, измученные лишениями и изнурительным трудом. Все они бросали взгляды на Фрике, но не приветствовали его, как это принято у австралийских путешественников.

Фрике, удивленный этой холодностью, которая граничила с враждебностью и противоречила обычной вежливости, терялся в догадках.

— Ничего не понимаю! Что плохого сделал я этим добрым людям, обычно разговорчивым и общительным? Будь я Сэмом Смитом, тогда другое дело. Может быть, им не нравится моя полицейская форма? Но ведь от стражей порядка есть польза, и не малая, хотя они и совершают

время от времени промахи. И наконец, не все же здесь бушрейнджеры!

Вскоре сомнения Фрике рассеялись. Деревья и яркий зеленый ковер, усыпанный цветами, кончились, и взору парижанина открылась раскинувшаяся в пятистах или шестистах метрах широкая долина, лишенная какой бы то ни было растительности, словно выжженная солнцем. На желтоватой почве, сплошь покрытой трещинами и ямами с грязной водой, среди поваленных деревьев и вывороченных из земли корней, напоминающих огромных пауков, толпился народ. Между насыпанными в беспорядке грудками отвалов, извиваясь, бежали ручейки, образующие довольно значительный поток, ослепительно сверкающий на солнце. К склонам долины прилепились жалкие палатки, и оттуда доносился громкий говор на всех языках и наречиях.

Здесь мыли золото. Быть может, на месте этих палаток со временем вырастет богатый город.

В настоящий момент работы были прерваны из-за происшествия, довольно частого среди людей, еще не сложившихся в цивилизованное общество. Эти суровые труженики, неустанные пионеры, блуждающие среди бесплодных лесов или выжженных пустынь, для которых человеческая жизнь ничего не стоит, тщательно соблюдали принцип собственности. Тот, кто не задумываясь мог прострелить противнику голову или ни за что ни про что пырнуть ножом собутыльника, никогда не украл бы даже унцию золота.

И вот почему. В конце XVII века органы правосудия не в силах были справиться с преступниками и беглыми рабами из Южной Каролины. И тогда жители облекли неограниченной властью одного ирландского поселенца как в гражданских, так и в уголовных делах. Судья и законодатель в одном лице, этот человек пользовался своим абсолютным правом самым ужасным образом. Преступника, пойманного с поличным, или того, чья вина была доказана, казнили на месте. Так, Южная Каролина вновь обрела покой, даже болота Дисмал-Свомп, надежное убежище бандитов, были очищены.

Этого грозного судью звали Джон Линч!

Все поселенцы англосаксонского происхождения, проживавшие в варварских странах, где не было ни малейшего понятия о правосудии, не колеблясь, применяли безжалостный «закон Линча». Установленный для пресечения любых преступлений, суд Линча впоследствии стали при-

менять лишь к тем, кто совершил преступления в целях наживы, проводя резкую грань между убийцами из любви к искусству или по пьянке, или же по злобе и охотниками за кошельком. Калифорнийские золотоискатели безнаказанно убивали друг друга на берегах Сакраменто. В притонах Сан-Франциско, что ни ночь, лилась кровь, зато сбережения золотоискателя, равно как ставку игрока, обычно уважали и в палатке, и на игорном столе. Такое же положение было в Австралии, когда эмигранты за несколько месяцев заселили глухие, неизведанные места континента. Золотоискатели, первыми пришедшие на россыпи, завербованные из самых энергичных и самых отважных, по воле судьбы оказавшиеся в одном ряду с отбросами общества, не раздумывая прибегали к суду Линча.

Бывало, что наказывали и невиновных: людям, охваченным золотой лихорадкой, некогда было разбираться, к тому же наказание служило хорошим уроком для остальных.

Фрике вскоре понял, что разъяренная толпа как раз собирается устроить суд Линча. Грязные, воющие золотоискатели тащили на веревке какого-то человека, будто скотину на бойню, а тот отчаянно сопротивлялся, выкрикивая что-то нечленораздельное.

Примерно в ста метрах стояло высохшее, похожее на скелет камедное дерево. Оно и должно было послужить виселицей для несчастного. Парижанин содрогнулся от гнева и ужаса, кровь в жилах застыла. Фрике натянул поводья, прищпорил лошадь.

— Гром и молния! — пробормотал он. — Ведь и я так однажды едва не погиб в Риу-Гранди-ду-Сул*. Спасибо, господин Буало выручил, не то закончил бы я свое путешествие с пеньковым галстуком на шее. Так пусть не упрекнут меня в том, что я не спас этого беднягу... Будь что будет... Вперед!

Лошадь мчалась, управляемая искусной рукой, сжатая стальными ногами, перепрыгивая канавы, холмики грязной земли.

Золотоискатели, заметив всадника в полицейской форме, расступились, слышались крики:

— Полиция!.. Полиция!..

«Да, как же, — усмехнулся про себя Фрике, — жандарм прибыл! Они думают, что я принадлежу к этой уважаемой корпорации, некогда прославленной моим другом Барбан-

* Риу-Гранди-ду-Сул — самый южный штат Бразилии.

тоном, неприкасаемым жандармом. Так вот почему они так зло на меня смотрели. Боялись, что я помешаю им учинить расправу».

Лошадь приблизилась к толпе.

— Дорогу! — крикнул Фрике своим звонким голосом. — Дорогу!.. Этот человек принадлежит мне!

Два золотоискателя забрались на дерево и держали конец веревки, обмотанной вокруг шеи осужденного.

С яростным криком палачи спустились с дерева, не выпуская веревки, а казненный повис между небом и землей. Но вопреки ожиданиям он остался жив и отчаянно болтал ногами в тот момент, когда парижанин, прорвавшись наконец сквозь толпу, остановился под деревом.

Встать в стременах, обрезать веревку ударом наотмашь, стащить приговоренного вниз и посадить на лошадь было для бесстрашного гамена делом одной минуты. Все теснее сжималось кольцо вокруг лошади смельчака, все неистовей становились вопли лишенных добычи хищников. словно не слыша их, Фрике кольнул ножом в бок лошадь, та взвилась, будто у нее выросли крылья, и стрелой помчалась в сторону леса.

Фрике был очень доволен собой.

— Чисто сработано, — сказал он. — У них нет ни одной лошади. Будь я проклят, если они нас поймают. Эй! Парень! Как дела? Хватит тебе умирать. И не так уж долго ты висел. Держись!

В это время раздался свист. Потом грянул выстрел.

— Черт побери! Эти кусочки свинца бегают быстрее нас, так что плохи наши дела. Через пятнадцать минут нас могут повесить или застрелить. Да, веселого мало.

Снова грянул выстрел.

— Ай! Мы пропали! — вскрикнул Фрике.

Пораженная пулей, лошадь жалобно заржала и тяжело рухнула на землю, а спасенный Фрике незнакомец оказался распростертым в куче грязи.

Молодой человек схватил карабин, притороченный к седлу, спрятался за смертельно раненную, еще теплую лошадь и стал смело ждать приближения беснующейся толпы.

— Трудно будет отсюда выбраться, — произнес парижанин. — Интересная у меня судьба. Влечет лишь туда, где опасно. Весь свет объездил, и везде то же самое. Что и говорить! Наша планета — небезопасное место.

ГЛАВА 4

Золото в Австралии.— Рассыпное и жильное золото.— Самородки.— Страна миллиардов.— Золотая колонна диаметром в метр и высотой в семьдесят девять метров.— Что происходит с добытым золотом.— Страна не только миллиардов, но и контрастов.— Австралийский буш и пустыня Сахара.— Американские напитки.— Удары кулаком, помещенные под большие проценты на лице Сэма Смита.— Признательность бандита.— Приключения повешенного, которому веревка принесла счастье.— За четыре сажени веревочки.

Существование месторождений золота было официально признано в Австралии только в 1851 году, но из документов явствует, что драгоценный металл там обнаружили значительно раньше.

По непонятным причинам власти держали в строжайшей тайне наличие золота в колонии, чем надолго задержали ее развитие.

Еще в 1848 году прошел слух, что какой-то пастух нашел залежи золота в Австралийских Альпах. Время от времени служащие на станциях подбирали и продавали встречавшиеся прямо на земле крупинцы золота. Но в большинстве своем первые поселенцы были заняты поисками новых пастбищ, оставаясь равнодушными к месторождениям золота.

И все же золото в скором времени было обнаружено повсеместно. И в граните, и в песках, и в глине; в известняковых породах, среди силикатов; в смесях с окисями марганца и барита. В силурийских, миоценовых и мезозойских породах, а также отложениях плиоцена, в размытых обвалами почвах. В общем, трудно сказать, где его не находили в этой удивительной стране, изобилующей минералогическими богатствами. Даже с помощью науки невозможно было подчас определить глубину разработок, ибо лопата и кирка золотоискателя то и дело опровергали гипотезы геологов и инженеров.

Не распространяясь об этом подробно, скажем лишь, что разработка золотых приисков ведется на аллювиальных отложениях* и на кварце. В первом случае извлекают металл из песка или глины, во втором — из горной породы.

* Аллювиальные отложения — отложения постоянных и временных водных потоков (рек, ручьев), состоящие из обломочного материала различной степени окатанности и сортировки (галечник, гравий, песок, суглинок, глина).

Вначале раскопки ведутся на небольшой глубине. Золотой песок, смешанный с землей, кладут в чан с водой и взбалтывают до образования густой кашицы. Кашицу выливают в деревянное корыто с металлической пластиной на дне в виде своеобразного сита. Кашица проходит сквозь отверстия в пластине, а более крупные частицы остаются. В свою очередь, частицы эти промывают в жестяной посудине, что требует большого умения и опыта, и остаются только крупинцы золота.

Все эти операции производятся группами рабочих из четырех-пяти человек.

Со временем рудокопов перестало удовлетворять золото, найденное на поверхности земли, и они стали рыть подземные галереи, где часто попадались крупные самородки. Наиболее примечательные находки хранятся в музеях Мельбурна и Сиднея, и каждый экспонат имеет свою историю. Такой самородок — это целое состояние. «Уелкем» («Желанный»), найденный в Бэкери-Хилл в районе Балларата, был продан за двести тридцать восемь тысяч триста пятьдесят франков. «Уелкем Стрейнджер» («Желанный Незнакомец») оценен в двести тридцать девять тысяч четыреста двадцать франков. Самородок «Цапля», найденный в Мен-Александре, был приобретен в Англии за сто две тысячи франков. «Леди Гетем», обнаруженный вблизи Канейдиан-Гали, стоил семьдесят пять тысяч франков.

Разработка жил требует квалифицированной рабочей силы, многочисленного персонала и дорогого оборудования. Этой отраслью золотодобывающей промышленности занимаются преимущественно крупные компании, располагающие большими капиталами. Для извлечения кварца из жил, находящихся нередко на дне галерей на глубине тысячи, тысячи двести и тысячи восьмьсот футов, пользуются шахтами. Куски кварца дробят и подают под паровой молот. Молоты падают в корыта с проточной водой и превращают кварц в мельчайшую пыль. Эту пыль вода уносит в емкости с ртутью, которая смешивается с золотом. Ртуть в верблюжьем бурдюке помещают под пресс; она как бы проходит через фильтр, после чего остается тестообразная масса, которую дистиллируют в реторте. Ртуть испаряется, и на дне сосуда остается чистое золото.

Трудно представить себе весь размах этих разработок, не прибегая к цифрам. Читателю достаточно узнать, что в одной лишь провинции Виктория, самой маленькой, но зато самой богатой, население рудничных поселков, состав-

вившее в 1866 году семьдесят тысяч семьсот человек, сейчас упало до сорока двух тысяч.

Мощность аллювиальных грунтов была такова, что для выработки золота потребовалось двести восемьдесят девять паровых машин, развивающих мощность в восемь тысяч лошадиных сил, одна тысяча сто сорок три бетономешалки, двести десять конных приводов, пятнадцать тысяч триста двадцать один деревянных каналов для промывки золота, шестьсот насосов, двести десять колодцев, четыреста пятьдесят машин для измельчения гравия.

В шахтах использовались восемьсот паровых машин мощностью восемнадцать тысяч лошадиных сил, шесть тысяч четыреста машин для дробления скал, шестьсот конных приводов, четыреста восемьдесят девять талей или шкивов.

Что же до количества добываемого золота, то лишь в этой провинции оно достигало ста миллионов унций в год!

Комментарии, пожалуй, излишни.

Австралия поставила около пяти миллиардов унций золота* Говорят, что у нее есть еще пятьдесят миллиардов!

«Миллиард! — вскричал в 1825 году генерал Фой, когда министр Виллель предложил компенсацию за эмигрантов. — Но разве вы не знаете, господа, что еще не прошло миллиарда минут со дня распятия Иисуса Христа!»

Принято считать, что в сутках одна тысяча четыреста сорок минут. А поскольку в году триста шестьдесят пять дней, то есть пятьсот двадцать пять тысяч шестьсот минут, то к моменту, когда генерал Фой произносил свою речь, со времени распятия Христа прошло только девятьсот пятьдесят девять миллионов восемьсот пятьдесят шесть тысяч четыреста восемьдесят минут (с учетом високосных годов**)!

Как метко заметил мой лучший друг и собрат Арман Дюбарри в своем очаровательном сочинении «Эльзас и Лотарингия в Австралии», если бы пылкий и патриоти-

* До 1890 года золото добывали только на востоке Австралии, в так называемом герцинском складчатом поясе. Всего за 120 лет, к 1970 году, в этих районах добыто 3700 тонн благородного металла.

** Високосный год — календарный год, содержащий 366 суток (на одни сутки больше простого года). По новому стилю каждый год, число которого делится на 4, является високосным (кроме годов, числа которых оканчиваются на 2 нуля, но не делятся на 400, например, 1700, 1800).

ческий оратор Реставрации* жил в 1872 году, он не смог бы воскликнуть нечто подобное и удивить палату депутатов, ибо бюджет, расходы и требования завоевателей нашего времени сделали для всех некогда страшное слово «миллиард» обиходным.

В бюджете Франции расходы составляют два с половиной миллиарда франков, а национальный долг — двадцать три миллиарда. Война с Германией стоила французам около пятнадцати миллиардов: пять миллиардов пошло на репарации**, почти столько же составили принудительные контрибуции***, при этом Париж сам внес свою долю, почти двести миллионов, оставшаяся сумма включала затраты на содержание войск завоевателей, проценты на возмещение убытков, украденных денег или вещей, два миллиарда на обмундирование и военное имущество и три миллиарда франков на оборону.

В 1871 году на выплаты пруссакам Франция сделала заем в пять миллиардов франков, а ей предложили пятьдесят!

Литое золото стоимостью в один миллиард весит триста двадцать две тысячи пятьсот восемьдесят килограммов шестьсот сорок пять граммов. Его объем — 16,750 кубических метра, из него получилась бы колонна высотой в 5,33 метра диаметром в один метр. Значит, прусская война стоила нам колонны чистого золота высотой 79,95 метра, то есть на четырнадцать метров выше башен Собора Парижской Богоматери и весом в 4 838 709, 675 килограмма.

Ученые не пришли к согласию по поводу количества добытого в мире золота. Многие оценивают его так: восемь миллиардов от сотворения мира до Иисуса Христа и пятьдесят миллиардов от Иисуса Христа до наших дней.

Уважаемые статистики очень самоуверенны. Но спросите, из какого источника почерпнуты эти драгоценные сведения, и они смутятся.

В самом деле, как оценить количество золота, которым владели богатейшие государи, воздвигнувшие в Индии

* Реставрация — период во Франции вторичного правления династии Бурбонов в 1814—1815 годах (1-я Реставрация) и в 1815—1830 годах (2-я Реставрация). Первую и вторую разделяют «Сто дней». Конец Реставрации положила Июльская революция 1830 года.

** Репарации — денежные и натуральные платежи, производимые побежденной стороной победителю в возмещение убытков от войны.

*** Контрибуция — послевоенные принудительные платежи, взимаемые с побежденного государства в пользу государства-победителя.

огромные памятники своего могущества? А творения неизвестных архитекторов в Камбодже, от которых теперь остались развалины, именуемые Ангкор-Ват? Они по сей день вызывают восхищение! Не говоря уже о монархах ацтеков и толтеков*, у которых золото шло на повседневные нужды. Цифра восемь миллиардов хоть и кажется произвольной, но она безусловно занижена. Ведь никогда золотом так широко не пользовались, как в античности.

Как бы то ни было, неисчислимые миллиарды, добытые из недр земли, не остались в обращении: собрать их сейчас совершенно невозможно.

Потери драгоценных металлов значительны. Этому способствуют позолота в искусстве и промышленности, износ драгоценностей и монет, кораблекрушения и накопление денег.

Мак-Кюллош считает, что эти потери составляют один процент в год!

Наибольшее количество золота и серебра изымает из обращения накопление денег.

Крестьяне в Европе хранят огромные количества монет. Что уж говорить об азиатах и африканцах! Они никогда не пустят золото в обращение.

По сведениям из достоверных источников, свыше двух миллиардов золота зарыто в Марокко.

Говорят, что в Поднебесной империи накоплений вчетверо больше.

Китайцы собирают золото и серебро, превращают в слитки, которые потом используют в торговле или зарывают в землю. Та же судьба у посуды, драгоценностей.

Поистине странно, что драгоценные металлы, с таким трудом добываемые из земли, снова закапывают в землю из-за непомерной жадности.

Но вернемся в Австралию, в провинцию Виктория, о которой мы забыли, подсчитывая миллиарды.

Австралия, этот прекрасный континент, уже заняла свое место в ряду передовых цивилизованных стран, в чем-то схожих с Америкой, с ее буйным развитием, однако не вся ее территория охвачена цивилизацией. И если Виктория, состоящая из ста десяти графств, имеет пятьдесят пять выборных ассамблей, шесть советов по выборам, пятьдесят девять муниципалитетов; если недавно развившиеся города, такие, как Эмералд-Хилл, Фиц-

* Ацтеки, толтеки — мексиканские народности, создавшие в доколумбову эпоху сильные государства.

рой, Уотхем, Праган, Джилонг, Сендхерст насчитывают от восемнадцати тысяч до двадцати пяти тысяч жителей, то на необозримых, еще не исследованных пространствах бродят людоеды, голодные и жестокие, скачут эму, дикие обитатели глухих мест, то и дело встречаются кенгуру, черные лебеди, белые какаду с желтым хохолком. В общем, Австралия — страна контрастов. С одной стороны, Мельбурн, где издается тридцать газет и журналов, где столько же банков, четыре театра, великолепный ботанический сад и даже дома трезвости; где вероисповеданий такое количество, что и не сосчитать: епископальные протестанты*, кальвинисты**, пресвитериане, методисты***, независимые, анабаптисты****, лютеране*****, моравы, друзья, униаты*****, католики*****, православные, иу-

* Протестанты — приверженцы одного из основных направлений в христианстве. Протестантизм отказался от католицизма в ходе Реформации XVI века. Объединяет множество самостоятельных церквей (лютеранство, кальвинизм, англиканскую церковь, методистов, баптистов, адвентистов и др.). Для протестантизма характерны отсутствие принципиального противопоставления духовенства мирянам, отказ от сложной церковной иерархии, упрощенный культ, отсутствие монашества, целибата (обязательное безбрачие католического духовенства); в протестантизме нет культа Богородицы, святых, ангелов, икон, число таинств сведено к двум (крещению и причащению). Основной источник вероучения — Священное писание.

** Кальвинисты — приверженцы кальвинизма (Франция, Нидерланды, Шотландия, Англия), одного из направлений протестантизма, основанного Ж. Кальвином (1509—1564) в эпоху Реформации (XVI в.). Для кальвинизма особенно характерны доктрина об абсолютном предопределении, проповедь «мирского аскетизма», республиканское устройство церкви. Современные кальвинисты — реформаторы, пресвитериане, конгрегационалисты.

*** Методисты — протестантская церковь, возникшая в XVIII веке и требующая последовательного методического соблюдения религиозных предписаний; проповедуют религиозное смирение, терпение.

**** Анабаптисты — участники народно-радикального сектантского движения эпохи Реформации XVI века. Требовали вторичного крещения (в сознательном возрасте), отрицали церковную иерархию, осуждали богатство, призывали к введению общности имущества.

***** Лютеране — представители (Германия, США, прибалтийские республики) крупнейшего по численности направления протестантизма, основанного М. Лютером (1483—1546), впервые сформулировавшим основные положения протестантизма. Лютеранство менее последовательно, чем кальвинизм, воплотило их в жизнь.

***** Униаты — сторонники униатской (греко-католической) церкви, христианского объединения, созданного Брестской унией в 1596 году. Подчинялись папе римскому, признавали основные догматы католической церкви при сохранении православных обрядов. Униатская церковь самоликвидировалась в 1946 году с расторжением Брестской унии.

***** Католики — представители католицизма, одного из основных

деи*, буддисты, где великое множество школ, рассеянных по самым жалким деревушкам, где каждый человек, независимо от своего положения в обществе, внесен в каталог и снабжен этикеткой, с присущей англичанам тщательностью; с другой стороны — необъятный буш, он начинается у последнего дома предместья и, кажется, не имеет ни конца ни края, насколько хватает глаз, тянется зеленый ковер.

Пройдя по этим местам несколько часов, оказываешься в полном одиночестве. А через несколько дней попадаешь в совершенно пустынные места, более ужасные, чем Сахара, хотя и растительность там богатейшая. В Сахаре, по крайней мере, известно, чего ждать. Здесь же тому, кто впервые очутился среди всей этой красоты, грозит гибель. Уж лучше, как наш Фрике, очутиться в толпе дикарей.

На сей раз судьба занесла Фрике на недавно открытое месторождение золота, где за неполный месяц собрался миллион жаждущих богатства. Золотая лихорадка достигла высшей точки. Страсти кипели, будто металл в горниле. Самородки находили в иссушенных охровых почвах и промывали в ручье. Золотоискатели, в лохмотьях, с нечесаными волосами, перебегали с места на место, даже не имея времени поесть. С киркой в одной руке и револьвером в другой брели они под палящим солнцем и проливным дождем, не зная усталости. За утро добывали золота на пять-шесть тысяч франков и расплачивались, например, за завтрак самородком в тридцать граммов. Кузнец за то чтобы починить разбитую о скалу кирку, брал золота на сто франков. За то же количество золота сапожник ремонтировал сапоги. Доход их во много раз превышал доход менялы, если учесть, что сами они тоже добывали золото.

На золото же приобретали у американских и английских торговцев весьма сомнительное зелье с химическим привкусом и парфюмерным запахом.

направлений в христианстве. Разделение христианской церкви на католическую и православную произошло в 1054—1204 годах. В XVI веке от католицизма откололся протестантизм. Организация католической церкви отличается строгой централизацией, иерархическим характером, резким разграничением между духовенством и мирянами. Глава — римский папа, резиденция которого — Ватикан. Для священнослужителей обязателен целибат. Католицизм отличается наличием догматов о непорочности Девы Марии и ее телесном вознесении на небо, о непогрешимости папы и др.

* Иудеи — сторонники иудаизма, монотеистической религии с культом бога Яхве. Иудаизм возник в I тысячелетии до н. э. в Палестине; основные положения собраны в Талмуде.

Хорошо известно пристрастие англичан и американцев к фармацевтическим микстурам. Говорят, лондонский виноторговец нажил состояние на том, что подмешал к бургундскому уксус Бюлли! Смешайте немного сахара, корицы, имбиря и пачули, спирт и одеколон в равных долях, и американцы заплатят сколько угодно за это отвратительное пойло.

Итак, Фрике укрылся за убитой лошадыо и ждал золотоискателей, пустившихся за ним в погоню. Предстояла кровавая схватка, и англичане, ярые любители всех видов спорта, уже мысленно кричали «ура!».

Разъяренная толпа приближалась, видно было, как сверкают ножи. Один за другим гремели выстрелы. Трагическая развязка казалась неминуемой.

Мы уже говорили, что парижанин прошел через множество самых удивительных приключений. И вот, когда он приготовился разрядить карабин в гущу атакующих, а кого можно сразить ударом приклада, чтобы подороже продать свою жизнь, послышался грубый голос:

— Расступитесь, товарищи!.. Я знаю этого джентльмена... Я за него ручаюсь... Эй, вы, не стреляйте!.. Или будете иметь дело со мной.

Фрике вскочил на ноги, лихо закинул карабин за плечо и радостно крикнул:

— Неужели это вы, господин Сэм Смит... Рад вас видеть!

— Сэм Смит, собственной персоной, мастер Фрике. Я тоже рад встрече, главное, счастлив заплатить долг.

Бушрейнджер подошел к мальчику и растянул рот в улыбке. Лицо его было сплошь в ссадинах и синяках. Толпа почтительно расступилась перед этим здоровенным детиной, оказавшим на нее какое-то магическое действие.

— Долг, господин Сэм Смит? — удивился Фрике. — Я вас не понимаю.

— Вы — единственный, кто победил Сэма Смита в честном бою и имеет право на полное уважение. Уже одного этого достаточно, мастер Фрике, но я еще обязан вам жизнью.

— Право, вы очень добры.

— Было бы преступлением не вступить за такого прекрасного товарища, как вы, мастер Фрике, — позволить его убить. Не только преступлением, но и глупостью.

— Вы слишком любезны, право. За несколько дурацких ударов кулаком... несколько пинков ногой.

— Но никто еще не мог со мной справиться, мастер Фрике... К тому же вы спасли мне жизнь. Не вмешайся вы, полицейские непременно схватили бы меня, и сейчас я бы следовал по дороге, ведущей в рай каторжников, а то и просто болтался между небом и землей. У каждого свое понятие о честности, господин француз, кроме того, Сэму Смиту хорошо знакомо чувство благодарности, и тут он смог бы посрамить самого сердобольного пуделя... Оставьте джентльмена в покое! — продолжал Сэм Смит.

— Да!.. Да!.. — закричали стоявшие в первом ряду. — Уважим джентльмена... Но вор!.. Нам нужен вор, которого мы хотели повесить!

— Нет, — заявил Фрике. — Не для того я вытащил его из петли, чтобы он снова в нее угодил. И не стыдно вам? Пятьсот против одного!

— Он — вор... Смерть вору!..

Фрике было подумал, что влияние Сэма Смита на этих людей поможет спасти беднягу, однако ошибся. Они стояли на своем.

В этот момент незнакомец пришел в себя и бросал вокруг безумные взгляды. Ему было на вид лет тридцать пять — сорок. Борода как у патриарха, всклокоченные волосы, лицо цвета обожженного кирпича. Какой национальности — непонятно. Он что-то бормотал, и среди всех этих нечленораздельных звуков Фрике наконец разобрал «спасибо», произнесенное по-французски.

— Неужели соотечественник? — промолвил Фрике. — Гром и молния! Тем более его необходимо спасти.

Сэм Смит в это время вел переговоры с золотоискателями, пытаясь заставить их отказаться от своего мрачного замысла. Это оказалось делом нелегким.

Толпа теряла терпение, и положение становилось угрожающим, когда Фрике вдруг осенило.

— Ну, мастер Сэм Смит, — сказал он австралийцу, — вразумите наконец этих джентльменов. Они обвиняют беднягу в краже. Хотел бы я знать, что он стащил. Говоря откровенно, он с виду полный идиот. Настоящий дикарь. Он даже не стоит веревки для повешения. В конце концов, эта веревка принесла мне счастье, так пусть она и его спасет!

Бушрейнджер, который в тот день был сама любезность, подхватил эти слова Фрике.

— Друзья! — закричал он. — Вы согласны с тем, что пеньковый галстук на шее этого джентльмена принадлежит ему по праву?

— Да!.. Да!.. Только пусть его повесят!

— Зачем? Он вам отдаст веревку. Ведь это веревка повешенного! А вы хорошо знаете свойства этого редкого и драгоценного товара. Кто им завладеет, станет богатым...

— А бушрейнджеры украдут богатство...

— Возможно... Во всяком случае, я предлагаю вам эти четыре фута веревки в обмен на его жизнь! Годится?

— Да!.. Да!.. Давайте веревку, и пусть его вместе с французом повесят в другом месте.

— Посмотрим,— возразил Фрике.— Мы будем осторожны. Спасибо за него и за меня!

ГЛАВА 5

Откровения мандарина с сапфировыми пуговицами.— Бушрейнджеры.— Сокровища пиратов.— Свидание в окрестностях озера Тифрелл.— Плачевные последствия соперничества двух морских компаний.— Фрике снова терпит кораблекрушение.— Фрике-носильщик.— Фрике присоединяется к рудокопам.— Болезнь Фрике.— Выздоровление.— Вынужденный уход с золотых приисков.— Что нашел одичавший белый под корой камедного дерева.— Туземное оружие.— Появление кенгуру.— Бумеранг.

В конце второй части мы оставили Фрике на рейде в Борнео, на китайской джонке, с добрыми друзьями: доктором Ламперьером и Андре Бреванном, матросом Пьером Легалем и его черным побратимом Мажесте. Проявив чудеса отваги, они впятером, беспомощные и отчаявшиеся, присутствовали при дерзком похищении мисс Мэдж и сами избежали ужасной смерти лишь благодаря неожиданной встрече с маленьким китайцем Виктором, обязанным им жизнью и свободой.

В силу каких обстоятельств наш парижанин оказался на Австралийском континенте, таком немилосердном к страждущим, в обществе человека, повешенного и тут же вынутого из петли, чья речь, пересыпаемая французскими словами, свидетельствовала либо о полном одичании, либо просто о безумии? Это необходимо объяснить, чтобы подвести читателя к дальнейшим событиям нашего рассказа, где действие будет развиваться с головокружительной быстротой.

Отец маленького Виктора, заплывший жиром китаец, в ярких шелковых одеждах с пуговицами из сапфира, один

из бесчисленных сообщников предводителя морских пиратов, потопил паровую шлюпку с пятью друзьями как раз, когда они собирались взять на бордаж «Конкордию», или «Морского короля», где на борту находилась в плену молодая американка. Но этому бандиту было ведомо чувство отцовской любви, и он счел своим долгом отблагодарить тех, кто спас жизнь его сыну. Посвященный в планы предводителя, управлявшего тысячами людей, входивших в эту грозную ассоциацию, китаец рискнул открыть европейцам все, что ему было известно, хотя знал, что его ждет в случае, если предательство раскроется.

Оказывается, и негодяям не чуждо благородство.

«Конкордии» предстояло отправиться в точку пересечения 143° восточной долготы с $12^{\circ}22'$ южной широты. Читатели «Кругосветного путешествия юного парижанина» помнят, что в некоей географической точке, затерянной в Коралловом море, находится маленький атолл, абсолютно пустынный; в его толще морские пираты и построили себе убежище. Туда, вероятно, Бускарен и намеревался отвезти девушку и держать до нового приказа. После чего он, по свидетельству китайца, собирался поехать в Австралию и возглавить операцию по похищению сказочного сокровища, чье существование долго оспаривали. Среди золотоискателей Виктории о нем ходили легенды.

Чего только не рассказывали об этом сокровище! С ним связывали многие преступления. Австралию, только что освободившуюся от каторжников, в первые годы после открытия золота буквально наводнили всякого рода авантюристы. Работать они не хотели, предпочитали взимать поборы, и немалые, с золотоискателей, и с этой целью создали ассоциацию. Бандиты называли себя бушрейнджерами. Отважные и очень хитрые, имеющие повсюду связи, превосходные наездники на чистокровных скакунах, украденных у скотоводов, они с невероятной скоростью объезжали целые районы добычи золота. Нагрянут неожиданно на лагерь и наложат контрибуцию в соответствии с доходами. Сопротивление было бесполезно, скрыть собранный металл тоже не удавалось. Бандиты располагали точными сведениями даже о тайниках.

В случае сопротивления у золотоискателей изымали не четверть и не треть доходов, а гораздо больше, оставляя минимум, необходимый для продолжения работ.

Бушрейнджеры были не настолько глупы, чтобы убивать курицу, несущую золотые яйца. Постепенно золотоискатели смирились с этим положением, и налог, взимаемый бандитами, относили к издержкам производства.

Странное дело, но бандиты, без зазрения совести присваивавшие себе часть доходов золотоискателей и жестоко подавлявшие всякое сопротивление, защищали рудокопов от других грабителей, одиночек, не входивших в ассоциацию.

Предводитель бушрейнджеров обладал неограниченной властью. Районы добычи были поделены между отрядами бандитов, каждый отряд имел своего командира, подотчетного только предводителю, в чьем распоряжении находилась общая касса. В определенный срок каждый бандит получал свою долю доходов, как честный служащий — жалованье.

Бывало, что золотоискатели объединялись и оказывали бандитам сопротивление. Через несколько лет после отделения провинции Виктории от Нового Южного Уэльса на бандитов организовали охоту, длившуюся шесть месяцев. Предводитель был убит, а его помощники — подвергнуты суду Линча. Так закончила свое существование эта мощнейшая организация.

Бандиты так и не оправились от удара, тем более что появились дороги, дилижансы совершали рейсы под охраной солдат, была организована служба конной полиции. Вскоре прошел слух, что касса бывших бушрейнджеров хранится в месте, известном лишь предводителю и его помощникам. Но все они были мертвы, и у богатства, накопленного за двадцать лет, теперь не было хозяина. Предполагали, что все эти сокровища хранятся в провинции Виктория; считавшие себя наиболее осведомленными уверяли, будто это неподалеку от озера Тиррелл.

Итак, все жаждущие устремились в Викторину, этот заброшенный уголок австралийской земли: скотоводы, рудокопы, пастухи, ремесленники. Но их усилия ни к чему не приводили. Порода была бедна аллювиальным золотом, даже издержки экспедиций не окупались.

С годами выросли города, появились крупные компании по добыче золота, но окрестности озера Тиррелл по-прежнему пустовали. И вдруг, к концу 1879 года, прошел слух, что какой-то пастух обнаружил очень богатый участок, как раз недалеко от того места, где, по предположениям, должен был находиться клад. Снова вспомнили легенду о богатствах разбойников. Золотоискатели побро-

сали свою работу в компаниях и толпами устремились в вожделенные места, предпочтя риск свободного предпринимательства постоянному заработку. За ними последовали бушрейнджеры под предводительством Сэма Смита, пытавшиеся возродить бывшие традиции. Первые раскопки дали превосходные результаты, что позволило Сэму Смиту сорвать куш. Теперь только и было разговоров, что о сокровищах пиратов, и каждый втайне надеялся прибрать их к рукам. Хозяин джонки, китаец, рассказал о сокровищах пятерым друзьям, сообщив, что мастер, то есть Винсент Бускарен, знает, где они спрятаны.

Был ли предводитель морских пиратов как-то связан с бушрейнджерами? Нашел ли Бускарен, вступив в наследство, документы, свидетельствовавшие о существовании сокровищ? Вполне возможно.

Да и что в этом удивительного? Все разбойники между собой связаны. Как бы то ни было, Бускарен изъявил желание отправиться в провинцию Виктория после краткой стоянки на атолле в Коралловом море. Напасть на него в логове было бы безумием. Уж лучше последовать за ним в Австралию.

Благоразумие не позволило мандарину проводить Андре и его спутников в Мельбурн. Ему очень хотелось оказать им услугу, но, опасаясь мести предводителя, он решил высадить их недалеко от Сиднея, откуда совсем несложно по суше или по морю добраться до столицы Виктории. Судно морских пиратов с предводителем на борту, конечно, опередит их. Но настигнуть главаря будет легко, и тогда они навсегда выведут разбойника из игры.

Теплоход «Полуостровной и Восточной пароходной компании» отплыл из Сиднея в Мельбурн. Пятеро друзей взошли на борт, имея при себе солидную сумму денег, взятую взаймы у китайца, которую тот, с несвойственной ему деликатностью, предложил через маленького Виктора.

К несчастью, «Австрало-азиатская пароходная компания» тоже эксплуатировала линию Сидней — Мельбурн. Конкуренция была ожесточенной, и, чтобы одержать верх, соперники готовы были на все. Сначала применялись мягкие методы, но безуспешно. Роскошные помещения, шикарные каюты, изысканная пища, обилие спиртного, бесплатный проезд. Этим воспользовались пассажиры, но без всякой прибыли для предприятий.

Перешли к другим методам. Пароход «Полуостровной и Восточной пароходной компании» вспыхнул среди ночи в открытом море как пучок пакли и погиб.

Спустя неделю большой пароход «Австрало-азиатской пароходной компании», получив удар ниже ватерлинии водорезом неизвестного парусника, пошел ко дну.

Таким образом, обе компании освободились от взаимных упреков и зависти. Пассажиры дорого заплатили за комфорт и веселье. И вот как-то ночью в море почти одновременно вышли два парохода, сжигая в топке количество угля, достаточное, чтобы взорвать котлы, и встретились в нескольких километрах от берега. Пренебрегая международными нормами, ни англичане, ни американцы ходовых огней не несли. «Полуостровник», на котором вахтенный, слепой, как крот, врезался в корму «австрало-азиатца», пробив в ней дыру величиной с ворота. Закачавшись, словно пьяный, «австралоазиец» ушел под воду. Излишне говорить, что «полуостровник» продолжал свой путь, нисколько не заботясь не только о грузе пострадавшего судна, но и о пассажирах. Что поделаешь! Конкуренция обязывает.

Но и «полуостровнику» пришлось туго. Его корпус из листовой стали тоже стал пропускать воду, и вскоре залило трюмы. Котлы погасли, и пароход остановился. В довершение ко всему был утерян курс, и пессимисты уже предрекали гибель обоих непримиримых соперников.

На воду спустили шлюпки. В считанные секунды они были заполнены людьми. Но одни шлюпки затонуло в водоворот, образованный от пошедшего на дно судна, другие унесло в открытое море, в том числе и ту, где находились Андре, доктор, Пьер Легаль и Мажесте. Фрике очутился в затонувшем вельботе. Он несколько часов плыл, время от времени отдыхая на спине, и наконец приплыл к пустынному берегу с множеством водяных птиц.

Юноша собрал немного яиц с отвратительным привкусом прогорклого масла, подкрепился и пошел на юг. Целую неделю добирался он до Мельбурна, голодный, без гроша в кармане, снедаемый тревогой о судьбе друзей. Надо было жить, а в Мельбурне реже, чем где бы то ни было, жареные перепела падают в голодные глотки. Но Фрике никогда не унывал. Он отправился в порт Сэндридж и заработал несколько шиллингов, грузя тюки шерсти на отплывающие в Европу парусники. Две недели пробыв юноша в порту, но так ничего и не узнал о судьбе друзей. Одни на его вопросы отвечали смехом, другие вообще не понимали, о чем речь. Страшное кораблекрушение было упомянуто на третьей странице «Аргуса», между объявлением об отправке почты и получением

машин. Двадцать пять газет Мельбурна перепечатали эту заметку, оставшуюся, однако, без всеобщего внимания. Между тем парижанин узнал, что партия золотоискателей скоро отправится на разработки месторождений золота, недавно открытых вблизи озера Тиррелл. Об этом озере Фрике слышал от мандарина. Кроме того, друзья договорились, если какой-нибудь несчастный случай их разъединит, непременно добраться до озера и там вновь соединиться. И вот Фрике, с несколькими шиллингами в кармане, которые он сберег путем жестокой экономии, и надеждой в сердце, пустился в путь. Он долго шел босой, голодный, с опухшими воспаленными глазами и наконец свалился у входа в коттедж богатого скваттера. Тот оказал юноше гостеприимство, которым славятся австралийцы. Фрике довольно быстро оправился от болезни и снова пустился в путь. Золотоискатели, с которыми он шел, были уже далеко, и скваттер дал Фрике в провозчатые пастуха, оставившего юношу в трех днях пути от поселения, уже описанного нами.

Тогда-то Фрике и повстречал Сэма Смита, бушрейнджера, потом удрал от полицейских и, наконец, был спасен тем же Сэмом Смитом от разъяренной толпы золотоискателей.

Оставаться на приисках после случившегося было слишком рискованно. Кроме того, его новый товарищ делал отчаянные знаки скорее уйти в лес.

— В самом деле,— рассудил Фрике,— почему бы не пожить несколько дней на природе, чтобы не видеть жителей этого расцветающего города. Ведь можно устроить лагерь неподалеку и время от времени наводить справки о друзьях. Они непременно придут. И Бускарен тоже. Этот господин везде первый и уж конечно не упустит добычи. Наше сокровище для него — все равно что мед для мухи. Черт побери! Вдвойне выгодно находиться в лесу. Золотые прииски будут как на ладони, а меня никто не заметит. Неизвестно только, чем здесь питаться. Ничего, мой белый дикарь что-нибудь придумает.

Фрике и незнакомец быстро пересекли южный склон россыпи и вошли в лес. Не прошло и четверти часа, как незнакомец вскрикнул. Фрике остановился.

На небольшой поляне, окруженной благоухающими кустами цветущих мимоз, гордо возвышалось камедное дерево. Незнакомец обежал его, пощупал ствол и очень довольный прищелкнул языком. Затем знаком попросил нож, висевший у Фрике за поясом, медленно открыл.

И хотя движения его были неловки и весь он как-то напрягся, чувствовалось, что когда-то эта работа была для него привычной. Незаметная щель отделяла кору от ствола, и из нее сочилась смола. Всунуть в щель нож, приподнять кусок коры и удалить кору было минутным делом. И тут удивленному взору Фрике открылся тайник.

Там был кастет из твердого дерева, с зелеными камнями, стальная топор, кое-как насаженный на рукоятку, пучок длинных дротишков с костяными наконечниками и два куска дерева, изогнутые наподобие сабель.

Незнакомец по-братски разделил с Фрике это примитивное оружие и засмеялся, показывая пальцем то на дротики и деревянные сабли, то на свой рот и живот.

— А-а! Прекрасно! Мы отправляемся на охоту! Надо поесть!

— Поесть...— повторил незнакомец совершенно бесстрастным тоном, будто не понимая смысла этого слова.

— Черт! Придется ему учиться, точнее переучиваться,— задумчиво произнес парижанин. «Кто же он, этот бедняга? Ребенок, похищенный чернокожими? Или же потерпевший кораблекрушение и за долгие годы забывший родной язык?

Он, без сомнения, европеец. И хотя лицо его цвета пережженной кожи, грудь — белая, только вся в шрамах.

Странная у меня судьба. На Борнео я нашел обезьяну, облагороженную образом и приобретшую некоторые признаки человека. Теперь передо мной человек, похожий на животное, то ли в силу своего долгого одиночества, то ли из-за постоянного общения с дикарями.

Этот несчастный думает только о своем желудке. Любопытно было бы посмотреть на его схватку с Предком. Что же все-таки он мог стащить у золотоискателей? Поглядел бы на него судья Линч, наверняка пощадил бы».

Незнакомец смотрел на Фрике, погруженного в размышления, и видно было, что в нем происходит какая-то внутренняя борьба. Взгляд его стал спокойнее, с губ срывались слова, наверняка позаимствованные у туземцев, а также обрывки французских слов.

Неожиданно в глазах его появилось хищное выражение. Он прислушался. Издалека донесся едва уловимый топот. Незнакомец подтолкнул Фрике к дереву, обеими руками схватил деревянную саблю и приготовился к нападению.

Из зарослей мимозы показалась изящная головка газели, затем на поляну выпрыгнул огромный кенгуру. Присев

на задние ноги, он с любопытством рассматривал неподвижно стоявшего человека. Из сумки на животе виднелись две маленькие головки с блестящими, как у белки, бегающими глазами.

Не чуя опасности, малыши сосали стебли растений.

Кенгуру приблизился, Фрике едва слышно вздохнул, завороченный этим зрелищем. Но очарование миг исчезло. Животное насторожило уши, сверкнуло глазами и с ворчанием бросилось в кусты.

Опередив кенгуру, незнакомец раскрутил изогнутый кусок дерева, который держал в руках, и со всего размаха швырнул в животное. В тот же момент кенгуру рухнул на землю с перебитыми ногами.

Затем, к глубокому ужасу Фрике, смертоносное оружие, выполнив свое дело, снова набрало силу. Казалось, этот кусок сырого дерева, плохо отполированный обломком обсидиана*, вдруг ожил. Упав на землю, он продолжал вращаться, описав параболу, и мягко опустился у ног охотника.

А тот, насладившись удивлением Фрике, поднял свою саблю и произнес одно-единственное слово:

— Бумеранг!

ГЛАВА 6

*Южные австралийцы.— Как туземцы варят кенгуру.— Различия в австралийских племенах.— Обед в лесу.— Съедобные корни.— Кайпун, охотник на кенгуру.— Как Фрике употребил свою сиесту**.— Правда о бумеранге.— Приключение Блюменбаха, профессора Иенского университета.— Подвиг Кайпуна.— Бесплодные попытки парижанина.— Бумеранг войны и бумеранг охоты.— Сувенир Надафу*** и тому, кто «тяжелее воздуха».— Может быть, бумеранг — обыкновенный пропеллер?*

Ловкость охотника была встречена протяжным воем, заглушившим крики целой стаи выпей. Неизвестно откуда

* Обсидиан, или вулканическое стекло — темноцветная вулканическая порода, глянцево блестящая в изломе, с острыми краями на сколах.

** Сиеста — полуденный (послеобеденный) отдых; самое жаркое время дня.

*** Надар Феликс (1820—1910) — французский писатель, карикатурист, мастер фотоискусства, известный воздухоплаватель.

появились люди в шкурах опоссума. Их было не больше десятка.

Курчавые черные волосы до плеч, узкий низкий лоб с огромными надбровными дугами, черные бегающие, глубоко посаженные глаза, длинные, тощие, почти без бицепсов, руки и худые ноги без икр. Фрике сразу узнал в туземцах южан. Ему приходилось встречать их на улицах Мельбурна.

Они смотрели на парижанина с любопытством, но не враждебно. Однако куда более их интересовал подраненный кенгуру. Старые и малые, мужчины и женщины с особым удовольствием хлопали себя по животу, предвкушая обильную трапезу в духе Пантагрюэля*.

Фраза, которой, казалось, не будет конца, произнесенная, можно сказать, скороговоркой белым дикарем, как окрестил Фрике своего нового товарища, сделала свое дело — самый старый, а также самый грязный и уродливый туземец стал яростно тереться носом о нос белого дикаря, который принял столь экстравагантную вежливость как нечто само собой разумеющееся.

— Да, да... друзья,— пробормотал Фрике.— Когда-то я уже видел нечто подобное, общаясь с вашими земляками с полуострова Йорк, на севере Квинсленда. Весьма приятные люди, они обожали моего друга, жандарма Барбантона-Табу... Как, вы не знаете Барбантона? Тем хуже для вас. Прекрасный человек... Гордость колониальной жандармерии и радость продавцов табака и спиртного.

Туземцы, разумеется, не поняли ни слова из того, что говорил Фрике. Впрочем, они его и не слушали, все их внимание было поглощено издыхавшим кенгуру и предстоящим пиром.

Благодаря рекомендации своего товарища Фрике был принят туземцами как родной, не каждый европеец удостоивается такой чести. Однако из-за кенгуру парижанину совершенно не уделяли внимания.

Мужчины важно уселись, а женщины, их было четыре, приступили к своим обязанностям.

Две из них вырыли глубокую яму длинными палками с закаленными на огне наконечниками, служившими для выкапывания из земли съедобных корней. Третья сбегала к ручью за плоскими камнями, чтобы положить их на дно

* Пантагрюэль — герой романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», шедевра французской литературы эпохи Возрождения. Будучи великаном, Пантагрюэль отличался отменным аппетитом и устраивал обильные пиры.

ямы. Из леса принесли ветки, сухие, с приятным запахом, и тоже положили в яму. Из кремня высекли огонь и разожгли костер.

Пока дети поддерживали огонь, одна из женщин кремневым ножом вспорола живот кенгуру, не сняв шкуры, вытащила кишки, вместо них положила шарики из жира, смешанные с ароматическими травами, а также детенышей кенгуру, забившихся в сумку.

Когда приготовления были закончены, женщина вынула из причудливо расшитой стекляшками сумки, которую несла за спиной, длинную иглу из кости пресноводной трески и волосяную веревку и крепко зашила живот кенгуру. Затем, так и не сняв шкуры, положила его вверх ногами на тлеющие угли, сверху тоже накрыла углями и присоединилась к подружкам, занятым поисками съедобных корней, заменявших хлеб.

Мужчины, с наслаждением растянувшись в тени древесных папоротников, молча наблюдали за приготовлениями, а Фрике с беспокойством думал о том, что жареное мясо наверняка приобретет привкус паленой шерсти и сгоревших рогов.

Глядя на туземцев, Фрике пришел к выводу, что они в значительной мере отличаются от тех, кого ему прежде доводилось видеть в Австралии.

Его друзья с северо-востока, поклонники Барбантона-Табу, являли собой смешанные типы, а эти, с черной как сажа кожей, казались отлитыми в одной форме*.

У первых лицо было светлее, профиль — тоньше, а также заметны некоторые отличительные черты папуасов Новой Гвинеи. Впрочем, это неудивительно при существующих ныне связях между австралийскими коренными жителями и уроженцами большой папуасской земли.

По мнению наиболее опытных исследователей, в австралийцах течет кровь различных племен и народов, чье происхождение невозможно установить.

Доказательством тому служат туземцы Центральной Австралии, с редкими курчавыми волосами и толстыми губами, как у некоторых африканских негров, а также жители северо-запада, чей профиль напоминает арабский тип. В разгар этого поистине увлекательного экскурса

* Южные австралийцы имеют обычно выдающиеся челюсти. Их лицевой угол колеблется между семьюдесятью одним и семьюдесятью пятью градусами краниометра Харманда. У них обычно не хватает двух верхних резцов, разбиваемых в период возмужалости. Это калечение и по сей день необъяснимо. (Примеч. авт.)

в область этнографической науки Фрике стал дремать, но мы простим его. После совершенного подвига его могучий организм нуждался хотя бы в кратковременном отдыхе.

Пока мужчины спали, а женщины и дети купались, мясо изжарилось.

Главная повариха, назовем так женщину, занимавшуюся приготовлением кенгуру, оторвала от ствола большой кусок коры и принесла к костру. Потом, вместе с другой женщиной, вынула из углей тушу, положила на внутреннюю сторону коры, сочащейся древесным соком, рассекла тушу во всю длину и поддержала растягивание стенок живота с помощью поперечной палочки, как это делают мясники.

Тут все мужчины, в том числе и парижанин, проснулись от какого-то удивительного аромата, потягиваясь подошли к столу, примитивному, как у доисторического человека.

Женщины достали из сумок перламутровые ракушки в форме лодочки, а также несколько футов бататов*.

Белый дикарь, пользовавшийся у туземцев большим уважением, подал Фрике ракушку и корень, предложил зачерпнуть из передней части кенгуру аппетитно пахнущий розоватый сок.

Парижанин не заставил себя просить. Сок был на редкость вкусным, с ним не шли ни в какое сравнение все концентрированные бульоны. Остальные последовали примеру молодого человека, и вскоре от сока не осталось и капли.

Туземцы называли своего друга, белого дикаря, Кайпун, что значит кенгуру. Он не знал себе равных в охоте на это животное, о чем парижанин узнал несколько позднее.

Кайпун разрубил животное топором и, в знак особого уважения к своему спасителю, дал ему мозг, себе взял язык, а остальное разделил между друзьями. Только и слышно было, как работают челюсти.

Мясо запили, лежа на животе, свежей водой из ручья.

Туземцы снова растянулись на земле под деревьями, а Фрике, не привыкший к отдыху в силу своего темперамента, хлопнул по плечу Кайпуна и попросил научить его владеть деревянной саблей, которой тот так ловко убил кенгуру.

— Бумеранг,— произнес парижанин, вспомнив, что именно это слово слышал от Кайпуна.

* Батат — крупный луковичный корень, содержащий в большом количестве мучные элементы, служит австралийским туземцам хлебом, так как очень питателен и помогает им вместе с соком эвкалипта переживать сезон дождей.

— Бумеранг,— повторил Кайпун, в восторге от того, что его спаситель не пренебрегает языком туземцев.

Он принес то, что мы условно называли саблей, и Фрике стал с любопытством рассматривать эту страшную штуку. Выточенный при помощи кремня или обсидиановым топором из куска дерева, твердый, плотный, полированный и слегка гибкий бумеранг был длиной семьдесят пять — девяносто сантиметров. Выдолбленный посередине, он напоминал кривую саблю шириной в пять сантиметров при двухсантиметровой толщине, совершенно плоскую на одном конце и слегка утолщенную — на другом.

Перед тем как метнуть бумеранг, туземцы хватают его обеими руками за утолщенный конец, выпуклой стороной наружу, раскручивают над головой и бросают вперед.

Посланный таким образом, бумеранг летит, рассекая воздух, на довольно большое расстояние, от пятнадцати до пятидесяти метров, падает на землю, снова подпрыгивает, поднимается на несколько футов и с гудением возвращается назад, причем с поразительной точностью, дробя все, что попадает на пути.

Фрике вдруг пришла на память забавная история, вычитанная им в публичной библиотеке Мельбурна, и он не сдержал улыбки. Герой этой истории — известный немецкий натуралист Блюменбах, о котором мы уже упоминали выше.

Пораженный австралийской флорой и фауной, чудаковатый ученый вообразил, что эта страна не что иное, как осколок кометы.

Тот же Блюменбах, услышав о бумеранге, противоречащем всем законам баллистики, просто не поверил в его существование и заявил, что это выдумка. Не мог туземец, тупой и необразованный, не сведущий ни в математике, ни в других науках, изобрести такую удивительную штуку. Свое утверждение Блюменбах сопровождал громогласным смехом, олицетворявшим чванство и педантизм немцев.

Губернатор Сиднея, собственными глазами наблюдавший феномен, подумал, что опыт убедит скептика. Он велел привести туземца, известного своим умением обращаться с бумерангом, в прилегающий к дому парк и предложил Блюменбаху стать мишенью. Натуралист согласился и, улыбаясь, скрестив на груди руки, стал, как было условлено, позади воина. Австралиец, хотя и удивленный этой странной затеей вполне серьезного человека, не заставил повторять приказ. Счастливый возможностью хорошо отделать одного из белых, которых он справед-

ливо считал заклятыми врагами своей расы, туземец поглядел на немца, стоявшего с высокомерным и насмешливым видом на двадцати метрах позади него, раскрутил свое оружие и со всего размаха запустил.

Деревянная «сабля» пролетела какое-то расстояние и, гудя, полетела с такой быстротой назад, прямо к Блюменбаху, что, не растянись тот вовремя на газоне, вернулся бы в свой университет весь покалеченный.

Австралиец предложил повторить опыт, но Блюменбах, шаря в траве в поисках своих очков, пристыженный, сказал, что вполне удовлетворен.

К великой радости Фрике, Кайпун нацеливал свой бумеранг то на копье, воткнутое в землю, то на цветок на длинном стебле, и всякий раз оружие достигало цели. Копье, словно стекло, оказывалось разбитым, с цветка слетала головка, а бумеранг возвращался к хозяину. Фрике тоже пробовал запустить бумеранг, но всякий раз он падал на расстоянии трех десятков шагов и так и оставался неподвижно лежать на земле.

Да, превосходное оружие, им можно справедливо гордиться, как, скажем, ружьем фирмы «Гринер». Самые искусные стрелки племени, обсудив все достоинства бумеранга, высоко оценили его.

Видя, что Фрике огорчен, Кайпун дал ему свой «бумеранг войны» («барнкет»), но и с ним у парижанина вышла осечка. Как и с «бумерангом охоты» («вонгимом»).

— Странно... очень странно,— бормотал раздосадованный Фрике.— Еще Ньютон говорил, что всякое действие человека можно осмыслить. Почему же я не в состоянии понять, как управляется мой друг Кайпун со своим бумерангом?.. Может быть, гениальный Ньютон разгадал бы загадку этой удивительной машины, изобретенной руками дикаря... Блюменбах, во всяком случае, не смог этого сделать, хотя едва не пострадал из-за своего неверия... Возможно, я решу задачу, над которой бился не один математик, и выяснится, что это совсем несложно... Ах! Черт побери! Любопытно... Смотри, друг Кайпун, взгляни на этот примитивный бумеранг, он улетает и прилетает, поднимается и опускается, вибрирует, скользит, слово, ведет себя точь-в-точь как твой вонгим.— Это слово я навсегда запомню. Бумеранг охоты — ей-богу, это лист, просто лист эвкалипта, сорванный с ветки и несомый ветром. Да, эти наивные дети природы не так уж глупы!

Фрике прав. Бумеранг и в самом деле очень похож на

матовый лист эвкалипта. Даже пропорции те же. Не говоря уже о форме.

Все дело, видимо, в ветре, который, унося лист, придает ему импульс вращательного движения. Возможно, именно это и навело туземца на мысль о бумеранге.

— Кажется, я догадался,— тихо произнес парижанин, наблюдая за крутившимся в воздухе листом.

Молодой человек снова взял вонгим и стал изучать самым тщательным образом.

— В самом деле, поразительная штука! Но только, для тех, кто не видел ее вблизи, как я сейчас. Например, для Блюменбаха. Он не заметил, что концы бумеранга на разных уровнях. Бумеранг устроен по принципу пропеллера. Легкий деревянный пропеллер может удержаться в воздухе, если придать ему вращательное движение. Нечто подобное я наблюдал в детстве. Я был тогда ростом с сапог отца Шникмана, моего первого учителя. Весь Париж бегал за Надаром и его воздушным шаром, который, как говорили, тяжелее воздуха. Да. Любопытную в то время придумали игрушку — деревянный стержень с двумя-тремя картонными крылышками, расположенными как винты пропеллера. С помощью веревки стержню придавали вращательное движение, как волчку. Крылышки ввинчивались в воздух и поднимали вверх стебель, более тяжелый, чем воздух. Кажется, между этой игрушкой и австралийским бумерангом есть много общего, с той лишь разницей, что рука охотника заменяет веревочку. Ну-ка, Кайпун, покажи еще раз, на что ты способен.

Польщенный, Кайпун запустил бумеранг дальше чем на сто метров. Достигнув финиша и, казалось, исчерпав всю силу броска, бумеранг поднялся, вращаясь с головокружительной быстротой, принял горизонтальное положение, вернулся назад, описав длинный эллипс, на пятьдесят метров пролетел точку старта и снова вернулся, не переставая вращаться с прерывистым гулом.

Описав несколько концентрических кругов над головой Кайпуна и пробежав около трехсот метров, бумеранг полетел к хозяину, но сильный порыв ветра заставил его упасть на двадцать метров дальше. Теперь у Фрике не осталось больше сомнений. Он разгадал загадку.

Кайпун послонил указательный палец, поднял над головой, определяя направление ветра, как заправский моряк, и развел руками, мол, я ни при чем, ветер переменился.

— Значит, я не ошибся,— радостно заявил парижанин.

нин.— Твой бумеранг зависит от силы и направления ветра. Нам, гребцам на шлюпках, это хорошо известно. Если же ветер вдруг перестанет дуть, бумерангу будет трудно вернуться назад. Но как бы то ни было, работа эта красивая, требует большого мастерства и дураку не под силу. Оружие как будто примитивное, но с его помощью можно и защищаться, и добывать пищу. Так вот, друг Кайпун! За то время, что мне предстоит провести в твоём обществе, ты должен научить меня обращаться с твоим бумерангом. Говорят, только австралиец на это способен. Но твоя ловкость опровергает ошибочное утверждение кабинетных путешественников. Я буду вторым, кто докажет несостоятельность их суждений. Итак, по рукам?

ГЛАВА 7

Кем оказался белый дикарь.— Ивон Кербехель, 1860.— Фрике тоже становится дикарем.— Последствия смерти вомбата.— Похоронный обряд у туземцев Виктории.— Суеверие, связанное с белыми.— Происхождение суеверия.— Снова каторжники.— В путь за неизвестной судьбой.— Фрике находит самородок золота.— Ивон не хочет покидать Фрике.— Пещера с золотом.— Не это ли сокровища морских пиратов? — Мыс на озере Тиррелл.— Голоса австралийского ада.— Фрике узнает голоса.*

В других обстоятельствах Фрике с его бешеным темпераментом и склонностью к авантюрам был бы счастлив пообщаться с настоящими австралийцами. Случай предоставил ему редкую, почти уникальную, возможность изучить жизнь племен, обреченных на вымирание, ибо колонизаторский «гений» англичан беспощаден. Пытливый ум француза несомненно впитывал в себя все, что ему доводилось видеть и слышать.

Но при всей своей любознательности и жажде познать неизведанное парижанин не испытывал никакой радости.

Дело в том, что Фрике, для которого дружба и преданность были смыслом всей его жизни, вот уже три недели мучило беспокойство.

За это время он прочесал лес и равнину, исходил горы и долины. Все напрасно. В окрестностях озера Тиррелл друзей не было и в помине. Молодого человека приняли

* Вомбат — австралийское сумчатое животное.

в австралийское племя благодаря Кайпуну, оказавшемуся помощником вождя, белый дикарь не нуждался ни в пище, ни в крове и разделял с туземцами растительный рацион. Нельзя, однако, сказать, что общение с австралийцами не принесло Фрике никакой пользы. Когда они пришли в селение аборигенов, Кайпун рассказал о себе совсем немного, но вполне достаточно для того, чтобы признать в нем бывшего французского моряка, к тому же соотечественника Пьера Легала.

Радуюсь как ребенок, показывающий новому другу игрушки, Кайпун сначала выложил две блестящие медные пуговицы, видимо срезанные с матросского бушлата, затем старый полинявший погон, мятый, весь в пятнах. Эти своеобразные реликвии хранились в мешочке из шкуры опоссума, причудливо украшенного шерстью летучей мыши, и Кайпун очень ими дорожил. Кроме того, Фрике заметил у него на руке едва различимую татуировку, сделанную, видимо, еще в детстве: якорь, под ним имя Ивон Кербехель, а еще ниже — 1860.

Фрике и на этот раз не ошибся. Предположения его подтвердились. Скорее всего человек этот, в прошлом юнга, потерпел кораблекрушение и был подобран туземцами. С тех пор он так и живет среди них, даже родной язык позабыл.

Такое и прежде случалось. Лет двенадцать назад среди австралийцев был найден французский моряк Нарцис Пелетье, тоже потерпевший крушение. Он совершенно забыл родной язык и уподобился своим новым друзьям-дикарям. Раненный во время стычки с матросами, пришедшими за водой к устью реки, он был доставлен на корабль и репатриирован. Со временем он снова стал цивилизованным человеком, выучил французский язык, был назначен сторожем маяка на нашем западном побережье. Целых восемнадцать лет провел он среди дикарей. Та же участь наверняка постигла и Кайпуна, охотника на кенгуру, Ивона Кербехеля, как его теперь называл Фрике.

Нет слов, чтобы описать привязанность Ивона к парижанину.

Он ходил следом за молодым человеком словно тень, стараясь, как мог, скрасить его пребывание среди дикарей.

Заточенный на два дождливых дня в вонючую хижину из коры, двух метров в диаметре, похожую на собачью конуру, где теснились три, а то и четыре человека, Фрике

едва не задохнулся. Отвратительный запах гнили, смешанный с «козлиным ароматом», исходящим от дикарей, не смог вынести даже привыкший ко всему парижанин.

Пришлось Ивону построить ему хорошо проветриваемую хижину и повесить у входа шкуру кенгуру. В хижине не было ничего, кроме лежа из сухих листьев папоротника, покрытых шкурой опоссума, зато здесь не кусали паразиты и не было вони.

Фрике даром времени не терял, прилежно учил туземный язык и не упускал возможности поговорить по-французски с Кайпуну.

Кайпун, надо отдать ему должное, тоже проявлял прилежание и делал немалые успехи. Спустя три недели словарь его значительно пополнился, но он еще не мог построить фразы и смешивал французские слова с австралийскими.

Мало-помалу к нему возвращалась память, и Фрике чувствовал, что недалек тот день, когда он узнает всю историю Ивона, сможет увезти его в Европу и вернуть в цивилизованное общество.

Постоянно занятые добыванием пищи, этой извечной проблемой на бедной австралийской земле, Ивон и Фрике в то же время не прекращали поисков доктора, Андре, Пьера Легалья и Мажесте, совершая долгие и трудные походы к берегам озера Тиррелл. К счастью, местность была хорошо знакома Кайпуну, и искусный охотник постоянно заботился о пропитании.

Фрике сумел убедить своего нового друга в необходимости поисков этих благородных людей, и Ивон взялся за дело с присущей дикарям напористостью.

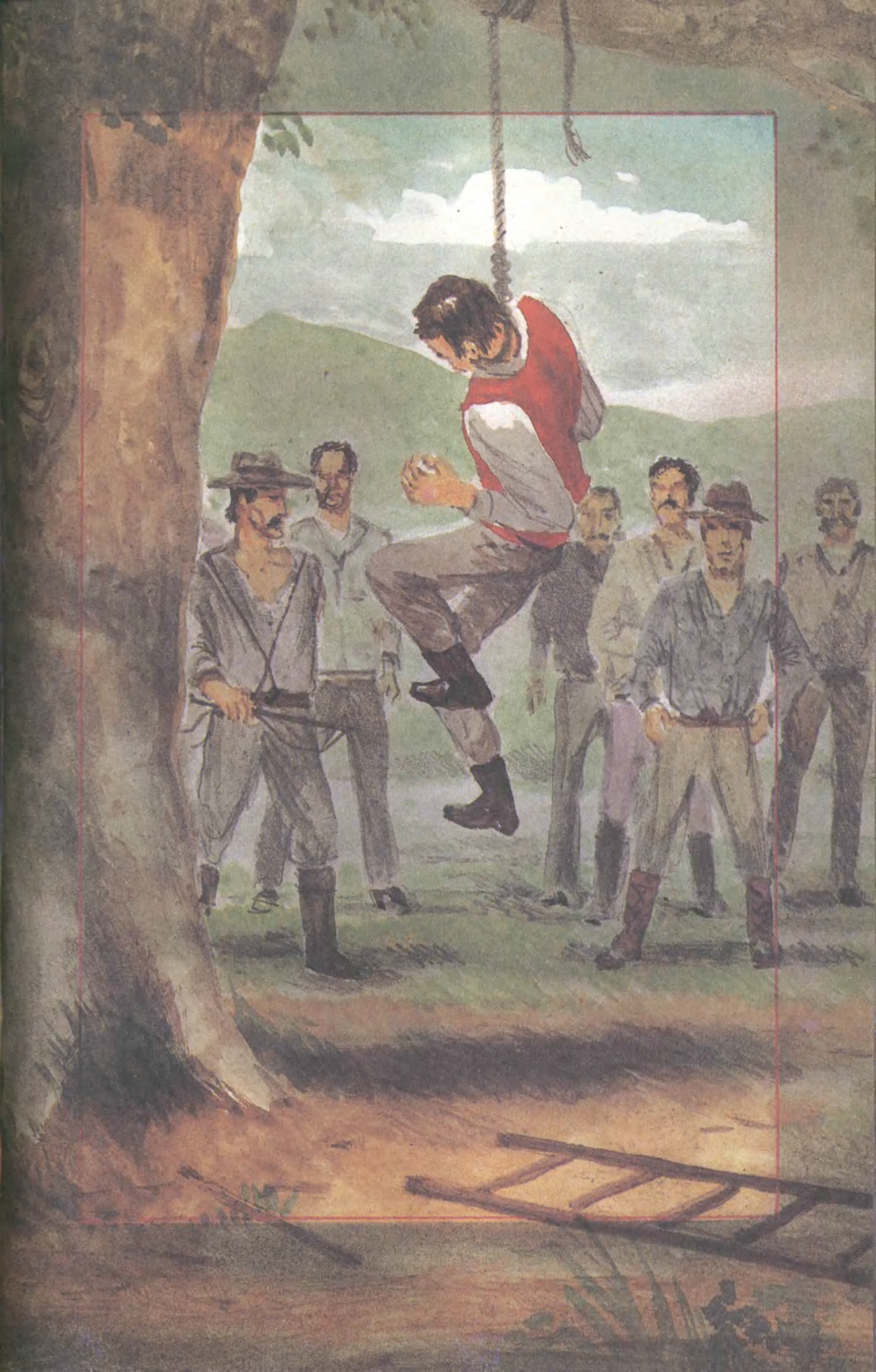
Молодому человеку очень хотелось узнать, за что Ивона собирались предать суду Линча, но все вопросы парижанина оставались без ответа. То ли Ивон не хотел об этом рассказывать, то ли ему пока не хватало знаний французского языка. Тем временем с одним из туземцев произошло несчастье, благоприятно сказавшееся на судьбе Фрике. Этот туземец полез на самую верхушку эвкалипта за вомбатом, свалился на землю и на месте скончался, сломав себе крестец.

Австралийцы считают смерть бесовским наваждением, а потому все члены племени громко рыдали, понося солнце, луну, эвкалипты, а главное колдуна, обернувшегося вомбатом, чтобы заманить охотника на дерево и потом сбросить вниз.

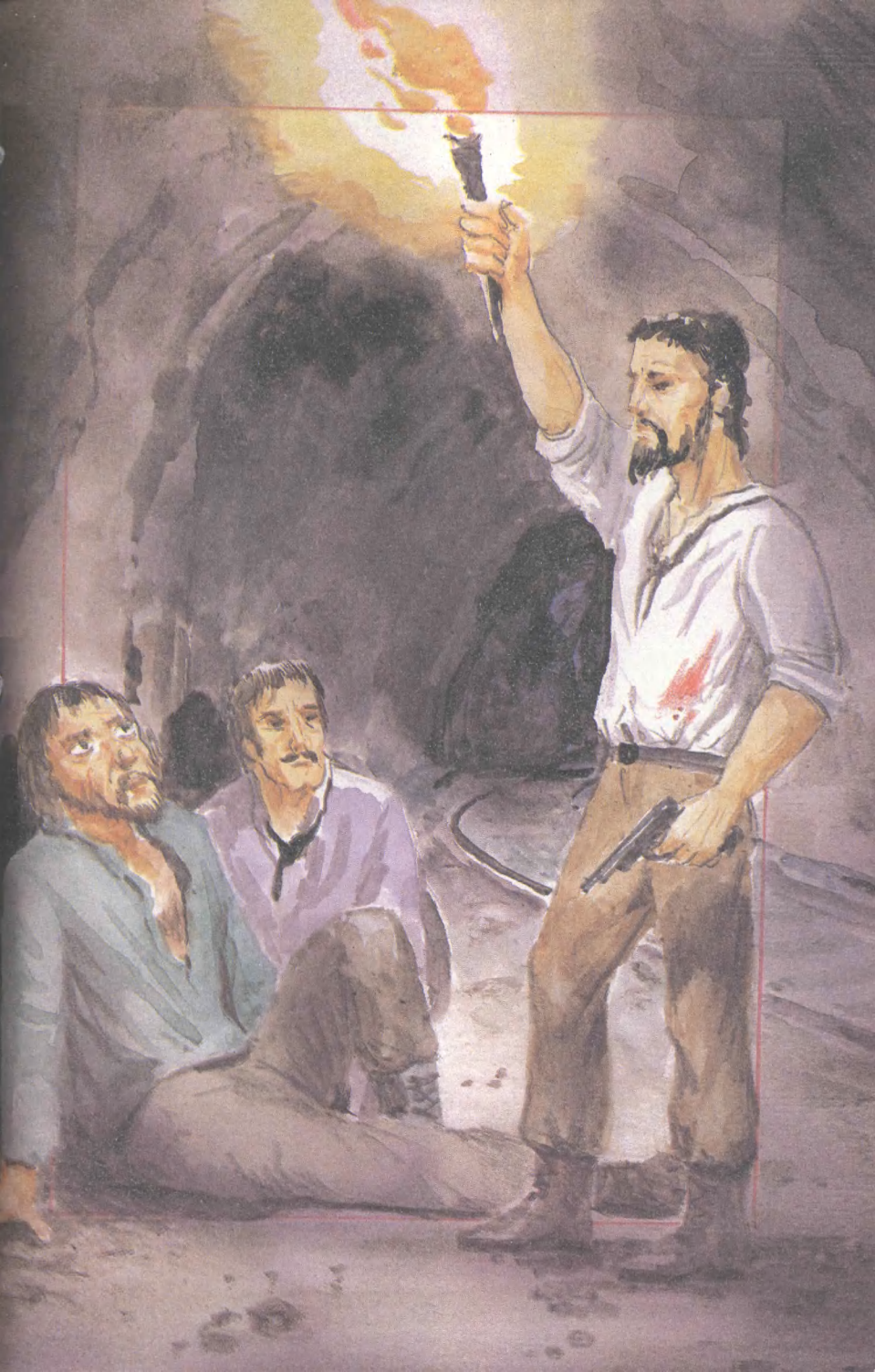
Вздумай европеец выть с такой силой, как это делают дикари, его голосовые связки просто не выдержали бы.

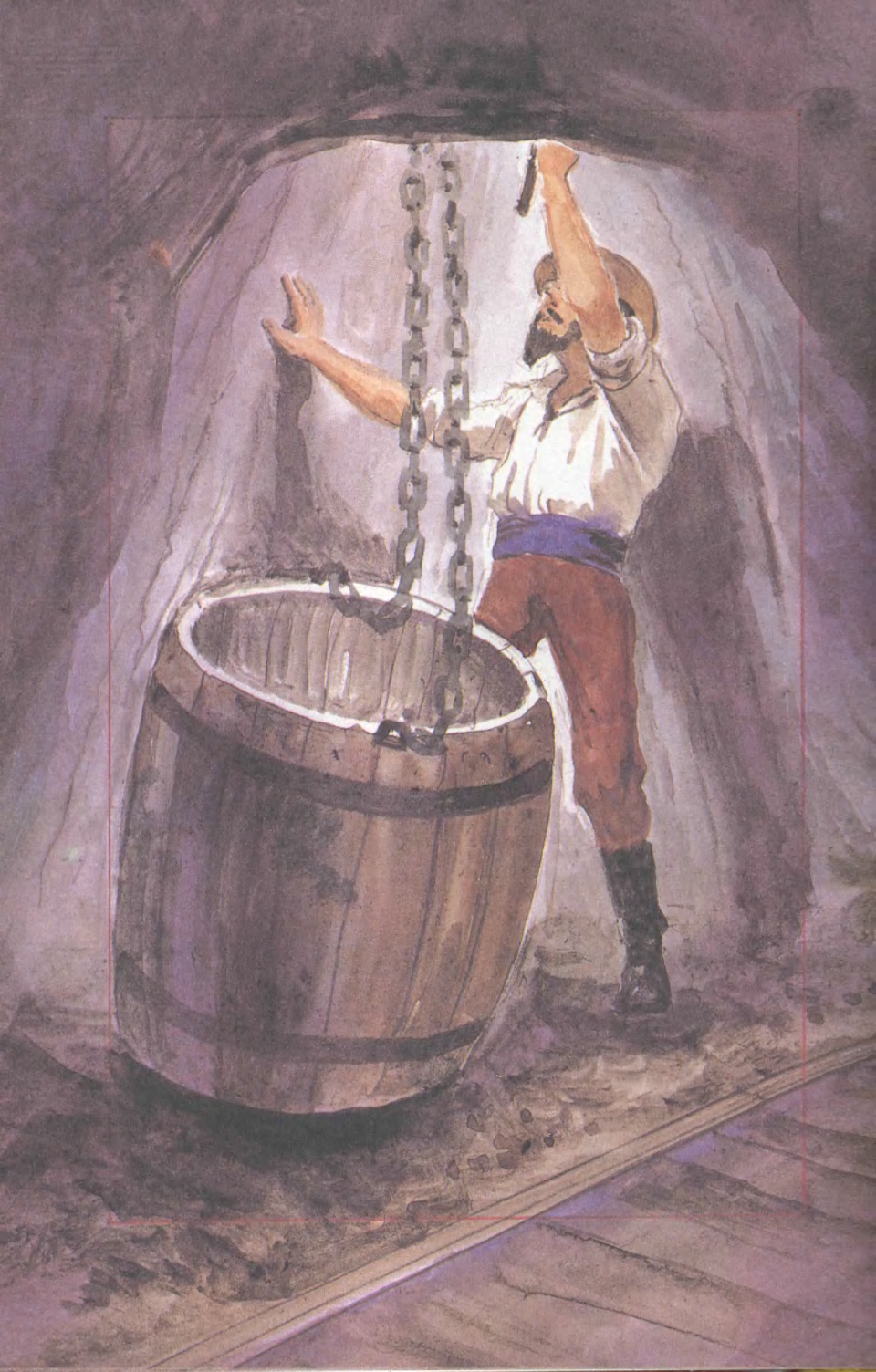

У австралийцев цвет траура — белый. Поэтому все мужчины выкрасили себя белой краской, изобразив на теле скелет, после чего занялись приготовлениями к обряду погребения.

Следует заметить, что вечно голодные аборигены в большинстве случаев поедают своих мертвецов. К счастью, на сей раз этого не случилось. Провизия была в изобилии, в озере ловили рыбу, и дикари ограничились тем, что содрали с покойника кожу. Пока колдун племени совершал этот страшный обряд, туземцы сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее приближались к мертвецу и в знак печали ударяли себя топором по голове. Только увидев потоки крови, Фрике поверил, что делают они это не для видимости.

Наконец страшный обряд закончился. Тогда колдун стал целовать истекавших кровью людей, замазал их раны глиной, после чего разрешил взглянуть на покойного.

Труп расчленили, кости и внутренности закопали в землю, а остальное — кожу, к которой еще прилежали уши, нос и волосы, а также руки, ноги и череп — подержали на солнце и потом положили в мешки. Эти мешки, несмотря на исходившее от них зловоние, жены умершего должны были носить с собой на протяжении шести месяцев.

Даже ночью нельзя было расстаться с мешком, его клали под голову, дабы память об умершем присутствовала всегда. А по вечерам несколько часов кряду плакали. После ста восьмидесяти дней столь мрачного траура кости и кожу оставляли либо в дупле, либо в отдаленной пещере.

То же самое происходило и в том случае, когда мать теряла ребенка. Она носила останки своего чада с собой до тех пор, пока он окончательно не разлагался. После этого женщина высушивала кости, прятала в мешок и клала под голову.

После окончания похоронной церемонии несчастные, искалеченные туземцы дружно запели песню ликования и стали плясать вокруг Фрике.

Парижанин не знал, что и думать, но Ивон постарался ему все объяснить, как умел, на своем странном языке.

Австралийцы считают, что все их покойники возрождаются в белых людях. И дикари верили, что Фрике принесет племени счастье.

Парижанин ждет друзей, и в одном из них, самом близком и дорогом, и возродится погибший охотник. При этих словах Фрике не мог скрыть своей радости.

— От всего сердца благодарю вас, дорогие друзья,— сказал он.— Ваше предсказание совпадает с моим заветным желанием. Я хорошо понимаю вас, хотя ваша мысль, признаться, мне кажется несколько странной.

Итак, каждый представляет себе рай по-своему. Негр, униженный и несчастный, мечтает после кончины возродиться в белом, который может вволю поест, попить и поспать.

Существует не одна легенда происхождения этого суеверия. Расскажу о самой популярной, с моей точки зрения. Но для этого надо вернуться ко времени основания колонии.

Едва высадившись на берег, каторжники с конвоем, следовавшим за отрядом commodора Филиппа, с удвоенной энергией взялись за старое. Кражи и убийства стали для них нормой существования. Самые суровые меры, предпринимаемые англичанами, были бессильны пресечь зло.

Не удовлетворяясь разбоем на суше, бандиты овладели большими судами и стали пиратствовать, хозяйничая в прибрежной полосе шириной в сто морских миль, неся с собой страх и разорение.

Долго так не могло продолжаться. Действия разбойников могли погубить едва зарождавшуюся колонию, и английские власти объявили пиратам беспощадную войну. Почти все они были уничтожены: расстреляны, повешены, брошены в море на съедение акулам. Лишь немногим удалось спастись. Они скрылись в лесах и, чтобы обезопасить себя, приняли вид туземцев; разрисовали тело краской, сделали себе татуировки, стали ходить без одежды, прикрываясь звериными шкурами, в спутницы взяли туземных женщин, называя их женами. Так им удобнее было разбойничать. Они выдавали себя за предков туземцев, внушив аборигенам, что все покойники превращаются в белых, как гусеницы в бабочку.

Обман удался. Доверчивые дикари были уверены, что их черные собратья, созданные Моо-Тоо-Ону, духом добра, после кончины, проходя через могилу, становятся белыми. Смерть меняет не только цвет кожи, но и голос, гортанный и звонкий.

У этих новых белых племен совсем другое оружие. Сверкающие ножи, металлические трубочки, из которых вырывается молния, старых австралийских обычаев они не помнят, дух-шутник, Уа-Уа, замутил им память.

Такой была первая легенда о возрождении туземцев

в белых, и каторжники, надо сказать, извлекли из нее для себя немалую пользу. Их почитали, им, как предкам ныне живших отцов и сыновей, отвели самое лучшее место у огня, отдали в жены самых красивых девушек.

Эта легенда, льстившая самолюбию аборигенов, постепенно приобрела необычайную популярность среди большинства туземцев Новой Голландии, даже стала символом веры, и, защищая ее, дикари готовы были принять муки.

Итак, церемония погребения, невольным свидетелем которой оказался Фрике, закончилась. Австралийцы, еще в большей мере кочевники, чем бедуины Сахары и киргизы азиатских степей, снялись с лагеря и собрались в путь. Сборы были недолгими. Мужчины взяли свои самодельные копья и бумеранги, а женщины, сгибаясь под тяжестью мешков с провизией и обливаясь потом, последовали за ними. Хижины были брошены случайным гостям.

Фрике недоумевал: почему вдруг туземцы с такой быстрой свернули лагерь? Но когда он спросил об этом у Ивона, тот пожал плечами и воздел руки к небу, что, видимо, означало: «Откуда мне знать...»

— Нет,— сказал парижанин.— Я так не могу. Мои дела не позволяют мне далеко отлучаться. Я остаюсь. А ты как хочешь. Смотри! — воскликнул вдруг молодой человек, подобрав возле свежевырытой могилы желтый, словно закопченный камешек.— А какой тяжелый! Будто свинец! Может быть, это...

— Золото,— подхватил Кайпун.

— Золото... Это... настоящее золото!

— Золото...

— Знаешь, друг мой, здесь самое меньшее на тысячу франков. Тебе на это наплевать, а мне нет. Сейчас, разумеется, от него столько же проку, сколько, скажем, от партитуры оперы-буфф*. Но кто знает, что случится потом? Положу-ка я его в карман. Может, удастся побывать в каком-нибудь цивилизованном заведении, тогда пропустим стаканчик-другой. Похоже, я становлюсь капиталистом. Начало положено. Найти бы килограммов двадцать, и не о чем тогда беспокоиться. Ведь в этой стране главное — деньги. Господину Андре и остальным моим друзьям понадобится много денег.

Негры уже исчезли из виду, несколько не беспокоясь о Фрике и Кайпуне.

— Пошли,— решительно сказал Ивон.

* Опера-буфф — то же, что и комическая опера

- Куда?
- Туда... озеро.
- К озеру, охотно. Мы там сможем найти...
- Золото.
- Золото?
- Да... много... очень много...

И жестом, куда более красноречивым, чем слова, Ивон показал, сколько они могут найти драгоценного металла.

— Что-то я не совсем понимаю. Ты хочешь сказать, что знаешь богатую россыпь?

— Нет... не россыпь. Золото... Настоящее золото. Целая пещера.

— Ах, черт! Это совсем другое дело. Ты делаешь большие успехи во французском. Я тобой горжусь. Значит, ты видел куски золота, самородки?

— Да... да... самородки... куски.

— В пещере? И ты знаешь, где она?

— Да... да... — сияя, ответил Ивон. — Для тебя... Все для тебя... Ты хороший.

— Все для меня... Ты хочешь сказать, для нас? Но сначала надо туда попасть. Мы по-братски поделимся, не будем жадничать. Гром и молния! Может быть, это и есть сокровища Бускарена? Вот была бы удача! Убить сразу двух зайцев, переломать кости этому подлецу, нет, лучше схватить его, перевязать, как колбасу, и пусть скажет, где спрятал нашу дорогую крошку, а если заартачится... Если не захочет, клянусь, я буду его поджаривать, пока не заговорит... Вот так! Договорились, Ивон. Пошли, дружище. Только будь начеку. Риск очень большой. Главное — не промахнуться и, если что, тихонько смыться.

Путь был долгим и трудным. Фрике догнал наконец негров. Они шли так быстро, что даже парижанин со своей неумной энергией был в полном изнеможении, когда Ивон переливчатым свистом скомандовал привал.

Маленький отряд остановился на поляне шириной около двадцати метров, расположенной на склоне горы высотой в пятьсот — шестьсот метров, с тощей растительностью. Эта площадка вдавалась гранитным мысом в озеро, до самой его середины, формой напоминая гигантскую рыбью кость, и, окруженная с трех сторон обрывами, она была доступна лишь с одной стороны, где висела крутая тропинка, по которой Фрике и его товарищи и взобрались наверх. Бесперывно поливаемая тропическими дождями, исхлестанная ветром с океана, эта поляна была образована из потоков базальтовых лав с блестящими вкрапления-

ми слюды. Она находилась на открытом месте, на головокругительной высоте, и Фрике сквозь карликовые мимозы и большелистные растения мог созерцать редкой красоты пейзаж.

Негры, против обыкновения, не расположились лагерь, не стали разводить огонь, а хранили боязливое молчание, в то время как женщины сидели сторбившись на своих мешках, обхватив голову руками, спиной к бескрайнему сверкающему озеру.

Вдруг со стороны озера донеслись раскаты хриплых человеческих голосов, перекрывшие журчанье ручья, невидимого, но ясно различимого по шуму создаваемого им небольшого водопада. Аборигены в приступе безотчетного ужаса бросились ничком на землю, истошно вопя:

— Wiami! Wiami! (Ад!)

— Возможно, это и ад,— сказал Фрике, оторвав взгляд от великолепного пейзажа.— Но почему-то мне знакомы голоса населяющих его дьяволов... Ну и денек! Сколько приключений. Если эти мошенники здесь, значит, и главный негодяй недалеко. Фрике, мальчик мой, будь осторожен. Иначе ты пропал...

ГЛАВА 8

Тилигал и Моо-Тоо-Ону.— Австралийские легенды.— Что стало с волосом из бороды, брошенным Байамаи в песок.— Несчастия луны.— Дьяволы говорят по-английски и по-португальски.— Что увидел Фрике, заглянув в пропасть.— Золотая глыба.— Жадность двух мошенников.— Вторичное появление мастера Холлидея и сеньора Бартоломеу ду Монти.— Выкупленный бандит.— Дела мастера Холлидея.— Сеньор Бартоломеу со своей глыбой золота становится падающей звездой.— Таинственное судно.— Выстрел из карабина в море.

Крики перепуганных насмерть туземцев ничуть не смутили Фрике. По природе своей и образованию чуждый всего сверхъестественного, наш друг сразу понял, что вопли ужаса, мольбы о помощи, угрозы и проклятия исходят от людей, сцепившихся на дне пропасти в смертельной схватке.

У одного из них, к удивлению Фрике, слышался португальский акцент, в другом, по силному, пропитому голосу и резким интонациям, сразу можно было признать янки.

Фрике подполз к краю пропасти, заглянул вниз, и глазам его предстало ужасное зрелище.

Туземцы между тем продолжали вопить, опасаясь, как бы злой дух не сбросил их нового друга со скалы в озеро.

Несчастные дикари больше верили в духа зла Тилигала, чем в духа добра Моо-Тоо-Ону.

И в этом не было ничего удивительного. Туземцы жили в ужасных условиях. Нищета и постоянные преследования англичан довели их до отчаяния, сделали суеверными до предела. И об этом, пусть читатель меня простит, я хочу сказать несколько слов.

Наша цель — поведать не только о приключениях парижского гамена, но и дать сведения, пусть самые элементарные, о тех странах, в которых ему довелось побывать.

Не стану распространяться о более чем странных обрядах, празднованиях «таинств», которыми изобилует «теология» туземцев. Силу их воображения не в состоянии описать никакое перо. Простим же этим несчастным их невежество. Поистине они достойны сострадания.

Справедливости ради следует сказать, что среди различных культовых преданий туземцев можно найти замечательные притчи о морали и, что очень часто, о вере в загробную жизнь.

Туземцы верят, что после смерти человека ждет либо награда, либо кара. В их аду, виами, много элементов местного колорита, что делает честь воображению негров. Расскажу одну из легенд.

Представьте себе огромную песчаную пустыню, без деревьев, без капли воды, окруженную со всех сторон раскаленными скалами. Три громадных солнца, расположенных треугольником, испепеляют эту печальную местность. Здесь обречены печься на солнце грешники. Те, кто оскорбил жреца, ударил старика, убил вождя, похищал девушек.

Байамаи, или Моо-Тоо-Ону, дух добра, огромного роста негр с белыми волосами, горящими глазами, непомерно длинными руками и ногами, извлек из небытия кенгуру, эму и вомбата. Затем создал злаки и солнце.

После этого Байамаи с белым покрывалом на голове поднялся на вершину Уораган, горной цепи, которую европейцы потом назвали Австралийскими Альпами, и плюнул на все четыре стороны. Так образовались озера и реки. Сначала Байамаи населил их пресноводной треской.

Мы не станем подробно рассказывать о том, как создал Байамаи озера, лагуны и море. Легенда повествует об этом в столь непристойных выражениях, что воспроизводить их, даже покрыв густой кисеей, просто невозможно.

Моо-Тоо-Ону, вначале вполне удовлетворенный своим творением, вскоре разочаровался в нем. На пастбищах, населенных эму, казуарами, вомбатами, на озерах с треской не хватало более совершенных существ. И дух добра, спустившись с горы, целый день трудился над созданием мужчины и женщины, родоначальников черной расы с гладкими волосами.

Устав от трудов праведных, Моо-Тоо-Ону передохнул несколько дней и, видя, как созданные им существа чахнут под палящим солнцем, вытащил из земли камедные деревья и араукарии, чтобы на голой земле появилась тень.

Будучи после этого в полном изнеможении, Моо-Тоо-Ону еще нашел в себе силы вырвать из бороды волос и бросить его в песок.

Волосок сразу пустил корни, стал расти на глазах и превратился в Мать лиан. После этого одна за другой стали появляться лианы, они достигли гигантских размеров и покрылись яркими цветами.

Теперь Моо-Тоо-Ону больше не беспокоился. Он видел, что отец и мать черной расы с гладкими волосами счастливы, снова поднялся на гору, оттолкнулся от нее ногами и бросился в эфир, где пребывает и по сей день.

Он сидит позади солнца, наблюдает за своими творениями и пальцем приводит в движение солнце.

В этой примитивной космогонии есть и легенда о луне. Она рассказывает, что богиня ночей была очень красивой и наслаждалась счастьем, охотясь на кайпунов, эму и вомбатов. Не знаю, за какие провинности, но австралийская Диана-охотница* была изгнана из океанических земель и ввергнута навечно во мрак ночи.

По сей день оплакивает богиня свою злую судьбу. Слезы ее превратились в звезды и усеяли небо.

Представление о том, что мертвые туземцы возрождаются в белых, о котором я уже упоминал выше, не насчитывает и ста лет.

Вернемся, однако, к парижанину. Несмотря на моль-

* Диана — древнеримская богиня, покровительствовала охоте, часто изображалась в виде охотницы

бы туземцев, он продолжал заглядывать в пропасть, прислушиваясь к разговору людей, оказавшихся здесь каким-то непостижимым образом.

Уцепившись за карниз, шириной в ступню, в пятидесяти метрах от вершины мыса, янки, с непокрытой головой, несмотря на палящее солнце, в шерстяной рубашке с распахнутым воротом, поносил другого, того, что висел над пропастью на раскачивающейся веревке.

Веревка выходила из круглого отверстия в базальтовой стене, добраться туда можно было лишь подземным путем, с противоположной стороны склона.

Фрике недоумевал: как эти люди здесь очутились? Он сделал знак Ивону держать его за ноги, а сам стал медленно ползти, еще ниже склонившись над пропастью.

Вдруг он заметил узкую расщелину с раскорячившимся рядом американцем, из нее и выходила веревка, на которой повис один из дружков. Из расщелины вытекал серебристой струей ручеек, грациозно устремившийся в озеро. В воздухе медленно плыла водяная пыль, окрашенная всеми цветами радуги. Время от времени Фрике видел, как сверкал, словно в ореоле, огромный самородок золота, сросшийся с базальтовой скалой.

Ручей, как золотоискатель, вековым действием вод обнажил этот удивительный самородок, превосходящий по величине самые замечательные образцы из минералогического отдела музеев Сиднея и Мельбурна.

Постоянно омываемый водой, самородок отражал солнечные лучи и, похожий на пылающее зеркало, казалось, вот-вот оторвется от места, в которое его поместила фея золотых россыпей. Но прошли века, а самородок, не знавший прикосновения человеческих рук, оставался неподвижным.

Пораженный этим зрелищем, Фрике замер. Он не был подвержен золотой лихорадке, однако испытал некоторое волнение. Но оно длилось какой-то миг, после чего вниманием парижанина завладела разыгрывавшаяся на его глазах драма. Сомнений нет. Эти двое обнаружили самородок и объединились, чтобы заполучить его. Один из них поверил другому на слово, скользнул по веревке и, рискуя сорваться в пропасть, невероятным усилием оторвал самородок от скалы.

— Так, — сказал себе Фрике, — эти мошенники обделали неплохое дельце. Рабочая сила им ничего не стоила. Но я очень удивлюсь, если дележ завершится благополучно.

Как раз в этот момент из уст авантюристов снова раздались крики ликования и ужаса одновременно. Одно неверное движение — и самородок выскользнет из рук того, кто его с трудом удерживал, и полетит в пропасть. Туземцы были вне себя от страха, слыша непрерывные вопли, усиливаемые эхом.

— Поднимите меня, сеньор Холлидей...

— Значит, Холлидей,— произнес Фрике.— Впрочем, я сразу узнал обоих. Американский пират, чем только он не занимается? Лучше бы этот мерзавец был подвешен за шею на другом конце веревки. Однако терпение... Это становится интересным.

— Быстрее... Сеньор... Ради Бога, золото жжет мне грудь... давит на сердце.

Пират стал быстро тянуть веревку вверх, но, когда дружок его оказался в двух метрах от карниза, остановился, словно осененный какой-то дьявольской мыслью.

— Пожалуйста... сеньор, поторопитесь... у меня темнеет в глазах. Ах! Что же вы делаете?

— Поговорим, сеньор Бартоломеу ду Монти?

Фрике развлекался, он чувствовал себя словно на балконе в театре.

— Ага! Здесь ты не такой гордый, как в «Барракане» в Макао. Торговля желтыми не принесла тебе счастья. Смотри, как бы золото не стало причиной твоей смерти.

— Прекратите! — завопил тот, что висел на веревке.— Вы что, не видите? Силы мои на исходе!

— Ладно! Передайте мне этот кусочек золота, тогда вас будет легче поднять.

— Клянусь вечным спасением, я этого не сделаю. Ведь тогда вы сбросите меня в пропасть.

— А кто вам сказал, что я не сделаю этого сейчас?

— Это не в ваших интересах. Самородок — моя защита.

— Дурак! Самое трудное было оторвать его от скалы. А теперь пусть летит в озеро, черт побери! Водолаз отыщет его. Решайте живее! Отдаете золото или нет?

— Да покарает вас Бог! Вы — мошенник...

— Да, сэр. Самородок!

— Бандит...

— Согласен. Самородок!

— Вы хотите ограбить партнера...

— ...Самородок!

— Самородок принадлежит мне... Нам обоим... Давайте его поделим.

— Ваша жизнь в моих руках... Самородок — это выкуп. Либо вы отдаете его мне, либо я отпускаю веревку

Португалец ничего не ответил, лишь заскрипел зубами и задрожал всем телом. На губах выступила пена.

Кровь бросилась в голову американцу.

— Вы слышали? — зарычал он. — Золото, или я отпускаю веревку!

— Вы все равно меня убьете... когда... я вам его отдам... Так пусть лучше озеро... поглотит меня вместе с ним.

— Как хотите! — ответил американец и опустил веревку метра на три. Это было предостережение.

Несчастный португалец издал громкий вопль и так прижал к себе самородок, что едва не сломал ребра.

— Решайте же!

— Пощадите!.. Пожалейте!.. Сеньор Холлидей... Вы — мой старый друг... За это золото я могу заплатить жизнью...

— Хозяин не вправе потребовать самородок. Он наш.

— А! — тихонько произнес Фрике. — Значит, главный прохвост скоро явится. Это важно.

— ...А вы не боитесь, что хозяин потребует у вас отчета в моей смерти? Мы все равны перед ним... Наш устав категорически запрещает убийство.

— Не важно. Здесь мы одни, — ответил американец уже более мягко.

— Пощадите... Это наше золото.

Увлеченный разговором мошенников, Фрике старался не пропустить ни одного слова.

Оба бандита, явившиеся причиной несчастий Фрике, волей судьбы снова встретились ему на пути.

Хозяин, которого они ждали, был не кто иной, как Винсент Бускарен, предводитель пиратов. Ступив на австралийскую землю, торговец людьми и пират, видимо, стали бушрейнджерами. *Habent sua fata... latrones**.

Эти мошенники не могли долго находиться в обществе честных людей.

Для полного счастья парижанину оставалось лишь получить какие-нибудь сведения о друзьях. Что вскоре и случилось.

В момент, когда сеньор Бартоломеу ду Монти истошным голосом взывал о помощи, в том месте, где небо

* У разбойников своя судьба. Перефразированное латинское выражение «*Habent sua fata libelli*» — «Книги имеют свою судьбу»

сливается с озером, образуя высокую голубую стену, появилась черная точка.

Точка быстро увеличивалась. Это была не лодка. Туземные челноки не такие широкие. И не плот. Плот не может двигаться с такой скоростью.

Увидев этот плавающий предмет, мастер Холлидей изрыгнул страшное проклятье и стал поносить португальца с яростью, не свойственной флегматичным американцам.

Дон Бартоломеу ду Монти, ошеломленный, бормотал, икая, что-то бессвязное. Алчность и страх смерти довели беднягу почти до безумия.

Приближалась развязка.

Американец закрепил веревку в базальтовом углублении. Хотя руки его были сильны, он боялся, что не удержит португальца да еще с самородком. Затем достал длинный нож, с которым никогда не расставался. Он стриг им ногти, заострял зубочистки, а при необходимости мог вспороть кому-нибудь живот.

— Умри, мерзавец! — прорычал Холлидей. — Сдохни как собака... Сгинь вместе со своим проклятым сокровищем.

Американец так ожесточенно ударил ножом по веревке, что лезвие с треском зазубрилось о скалу.

Португалец издал последний вопль, дважды перевернулся и упал вниз головой в озеро. Только вода зловеще зашумела.

Парижанин, наблюдая это страшное зрелище, даже глазом не моргнул и насмешливо произнес:

— Один готов! Всех бы их туда, меньше будет работы палачу.

Мастер Холлидей замер, переводя взгляд с кругов, которые пошли по озеру при падении португальца, на обрезанную веревку, извивающуюся в воздухе, словно змея, затем спокойно спрятал нож, укрепился на скользком карнизе и приготовился скрыться в черном отверстии, зияющем в отвесной скале.

Но не успел. Таинственное судно приблизилось со скоростью птицы. Оно было легким, устойчивым и напоминало одновременно и плот и лодку.

Двое из пливших на судне гребли, третий, стоя на корме, рассматривал в бинокль американца и его жертву и, наконец, четвертый, сидя на корточках на носу, целился из ружья.

Раздался выстрел, мастер Холлидей вздрогнул и покачнулся, словно подстреленный заяц.

— Вот это здорово! — вскричал Фрике. — Но, черт возьми! Я узнаю звук выстрела.

Парижанин подался всем телом назад, сбил с ног Кайпуна и одного из туземцев.

— Это они! Я не ошибся!.. Они!..

ГЛАВА 9

Дон Бартоломеу ду Монти вместе с самородком остается на дне. — Фрике узнает друзей. — Ад снова становится безмолвным. — В поисках причала. — Как Ивон срубил лиану. — Виами отдает свою жертву. — Доктор Ламперьер удивлен, что его называют Нифро-Ба и что он обрел целую семью. — О кузнечных мехах как инструменте навигации. — Лодка с тремя бочками уместается в кармане. — Кем был Ивон Кербехель. — Трогательная сцена.

Итак, раненый американец быстро скрылся в расщелине скалы.

Таинственное судно достигло подножия мыса и остановилось возле того места, где нашел свою смерть сеньор Бартоломеу ду Монти.

Уж не собирались ли моряки выловить из пучины несчастного португальца? Вполне возможно. Но надежды их оказались напрасными. Утонувший не всплыл на поверхность. Слишком тяжелым был самородок, который сеньор Бартоломеу ду Монти так и не выпустил из рук.

Сердце Фрике едва не разорвалось от волнения. Он увидел своих друзей. Андре и Мажесте сидели на веслах, Пьер стоял на корме с биноклем, а доктор Ламперьер держал в руках еще дымившийся карабин.

Видя, что сеньора Бартоломеу ду Монти не спасти, моряки решили обогнуть мыс. Весла уже ударили по воде, когда воздух разорвал радостный крик парижского гамена.

— Пии... у... ит!.. — Казалось, глотка у Фрике луженая.

При этом хорошо знакомом сигнале, в свое время призвавшем их во дворец султана Борнео, мужчины так вздрогнули, что закачалась лодка. Весла в руках у гребцов застыли, и все четверо моряков задрали головы, глядя вверх, откуда донесся крик пересмешника.

— Пии... у... ит... — снова послышалось с высоты.

Пьер Легаль встал, приложил рупором руки ко рту и громовым голосом окликнул невидимого парижанина.

— Эй! На жердочке попугая, эй!..

— Эй, на шляпке! Эй!.. — эхом отозвался Фрике.

— Матрос!.. Сын мой!.. Неужели ты? Только без шуток! Провалиться мне на этом месте, если я ошибся...

— Это я, старина! Честное слово, Фрике, парижанин, ваш общий матрос, дорогие друзья! Так что не надо проваливаться... Это опасно.

— Фрике! — воскликнули все четверо в один голос. — Дорогой мальчик!

Тут раздался великолепный бас доктора, взволнованный и в то же время веселый:

— А ты кто? Султан, как на Борнео, или просто вождь племени австралийцев?

— Пока еще нет! Трон свободен, ждет одного из вас.

— Хорошо... Попробуем потихоньку причалить... Где мы, черт возьми? Гидрографы не поставили вехи на берегу, так что придется самим искать место для высадки, чтобы снова не уплыть в океан.

— Я знаю не больше вас. Думаю, надо обогнуть мыс и попытаться пристать с другой стороны. Мы с товарищами пойдем вам навстречу. Только будьте осторожны. Места тут чертовски опасные.

— Это мы успели заметить. Хотелось бы знать, подлец, которому доктор, вероятно, прострелил лапу, не тот ли несчастный американец, звездный пират с «Лаоцзы»?..

— Он самый. А треска, что нырнула, — португалец из Макао, торговец желтыми людьми.

— Надо все знать. На всякий случай. Итак, в путь...

Во время этого разговора австралийцы, окончательно обезумев от страха, лежали ничком на скале, не подавая никаких признаков жизни, только зубы стучали и дрожь пробегала по телу.

Туземцы не помнили, чтобы когда-нибудь голоса дьяволов звучали так долго и так громко.

Проклятья американца, предсмертные вопли португальца, выстрел из карабина, звонкий голос Пьера, нескончаемые речи доктора — все это слилось в одну адскую симфонию, от которой черные лица туземцев приняли серый оттенок.

Только Кайпун, точнее, Ивон Кербехель, уже немного европеизированный от общения с Фрике, да простит мне читатель этот неологизм, стоял и смотрел, как возвращается судно.

— Canotte... — сказал он, напрягая память и прибавив

к последнему слогу окончание «те», привычное для моряков*.

— Да, мой добрый Ивон, шляпка... смазанная салом, с экипажем из самых ловких матросов мира. Сейчас ты их увидишь.

Поскольку в аду наступила тишина, туземцы понемногу успокоились, зашевелили руками и ногами, открыли глаза.

Кое-как Фрике объяснил своим новым друзьям, что надо спуститься вниз к берегу и найти более пологое место.

Туземцы охотно согласились, они были уверены, что только белый мог так долго, не подвергаясь опасности, беседовать с дьяволами из ада.

Австралийцы съели несколько испеченных в золе бататов, проглотили целую пригоршню кусочков смолы эвкалипта и, поглаживая себя по животу, объявили, что готовы отправиться в путь.

Как раз в этот момент судно обогнуло крайнюю точку мыса и повернуло направо. Парижанин и его отряд, преодолевая многочисленные препятствия, последовали в том же направлении.

Они шли несколько часов по раскаленной почве, обжигающей ноги. Даже никогда не унывающий Фрике чувствовал, что силы его на исходе, а берег, насколько хватало глаз, оставался круглым и обрывистым, как стена, так что о высадке нечего было и думать.

Моряки чувствовали, что больше не в силах грести, а дело шло к ночи, которая в тропиках наступает мгновенно.

Фрике уже не знал, какому богу молиться, когда судно остановилось.

— Послушай, Фрике,— послышался голос Андре,— нет ли у тебя веревки метров в двадцать пять — тридцать длиной?

— Нет, господин Андре. А зачем она вам?

— Мы могли бы по ней подняться наверх вместе с оружием и грузом. Привязали бы к ней трос. А то когда еще найдется место для высадки.

— А лиана не годится?

— Конечно, годится.

— Тогда мы вам спустим лиану. Кто-нибудь из моих товарищей полезет за ней на камедное дерево. Но что будет с лодкой? Вы ее бросите?

* Лодка шляпка (фр.)

— Бросим? — вскричал Пьер Легаль. — Да ты рехнулся. Где это видано, чтобы французские моряки бросали судно? Мы и его поднимем.

— Оно такое легкое?

— Словно пылинка... Будет развеяться на конце швартова как флюгер на бакштаге.

— Не может быть!

— Вот увидишь. Давай сюда скорее лиану. А то трещишь, как попугай.

— Хорошо, хорошо, сейчас.

Срубить лиану Фрике поручил Ивону. Кайпун взял свой топор и с гордым видом встал перед исполинским камедным деревом.

Густой хвост лиан ниспадал до самой земли, и Фрике с беспокойством думал о том, как заберется Ивон на вершину.

Но Ивону Кербехелю было не занимать сноровки, силы и проворства, любой туземец мог ему позавидовать, недаром Ивона выбрали помощником вождя.

Двумя ударами он вбил в кору в метре от земли заостренную на конце дощечку, поставил на нее ногу, подтянулся, одной рукой ухватился за кору, а другой вбил еще одну дощечку и поставил на нее вторую ногу. Так наш ловкач перекадывал топор из руки в руку и вбивал дощечки все выше и выше с удивительной ловкостью. Аборигены одинаково хорошо владеют обеими руками; в детстве матери привязывают детям на длительное время то одну руку, то другую, чтобы каждая рука научилась действовать самостоятельно.

В этом искусстве Ивон превзошел своих соплеменников. Фрике с любопытством следил за ним. Не прошло и нескольких минут, как белый дикарь предостерегающе крикнул и Фрике быстро отскочил в сторону.

Лиана, толщиной в палец, со свистом падала вниз, а следом за ней со скоростью циркового клоуна спускался помощник вождя.

Фрике не мешкая схватил лиану, сбросил ее прямо в лодку, поднял привязанный к лиане трос, намертво прикрепил его к соседнему дереву и стал с волнением ждать друзей.

Первым взобрался Мажесте, да так ловко, что вызвал восхищение Ивона и туземцев, великолепных гимнастов.

Добрый негр от радости потерял дар речи. Он бросился к Фрике и, с трудом сдерживая рыдания, едва не задушил его в объятиях. После Мажесте поднялся доктор,

спокойно и важно, без суеты. Длинный и тощий, с огромными руками и ногами, он напоминал гигантского паука.

Неудивительно, что туземцы в себя не могли прийти от удивления. Они кинулись к Ламперьеру, даже не дав Фрике обнять друга, и что-то быстро-быстро заговорили на своем языке, без конца повторяя: Нирро-Ба. Фрике до крови кусал губы, чтобы не расхохотаться.

— Это ты, о Нирро-Ба? Брат мой! — воскликнул один из туземцев.

— Ты вышел из ада! О, Нирро-Ба! Ты поохотишься на эму вместе с нами.

— Это Нирро-Ба, наш умерший брат...

— Нирро-Ба, возродившийся в белом человеке.

Вдруг негры расступились, пропуская женщину с тяжелым мешком, распространявшим зловоние. Она подошла к доктору, внимательно осмотрела его, воздела руки к небу и вскричала:

— Это Нирро-Ба!.. Мой муж!..

После этого к доктору подбежали четверо маленьких Нирро-Ба, грязных, растрепанных и завизжали:

— Это Нирро-Ба!.. Наш отец!..

Добрейший доктор не знал, что и делать от смущения.

— Послушай, Фрике! Чего хотят, черт возьми, от меня эти добрые люди? Кажется, то же самое произошло с нашим другом Онезимом Барбантоном.

— Нет доктор. Барбантона признали святым, а вас главой семьи

— Главой семьи?

— Конечно. Почтенная дама с мешком.

— Эта обезьяна?

— Ваша супруга, доктор. Она таскает останки Нирро-Ба, своего мужа, и уверена что он возродился в вас. А эти малыши, что визжат и дрыгают ногами, ваши отпрыски.

— Хватит шутить. Я — убежденный холостяк. Еще слово, и я возвращаюсь на судно.

— Да, господин доктор, вам можно посочувствовать. Невеста не очень красива, — раздался веселый голос Пьера Легалья.

— Молния в парус! Слово бретонского матроса, ничего страшнее этой черномазой я не видел!

Главный канонир между тем горячо обнял Фрике и сказал:

— Ну, сын мой, хватит болтать. Оставим господина доктора с его семьей, а ты пойди помоги подняться господину Андре

— Слушаюсь!

В то время как достойный доктор напрасно пытался уклониться от назойливых ласк своего потомства, Пьер, Фрике и Мажесте вернулись к краю пропасти.

Андре, с карабином через плечо и ранцем на спине, привязал судно к концу троса; затем схватил трос одной рукой, а другой повернул медный диск, сверкавший на эбеново-черном корпусе.

Послышался тонкий свист, лодка стала на глазах уменьшаться, обмякла и погрузилась в волны.

А молодой человек, словно белка, взобрался по веревке наверх и упал в объятия Фрике, пораженного тем, что ему довелось увидеть.

— Ты что, язык проглотил? Почему молчишь? — спросил Андре.

— Это я от счастья, что вижу вас всех живыми и невредимыми. К тому же я никак не могу понять, зачем вы потопили такую прекрасную лодку

Андре улыбнулся.

— Успокойся. Наша шлюпка на конце троса, так что тебе еще понадобятся твои таланты гребца. Ну-ка, мастер Пьер, и ты, Мажесте, поднимите трос!

Два друга быстро подняли трос, и вскоре показалось нечто, похожее на обрывок брезента.

— Это ваша лодка? — спросил Фрике. Ему казалось, что все это он видит во сне.

— Ну конечно же! Обыкновенная резиновая шлюпка водоизмещением две тонны. За пять минут ее можно надуть мехами, которые Мажесте носит в своей сумке. А так она занимает места не больше, чем матросская койка.

— Прекрасно! — восхищенно воскликнул Фрике.

— Конечно, мой мальчик! Но что это, черт побери, происходит с доктором? Смотри, как он разбушевался! Даже брыкается!

— Дело в том, — ответил парижанин, — что господин доктор хорошо известен в Марселе и еще во многих местах под именем Ламперьера. Здесь его тоже знают, хотя он и не бывал в этих краях.

— Объясни. Я что-то не понимаю.

— Все очень просто. Туземцы вообразили, что в докторе возродился их соплеменник Нирро-Ба, который теперь вернулся, чтобы утешить вдову и накормить детей.

Андре, хорошо знакомый с австралийскими нравами, улыбнулся. Он понял, что доктору не грозит опасность, и,

успокоившись, принялся тщательно складывать лодку, ставшую совсем маленькой.

Не переставая восхищаться, Фрике горел желанием расспросить друга об этом удивительном судне, а также о том, каким образом им удалось спастись после крушения парохода.

Андре уже хотел в нескольких словах все объяснить парижанину, как совершенно неожиданно на их глазах разыгралась трогательная сцена.

Пьер Легаль заметил среди туземцев Кайпуна и жестом выразил свое удивление.

— Молния в парус! — шепнул он следовавшему за ним Фрике. — Если бы я, как австралийцы, верил в воскресение, то дал бы голову на отсечение, что знаю этого человека.

— Говори яснее!

— Этот парень, несмотря на всклокоченную бороду и длинные, как швабра, волосы, удивительно похож на мою покойную сестру, бедняжку Ивонну. Так что нет ничего удивительного в том, что австралийцы приняли доктора за того, кого оплакивают. Видимо, наш друг чем-то напомнил им покойника.

— Я не успел тебе сказать, — произнес Фрике, — парень, чьи черты кажутся тебе знакомыми...

— О да! Особенно глаза... Взгляд, добрый и нежный, как у той святой женщины...

— Послушай, он — не австралиец, — продолжал Фрике. — Очень давно парня подобрали туземцы. Живя среди них, он совсем одичал, но все же удалось вытянуть из него кое-какие сведения.

— Что же именно?

— Он был не то матросом, не то юнгой на «Беллоне»

Крик, похожий на рычание, вырвался из груди Пьера.

— Ты говоришь, на «Беллоне»?..

— Да. Кроме того, у него на руке вытатуировано, должно быть, его имя.

— И это имя...

— Ивон Кербехель! Да что с тобой, матрос?

Пьер побледнел, бросился к ошеломленному Кайпу-ну, схватил за плечи и впился в него глазами. Вдруг взгляд Пьера упал на татуировку.

— Тебя зовут Ивон... Ивон Кербехель?..

— Да..

— Малар Дуэ!.. Малар Дуэ...

— Малар Дуэ... — повторил Кайпун бретонское восклицание, словно что-то припоминая.

— Да, это ты... сын Ивонны... наш бедный дорогой юнга..

— Э! Э!..

— Ты помнишь море? Нашу старую Бретань, скалы Ле-Конке?

Кайпун молчал, оставаясь безучастным.

— Ну же,— продолжал Пьер, задыхаясь от волнения. В глазах его блеснули слезы.— Не может быть, чтобы ты забыл Ивонну, свою мать.

— Мать?.. — произнес Кайпун.

— Да... И старую песню, которой она тебя убаюкивала, когда твой отец, отважный лоцман Кербехель, в своей ореховой скорлупке шел навстречу бешеным морским волнам.

Пьер запел срывающимся от волнения голосом, на галльском наречии:

На Святую Анну в Гавре
Я пойду босиком по дороге.

Кайпун вздрогнул. Казалось, он зывал к памяти, и она пришла ему на помощь.

Словно во сне, Ивон подхватил песню:

И.. я.. ей.. отнесу
Самые... красивые.. букеты.. что имею..

Неожиданно Ивон разразился слезами.

ГЛАВА 10

Встреча Пьера Легалья с убийцей.— Что случилось после кораблекрушения.— Что сказал Пьер Легаль об убитых, падающих навзничь.— Странная встреча на краю света с крестьянином из провинции Бос.— Жилище супругов Сириль.— Фрике радуется, узнав, что его друг Буало близко.— Воспоминание о «Десяти миллионах Рыжего Опоссума».— Военный совет.— Таинственные помощники.— Те, кого шум усыпляет, а тишина будит.— Изумление Андре и Фрике.— Похищение ручья и исчезновение пещеры.

— И вот я увидел, что на меня надвигается, словно трехмачтовый корабль, здоровенный детина, пяти футов

десяти дюймов ростом*, крепкий, как самый лихой канонир, оснащенный по всем правилам для путешествия по этой стране, утопающей в золоте. Тогда я сказал себе: «Пьер Легаль, старина, береги корпус, не то тебя потопят под форштевнем** фрегата, как рыбацью лодку». Я уперся ногами в землю и не успел оглянуться, как детина оказался передо мной. Я взял его за грудки, хорошенько встряхнул и вдруг слышу на чистейшем французском: «Спасибо!» Это «спасибо», произнесенное на нашем родном языке на краю света произвело на меня неотразимое впечатление. Тем более что на него напали четыре негодяя. Двоих он схватил, держал в каждой руке по одному и душил.

— О, представляю себе,— взволнованно воскликнул Фрике, широко раскрыв глаза и раздувая ноздри.

«К вашим услугам, земляк»,— говорю я на всякий случай.

«Вы француз?» — спрашивает он, еще крепче впившись своими когтями в пиратов, так что у тех из горла вырвались какие-то нечленораздельные звуки.

«Конечно, француз — отвечаю я.— Настоящий бретонский француз».

«Прекрасно! Тогда хватайте двух других негодяев, они жаждут моей крови, а после поговорим...»

Господин Андре, господин доктор и Мажесте в это время еще барахтались в водорослях. Я пристал раньше, рухнул на обломок кия нашей шлюпки и бросился на помощь незнакомцу.

— Погоди-ка,— сказал Фрике.— Ты рассказываешь прекрасно, это известно, но мне хотелось бы знать, правильно ли я тебя понял. Итак, то, о чем ты говоришь, произошло после столкновения пароходов? Вы плыли в шлюпке?

— Ну да!

— И к утру вас отнесло к берегу, шлюпка разбилась о скалы, а вы оказались в воде. Потом набежали бродяги и, вместо того чтобы помочь, собирались вас ограбить или прирезать, как цыплят...

— Не цыплят, а первоклассных петухов.

— Так, так. Значит, когда вы выбрались из воды, то заметили на крутой тропинке, ведущей к берегу, человека. Он бежал вам на помощь.

* Около 177 см.

** Форштевень — передний деревянный брус (вертикальный или наклонный), которым оканчивался корпус судна. Являлся продолжением кия, связывая его с набором палуб.

— Именно так все и было.

— Бродяги, видя, что он не из их компании, бросились на него. Двух он схватил и побежал к тебе.

— Совершенно верно. Прибежал и говорит: «Спасибо».

— Бродяги схватились за ножи, а у меня даже нет крючка для выколачивания трубки, хорошо, что на берегу полно камней. Я беру один, величиной с персик. Завязываю в носовой платок и пробиваю башку сначала одному бродяге, потом другому. Удар по правому борту, затем по левому. Один бандит падает навзничь с разбитым виском. А когда падают навзничь, навсегда теряют вкус бобов.

Второй вертится, будто у него в каблуках засел циклон, затем падает в десяти шагах с переломанным килем и истекает кровью, словно бочка старого вина, получившая удар буравом.

Тем временем мой новый знакомый доделал свое дело. Оба пирата испустили дух и теперь валялись на гальке. Тогда он обернулся и горячо пожал мне руку. Мы стали друзьями.

Он до сих пор у меня перед глазами. Маленькие голубые глаза с белыми крапинками, очень живые. Аккуратно расчесанная, рыжеватая борода, на лбу — шрам.

На синей фланелевой блузе ленточка военной медали. Думай что хочешь, несостоявшийся юнга. Ну вот! Мне было очень приятно!

— Верю, — горячо ответил Фрике.

— Мы продолжили наш разговор. «Вы, значит, бретонец?» — спрашивает он.

«Да, — отвечаю, — меня зовут Пьер Легаль, я — старший канонир флота»

«А я из Боса, меня зовут Сириль Делафуа. Я — здешний скваттер, скотовод. Бывший солдат и всегда француз».

Мы снова обменялись рукопожатием, и он сказал:

«Послушайте-ка! А ваши товарищи? Я сверху видел, как все вы барахтались в этих дурацких водорослях, когда ваша шлюпка села на мель, и подумал: «Этим людям необходима помощь, сухая одежда и кружка доброго красного вина». Потому и прибежал. Но вас, к несчастью, заметили бандиты и решили ограбить».

В это время господин доктор, господин Андре и Мажесте выбрались наконец на берег. Конечно же, они фыркали как тюлени, простите за выражение.

И вдруг мой новый знакомый говорит:

«Слушайте-ка, я не спрашиваю, кто вы такие, с меня достаточно того, что вы потерпели кораблекрушение. Я веду в город быков. И под рукой у меня с десяток лошадей. Если хотите, садитесь верхом, и поедem ко мне»

«Но удобно ли это вам?»

«Бросьте. Ведь я вам предложил. И поверьте, от чистого сердца. Договорились? Мои люди доведут скот без меня»

«А далеко вы живете?»

«Да нет, совсем близко. Через шесть дней будем на месте».

— Надо же! — удивился Фрике. — Даже не верится, что этот житель Боса скотовод. Его, кажется, не волнуют ни километры, ни морские мили. Он такой же, как мы. В общем, уговорил нас, и мы двинулись в Кубо, вымокшие, как губки. Но по дороге высушились на солнце. Добрались без особых происшествий и к концу шестого дня прибыли на место.

— Значит, это недалеко?

— Как сказал наш новый знакомый, в двух шагах.

— Ах да! Всего шесть дней пути.

— Навстречу нам вышла сама супруга Сириля. Стройная как мачта, гибкая как фал, разодетая как шхуна под флагами расцвечивания.

Она расцеловала своего славного супруга, а нас приняла как добрых друзей. Накормила вкусным обедом. А какие роскошные комнаты нам отвели! Постели — мягкие, как шелк.

Но главное — сюрприз, который ждал нас, когда мы проснулись. Сейчас ты перевернешься килем вверх. Приготовься!

— Да что же это такое могло быть? — Фрике сгорал от любопытства.

Он обернулся к Андре и доктору, но те молчали, предоставив Пьеру Легалю завершить его блестящее повествование.

Старший канонир перевел дух и продолжал.

— Нас разбудил молодой, радостный голос: «Андре! Доктор!.. Пьер Легаль!.. Мажесте!.. Ну-ка, черт побери, вставайте, лентяи! Вы спали словно сурки! Я не мешал вам, а теперь расскажите мне о Фрике... моем дорогом малыше...»

Тут господин Андре стал белым как полотно. А господин доктор замер, как новобранец на смотре.

В это время дверь распахнулась, как от взрыва ядра двадцать девятого калибра, и в комнату влетел здоровенный парень в сапогах со шпорами и развевающейся красной рубашке, весь пропыленный, как после бешеной скачки

«Буало! Друг мой, это вы?» — закричал господин Андре.

Фрике вскочил.

— Господин Буало... Я хочу его видеть... Сейчас же!

— Подожди минутку.

— Ни минутки!.. Ни секунды!.. Гром и молния!.. Господин Буало здесь!.. Теперь мы вшестером съедем живьем всех местных мошенников.

— И я так думаю,— очень серьезно произнес Пьер.— Но погоди! Не прерывай меня! Иначе я не смогу связать воедино два конца моего рассказа. Ты рвешь его, как пьяный английский лоцман швартовы.

— Еще бы! Ты сообщил мне такую новость и воображаешь, что я останусь к ней безразличен.

— Минута уже прошла. Так будешь ты слушать дальше, несостоявшийся парижанин, или я проглочу язык?

— Буду, дружище... Напрасно ты тянешь, я уже перевернулся,

— Ладно! Раз ты был матросом не у кого-нибудь, а у самого господина Буало, постараюсь подойти ближе к делу. Итак, господа Буало и Андре стали обмениваться любезностями. Мы, само собой, тоже приняли участие в разговоре. Дружья наших матросов — наши дружья.

И вот, господин Буало, гуляющий по Австралии, как некогда вместе с тобой по Америке, узнает, зачем мы здесь, в этой стране, и говорит: «Я поселился у моего друга, сэра Рида*, но такая жизнь не для меня. С утра до вечера охочусь на казуара, опоссума и кенгуру. С вечера до утра читаю нудные английские газеты, затем сплю. Представляете, как все это скучно! Я уже собрался было в Мельбурн, чтобы отплыть оттуда в Японию, а потом вернуться в Париж, побродить по бульварам. Но вам грозит опасность. Вы имеете дело с сильным противником. А у меня еще крепкие кулаки и зрение как у юнца. Так что я присоединяюсь к вам. Двинемся в путь. Я только попрощаюсь с хозяином».

— Значит, господин Буало здесь? — снова спросил Фрике, ерзая на месте от нетерпения.

— Дослушай же до конца!

Итак, господин Буало идет к своему англичанину Старому, очень благородному человеку, с головой настоящего патриарха, к тому же такому богатому, что любой инспектор ему нипочем.

* См. «Десять миллионов Рыжего Опоссума»

«Погоди! — говорит англичанин. — С пиратами шутки плохи. Ведь это негодяи из негодяев. Надо принять все меры предосторожности, как если бы вы объявили войну самому королю Конго*. А вас слишком мало. Я дам вам помощников, верных друзей, только не очень-то церемоньтесь с ними».

Стали мы ждать этих помощников, а их все нет и нет. Совсем извелись. И конечно, о тебе беспокоимся. Но вот как-то утром появилась целая толпа черномазых, правда, поцивилизованнее твоих нынешних друзей. Все в штанах, шерстяных рубашках, с карабинами; командир — местный метис. Да что рассказывать, сам увидишь.

Собрали военный совет. Обозначили на карте место сражения — озеро Тиррелл называется. Паршивая лужа! Нырнешь — нос сломаешь.

Решили, что мы поплывем по этой луже, а господин Буало, Сириль, охотник из Боса, с племянником сэра Рида и отрядом черномазых пойдут по суше. Нам доставили шлюпку, которая так тебя поразила, на ней мы и отправились в путь.

Несколько дней и ночей мы плыли и вот наконец встретили тебя как раз в тот момент, когда американец с португальцем схватились из-за самородка.

Уверен, что именно здесь и находится трюм с желтенькими и логово пиратов, которых мы преследуем. Осталось лишь дожждаться наших помощников и вместе приступить к делу.

Ну вот, сын мой. Теперь ты знаешь столько же, сколько и я.

Вслушав не очень пространный, но яркий рассказ старшего канонира, мы можем себе ясно представить положение наших героев в момент, когда, едва избежав грозившей им смертельной опасности, они снова решают все поставить на карту. Пьер Легаль вне себя от радости. Он встретил Ивона, пропавшего двадцать лет назад. Фрике счастлив, что скоро увидится с Буало, с которым совершил опаснейшее путешествие по Южной Америке от Риу-Гранди до Кордильер. Доктор и Андре надеются в скором времени отыскать похищенную у них приемную дочь.

В конце концов, эти добрые, храбрые люди, после всего, что пришлось им пережить, имеют право на удачу. Друзья не могли не испытывать беспокойства, зная, что

* Конго — одна из величайших рек Африки; здесь имеются в виду земли ее бассейна.

американец, раненный доктором, где-то поблизости. Прошло уже двенадцать часов с момента их встречи, но они пока не обнаружили входа в пещеру, которую так долго и терпеливо искали, хотя тщательно изучили почву, осмотрели все углубления, каждый куст. Отверстие в стене, окружающей озеро, вряд ли ведет к подземному жилищу. В противном случае на скале остались бы следы, которых не мог не заметить наметанный глаз туземцев.

В ожидании подкрепления европейцы и туземцы удвоили бдительность и ночью не смыкали глаз, напряженно вглядываясь во мрак, окутавший все вокруг.

Австралийцы прониклись к белым симпатией после того, как Фрике спас Ивона, а в докторе, в чем негры не сомневались, возродился Нирро-Ба, и обещали им свою помощь.

Было решено на следующий день произвести разведку со стороны озера. Фрике предложил, чтобы его спустили вниз на тресе поглядеть, есть ли отверстие в стене.

Ночь прошла спокойно. Выглянуло солнце, разогнав ночных бабочек, летучих мышей и фаланг.

Мы сказали, что ночь прошла спокойно, но не упомянули одну маленькую, на первый взгляд ничтожную, подробность.

Она не ускользнула от Андре и Фрике. Как араб засыпает под оглушительный лай собак и просыпается, если они умолкают, так и моряк пробуждается, когда затихает винт.

Андре и Фрике разбудила внезапно наступившая тишина. Перестал журчать ручей, вытекающий из пещеры.

— Господин Андре,— тихо произнес Фрике,— что бы это, черт побери, могло значить? Ручей не течет!..

— Я как раз хотел тебе об этом сказать.

— Может, ручей этот искусственный и в пещере есть кран? Или это какая-то чертовщина?

— Странно! Я сам ничего не понимаю.

— Ладно, завтра посмотрим.

Утром Фрике проснулся первым. Он подполз к краю пропасти и убедился в том, что ручей исчез. Вдруг он увидел, что отверстие заложено камнем, и невольно вскрикнул.

— Черт возьми!.. Теперь никто не сможет найти это место, если не догадается обратить внимание на те жалкие капли, что сочатся сквозь скалу, гладкую, как стол!

— Да, это работа мошенников. Они наверняка там! Скоро начнется драка.

ГЛАВА 11

Таинственный дом.— Скотовод.— Гостиница, ресторан, вертеп.— Завсегдатаи одинокого дома.— Прибытие отряда свагменов.— Лишения, испытываемые на стоянках.— Ловкий маневр помещика.— Искушение.— Что может случиться, если выпить бутылку персиковой водки и съесть бочку анчоусов.— Вакханалия.— Три дня и три ночи бешеной пьянки.— Появление нового героя.— Дженгильмен или авантюрист.— Снова бывший капитан «Лао-цзы».— Поучительная беседа пирата с помещиком.— Незнакомец, не найдя ничего подходящего, использует мертвеца пьяного ирландца.

В то время, как Фрике, увидев, что ручья нет, при всем своем скептицизме истого парижанина готов был поверить в чудо, на другой стороне озера, примерно в четырех километрах, в маленькой бухте, между двумя скалами происходили вполне реальные события.

Среди огромных деревьев, с тусклой пыльной листвой, образующих свод, затерялся низкий приземистый дом, похожий скорее на склад, к которому вела едва заметная тропинка.

Дом был прочный, из необтесанных стволов камедного дерева, скрепленных в пазах деревянными шипами, и состоял из двух строений. Узкие окна, не пропускавшие веселых солнечных лучей, напоминали бойницы.

Эти совершенно одинаковые строения, разделенные двором метров в пятьдесят, были обнесены палисадом из таких же толстых и прочных бревен, что и стены дома. Одно строение смотрело на озеро, другое — на долину.

Здесь находился постоянный двор, где собирались золотоискатели, пастухи и бушрейнджеры.

Совершенно непонятно, что заставило владельца дома выбрать столь глухое и безлюдное место для своего заведения, куда можно добраться лишь с большим трудом. Складывалось впечатление, что его совершенно не интересовали посетители.

Три или четыре года назад, когда разорилась одна из золотодобывающих компаний у южного берега озера, лесорубы, их было человек двадцать, повалили все камедные деревья в лесу.

Дом вырос словно по волшебству. Затем прикатила огромная телега, запряженная двенадцатью быками, и на следующий день укатила. Через два дня ушли и лесорубы.

Многие годы в дом почти никто не заглядывал. Разве

что какой-нибудь умирающий с голоду одинокий пастух да несколько бродячих негров с пустыми желудками, которым белые никогда не отказывали в подавании. Каждые полгода приезжала телега и, освободившись от груза, снова уезжала.

Но однажды разведчики открыли золотоносную жилу, как раз в том месте, где при таких печальных обстоятельствах появился Фрике, и в заброшенный дом повалили посетители. Теперь заведение называлось «гостиница-ресторан», хотя и не утратило зловещие черты вертепа.

Но золотоискателей это мало тревожило. Вино в заведении было великолепное, еда вкусная, к тому же хозяин обладал талантом готовить горячительные напитки, столь любимые англосаксами, причем по доступной цене. Никто не знал ни имени, ни происхождения хозяина, впрочем, это никого не интересовало. Все называли его «помещик», и он был доволен.

Здоровенный детина пяти футов десяти дюймов ростом, атлетического сложения, казалось, не имел ни малейшего понятия об элементарной вежливости. Его огромный рот с острыми зубами напоминал волчью пасть и открывался для того лишь, чтобы обругать просившего в долг посетителя. Особенно назойливых помещик угощал ударом своего тяжелого кулака. Но стоило кому-нибудь поднять на хозяина руку, как он медленно доставал из потайного кармана револьвер одиннадцатимиллиметрового калибра и в наступившей тишине раздавался выстрел. Привычные к подобного рода делам слуги выволакивали убитого из дома и бросали в озеро на съедение рыбам.

Но такое случалось редко. Зная нрав хозяина, никто с ним не связывался. В дела посетителей почтенный трактирщик не вмешивался. Если двое хотели свести счеты, достаточно было подмигнуть хозяину, и он просил посетителей выйти на минутку. Но те, большие охотники до кровавых зрелищ, образовывали круг и, отделенные веревкой от дерущихся, следили за поединком.

Все знали, что помещик очень богат, но никто не посягал на его добро. Ведь за воровство грозил суд Линча. Кроме того, даже ищейка не смогла бы обнаружить тайников помещика.

Люди шепотом рассказывали, что дом стоит на шахтных стволах, проделанных в свое время компанией, владевшей землей. Бесконечные подземные галереи часто вели в озеро; даже смельчаки, не испугавшиеся бы целого полицейского корпуса Мельбурна, дрожали как дети при

мысли о страшных подземельях. Помещику это было на руку. Он слушал подобные разговоры с улыбкой и готовил свои дьявольские напитки, благодаря которым разношерстные посетители заведения находили общий язык.

Однажды мимо заведения проходила группа свагменов, человек двадцать ирландцев, немцев и англичан. Свагмен — это поденщик, кочующий с места на место с сумкой (свагом) за спиной, где хранится пара сапог, одеяло и различные мелочи.

Оборванные, измученные усталостью и лишениями, люди шли молча, с мрачным видом, даже не думая войти в заведение помещика.

Помещик, однако, учуял прибыль. Довольно часто свагмены несут под лохмотьями немалые деньги, особенно если это золотодобытчики, стригальщики овец, пастухи или лесорубы.

Хозяева постоянных дворов хорошо знают, что свагмен, вырвавшись со своей стоянки, где ему не дают ни капли спиртного, так же жажен до удовольствий, как моряк, ступивший на землю после двадцатимесячного плавания. Он готов спустить все до последнего гроша.

Обычно свагмены, покинув стоянку с несколькими тысячами экю у каждого, объединяются в отряды, мечтая закатить в ближайшем городке грандиозную пирушку. Они презирают уединенные трактиры и считают для себя бесчестьем там бывать. Для их подвигов требуется большая сцена, ведь они так долго ждали, когда столь желаемое Эльдорадо откроется перед ними и они смогут купить дорогие вещи, реализовать свои самые затаенные желания.

Помещик, видя прибывших в поту и пыли и догадываясь о жажде, снедающей глотки гостей, сделал вид, что принял их за бедняков, предложив даром по чашке чаю.

Предложение вызвало бурю проклятий.

Чаю!. Они его достаточно выпили за год на стоянке. Мерзкая настойка из бесформенных и безымянных листьев, не довольно ли она вымыла и выполоскала их отважные желудки? Она годилась, когда скваттер навязывал свою всемогущую волю нищим работникам.

Но сегодня они богаты и будут пить что захотят. Они отвергают чай, предложенный из милости, и будут пить бренди!.. Причем лучшее, то, что пьют лорды. Да и заплатят они не хуже любого вельможи.

Хитрость трактирщика удалась полностью. Он знал, что у путников водились деньги. Оставалось перекачать

золотишко из карманов свагменов в его кубышку. На эту операцию кабатчик отводил обычно один-два дня.

Свагмены так и не зашли в помещение, а расположились под камедным деревом. Помещик не стал возражать и тотчас принес две бутылки бренди. самого лучшего, то есть самого крепкого, а также предложил чай.

В ответ свагмены поднесли кабатчику стаканчик бренди.

Но две бутылки на двадцать человек — все равно, что капля в море, одно яйцо на целый полк. Свагмены с наслаждением облизнулись, глаза у них заблестели.

— Вот это бренди! Что скажете, Оуэн?.. А вы, Мюллер?

Всех немцев зовут Мюллерами, а ирландцев Оуэнами.

— Превосходный! — воскликнул англичанин Дик.

— Почему вы его продаете? — хором обратились к хозяину свагмены.

— Я его не продаю, а даю, — с достоинством ответил помещик.

— Черт бы вас побрал с вашей щедростью! Нам не нужна милостыня! Что мы, нищие?

— Мы идем в Сван-Хилл, осушим не одну кружку, не один стакан разобьем. Пить так пить! Наши желудки огромны, как пустыня Каркарарук!

— Вот и прекрасно, джентльмены! Вы выпили по стаканчику, но до Сван-Хилла еще далеко. Позвольте предложить вам персиковой водки, ароматной, как королевская лилия, сладкой, как мед диких пчел.

— Охотно, но вежливость за вежливость. Мы заплатим за угощение. Мы богаты. Пэдди* добыл корзину апельсинов, Мюллер несет в сапогах годовой заработок, а Дик — жалованье лесоруба почти за два года.

— Тихо, ребята! Чума на того, чей язык болтлив, как у старухи. Везде бушрейнджеры. Я не прочь выпить за их здоровье, но как бы наши денежки не перекочевали в их карманы.

Ликующий помещик принес нечто вроде бутылки, по крайней мере, в десять литров, оплетенной ивовыми прутьями, местами подгнившими, что свидетельствовало о почтенном возрасте напитка.

— Зачем так много? — вскричал Оуэн, прикинув,

* Пэдди — прозвище, данное фамильярно ирландцам, как Джон Буль — англичанам и Джонатан — американцам

сколько придется отдать золота за такую громадную посудину.

— Пэдди, сын мой,— с достоинством произнес хозяин,— оставь свое золото себе, если жалко. Я угощаю.

Такая щедрость была встречена гулом одобрения, и свагмены принялись упрекать ирландца в жадности. Тогда ирландец поистине театральным жестом вытащил свой охотничий нож, открыл бутыль и крикнул:

— Братья мои! Оуэн богат. Пейте сколько хотите! А ты, несчастный кабатчик, возьми, что причитается.

С этими словами ирландец под оглушительное «ура» достал из пухлого пояса под лохмотьями полную пригоршню золотого песка.

Бутыль осушили, и золото перекочевало в карман хозяина. Но на этом свагмены не успокоились. Они потребовали еще вина, а также еды. Давал знать себя голод.

— Вот что! — заявил Дик, уже успевший покраснеть от вина.— Сван-Хилл далеко, как справедливо заметил хозяин, не съесть ли нам чего-нибудь... Хотя бы заморить червячка. Что ты можешь нам предложить, чертов трактирщик?

— Бочку отменных анчоусов... Всего две осталось. Таких даже ее величество королева, да хранит ее Бог, никогда не ела.

— Да здравствуют анчоусы!

Свагмены прошли наконец в большой зал, сервированный с пышностью, немыслимой для подобного места. Тонкие скатерти, великолепная посуда, сверкающие бокалы — все это как-то не вязалось с оборванными бродягами.

Анчоусы были пересолены. Хозяин не без умысла предложил их гостям. Они вызывали жгучую жажду.

Свагмены быстро захмелели и решили отправиться в путь лишь на следующий день. Таким образом, впереди была целая ночь, и бродяги не стали зря терять времени. Тем более что запасы спиртного у помещика казались неисчерпаемыми.

Поданные к ужину блюда, с обилием соли и перца, свагмены запивали всякого рода настойками, которые хозяин им без конца подливал.

После ужина стали резаться в карты. На выигранные деньги, вносимые в общую кассу, покупали вино. Едва не лопнув от всего съеденного и выпитого, бродяги орали песни, валились под стол, сливали в котлы и кадки шам-

панское, ром, кларет*, поджигали. Словом, устроили чудовищную вакханалию. Бродяги не торговались, выкладывали наличные, а хозяин был вне себя от радости: скоро у свагменов ничего не останется и можно будет выставить их за дверь. Уже третий день шла попойка, когда одинокий путник, о котором мы упоминали в начале главы, взобрался по крутой тропинке, ведущей к вертепу. Он резко распахнул дверь, какое-то время смотрел на представшее его глазам ужасное зрелище, после чего как ни в чем не бывало уселся за стол. Это был мужчина лет тридцати, высокий, стройный, с благородной внешностью, судя по виду, ловкий и смелый. Из-под широких полей серой фетровой шляпы сверкали черные, с металлическим блеском, глаза.

Тонкие черные усы, сложенные в насмешливую улыбку красные, пухлые губы, темное от загара лицо.

Если бы не рваный костюм, дырявая рубашка и измятая шляпа, по нежным рукам и изящным ногам, обутым в желтые сапоги, его можно было принять за знатного господина, переодетого бродягой.

Об этом свидетельствовали также особый покрой и отделка его сапог для верховой езды, наверняка сшитых у самого лучшего сапожника, а также шпоры, скрепленные тонкой стальной цепочкой, каких не увидишь на сапогах простого скваттера.

Бархатные штаны оливкового цвета, перехваченные алым шелковым поясом, и, наконец, красная шерстяная рубашка, словно нарочно продырявленная, говорили о том, что человек этот не просто так переоделся бродягой.

Свагмены, совершенно пьяные, не обратили на вновь прибывшего никакого внимания. Те же, кто еще был способен что-то соображать, приняли его за своего. Как раз в этот момент хозяин, уже в который раз, исчез в погребе, и оттуда донесся шепот. Это не ускользнуло от незнакомца, он спрятался за буфет и стал прислушиваться.

Разговор был долгий. В какой-то момент незнакомец вздрогнул и еще глубже зарылся в складки скатерти, покрывавшей буфет.

— Дорога каждая минута,— слышался чей-то свистящий шепот.— Вечером будет поздно.

— Но они еще не готовы,— возразил помещик.— Не все деньги пропили. Мы ничего не сможем с ними сделать.

* Кларет — сорт красного вина.

— Деньги надо отнять... Немедленно. Тогда эти люди будут в нашей власти. Ведь мы блокированы, а скоро приедет хозяин.

— Да, дело нешуточное.

— Еще бы! Не прострели мне проклятый француз плечо, я бы их живо схватил, спустил в бадью и заставил работать.

— Я охотно вам помогу. Но что, если они будут сопротивляться?

— Строптивым — удар ножом, добровольцам — две горсти золота. За три часа работы!

— Ладно. Пойдите сами на них поглядите!

Из отверстия показалась голова, а затем мощный торс. Фрике или Пьер Легаль сразу узнали бы эти наглые глаза, морщинистый лоб, квадратную челюсть и спутанную черную бороду.

А доктор наверняка обнаружил бы в его плече пулю из своего славного карабина.

Бывший капитан «Лао-цзы», американец Холлидей, видимо, намеревался набрать новый экипаж.

— Хорошо,— произнес он тихо.— У вас еще два часа, чтобы напоить их до полусмерти.

Затем они вместе с помещиком куда-то исчезли. Пока кабатчик готовил свое дьявольское зелье, незнакомец покинул наблюдательный пост и, затесавшись среди пьянчужек, облокотился, словно на подушку, на мертвецки пьяного Оуэна, гражданина Ирландии.

ГЛАВА 12

Зелье оказывает свое действие.— У свагменов отнимают оружие.— Бадья и шахтный колодец.— На дне подземной пропасти.— Таинственное путешествие.— Помещик один толкает железнодорожный состав.— Под озером.— Заброшенная шахта.— Пробуждение на глубине трехсот футов под землей.— Американец действует.— Отклоненный ручей.— Замурованная пещера.— В подземном гроте.— Тайник.— Бочки, скрытые под водой.— Не это ли сокровище пиратов?

Помещик был настоящим мастером готовить зловредные смеси. Не прошло и часа, как бродяги, приняв очередную порцию зелья, громко храпели. Хозяин с удовлетворением посмотрел на дело своих рук и даже языком прищелкнул от радости.

— Готовы, голубчики,— произнес он вполголоса.— Теперь хоть из пушки стреляй, не проснутся.

Склонившись над погребом, кабатчик издал тонкий свист.

Снова появилась голова американца.

— Все в порядке, мастер Холлидей.

— All right!* — коротко отозвался тот

Трактирщик не заметил появления незнакомца. А тот, смешавшись с толпой бродяг, скрытый густым табачным дымом, не пропустил ни слова из того, о чем говорили помещик и Холлидей. Ни единый жест не ускользнул от него. Вряд ли стоит упоминать о том, что этот человек не выпил ни капли спиртного, которым его щедро угощали бродяги, и содержимое стаканов выливал за пазуху.

Прикинувшись пьяным, он сохранял силу и ясность ума. Во избежание потасовки помещик отнял у посетителя ножи, револьверы, даже пояса, в которых обнаружил несколько редчайших самородков и золотой песок. Незнакомец очень осторожно положил свой револьвер и длинный охотничий нож под стол, чтобы взять их после того, как кончится операция по разоружению.

Американец с присущей ему бесстрастностью наблюдал за тем, как ловко помещик провел эту операцию. Любой карманник Соединенного Королевства мог бы ему позавидовать. Затем хозяин знаком позвал слугу с отупевшим от пьянства лицом, и вдвоем они перетаскивали первых попавших под руку бродяг в погреб.

Там их уложили на платформу, висевшую на тросе, и стали спускать в глубокий колодец с красноватыми огнями на дне.

Среди этой пятерки свагменов оказался наш незнакомец. Надо сказать, что путешествие показалось ему бесконечным, как день без хлеба. Имевший представление об Австралии, он сразу понял, что платформа — это бадья золотоискателей, работавших под землей.

Рядом с ним сидел кабатчик. Чтобы освободить руки, он прикрепил свечу к шляпе и медленно спускал бадью по длинному тросу, на другом конце которого находился противовес. Время от времени мелькали боковые галереи, совершенно темные, лишь изредка освещаемые факелом.

Это была заброшенная шахта. Здесь не пахло порохом, не гремели передвижные горны, не скрежетало кайло, не было слышно криков полуголых, обливающихся потом

* Хорошо! (англ.)

людей, дробящих кварц. В пропасти стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь скрипом лебедки да пьяной икотой.

Бадья разминулась с противовесом, затем еще довольно долго опускалась, потом замедлила ход и, наконец, вздрогнув, коснулась земли. В одной из галерей, лучами расходящихся во все стороны, освещенной факелом, словно в пасти чудовища, стояли вагонетки. В эти вагонетки погрузили бродяг, а кабатчика и американца бадья подняла наверх.

Итак, всех свагменов четырьмя партиями спустили в шахту. Кабатчик и американец при этом хранили мрачное молчание.

Первым его нарушил американец, когда последний свагмен был уложен в вагонетку.

— Хозяин,— тихим голосом обратился он к кабатчику.— Хорошенько закройте окна и двери, когда подниметесь наверх, чтобы даже мышь не могла пробраться.

— Ладно,— коротко ответил кабатчик. Куда девалось его красноречие!

— Не забудьте принести зелье, чтобы поднять на ноги всех этих молодчиков. А не поможет, придется поджечь им пальцы ног куском фитиля, пропитанного серой. Превосходное средство! Поторопитесь, время не терпит. И непременно захватите два револьвера. Проверьте патроны. Кто знает, что может случиться. Мой револьвер в порядке.

Кабатчик с бешеной скоростью поднялся наверх и так же быстро спустился — не прошло и четверти часа.

Свагмены продолжали храпеть. Кабатчик перекинул через плечо лямку, как это делают бурлаки, волокущие лодку, впрягся в первую вагонетку и потащил за собой весь состав. Американец шел впереди, неся факел.

По дороге, которая вела по прямой на юго-восток, то и дело встречались перекрестки и подземные ходы, словно прорытые гигантскими кротами. Без сомнения, это была главная артерия, судя по ее размерам и проложенным по дну рельсам.

Местами затопленная, эта дорога свидетельствовала о том, что шахта давно пустует.

Американец и кабатчик рисковали напороться на торчавшие со всех сторон острые скалы. Просачивающиеся сквозь породу струйки ледяной воды со зловещим шумом падали в черные лужи.

Эта шахта, немало стоившая в свое время, видимо, не

оправдала надежд, и потому была заброшена. То здесь, то там в гравии сверкали, как звезды, крупницы золота.

Постепенно галерея пошла под уклон, и теперь кабатчику приходилось сдерживать вагонетки с помощью маленького тормоза. Воздух становился все более плотным и тяжелым, все чаще попадались рытвины.

Судя по глубине, туннель, видимо, проходил под озером. Свагмены стали задыхаться и зашевелились как раз в тот момент, когда вагонетки остановились у какого-то упора, преградившего путь.

Состав находился у пересечения нескольких галерей, а над перекрестком вертикально поднимались стены огромного колодца, как над домом помещика.

— Разбудите этих свиней,— скомандовал американец своим хриплым голосом.

— Это нетрудно,— ответил кабатчик, откупорив бутылочку, которую достал из кармана вместе с кожаной чашкой, хорошо известной всем охотникам.

Он наполнил чашку водой, сочившейся из стены, налил туда несколько капель жидкости и бесцеремонно схватил за нос первого попавшегося свагмена. Тот стал задыхаться и открыл рот. Кабатчик этим воспользовался и влил ему в рот содержимое чашки.

Эффект был молниеносный. Свагмен, словно пораженный электрическим током, вскочил на ноги, взмахнул руками, звонко чихнул и вытаращил глаза.

— Ей-богу,— проворчал он,— я, кажется, проглотил молнию. Где это я, черт побери?

— Тише, ты, не болтай! — грубо оборвал его американец и обратился к кабатчику: — Будите следующего! Время не ждет. И не бойтесь увеличить дозу. У этих скотов луженые желудки. Вы дали им нашатырь?

— Да. Могу дать и побольше. Я уже протрезвлял их таким образом по десять раз в день, чтобы они могли снова напиться.

Протрезвев, свагмены стали озираться по сторонам, не понимая, куда попали. Отупевшие от дикого пьянства и обжорства в последние дни, бродяги тщетно пытались собраться с мыслями. Им казалось, что оргия продолжается.

Незнакомец, отважно присоединившийся к свагменам, незаметно выплюнул зелье и с чисто французской беспечностью, не лишенной, однако, любопытства, стал ждать, что будет дальше.

Американец, воспользовавшись замешательством бро-

дядя, резким движением схватил факел и, побелев от боли в раненом плече, сверлил их взглядом.

— Ребята,— сказал он,— вы мне нужны. Ненадолго и за хорошие деньги. Знаю, у вас ни гроша в кармане. Меня не интересует, хотите вы или нет поработать несколько часов в шахте. Я так хочу, и этого достаточно.

Слова американца были встречены глухим ропотом. Свагмены не привыкли к приказам.

— Молчать! — крикнул янки. — Эй, хозяин! Стреляй в первого, кто откроет рот.

— All right!

— Две горсти золотого песка каждому, кто выполнит мой приказ. Кто откажется — тому пуля.

Обещание американца возымело действие. Шутка ли! Две горсти золота!

— Вы слышали, Уолтер? Будет на что жить две недели! Месяц понаслаждаемся. Правда, Дик?

— Утонем в бренди,— крикнул ирландец, еще больший любитель спиртного, чем его товарищи, если, конечно, это возможно.

— Денежки прямо сейчас выложите? — спросил кто-то из бродяг.

— Как только сделаете работу.

— И опять пойдем в заведение к хозяину?

— Ну конечно!

— Говорите, что надо делать?

— Подняться со мной в бадье до поперечной галереи и взять инструменты.

— Но где, черт возьми, мы находимся, джентльмен?

— В шахте Тиррелл.

— В той самой, где хранятся сокровища бушрейнджеров?

— Об этом мне ничего не известно, а вы, если будете чересчур любопытны, останетесь здесь навсегда.

— Это вы здорово сказали. А теперь дайте нам инструменты, и мы пойдем зарабатывать деньги.

— В добрый час!

Свагмены сели в бадью, поднялись к широкой галерее, откуда, отраженный многократным эхом, слышался грохот водопада, потом вошли в галерею и двинулись гуськом вдоль ручья, зажатого между базальтовыми стенами. Дорога резко повернула, и люди не сдержали восхищенных возгласов, увидев через широкое отверстие голубые воды озера и отраженные в них белые облака. Минутная радость была прервана грубым голосом американца:

— Вот железные пруты, кирки, трубы, клещи. Надо как можно скорее замуровать это отверстие, чтобы сюда невозможно было проникнуть. Даже вода из ручья не должна вытекать наружу.

— Так ведь мы утонем,— захрипел Оуэн.

— Идиот,— оборвал его янки.— Неужели моя шкура не стоит вашей, ведь я буду наблюдать за работой... А ручей потечет в шахту, из которой мы вышли.

— Но чтобы подняться...

— А бадья?

— Но...

Ирландец умолк, сбитый с ног ударом здорового кулака американца.

— Не будь я ранен, поганая рожа, всадил бы в тебя пулю. Но мне нужны люди. Итак, за дело, доверьтесь мне.

Стена из плотной глины, которой богата Австралия, выросла довольно быстро, недостатка в рабочих руках не было.

Вода поднялась примерно на шестьдесят сантиметров, потекла вниз по галерее и попала в шахту, где начинался подъем. Для большей прочности к стене подкатали огромные валуны.

Американец, все это время хранивший молчание, прищелкнул языком от удовольствия, хотя бурное проявление чувств было ему несвойственно.

— Что же, полдела сделано,— произнес он.— Теперь пошли со мной, доделаете остальное.

Несчастные бродяги, обливаясь потом, с израненными руками покорно последовали за бандитом, обойдя шахту, в которую с шумом катил свои воды ручей.

Шли они долго, и, достигнув подземной реки, погрузились по грудь в ледяную воду. Двигаясь вверх по течению, старатели остановились через четверть часа посреди пещеры пяти или шести метров в высоту.

У этой пещеры шарообразной формы с крепкими базальтовыми стенами, сверкавшими как сталь, был лишь один, очень низкий, вход. С противоположной стороны доносился шум воды.

— Что надо делать? — спросил кто-то из свагменов стуча зубами.

— Осушить пещеру,— ответил Холлидей.

Задача показалась продрогшим бедолагам настолько чудовищной, что они не могли сдержать смех, хотя веселого в их положении было мало.

— Не думает ли джентльмен,— проговорил ирлан-

дец,— что мы проглотим всю эту воду. Пусть тогда он сразу меня убьет, ибо никогда Оуэн из Ноктофера графства Килкенни не осквернит свой рот этими нечистотами.

— Пэдди прав, bravo! Будь это бренди!..

Бледное лицо американца исказила гримаса, похожая на улыбку.

— Нет, такого я от вас не потребую. Видите край скалы, обмазанный по бокам цементом? Его надо выдрать из углубления.

— ...И после этого мы сможем вернуться в кабак и купаться в вине, чтобы хоть немного согреться?

— Конечно.

— За дело, ребята, и побыстрее. У меня кровь в жилах застыла.

Скала сидела крепко, цемент был первоклассный. Лишь через полчаса невероятных усилий удалось ее выбить. Вода с грохотом устремилась в отверстие, и скоро в пещере ее не осталось.

Свагмены с удивлением разглядывали аккуратно расставленные на земле бочки с толстыми стенками, скользкими от воды. Их было штук тридцать.

— Только ловкач мог додуматься спрятать бочки на глубине ста метров под землей. И уж конечно в них не вода. Будь я проклят, если это не сокровища бушрейнджеров!

ГЛАВА 13

Что случилось после того, как исчезла подземная река.— Наводнение.— Резиновая лодка — превосходное изобретение.— Изумление.— В стволе камедного дерева.— Блуждания Буало по заброшенной шахте.— Это золото!..— Заговор.— Заговорщики надеялись, что их не слышат.— Мастер Холлидей оказывает сопротивление.— Взрыв шахты.— Груды мертвых тел.— Один на глубине ста пятидесяти футов под землей.— Появление французского скваттера.— Возвращение похищенного груза.— Подвода в загоне.

Друзья Фрике были поражены, узнав, что отверстие в базальтовой скале закрыто, а ручей больше не течет.

Что ни говорите, а исчезновение ручья даже для привыкших ко всяким неожиданностям искателям приключений — событие загадочное. К тому же последствия этого события могли оказаться пагубными.

Не оставалось сомнений в том, что враг жив и действует. А наши герои слишком хорошо знали американца, чтобы тешить себя мыслью о безопасности.

Парижанин быстро пересек мыс и внимательно осмотрел противоположный склон, надеясь обнаружить трещину, щель, словом, хоть что-нибудь, что могло бы объяснить это удивительное явление.

Андре в это время, приложив ухо к скале, старался уловить шум, свидетельствующий об обвалах глубоко под землей.

Но все усилия Пьера, доктора и Мажесте проникнуть в тайну оказались напрасными.

Что делать? Можно, конечно, покинуть это место, но вот-вот подойдут негры во главе с Буало и французским скваттером. Остаться на мысу... Кто знает, вдруг ручей, изменив направление, размочит почву? Туземцы ничем не могли помочь, их даже нельзя было послать в разведку.

До смерти напуганные, эти несчастные существа жалась к европейцам и молили воскресшего Нирро-Ба спасти их от суровых божеств, с которыми он встречался, проходя по виами.

В мучительной неопределенности прошло два часа. Затем, как и следовало ожидать, сквозь землю, постепенно размывая ее, стала просачиваться вода. Целые островки земли соскользнули вниз, обнажив скалу, и в ее щели устремились прозрачные ледяные потоки.

— Тысяча чертей! — вскричал Фрике. — Это настоящее наводнение.

— Да, — откликнулся Андре. — Пока мы не знаем, в чем дело, но должны принять необходимые меры.

— Я полагаю, господин Андре, — сказал Пьер Легаль, — на всякий случай надо подготовить лодку к отплытию.

— Вы правы, мастер Пьер, — хотя нас вряд ли затопит, учитывая высоту мыса.

— Конечно, господин Андре, — но эта проклятая вода ничего хорошего не сулит. Я предпочел бы настоящий шторм в океане, с которым моряки умеют бороться. Этот несчастный ручей через несколько часов может затопить долину, и мы будем отрезаны от суши.

— Вполне вероятно, — произнес Андре, пораженный последствиями такого предположения. — И все же жаль уходить отсюда. Я сделаю это лишь в крайнем случае. А сейчас надо уговорить туземцев срочно вернуться в лес, объяснить им, что здесь оставаться опасно.

— Они не захотят с нами расстаться

— Это необходимо. Ведь шляпка, если придется плыть, всех не выдержит. Ну-ка, доктор, употребите свое влияние, убедите их. А еще лучше, отправляйтесь вместе с ними, а потом вернетесь.

— Ни за что, дорогой Андре,— заявил доктор.— Теперь я от вас ни на шаг не отстану. Бог с ними, с туземцами, хоть они и считают меня родней. Слишком много лишений мне пришлось вынести в поисках моего малыша, чтобы я снова его покинул.

— Спасибо, господин доктор,— взволнованно промолвил Фрике.— Нет нужды повторять, что наша дружба до гроба. Я жизни ради вас не пожалею. Возьмите ее, если хотите!

— Эти слова для меня дороже всех сокровищ буш-рейнджеров.

— Тревога! — закричал в это время старший канонир своим громовым голосом.— Я был прав. Надвигается мертвая зыбь. Видите? Мажесте, мальчик мой, надуй лодку... Быстро!

И в самом деле, с одной стороны мыса образовалась огромная пробоина, в которую с грохотом хлынула вода. Негры с визгом бросились бежать и вскоре уже были в безопасности, отчаянными жестами умоляя европейцев покинуть это проклятое место.

Мажесте схватил мехи и стал надувать шляпку.

Вскоре чудесное судно уже было готово к отплытию. Пьер и молодой негр перенесли его на маленькую площадку, которую вот-вот должно было затопить водой, положили оружие, снаряжение и спокойно уселись, ожидая сигнала к отплытию.

Грохот становился все сильнее, вода прибывала. Вырванные с корнем деревья, теряя ветви, падали вниз, увлекая за собой кусты и камни.

Андре стоял, прислонясь к огромному, давно высохшему камедному дереву, вырисовывавшемуся на фоне неба. Оно оставалось неподвижным, как скала. Его полый ствол вполне мог бы вместить человек двадцать. Здесь, видимо, не раз располагались лагерь туземцы и золотодобытчики, ибо от дерева шла широкая тропа в лес каучуконосов, не подвластных действию солнца и дождя.

Андре уже хотел командовать отплытие, но вдруг вздрогнул, отскочил назад и, зарядив револьвер, навел его на дупло дерева.

— Кто там? Отзовись!

Послышался приглушенный стон, сопровождаемый отборной бранью.

— Кто там? — повторил Андре грозным тоном.

Наконец, освещенный лучами яркого солнца, появился человек.

— Не стреляйте, черт побери! . Я задыхаюсь и дрожу от холода. У меня полные уши воды, глаза залеплены илом, на зубах скрипит песок.

Эта фраза, произнесенная на хорошем французском языке, заставила друзей вздрогнуть.

Голос был хорошо знаком, зато тот, кому он принадлежал, изменился до неузнаваемости.

Перепаханный илом, со спутанными, прилипшими к лицу волосами, разодранными до крови руками и грудью, несчастный не отличался привлекательностью.

— Гром и молния! — сказал он уже немного громче.— Как хорошо на свежем воздухе Я никогда не видел такого яркого солнца и прекрасного голубого неба. Почти пятнадцать часов я тружусь под землей, словно каторжник. Сейчас я немного умоюсь, воды здесь, слава Богу, хватает. Что это вы на меня уставились, словно я выиграл первый приз? Не узнаете друзей?

— Господин Буало! — вскричал Фрике.— Вы здесь!. В таком виде!

Он бросился к другу, крепко обнял его, не в силах произнести больше ни слова.

— Да, это, кажется, я, дорогой парижанин, хотя, черт возьми, уже стал в этом сомневаться после того, что со мной приключилось.

— Ах! Господин Буало!.. Как я счастлив! Дайте-ка вас еще раз обнять!

— С удовольствием! Только, предупреждаю, весь перепачкаешься!

— Буало!.. — воскликнули в один голос доктор и Андре вне себя от изумления.— Откуда вы, черт побери, вылезли, дорогой друг?

— Вы разве не видите? Из дупла этого дерева, предварительно проделав четыре или пять километров под землей. Потом все расскажу. А сейчас надо срочно уходить. Здесь очень опасно. С минуты на минуту может взорваться шахта. А мне не хотелось бы взлететь на воздух. Да и вам, я думаю, тоже.

— В путь! — скомандовал Андре, не вдаваясь в долгие рассуждения. Спустя десять минут лодка подплыла к лагерю, разбитому туземцами.

Буало быстро умылся, взял у Андре полный комплект старой одежды, подкрепился куском сухаря и стаканом рома, а затем очень коротко поведал друзьям о том, что с ним произошло.

Рассказав о своем прибытии в трактир и дойдя до того момента, когда был обнаружен тайник с бочонками, Буало заметил:

— Кто-то из свагменов сразу сказал, что это сокровища бушрейнджеров. Так, вероятно, и есть. Лучшего места для тайника не найти. Американец грозил пристрелить того, кто откажется работать, и так запугал свагменов, что те слово боялись сказать, даже самые храбрые.

Затем он велел каждому взять по бочонку, перенести в одну из галерей и сложить в вагонетки. Каждый бочонок хоть и небольшой, а весил не меньше ста килограммов.

«Это золото, ничего другого там быть не может»,— едва слышно говорили свагмены, спотыкаясь на каждом шагу. Дорога была неровной.

Мысль о сказочном богатстве лишила людей рассудка, и они задумали овладеть им. План был передан по цепочке и принят без возражений. Осуществить его решили сразу после погрузки, обезоружив американца и кабатчика.

Я шел первым, в десяти метрах от меня американец нес в здоровой руке фонарь. Этот негодяй соблюдал такую дистанцию на всякий случай, опасаясь какой-нибудь неожиданности.

Ирландец Оуэн сообщил план мне, и я притворился, будто согласен присоединиться к остальным. Пэдди не учел повышенную звукопроводность галерей.

Вскоре я убедился, что американец все слышал, однако виду не подал. Он воткнул факел в углубление скалы, позвал кабатчика, вытащил револьвер и как ни в чем не бывало стал наблюдать за погрузкой. Когда все бочонки были уложены в вагонетки, он знаком велел кабатчику залезть в последнюю, толкнул ногой шпалу, тормозившую колеса, тоже вскочил в вагонетку, и состав медленно заскользил по рельсам под уклон.

Свагмены с яростными криками бросились как безумные за ускользавшей добычей. Грянули выстрелы. Предвидя драку, я растянулся ничком. И правильно сделал. Меньше чем в двадцати метрах от меня галерея вдруг озарилась пламенем, как при извержении вулкана. Я буквально оглох от страшного грохота, со всех сторон посыпались обломки скалы. Затем наступила тишина, нарушаемая лишь затихавшим стуком колес вагонеток.

Вы не представляете себе, друзья, что я испытал. Должно быть, это и называют страхом, которого я прежде не ведал.

К счастью, факел не погас. Я медленно пошел к месту взрыва и уперся в тупик. Галерея обрушилась от взрыва мины, заранее заложенной американцем.

Проход завалило, и свагмены оказались погребенными под огромной горой обломков.

Я остался один, совершенно один, умирающий от голода и холода, на глубине ста пятидесяти футов под землей. Ей-богу, мне было не до смеха, и я дорого дал бы, чтобы очутиться на террасе у парижского кафе.

Однако нельзя было терять ни минуты. Я осветил факелом несчастных свагменов, надеясь хоть кого-нибудь спасти. Напрасный труд. Вокруг было тихо и мрачно как в могиле. Я вернулся назад и дошел до пещеры, в которой еще недавно хранились сокровища.

— Вы полагаете, господин Буало, что в бочонках золота? — прервал его Фрик.

— Я в этом почти уверен. Иначе зачем было хранить их в таком недоступном месте? А два мошенника, видимо, захватили свагменов по чьему-то приказу. В противном случае они взяли бы с собой своих людей.

— Представляю, сколько там золота!

— Судя по количеству и весу бочонков, его можно оценить миллионов на десять. Я зря времени не терял. Почти час блуждал по галереям и вдруг обнаружил вторую шахту, которую мельком видел после того, как вместе со свагменами замуровали выход на озеро.

В шахте была бадья в довольно хорошем состоянии, а это значит, что шахта пустует недавно. Все вы бывали на рудниках и знакомы с системой подъема и спуска.

Как вы понимаете, я сразу решил воспользоваться бадьей. Но, поднявшись, нащупал что-то похожее на свод. «Неужели мне суждено быть погребенным заживо?» — подумал я.

Факел догорал. Но я успел заметить клочок земли с несколькими корнями и вздохнул с облегчением. Раз земля близко, я спасен.

Я принялся копать ножом как безумный. Комья почвы падали словно по волшебству. Я проделал отверстие, вылез и очутился в стволе высохшего камедного дерева. Остальное вы знаете.

В момент, когда неустрашимый француз заканчивал свой рассказ, подскочил всадник.

Это был Сириль, французский скваттер.

— Как! Господин Буало! Откуда вы взялись, черт побери? Мы уже не знали, что и думать.

— Я вышел из шахты через второй выход. Ваши сведения, дорогой друг, абсолютно точны. Есть что-нибудь новое?

— Есть, и немало. Мы только что поставили в загон подводу, запряженную десятью лошадьми.

— А как вы ею завладели?

— Дело в том, что эту повозку, нагруженную какими-то странными бочонками, ведет кабатчик, самый отъявленный жулик, а с ним один тип, которого я не раз видел в компании Сэма Смита, бушрейнджера. Мой долг выяснить, что они везут.

ГЛАВА 14

Тиетные попытки соблазнить доктора.— Доктор отказывается от наследства покойного Нифро-Ба.— Подвода.— Сын Рыжего Опоссума.— Новое появление Сэма Смита.— Бандит, конвоирующий честных людей.— Доводы делового человека.— Кайпун умер, да здравствует Ивон Кербехель!— Фрике убеждается, что в бочках золотой песок.— Прибытие в Мельбурн.— Бушрейнджер получает свободу.— Мастера Холлидея отправляют в тюрьму.— Визит к генеральному прокурору.— Ужасное разочарование.— Все пропало!— Добыча и тень.— След золотого песка.— Побег.

Известие о захвате подводы имело для французов важное значение. Наконец-то у них появилась надежда на успех экспедиции.

Если в бочонках и в самом деле сокровища бандитов, Бускарен, главное заинтересованное лицо, ни перед чем не остановится, чтобы вернуть их. Начнутся бои, засады. Все это на руку французам. По крайней мере, им больше не придется гоняться за неуловимыми и вездесущими. В борьбе за свои богатства пираты вынуждены будут отказаться от инкогнито, в чем скрывалась главная опасность.

Маленький отряд немедленно отправился в путь. За ним следовали туземцы под предводительством Ивона Кербехеля, который не собирался, по крайней мере сейчас, отказываться от своих прав и обязанностей.

Доктор, и смеясь и сердясь, неистово ругался, отсылая ко всем чертям свою, не дававшую ему ни минуты покоя, «семью».

Вдова Нирро-Ба настолько осмелела, что, таща за собой весь свой выводок, преследовала доктора, даже когда он беседовал с друзьями. Чего только не делала бедная женщина, чтобы обольстить своего неподатливого мужа! На голове у нее красовалось какое-то невероятное сооружение, один глаз был обведен желтой краской, другой — ярко-красной. Добавьте к этому матово-белый нос и ярко-синие щеки, и вы сочтете доктора слишком разборчивым.

Чернокожая Пенелопа*, желая ублажить своего «супруга», пользуясь его рассеянностью, то и дело пыталась впихнуть ему в рот полные горсти жира опоссума, ароматизированного и смешанного с пахучими травами.

Увы! Неблагодарный затыкал уши, чтобы не слышать ласковых речей негритянки, не обращал внимания на ее поистине фантастический головной убор и плотно сжимал губы перед самыми лакомыми кусками.

Мадам Нирро-Ба в отчаянии испускала крики, пугавшие белых какаду, бросала еду в открытые как копилки рты маленьких Нирро-Ба и с такой силой хлестала себя по лицу, что кровь струйками текла по татуировке.

— О женщины! Женщины!.. — бормотал доктор в полной растерянности.

— Напрасно вы жалуетесь, — сказал как-то Фрике насмешливо. — Многие хотели бы оказаться на вашем месте.

Храбрый доктор вскочил на свои длинные паучьи ноги, поскольку мадам Нирро-Ба при этих словах снова попыталась к нему приблизиться. Спасла доктора показавшаяся в этот момент повозка, запряженная десяткой великолепных чистокровных лошадей. Она напоминала огромный дом на колесах.

Человек двадцать туземцев, вооруженных карабинами, одетых в широкие холщовые штаны и шерстяные рубашки, окружали своего предводителя, молодого мулата атлетического сложения, с умным лицом. Он пожал руку Буало, и тот не мешкая представил его своим друзьям. Прием мулату был оказан, разумеется, самый радужный.

Друзья очень удивились, узнав, что молодого человека зовут Дик МакНайт и что он сын Джо МакНайта, прозванный Рыжим Опоссумом туземцами Центральной Австралии, обязанными ему своей цивилизацией.

Дика вызвал скваттер, сэр Рид, предоставив мулату

* Пенелопа — супруга древнегреческого героя Одиссея; пока муж воевал под стенами Трои и странствовал по морям, терпеливо ожидала его, отвергая даже самых достойных воздыхателей.

возможность оказать услугу европейцам, и тот с радостью согласился поехать в экспедицию с Сирилем, своим добрым другом

Муллат, к великому удовольствию доктора, хорошо говорил по-английски, и последний решил использовать его как переводчика, чтобы объяснить наконец вдове Нио-Ба истинное положение дел, поскольку притязания этой наивной дикарки становились все настойчивее.

В тот же день наших героев ждал еще один сюрприз. Когда Пьер Легаль и Фрике, торжествуя, собрались навестить мастера Холлидея, задержанного мулатом, прискакал всадник. Он легко соскочил на землю и пустил лошадь гулять, как она была, с уздой на шее.

— Смотри! — вскричал тут парижанин. — Ведь это милейший мастер Сэм Смит!

— Он самый, к вашим услугам, мастер Фрике.

— Рад вас видеть, мастер Смит

— И я рад вашему счастливому возвращению.

— Извините за нескромный вопрос, мастер Смит, но что, черт возьми, привело вас сюда?

— Желание совершить маленькое увеселительное путешествие на очаровательные берега Лоддона, до Инглюда, первой станции железной дороги. Там я рассчитываю сесть в первый же поезд, доехать до Сендхерста и, не останавливаясь ни в Кестльмене, ни в Кайнтоне*, приехать в Мельбурн.

— Еще несколько дней назад вы величали себя королем бушрейнджеров, а теперь собрались в столицу! Вам не грозит там опасность?

Спасибо за заботу, но я больше не бушрейнджер. Подали в отставку?

— Да. Чтобы получить отпущение грехов.

— Говорите пожалуйста, яснее.

— Я буду конвоировать подводу до места назначения, чтобы мои милые мальчики на нее не напали. Пока они еще меня слушаются

— Не трудитесь, мастер Смит, подводу мы возьмем на себя, и джентльменов, которые в ней сидят, тоже

— Прекрасно! Тогда поедем вместе

— Послушайте, мастер Смит, вы мне спасли жизнь, и я не хотел бы видеть вас болтающимся на веревке. Идите своей дорогой и позвольте нам выполнить свой долг

— Какой долг?

* Инглюд, Сендхерст, Кестльмен, Кайнтон — станции железной дороги в провинции Виктория

— Мы должны сдать английским властям опасного преступника.

— Но это не мешает мне конвоировать его вместе с вами по берегу Лоддона и железной дороге, грабители — народ отчаянный

— Вы разве хозяин груза?

— Нет, но имею к нему кое-какое отношение.

— Тем хуже. Ведь груз будет вскрыт в присутствии судейских, и они могут поинтересоваться его происхождением.

— Не вижу в этом ничего плохого. Мастер Холлидей, я думаю, такого же мнения.

— Значит, вы друг этого мерзавца, который прячется как сова... Да и как ему не прятаться?

— Холлидей не прячется,— раздался тут хриплый голос,— он смело смотрит людям в глаза.

Американец вылез из повозки.

— Вот я,— продолжал он, нагло глядя на европейцев.— Что вам от меня нужно?

— Связать вам лапы, пришвартовать к этой хижине на колесах и приставить к вам няньку, как вы это сделали с нами на борту «Лао-цзы», пока вас не повесят,— ответил Пьер Легаль.

Пират криво усмехнулся.

— Вы не сдадите меня властям, и я не буду повешен.

— Почему, скажите на милость?

— Да потому что я вам нужен. Ваши планы мне известны. Но я могу вам пригодиться, если вы будете благоразумны. У вас преобладают эмоции, а я человек дела. Давайте меняться! Мне деньги и свобода, а вам... Впрочем, вы это сами знаете. Хорошенько подумайте, прежде чем сунуть меня в петлю.

— Подумать, конечно, мы можем. А пока вы будете отдыхать под надежной охраной, день и ночь. И не вздумайте бежать, если вам дорога жизнь.

— Ладно. Не бойтесь. Не сбегу.

— Хотелось бы на это надеяться. А у вас, мастер Смит, не пропало желание сопровождать нас?

— Напротив. В этой безлюдной местности на каждом шагу подстерегает опасность.

— Тогда мне, как это ни прискорбно, придется разоружить вас, привязать вместе с господином Холлидеем к подводе и приставить к вам охрану. Вдруг вам взбредет в голову привести сюда эскадрон бушрейнджеров!

— Я на все согласен, мастер Фрике. Хотя подозрения ваши несправедливы.

Подвода тронулась, охраняемая неграми. Сириль вернулся к себе на станцию, унося благословение своих новых друзей. Буало, радуясь неожиданной встрече со своим дорогим малышом, Андре и доктором, которого любил как брата, следовал за экспедицией.

Путь их лежал на юго-запад, к месту слияния рек Муррея и Лоддона, а затем вверх по долине Лоддона, в богатый район Бендиго

Преодолеть следовало расстояние более двух градусов южной широты, что заняло шесть дней. По мере приближения к цивилизованным местам туземцы проявляли все большее беспокойство. Ничего хорошего они от белых не ждали. Ведь европейцы уничтожали даже деревья и травы

И вот, когда появился Сендхерст, окутанный облаком дыма, и осыпанные угольной пылью камедные деревья, редкие араукарии и умирающие магнолии, пришло время расстаться с аборигенами

В сердце Кайпуна, вновь ставшего Ивоном Кербехелем, происходила жестокая борьба. Сможет ли он навсегда попрощаться с солнечными равнинами, где охотился на казуара* и кенгуру, опьяненный чудесным воздухом и ощущением свободы? Возьмет ли верх любовь к дяде, с которым он встретился таким чудесным образом, над привязанностью к туземцам?

И дядя, и его друзья считали, что самое лучшее для Ивона снова занять свое, пусть скромное, место в цивилизованном обществе. Но как мог Кайпун покинуть своих чернокожих братьев, которые спасли его, умирающего от голода, и приняли в свое время как родного.

Однако достаточно было нескольких слов МакНайта, чтобы все сомнения Ивона рассеялись.

Бледный как полотно, с глазами полными слез, Ивон бросил последний взгляд на своих братьев, раскинул руки, словно хотел всех их обнять, затем схватил свой бумеранг переломил надвое, бросил на землю и с отчаянием крикнул.

— Здесь умер Кайпун!..

Через час подвода уже была в Сендхерсте, на вокзале. Грузчики водрузили ее на платформу, где разместился и весь отряд, и поезд отправился в Мельбурн.

Американец, поначалу обнаружив несвойственное ему многословие, словно онемел. Он не отказывался от забот доктора, но больше не вспоминал о своем предложении войти в сговор с французами.

Это равнодушие, искреннее или наигранное, очень

* Как уже отмечалось, казуары на юге Австралии не обитали, так что речь может идти только об охоте на эму.

тревожило Фрике и его друзей. К тому же у них вызывало вполне справедливое удивление то, что ни Бускарен, ни его люди не сделали ни одной попытки вернуть свои сокровища.

Быть может, экспедиция идет по ложному следу? Не станут ли они героями мрачной комедии? Действительно ли в бочонках сокровища пиратов? Но когда Фрике проделал в каждом бочонке дырку, оттуда высыпалось несколько крупиц золота.

Как же мог янки оставаться равнодушным, зная, что потеряет эти несметные богатства, да еще будет передан в руки правосудия?

Друзья усилили наблюдение за пленниками, но ни словом, ни жестом те не выдали своих истинных намерений. И, лишь когда поезд подходил к Мельбурну, бушрейнджер заговорил.

— Сэр,— обратился он к Фрике,— согласитесь, что я не напрасно сопровождал вас Флажок, который я водрузил на подводе, спас вас от неприятных неожиданностей. А ведь мне ничего не стоило бросить на вас сотню моих молодчиков. Вряд ли вам это доставило бы удовольствие.

— И им тоже, мастер Смит,— парировал Фрике.

— Допустим. И все же я последовал за вами добровольно, после того как вырвал вас и мастера Кербехеля из когтей золотодобытчиков, собравшихся вас линчевать. Теперь вам больше нечего бояться бушрейнджеров. Вы посреди цивилизованной страны, в городе с почти трехсоттысячным населением. Угодно ли вам будет отпустить меня?

Друзья переглянулись.

— Ладно, можете идти,— сказал Андре.— Вы спасли жизнь моему названому брату, и теперь мы в расчете.

— Спасибо, джентльмены. Вы очень великодушны. Другого я от вас и не ждал.

Как только поезд остановился, Сэм Смит исчез, обменявшись взглядом с американцем, у которого губы кривились в дьявольской улыбке.

— А теперь,— продолжал Андре,— поговорим с вами, мастер Холлидей. Вы завлекли нас ложными обещаниями, хотя и недостойно вступать в сговор с таким негодяем, как вы. Вы предложили выдать ваших сообщников. Что же, мы согласны... Ах, Боже мой, почему бы и нет? Разве боевые генералы и храбрые офицеры во время войны не принимают донесений от шпионов? Разве не покупают у негодяев за золото, во имя священной победы, необходимые сведения? Цель оправдывает средства. Итак, что вы хотели бы сообщить?

— Ничего.

— Хорошо. Через два часа вы окажетесь в тюрьме, а на бочки будет наложен секвестр*.

— Как вам угодно.

Андре тотчас же отправился к генеральному прокурору и добился аудиенции, длившейся довольно долго. Внимательно выслушав подробный рассказ об этом загадочном деле, прокурор грустно покачал головой. Он хорошо знал коварство бандитов. Борьба с ними редко заканчивалась победой.

— Боюсь, господин,— сказал прокурор,— что, несмотря на проявленную вами и вашими товарищами отвагу и ловкость в этой ужасной борьбе, вы снова были обмануты в последний момент.

Американец, конечно, получит по заслугам. Но разве казнь этого негодяя вернет вам похищенную дочь? Кстати, уверены ли вы, что в таинственных бочках, извлеченных из глубин шахты озера Тиррелл, содержится золото?

Как бы то ни было, рассчитывайте на мою помощь. Даже если бы эти негодяи и не захватили британское судно и мне не надо было мстить за кровь английских граждан, я вот что хочу вам сказать: «Правосудие принадлежит всем странам. Во имя солидарности честных людей я сделаю для вас все, что в моих силах. Вы можете обращаться ко мне в любое время дня и ночи».

Опыт не обманул прокурора. В бочках оказался золотосодержащий свинец. Французов ввела в заблуждение хитрость бандитов. Кто мог подумать, что в бочонке очень тонкое двойное дно, из которого и сыпался золотой песок, когда парижанин проделал в бочонке отверстие?

И на сей раз надежды наших несчастных героев не оправдались. Это была настоящая катастрофа.

На следующий день Фрике, огорченный, но не впавший в отчаяние, слонялся по набережной, чтобы немного развлечься.

Вдруг он увидел старого товарища. В свое время они вместе работали на погрузке кораблей, чтобы не умереть с голоду. Этот человек пристально разглядывал покрытую угольной пылью почву.

— Эй! Это вы, Билл? Что вы, черт возьми, там нашли?

— А вы сами посмотрите,— ответил тот после крепкого рукопожатия.

— Кажется, золотой песок!

— Совершенно верно. Я только что погрузил на этот

* Секвестр — запрещение, налагаемое органами государственной власти на распоряжение и пользование каким-либо имуществом.

великолепный корабль тридцать бочек,— может быть, это они дали золотую течь? В таком случае я смогу промыть эти кусочки угля и часа через два заработаю для вас на стаканчик виски.

— Тридцать бочек. Вы погрузили на отплывший корабль тридцать бочек с золотом?! Гром и молния! Теперь я понял все.

Покинув недоумевающего грузчика, Фрике бросился бежать как безумный, вскочил в первый попавшийся кеб* и домчался до гостиницы, где были его друзья.

— Нас обокрали... Мы упустили добычу. Пока Сэм Смит с кабатчиком и американцем вели нас по ложному следу, рискуя собственной шкурой, их сообщники, следовавшие за нами по пятам, успели похитить сокровища. Ведь мы ни разу не оглянулись назад. Неплохую шутку с нами сыграли.

— Черт возьми! — вскричал Буало.— Все ясно. Эти мошенники дошли от озера Тиррелл до реки Авока. Затем отправились в Сент-Арно, на конечную станцию другой железной дороги, проехали через Бендиго, Мэриборо и Балларат и через двенадцать или пятнадцать часов после нас достигли Мельбурна. Их чертов корабль уже в море. Так что придется начинать все сначала. Что же, ничего не поделаешь. Во всяком случае, американец в наших руках. Может быть, удастся из него что-нибудь вытянуть. Иначе он заплатит за всех.

В этот момент рассыльный принес депешу на имя господина Андре Бреванна. Там было всего несколько слов, но каких ужасных!

«Холлидей сбежал из тюрьмы средь бела дня. Вместе с тюремщиком. Приходите, посоветуемся.

Подпись: У. Д.
Генеральный прокурор».

ГЛАВА 15

Надгробное слово «Конкордии», ставшей «Морским королем». — Снова появляется мастер Холлидей. — Андре рассуждает о золоте и веревке. — Пушечные выстрелы и фунты стерлингов. — Крейсирование английского броненосца «Цербер». — Генеральный прокурор предлагает подкупить негодяя. — Вблизи кораллового рифа. — Экспедиция Фрике и Мажесте. — Дебют

* Кеб — наемный экипаж.

двух водолазов.— Снова корабль добычи.— Аэрогидравлическая цепь инженера Тозелли.— В подводной пещере.— Мэдж!..— Как бежать? — Мина.— Мажесте в плену.— Искушение.

Прогрели один за другим два пушечных выстрела. Облако дыма прорезали огненные стрелы. Пьер Легаль одобрительно покачал головой, глядя вслед летящим снарядам. Вдали, в Торресовом проливе, виднелся коричневый корпус и стройный рангоут красивого судна.

— Бедная «Конкордия»! — произнес старший канонир, обращаясь к Андре, осматривавшему в бинокль горизонт. — Стоило отбивать ее у пиратов, чтобы теперь дробить ее снасти, громить корпус и всаживать в ее тело тонны чугуна.

— Чего же вы хотите, мастер Пьер, корабль как человек. «Конкордия», став «Морским королем», плохо кончила. Хотя и не ее в том вина. Однако щадить ее нельзя. И все же мне, старому кашалоту, грустно смотреть, как топят такое великолепное судно!

— Понимаю. Но разве вы не знаете пословицы: «Клин клином вышибают»?

— Увы, это так. А наши английские артиллеристы уж что-то, а вышибать умеют.

Грянули еще два выстрела.

— В самую точку! — радостно закричал Фрике, которому Андре передал бинокль. — Вот это да! В правом борту пробоина величиной с ворота.

— Да, Пьер, ты прав. Корабль и в самом деле жаль. А бандитов нисколько. Пусть хлебнут морской водички. «Конкордия» идет ко дну. Все кончено!

Послышался глухой взрыв, и в море полетели обломки судна.

На броненосце прогремело «ура».

Двое с револьверами охраняли человека, с ужасом наблюдавшего за гибелью пиратского судна. Подошел Андре и заговорил с пленником:

— Ну вот, мастер Холлидей, мы снова будем атаковать бандитов, укрывшихся на безымянном атолле Торресова пролива. Предстоит бой не на жизнь, а на смерть. И мы победим. Взывать к вашей человечности бесполезно, но мы можем заключить сделку.

— Говорите, — коротко, как всегда, ответил янки.

— Вы любите деньги и дорожите жизнью?

— Да.

— В таком случае откройте нам тайну атолла, коралловой крепости.

— А если я не сделаю этого?

— Вас ждут там, на конце рея, трос и петля.
— Золотые слова, сэр.
— Не забудьте только про петлю. К тому же учтите, что вряд ли останутся живы ваши друзья и вам нечего опасаться. Так что можете...

— Предать их?

— Допустим. Зато вы снова займетесь крупными делами.

— Хорошо, я скажу. Все равно мы проиграли.

— Атолл заминирован?

— Да. В радиусе трехсот метров.

— Что-нибудь указывает на расположение мин?

— Нет, но я нарисую план.

— Подойти к атоллу ближе чем на четыреста метров опасно?

— Пожалуй.

— А вход в подводную пещеру?

— Его перенесли. Проникнуть можно только в шлюпке под очень низкий свод при отливе. В десяти футах от входа — железное кольцо для швартовки шлюпки. Там надо выйти, лодку оставить и по галерее дойти до хорошо вам известной круглой площадки, примерно на метр покрытой водой даже во время отлива.

— Но эта площадка была затоплена после того, как лопнула стеклянная крыша свода?*

— Воду потом откачали.

— Значит, сейчас там можно пройти?

— Да.

— Много ваших людей в подводных пещерах?

— Не больше тридцати.

— Где расположен вход?

— Вход в атолл с южной стороны, а в пещеру — в глубине атолла, справа.

— Хорошо. Наши условия вы знаете. Вам заплатят сразу по завершении экспедиции, и вы получите свободу

Янки молча кивнул.

Парижский гамен и его отважные товарищи должны были сыграть решающую роль в предстоящей драме. На этот раз они могли рассчитывать на успех, если не случится ничего непредвиденного. Сейчас они не были жертвами предательства, как когда-то, беспомощными и безоружными. Они заручились поддержкой правительства, которое решило раз и навсегда покончить с пиратами и уверенно шло к намеченной цели.

Убийство сэра Паркера, бывшего владельца «Конкор-

* См. «Кругосветное путешествие юного парижанина».

дии», и ее экипажа, а также похищение судна вызвали взрыв возмущения среди английских колонистов и администрации. Излишне говорить, что попытка пиратов свалить всю вину за свое преступление на французских путешественников не увенчалась успехом, тем более что восстание на Борнео, убийство султана и исчезновение Винсента Бускарена явились неопровержимым доказательством махинаций этого негодяя и его сообщников.

Губернатор Виктории, осведомленный о совершенном преступлении, не допускал и мысли, что борьба может быть перенесена и на территорию вверенной ему провинции. Но после разговора с Андре и последних событий решил принять энергичные меры и преследовать бандитов в их логове. Французы изъявили желание участвовать в экспедиции и получили разрешение, тем более что им было известно расположение подземного убежища пиратов.

Меньше чем за сутки броненосец «Цербер» был подготовлен к выходу в море. Это судно длиной в двести тридцать пять английских футов, великолепно оснащенное, с четырьмя пушками и экипажем из сотни отборных моряков, располагало всем необходимым, чтобы разрушить неприступную коралловую крепость.

Друзья были заняты последними приготовлениями, когда в гостинице появился торжествующий Буало, толкая перед собой человека.

— Господа! — произнес Буало своим звонким голосом. — Я привел беглеца. Надеюсь, вы рады его видеть.

— Невероятно! — вскричал Фрике. — Мастер Холлидей! Откуда вы, черт возьми, взяли?

Янки молчал, скрежеща зубами, как затравленный зверь.

— Все очень просто, — весело сказал Буало. — Самые опытные сыщики колониальной полиции были брошены на его поиски, и попытайся он выйти из города или сесть на корабль, был бы тотчас же схвачен. Он укрылся в одном из домов, а потом рискнул выйти на улицу. Тут я его и увидел.

Он как последний идиот бросился на меня, и я сделал то, что сделал бы каждый на моем месте.

«Мастер Холлидей, — сказал я ему, — ни слова, или я пушу вам пулю в брюхо, как это делают ваши соотечественники. Следуйте за мной, а еще лучше — рядом. Только не пытайтесь сбежать. Договорились?»

Достойнейший мастер Холлидей все понял и без всяких фокусов пошел со мной. И вот он перед вами. Помоему, он исполнен самых лучших намерений.

Андре не мешкая вышел, чтобы сообщить прокурору о поимке этого важного преступника. В другой стране американец немедленно очутился бы в тюрьме. Но прокурор, знавший, с какой целью готовится к отплытию броненосец, рассудил иначе.

— Отлично,— сказал прокурор.— Негодяя можно и продать и купить. За кругленькую сумму янки выдаст всех своих сообщников. Таким образом мы сэкономим время и сэкономим людей. Американца отведут под конвоем на борт «Цербера», и капитан позаботится о том, чтобы он не сбежал.

Спустя несколько часов броненосец вышел в море, обогнул восточное австралийское побережье, вошел в Торресов пролив и остановился. «Конкордия», или точнее «Морской король», пришедший, вероятно, недавно, был пришвартован к коралловой скале. Капитан «Цербера» просигналил ему, приказывая стать под пушки корабля и угрожая в противном случае немедленным потоплением.

Ответа не последовало. Тогда артиллеристы открыли огонь. Через десять минут все было кончено. Оставалось провести самую трудную и опасную часть операции. Срочно проникнуть, хитростью или силой, как некогда матросы «Эклер», в пещеры под атоллom, разведать позиции и убедиться в достоверности информации американца. Если Бускарен со своими сообщниками и в самом деле скрывается в этом пустынном месте, необходимо любой ценой взять его живым, поскольку он единственный знает, где находится Мэдж, приемная дочь Андре, которую пират держит в плену.

Фрике и Мажесте превосходно ориентировались в подводной пещере, особенно Мажесте, довольно долго находившийся там в свое время. Они попросили у капитана разрешения пойти в разведку и получили его. Капитан хорошо знал их ловкость и отвагу.

Американец набросал план атолла и указал место стоявших на якорю мин. В девять вечера Фрике, Мажесте и два матроса отправились на шлюпке в путь. По плану Холлидея Фрике сразу нашел вход в атолл. Всегда осторожный, молодой человек, вместо того чтобы проникнуть в темный проток, велел остановить лодку, залез на скалистый берег и пополз под кокосовыми деревьями.

Атолл казался необитаемым. Лишь гигантские крабы, с треском луцившие кокосовые орехи, нарушали тишину ночи. Продвинувшись еще немного вперед, парижанин стал всматриваться в воды лагуны, из которых исходило какое-то странное свечение.

Не отличаясь особой впечатлительностью, наш друг был буквально поражен открывшейся перед ним сквозь прозрачные воды фантастической картиной.

— Хорош бы я был,— прошептал Фрике,— если бы ринулся туда. Весьма странным делом занимаются эти люди. Надо вернуться на корабль и попросить у капитана водолазный костюм. Тогда я проникну к ним и все раз узнаю.

По возвращении на борт Фрике подробно доложил капитану о виденном, и тот, при всей своей британской бесстрастности, не мог сдержать удивления.

Он собрал военный совет и пригласил доктора, Андре и Буало, и план Фрике, после короткого обсуждения, был единодушно одобрен. Решили, что во время отлива Фрике с Мажесте поплывут к атоллау.

Примерно в полночь шлюпка с четырьмя гребцами соскользнула с талей, взяв на буксир огромный металлический цилиндр, полностью погруженный в воду.

Незадолго до ее спуска Андре, доктор и Буало, не скрывая волнения, энергично пожали руки парижанину и Мажесте, и те куда-то исчезли. А спустя полчаса из грузового люка вылезли два чудища с огромными сферическими головами, на которых сверкали окаймленные медью стекла.

Шлюпка, медленно двигавшаяся вдоль корпуса корабля, остановилась и, приняв на борт оба чудища, отчалила.

— Вперед! — раздалась команда.

Фрике и Мажесте, в скафандрах, усовершенствованных инженером Ватшоном, взяли на себя опасную задачу: установить в пещере под лагуной мощную мину, чтобы снести атолл и обратить в прах само его основание. Без водолазных скафандров им было бы трудно протолкнуть мину в подводный проход, затопляемый во время прилива.

Итак, последуем за нашими героями в момент, когда английские моряки, подплыв к атоллау, остановились у входа в пещеру и отпустили минный трос. Парижанин и Мажесте вылезли из шлюпки, погрузились в воду, обхватили мину и стали толкать перед собой в затопленную протоку. Они продвигались с величайшей осторожностью, и перед ними развернулась уже виденная Фрике и так поразившая его картина. На двойном дне атолла при ярком свете фонаря работал многочисленный отряд водолазов.

Однако над водой свет не был виден. Отраженный мощными экранами, он освещал какую-то темную массу, похожую на застрявшего на мели кита.

Постепенно Фрике стал различать изящные контуры судна, на глубине около пятидесяти саженей, и усердно трудившихся водолазов. Сомнений больше не было. Это корабль «Vaisseau de proie», корабль добычи, опустившийся в лагуну, когда команда во главе с де Вальпре проникла в атолл. Корабль как будто не пострадал ни от длительного погружения, ни от кораллов, этих животных-растений, которые не могут существовать на глубине более тридцати саженей.

Фрике наконец понял намерения бандитов. Поскольку «Морской король» был уничтожен английскими снарядами, они оказались во власти «Цербера» и теперь собирались поднять севший на мель корабль, надеясь спастись таким образом. И, если это им удастся, они смогут продолжить игру. А шансы на успех у них, безусловно, были. Машину, которой они пользовались, Фрике сразу узнал. По мощности и простоте она не знала себе равных. Это аэрогидравлическая цепь инженера Тозелли, выдающегося офицера инженерных войск, которому наука обязана множеством драгоценных открытий.

Вообразите ряд брезентовых шлангов длиной в пятьдесят метров и диаметром шестьдесят сантиметров. Каждый из них снабжен на концах бронзовой трубкой, закрывающейся гайкой или привинчивающейся к другой трубке, образуя длинную цепь, похожую, да простят нам это тривиальное сравнение, на огромную гирлянду сосисок.

Общая длина ее может достигать пятисот, тысячи, а то и двух тысяч метров, в зависимости от веса и объема корпуса, который надо поднять и заставить плыть. Эту полую цепь крепят к наиболее стойкому месту корпуса и обматывают вокруг него сверху донизу. Затем включают насос и качают воздух в шланги, образующие цепь. Получается что-то вроде гигантского пузыря.

После этого вес затонувшего корабля становится меньше объема воды, которую он вытеснял.

Работали пираты организованно и быстро. Фрике вспомнил, что в момент погружения судно было оснащено множеством металлических баллонов, скрепленных обручами и болтами, содержащими водород в твердом состоянии под огромным давлением. Сжатый таким образом газ, объемом в несколько миллионов раз меньше первоначального, приобретал прежний объем, как только соприкасался с поступающим снаружи воздухом. Итак, представьте себе, что газ в воздушном шаре будет сжат так, что сможет уместиться в сосуде величиной с морской снаряд. На борту пиратского корабля твердый водород был главной и единственной ударной силой. Достаточно было соеди-

нить с поршнем машины один из таких наполненных газом сосудов, чтобы мгновенно получить силу, превосходящую силу пара в котле под давлением.

Вместо того чтобы принимать на борт для своих преступных морских путешествий громоздкий запас угля, проклятое судно несло в своем чреве малогабаритный источник его движущей силы. Парижанин ясно различал, как водолазы соединяли газовые баллоны с последним мешком аэрогидравлической цепи. Газ стал быстро заполнять огромную оболочку, змеящуюся вокруг судна. По сути, отпала необходимость в тяжелых нагнетательных насосах.

Фрике с ужасом заметил, что корпус корабля стал слегка покачиваться. Скоро он уменьшится в весе, поднимется и поплывет. Дрожь пробежала по телу парижанина при мысли о том, что корабль выйдет из узкого прохода атолла и одним ударом своей стальной шпоры распорет брюхо их броненосцу. Он сделал Мажесте знак. Общими усилиями они толкнули мину под скалу и крепко привязали ее к краю.

В этот момент друзья оказались в галерее, где находилось помещение, некогда занимаемое капитаном Флаксаном. Галерея была тогда затоплена на два метра, до самой двери из тикового дерева, о которую Андре когда-то сломал свой топор. И вдруг парижанина осенило, как это часто бывает в момент крайней опасности. Если Бускарена нет среди водолазов, значит, он здесь. Надо во что бы то ни стало к нему прорваться.

Фрике проверил, как ходит нож в ножнах, и, с трудом двигаясь в своем скафандре, поплыл к двери.

Достигнув ее, молодой человек постучал, массивная дверь приоткрылась, и — о чудо! — в ярком свете он увидел Мэдж. Свою названую сестру. Можно себе представить волнение, охватившее парижанина.

При виде металлического чудища девушка вскрикнула, но Фрике ничего не слышал. Мэдж отступила на шаг, пытаясь закрыть дверь, однако Фрике успел сунуть ногу в косяк.

— ...Мэдж!.. Это я!.. Фрике... Мы пришли спасти вас.

В этот момент парижанин испытал ни с чем не сравнимый ужас. Скафандр лишил его всякой свободы действий, даже возможности позвать на помощь.

Но это была лишь минутная слабость. Справившись с собой, Фрике с силой распахнул дверь, достал нож и острием написал на створке «ФРИКЕ».

Мэдж прочла и лишилась чувств.

Молодой человек подхватил ее на руки, но тут из-за

плотной занавеси, скрывавшей еще одну комнату, появился человек, тоже в скафандре. Он попытался разглядеть лицо неизвестного водолаза сквозь стекло его шлема, но тут заметил написанное на двери имя и с криком бросился на парижанина.

Застигнутый врасплох Фрике, к тому же обремененный своей драгоценной ношей, не мог защищаться. Еще секунда, и все было бы кончено.

К счастью, подоспел Мажесте. Он отвел удар от друга, сбил неизвестного с ног и придавил тяжелой свинцовой подметкой.

Все это продолжалось не больше минуты. Надо бежать, время не терпит, еще немного — и корабль бандитов всплывет.

Бежать! Но как? Вход в пещеру затоплен и освободится лишь при отливе. Как переправить девушку через подводный проход не менее пятидесяти метров длиной? Ждать отлива, но в баллоне не хватит кислорода. Кроме того, пиратское судно успеет достичь броненосца.

Выбора нет. Надо во что бы то ни стало пройти. И Фрике решился на отчаянный шаг. Он попытается преодолеть эти пятьдесят метров за пятнадцать секунд. Девушка все еще без сознания. Но, может быть, именно это спасет ее в момент погружения в воду? Дыхание ее ослабело.

Вдруг страшная мысль молнией пронзает мозг. А если Мэдж погибнет? Тогда он всадит себе в грудь нож по самую рукоятку.

Фрике сделал знак Мажесте и смело вошел в узкую галерею, стараясь держать девушку над водой. Мажесте между тем подумал, что незнакомец, с которым он обошелся так круто, — неплохая добыча, взвалил его на плечи и бросился вслед за другом.

Было бы несправедливо, если бы такие героические усилия не увенчались успехом.

Неустрасимый гамен, запыхавшийся, совершенно измученный, достиг наконец места, где стояла шлюпка, передал гребцам по-прежнему бесчувственную девушку, помог Мажесте с таинственным водолазом взобраться на борт и уже хотел дать сигнал к отплытию, когда увидел, что из пролива медленно всплывает темная масса. Неожиданно погас свет, освещающий дно лагуны, но Фрике успел рассмотреть заостренный нос бандитского корабля, обернутого аэрогидравлической цепью.

Выхватить нож, проскользнуть вдоль корпуса, взрезать шланг с водородом было делом одной минуты. Сжатый со всех сторон водой, газ вырвался с шумом наружу, и цепь стала рваться.

Пиратский корабль медленно пошел ко дну, а парижанин исчез в водовороте.

К счастью, рука его наткнулась на трос, соединявший мину с лодкой. Фрике ухватился за трос, а гребцы, ощутив необычное сопротивление, быстро подняли его на борт Бедный гамен! Кислородный баллон в скафандре, видимо, был поврежден кораблем, и Фрике мог легко задыхнуться. Мэдж тем временем пришла в себя, а Мажесте ценой невероятных усилий удалось освободить друга от металлического шлема.

Наконец они достигли броненосца. Можете себе представить, что это была за встреча!

Доктор бросился оказывать помощь молодой американке и ее спасителю. А таинственного водолаза, которого привез Мажесте, вытащили наконец из скафандра.

И кто бы, вы думали, это был? Сам Винсент Бускарен! Наконец-то его настигло возмездие. Он открыл глаза, и, когда увидел Мэдж в окружении Андре, Буало, Пьера и доктора, улыбающихся Фрике и Мажесте, которые принимали поздравления от англичан, лицо его исказила гримаса ненависти и бессильной ярости.

Он знаком дал понять, что хочет говорить, и попросил унтер-офицера помочь ему подняться. Тот выполнил его просьбу. Неожиданно бандит выхватил у офицера из-за пояса револьвер и, направив на девушку, крикнул:

— Раз не досталась мне, умри!

Все произошло с такой быстротой, что никто не успел опомниться.

Раздался предсмертный крик. Но это была не Мэдж — кто-то другой тяжело рухнул на палубу. Пуля поразила мастера Холлидея, который неожиданно подошел, чтобы посмотреть, удалось ли его предательство.

Матросы бросились разоружать убийцу, но он, предвидя свою участь, выстрелил себе в голову.

В тот же момент послышался оглушительный взрыв. Вдали, освещенный тусклым светом, вверх взметнулся целый фонтан воды.

Капитан «Цербера» поджег мину, заложенную в подводной пещере. Атолл взлетел на воздух. С логовом пиратов было покончено навсегда.

Андре соединил руки Мэдж и Фрике, онемевших от радости, и с волнением произнес:

— Дети мои! Борьба окончена! Наши враги повержены! Наконец-то вы будете счастливы!

Конец

Изгнанник

Я познакомился с ним в Каире около года назад. Его величали «господин Ахилл»*, причем почтительное «господин» неизменно предшествовало воинственному имени, само же оно звучало не менее гордо, чем, например, «господин Тьер»**. И на то были свои причины.

Мать Ахилла, родом из Мальты, произвела его на свет в Марселе в бедной квартирке на чердаке. Отец, левантиец***, человек практичный, без предрассудков, оставил сыну такой «капитал», который многие европейцы сочли бы несчастьем, но который высоко ценится на Востоке.

Небольшая операция в раннем детстве лишила Ахилла любовных желаний; он мог надеяться лишь на свои знания и благочестивый нрав. Родители с умилением смотрели на свое чадо: теперь у мальчика было призвание.

В восемнадцать лет ему подыскивали подходящее место. Легко, без всяких сложностей, если не считать небольшого экзамена, он был принят на должность «гражданского служащего в гареме турецкого султана, Его Величества Абдул-Меджи-хана».

За редким исключением, когда господин Ахилл подвергался кое-каким испытаниям (молодежь так развращена в наше время!), служба его протекала тихо и гладко. Очень скоро он научился сложному искусству нравиться хозяину, не вызывая зависти своих подопечных. С первого взгляда безошибочно оценивать женские чары — грациозность, красоту, благородство, чем снискал благосклонность и доверие султана. Вскоре господин Ахилл стал

На русском языке публикуется впервые.

* Ахилл — в древнегреческой мифологии храбрейший из греческих героев.

** Тьер — Тьер Адольф (14.4.1797—3.9.1877) — французский государственный деятель, историк, член Французской академии. Стяжал позорную славу кровавого палача сторонников Парижской коммуны.

*** Левантиец — житель Леванта — устаревшее название Ближнего Востока, объединяющего страны на восточном побережье Средиземного моря.

старшим евнухом, а также придворным поставщиком живого товара: в его обязанности входила доставка красавиц со всего света.

Его Величество, насытившись прекрасной черкешенкой, желает иметь в гареме монголку? Господин Ахилл тотчас срывается с места и привозит красавицу Требуется андалузка? И неутомимый господин Ахилл отправляется в страну серенад на поиски новой прелестницы, которую похищает с помощью падкого на золото родственника девушки. Ненасытному султану нужна шведка, креолка, мадагаскарка, парижанка или индианка? Пожалуйста! Для господина Ахилла нет невозможного. Он идет в казну, всегда для него открытую, и через десять минут уже едет в страну северного сияния или кактусов и пустынь.

Если надо, он зафрахтует пароход и отправится к Гудзонову заливу или на мыс Танарив. Все опасности, встречающиеся на пути, все тяготы и усталость забываются при одной только мысли: хозяин будет доволен! Надо сказать, что, совершенно равнодушный к деньгам, господин Ахилл работал не ради денег, а ради славы и был настоящим артистом своего дела.

Все шло как нельзя лучше, но в один прекрасный день великий султан Абдул-Меджид, возвратившись во дворец из мечети, вдруг почувствовал колики в животе после традиционной чашечки кофе. Он лег на тахту и тихо скончался. Султаны, словно призраки из баллад, исчезают внезапно.

Наследник Абдул-Меджида, хорошо осведомленный о заслугах старшего евнуха, оставил его при себе в том же качестве, осыпав еще большими почестями и наградами. Но расположение высоких особ не смогло изменить ни манер нашего героя, ни его стиля. Где бы ни находился господин Ахилл — на полюсе или экваторе, оценивая наметанным глазом камчадалку или занзибарку, — он неизменно был облачен в один и тот же, давно вышедший из моды сюртук василькового цвета с металлическими пуговицами, короткие желтые брюки и лакированные башмаки. При этом он сохранял осанку учителя танцев, несмотря на свои пятьдесят лет. Лишь особенности климата вносили некоторые коррективы в его гардероб: на полюсе появлялась шуба, а на экваторе — зонтик.

Этот хорошо отлаженный механизм действовал безотказно вот уже много лет, пока неожиданно не дал сбой. И, представьте себе, катастрофа произошла из-за женщины. И это у господина Ахилла, к которому уж никак не могла

относиться знаменитая французская фраза: «Ищите женщину!»

Новый султан, Абдул-Азиз-хан, получил в подарок хорошенькую негритяночку лет десяти. Господин Ахилл — он-то и преподнес этот подарок — взялся за ее воспитание. Вскоре негритяночка почувствовала себя на равных с подружками по гарему и принялась старательно перенимать у них искусство обольщения мужчин. Ее приводили в неописуемый восторг всевозможные мази, пудры, эфирные масла, благовония, изящные бутылочки, щеточки и прочее, помогающее подчеркнуть природную красоту.

Малышку приходилось прямо оттаскивать от шербета, успокоительных таблеток, мыла, флаконов; она так и норовила выпить, например, духи, которые ей казались душистым нектаром.

Но самый большой, не поддающийся описанию восторг неизменно вызывала у чернокожей кокетки рисовая пудра. Бедняжка, разве могла она понять бесполезность сего предмета, при ее-то коже — черной, словно эбеновое дерево? Несчастный господин Ахилл не мог, конечно, смириться с таким варварским использованием косметики. Но всякий раз, когда наставник отбирал у негритянки красивую коробочку, она в негодовании возмущалась и кричала.

Наконец, устав от утомительной, а главное, бесплодной борьбы с маленькой дикаркой, наш герой сдался. Легко представить, с какой радостью отдалась желанному занятию девчонка, как щедро напудрила лоб, веки, нос, уши, мигом превратившись в Пьеро*.

— Бедное дитя! — воскликнул господин Ахилл. — Это ужасно! В вашем усердии нет никакого смысла: вы похожи на угольщика, который вывалился в муке.

Угольщик... Это слово заставило его призадуматься. Мозг гениального внуха напряженно работал и вскоре изобрел пудру для негритянки. Как ее сделали? Взяли уголь, измельчили в пыль, облагородили ароматом розового и сандалового масла и насыпали в изящную шкатулку. Тонкая кисточка из пуха черного страуса дополняла комплект. Представляете себе дикий восторг девочки? Излишне говорить, что пудрилась она теперь днем и ночью, нимало не заботясь о том, что вредит своей красоте.

Однако вначале все шло хорошо. Но вот однажды

* Пьеро — шут, во французском театре марионеток, как правило, в широком белом одеянии, с набеленным лицом.

султан, отправляясь в совет, шествовал через свой гарем и, пораженный красотой малышки, решил, что пора отве-
дать зеленый фрукт, не дожидаясь, пока тот созреет. А надо сказать, что как раз незадолго до этого негрityнка щедро напудрила личико, но султан, конечно, ничего не заметил.

Сияя от счастья, вышел он потом к совету. Изумленные взгляды подданных обратились к нему. Владыка взглянул в зеркало — о, Аллах! — что за лик! Щеки, нос, лоб вымазаны черным, словно наместник Пророка на земле целовался с закопченным чугуном.

Страшен был гнев султана. Бедную негрityночку не-
щадно высекли розгами, после чего с позором изгнали на кухню. А тут еще повар, любимец Абдул-Азиз-хана, по-
дрался с англичанином. Что ж, и повар получил двадцать пять розог. А господин Ахилл? Учитывая особые заслуги, его не подвергли позорной экзекуции. Но, явственно ощущая холодок сабли на своей шее, евнух решил, не дожидаясь самого худшего, бежать куда глаза глядят. На другой день, рано утром, вместе с провинившимся поваром, жертвой столь же фатального стечения обстоя-
тельств, господин Ахилл добровольно удалился в изгнание.

Увы: «Sic transit gloria mundi!» — «Так проходит мир-
ская слава!»

Конец

Побег

Марселец и страстный охотник — эти два понятия неразрывно связаны друг с другом.

Мариус Плацане был молодым, не лишенным способностей инженером. По приглашению правительства Аргентинской Республики он руководил строительством участка железной дороги, соединявшего Мендосу с Кордовской линией, и вот уже четыре месяца жил в пампасах*.

Дело продвигалось успешно, и инженер испытывал чувство законной гордости, видя, как удлиняются две ленты железной дороги, которой предстояло вдохнуть жизнь и принести процветание в Мендосу — маленький провинциальный городок, затерявшийся у подножия Кордильерских Анд.

Жизнь Мариуса делилась строго на две части. Одна была всецело посвящена надзору за укладкой шпал и рельс — единственной операцией благодаря ровной как стол местности, необходимой при строительстве аргентинской дороги. Другая, как нетрудно догадаться, заполнялась охотничьими вылазками.

Вскочив на быстроногого, как олень, красавца скакуна, пятнистой, словно охотничья собака, масти, Мариус, обычно осторожный, на этот раз увлекся преследованием пумы, уже раненной выстрелом из отличного карабина «Чинара». Дикий зверь, истекавший кровью, был вне себя от ярости и боли, а охотник, охваченный страстным желанием во что бы то ни стало убить царицу пампас и увезти на родину ее великолепную шкуру, пришпоривал неутомимого мустанга, который, казалось, не скакал, а парил в воздухе, точно ласточка.

Внезапно раздался пронзительный свист. Лошадь неожиданно упала как подкошенная, а всадник, пролетев

В старом переводе (издание П. Сойкина) рассказ выходил под названием «Освобождение».

* Пампасы — обширные степи в Южной Америке.

по воздуху метров десять, грохнулся со всего размаху о землю и замер, потеряв сознание.

Прежде чем Мариус очнулся, из высоких густых зарослей выскочили четверо индейцев, заткнули ему кляпом рот, связали и обрубили «болас» — хитроумное приспособление, брошенное под ноги лошади.

Безжизненное тело Мариуса взвалили на поднявшегося мустанга, которого один из нападавших держал под уздцы. Остальные злоумышленники удалились, вернувшись через некоторое время уже на лошадях, скорее всего где-то украденных, и затем усаkali прочь, затерявшись в бескрайних просторах поросшей густой травой равнины.

После четырех часов бешеного галопа дерзкие похитители остановились. Тут же со всех сторон сбежались их соплеменники, с радостными криками выплясывая джигу* вокруг бедного инженера, воспринимавшего действительность как чудовищный кошмар.

Итак, он — пленник индейцев! Его ждет рабство. Нет, лучше смерть! На ум сразу пришли жуткие истории, рассказывавшиеся рабочими на стройке. Похищенные подобным образом европейцы попадали порой на долгие годы — десять, двенадцать, двадцать лет — в унижительное жестокое рабство к краснокожим, таким же кровожадным, но более хитрым и изощренным, чем их североамериканские братья.

Чтобы лишить несчастного малейшей надежды на побег, жрец племени и по совместительству палач сделал ему вдоль всей подошвы правой ноги — от большого пальца до пятки — неглубокий надрез. Эта операция затрагивала лишь дерму**, что не стесняло свободу движений пленника, но служила большим препятствием при длительных пеших походах, если ему, например, вздумалось бы убежать.

Приняв эти меры предосторожности, туземцы предоставили Мариусу относительную свободу, если не считать, конечно, что с утра до ночи он должен был чистить лошадей, толочь зерно, готовить пищу да еще отбиваться от издевательств гадких и несносных детенышей краснокожих, таких же жестоких, как и их родители. Изматывающая ежедневная работа не давала поджечь ране на ноге и не оставляла времени на размышления о побеге.

* Джига — быстрый танец английского происхождения.

** Дерма — верхний слой кожи, лежащий за эпидермой.

Так шли дни за днями. Это скучное однообразие нарушали только индейские мегеры*, а в обязанности пленника входила и помощь индианкам, принимавшихся всякий раз хлестать его веревками.

Прошел год. Две попытки побега окончились для Мариуса увеличением дозы ежедневного изнурительного труда, но он продолжал думать лишь об одном — о воле! Сколько раз, устремляя свой взор в бездонное небо или в бесконечность степной равнины, марселец строил самые отчаянные, самые безрассудные планы побега! Сколько раз, следя за полетом гигантского кондора** в лазурном просторе, завидовал он его мощным крыльям, нескольких их взмахов достало бы, чтобы унести в страну свободы!

Но Мариус не превратился в пустого мечтателя. Понимая, насколько бесплодны его фантазии, он тем не менее, как математик, усиленно пытался решить задачу с несколькими неизвестными. И в один прекрасный день решение нашлось! Главное заключалось теперь в том, чтобы ничем внешне не выдать своей догадки и ждать удобного случая для осуществления замысла.

Такой случай вскоре представился и вот при каких обстоятельствах. В племени сдох бык, скорее всего от укуса змеи, утренний сон которой тот ненароком нарушил. Стоянка туземцев в это время располагалась у подножия первого отрога Кордильерских Анд. Узник, сняв шкуру с быка, испросил милостивого разрешения хозяев использовать ее для личных нужд, а именно — сделать матрац, чтобы защититься от ночной сырости. А поскольку от шкуры исходила ужасающая вонь, то хорошо было бы отнести ее на гору просушиться, не раздражая обоняния господ краснокожих.

Разрешение было получено, и благодаря этой «заботе» Мариус выиграл полдня. Стремясь ничем не выдать своих чувств, он спокойно воспринял разрешение, которому выпало изменить всю его судьбу. Бесстрастный, как каменный божок, пленник стал взбираться на гору и через час, оказавшись вне видимости индейцев, остановился на небольшой полянке. В воздухе над ним парили кондоры, описывая огромные круги, обгоняя друг друга, улета

* Мегера — в древнегреческой мифологии одна из трех эриний — богинь мщения. Изображалась в виде отвратительной старухи со змеями на голове вместо волос. Ее имя стало нарицательным.

** Кондор — большая птица семейства американских грифов, водится в горах Южной и Центральной Америки, питается падалью.

и вновь возвращаясь, чувствуя себя единственными хозяевами голубой выси.

С трудом оторвавшись от этого зрелища, Мариус принялся за дело. Отыскав расщелину в скале, он воткнул в нее крепкий кол, привязал к нему один конец лассо*, а на другом сделал затягивающуюся петлю. Затем разложил на земле кожу быка, кровоточащей стороной наружу, и проделав два небольших надреза, лег на спину, укрывшись этим одеялом и зажав в руке конец лассо с петлей. Замаскировавшись, инженер стал ждать, тайком подсматривая за кондорами.

При виде огромной мясной массы у гигантских хищников судорожно свело желудки. Они стали кружить над ней, подбираясь все ближе и ближе, пока наконец самая крупная прожорливая птица не ринулась камнем вниз с головокружительной высоты к манящей добыче. Как только она коснулась клювом окровавленной кожи, охотник незаметно сквозь отверстие схватил ее за лапу и ловко затянул петлю.

Летающий гигант оказался словно волк в капкане! Неистовые подскоки, сопровождаемые энергичными взмахами крыльев, были бессильны высвободить лапу.

Мариус накинул на голову птице кожаную куртку, и, оказавшись в темноте, она мгновенно затихла. Воспользовавшись минутной паузой, охотник связал ее и отнес в грот. Первый успех ободрил его. Он тут же повторил все снова, и не прошло и часа, как вторая птица составила компанию первой.

Но какая же связь, спросите вы, между этой экзотической охотой и освобождением Мариуса из плена? Терпение! Мой друг был достаточно смышленным человеком и досконально продумал все детали побега. Вскоре он приступил ко второму этапу операции: из бычьей шкуры быстро выкроил и скрепил кожаными ремнями, вырезанными из той же шкуры, большой карман. Затем приладил его к лассо: получилось что-то вроде люльки. Из оставшихся кусков кожи удалось смастерить «жилеты» для пернатых пленниц — своего рода сбрую, достаточно прочную, учитывая опасность предстоящей операции, и в то же время достаточно свободную, не стесняющую движений.

Закончив приготовления, Мариус закрыл вход в грот и спустился вниз. Всю ночь он не смыкал глаз, думая

* Лассо — аркан, используемый пастухами и охотниками для ловли животных.

о предстоящем побеге. На следующий день под банальным предлогом — якобы перевернуть свой матрац, марселец вновь поднялся на гору, скрывая под одеждой куски свежего мяса. Кроме того, на плече он открыто нес бамбуковые палки, которые должны были изображать безобидные удочки для ловли рыбы.

На горе инженер сразу же бросился к гроту, вынес оттуда птиц и, предварительно закрыв им головы, стал освобождать от пут и обряжать в приготовленные накануне жилеты. Как два огромных баллона, из которых выпустили воздух, распростерлись на земле в шести метрах друг от друга гигантские кондоры, неподвижные, с раскинутыми крыльями. К кожаной сбруе он прочно прикрепил концы лассо, посредине которого болталась кожаная люлька. Чтобы крылатые возницы не смогли перегонять или отставать друг от друга, к лассо был подвязан самый длинный из бамбуков, образуя что-то вроде несгибаемого коромысла. Справившись с этим делом, Мариус прикрепил к концам двух оставшихся бамбуков по куску мяса и разместился в челноке, держа в каждой руке по палке. Затем резким движением он показал пернатым приманку, как будто собирался их кормить.

Какое-то время птицы, ослепленные после темноты солнцем, оставались неподвижны, словно загипнотизированные. Однако, изголодавшись за долгие часы в пещере, они, привлеченные запахом и видом свежего мяса, стали подниматься на лапы. Но умный Мариус держал корм на недостижимом расстоянии. Эти танталовы муки* заставляли невольниц предпринимать все новые и новые попытки, остававшиеся безуспешными,— хищницы были оглушены светом.

Не отчаиваясь, инженер повторял свои маневры, пока наконец у кондоров не разгорелся чудовищный аппетит, заставивший их двигаться вслед за приманкой к краю обрыва, широко размахивая огромными крыльями и хищно раскрывая загнутые клювы.

Наступил волнующий момент. Ни секунды не раздумывая, смельчак начал свой беспримерный полет. Первое впечатление было, будто он летит в бездну. Но аэронавт

* Тантал — в греческой мифологии сын Зевса и Плуто. За свои многочисленные преступления против богов был обречен в подземном царстве на вечные мучения: стоя по горло в воде, он не мог напиться, так как вода тут же уходила от губ, с деревьев свисали ветви с плодами, которые вздымались вверх, как только Тантал протягивал к ним руки. Танталовы муки — ужасные, непереносимые страдания.

прочно держался в своей люльке, и птицы-возницы не пали камнем вниз, а, вдохновляемые приманкой, маячившей впереди, величественно взмыли ввысь.

Невозможно, скажут скептики, чтобы две птицы, даже непомерной величины, подняли в воздух человека. Напоминаю, что это были южноамериканские кондоры, с размахом крыльев шесть метров. В пампасах нередки случаи, когда такие гиганты поднимали в воздух бычка так же легко, как орел — ящерицу. Мариус же был значительно легче, поэтому ничего удивительного, что он смог пересесть на своем «летательном аппарате» горный хребет Анд и приземлиться в Чили.

Читателю нетрудно догадаться, как менял направление полета наш инженер. Постоянно видя приманку перед глазами, глупые несчастные стервятники неслись со спертым дыханием за этим недостижимым лакомством. В зависимости от направления бамбуковой палки с наживкой менялся и курс движения птиц.

Спуск был осуществлен у станции Санта-Роза города Лос-Анджелеса. Я не в состоянии описать удивления, которое вызвало это необычное приземление у всех видевших его. Мариус позволил наконец своим спасительницам проглотить вожделенную пищу, по праву ими заслуженную, после чего отпустил их на свободу.

Выполнив долг по отношению к своим помощникам, он отправился к консулу Франции, уже уведомленному о необычном происшествии. Высокий чиновник встретил нашего героя с почтением и сердечностью и, несмотря на всю занятость, лично проводил его в Сантьяго.

...Говорят, что Мариус Плацане собирается заняться запуском аэростатов. Если у господина Дюпюи де Лома будут сомнения на этот счет, пусть прочитает рассказ «Побег».

Конец

Чайник раджи

Сэр Артур Честерс, генерал-резидент Индоры, главного города Алькарского королевства, находящегося в подчинении ее величества королевы Англии, жил вместе со своей супругой миссис Элен Честерс и семью юными мисс, плодами счастливого брачного союза, в получасе езды от города в очаровательном коттедже, окруженном парком, переходящим в девственный лес.

Уютно расположившись на веранде, сэр Артур читал «Бомбей таймс». Его ноги покоились на низкой бамбуковой скамеечке, а на полу рядом с домашними туфлями фиолетового цвета, вышитыми нежными ручками мисс Мэгги, лежала целая груда депеш*. Лицо генерала с каждой минутой приобретало все более озабоченное выражение. Чай, стоявший перед ним на столике, давно остыл, а наполовину выкуренная гавайская сигара погасла и валялась на полу. По мере чтения гладкая, как арбуз, голова сэра Артура начала покрываться иссиня-красными пятнами, лицо побагровело, а верхняя губа с небольшими рыжими усиками стала нервно подергиваться.

Новости, столь взволновавшие почтенного джентльмена, были действительно невеселыми. Эмиссары раджи Раокобара, объявившего священную войну неверным, появились в окрестностях Индоры. Как гром среди ясного неба беспорядки прокатились по всей Индии. «Время не терпит,— думал сэр Артур,— с минуты на минуту бунтовщики могут оказаться здесь. Завтра рано утром нужно ехать в город, чтобы позаботиться о его обороне».

Часы пробили десять. На небе зажглись яркие звезды, было тепло, в природе царило спокойствие. После общей молитвы, прочитанной главой семейства, семеро мисс направились в свои спальни, а миссис Честерс поспешила в ванную для вечернего омовения — процедуры столь важной для жителей тропиков. Под верандой на тонких маисовых циновках давно похрапывали несколько кули.

Внезапно страшный шум, напоминавший рев двух десятков разъяренных тигров, разорвал тишину ночи, вселив ужас в обитателей дома.

Целый легион демонов, обнаженных по пояс, бронзово-смуглых, как врата пагоды**, вооруженных топориками и кинжалами, ураганом обрушился на дом, вдребезги разбивая окна, выламывая двери и расправляясь со слугами, молившими о пощаде и даже не пытавшимися сопротивляться.

Мгновенно осознав, что случилось, сэр Артур бросился к секретеру и извлек из потайного ящичка векселя торгового дома «Томпсон, Френч и К°», составлявшие все его богатство. Затем,

На русском языке публикуется впервые.

* Депеша — официальная бумага, посылаемая с курьером.

** Пагода — храм, культовое сооружение в Индии и Китае.

вытащив из кобуры револьвер, постучал в дверь ванной комнаты, перед которой уже столпились обезумевшие от страха молоденькие девушки. Миссис Элен, в наглухо застегнутом пеньюаре, открыла массивную дверь, через которую первыми проскользнули бедные девочки. Последним, прикрывая дочерей и жену, зашел сэр Артур. Но прежде чем дверь захлопнулась, он разрядил всю обойму пистолета, с удовлетворением отметив, что пули попали в цель, напавал сразив нескольких нападавших.

Из ванной подземный ход, построенный еще во времена восстания сипаев*, соединял коттедж с дворцом губернатора, где вся семья наконец-то оказалась в полной безопасности.

Массивная дверь из сандалового дерева преградила путь мятежникам. Им пришлось силой проникнуть в эту святая святых, до сих пор недоступную даже взгляду постороннего.

Обстановка белоснежной мраморной ванной была проста: на полу — циновки из маисовой соломы, у стены — два деревянных стульчика да лаковый столик, на котором возвышался странный предмет, приковавший внимание разбойников.

Гибкая трубка, заканчивающаяся перламутровым наконечником, придавала вещице сходство с кальяном**. Она соединялась с небольшой цилиндрической вазой из слоновой кости, инкрустированной узкими золотыми полосками. Ваза была наполнена приятной на вид жидкостью светло-желтого цвета. На несколько дюймов над жидкостью выступал крючкообразный стержень, заканчивающийся миниатюрным серебряным ключиком. Сосуд закрывался серебряной крышкой, подвижно скрепленной с ним шарниром. Внутри ваза была разделена на две части. И наконец, массивная подставка из малахита прочно удерживала аппарат на столике.

После нескольких минут созерцания диловинки один из незваных гостей, более смелый и любознательный, чем остальные, протянул к ней худую руку с бронзовыми ногтями и, несмело ощупывая различные части, нечаянно задел маленький краник, незаметно крепившийся на трубке в месте ее соединения с вазой.

О, чудо! Все части странного механизма вдруг пришли в движение, как будто кто-то невидимый вдохнул в него жизнь. Стержень начал медленно опускаться, пока полностью не погрузился в жидкость, после чего автоматически повернулся ключик. Но этим дело не кончилось. Жидкость поднялась по трубке и тонкой струйкой брызнула из наконечников на оторопевших «осквернителей святынь».

Началась страшная паника. Все бросились на пол, стремясь спрятать лицо. Остался стоять лишь брамин*** Сугрива, способ-

* Сипай — солдат-туземец в британских войсках в Вест-Индии.

** Кальян — курительный прибор в виде сосуда с гибкой трубкой, в котором дым проходит через воду.

*** Брамин — от Брами, верховного божества индусов. Брамины — первая, или жреческая, каста в Индии.

ный взглядом усмирять тигров и змей. Бледный как смерть, он встал на колени и, впад в религиозный экстаз, схватил конец трубки и благоговейно поднес к губам, втягивая в себя жидкость, которая, возможно, таила в себе смерть.

Героизм брамина был вознагражден. Нежнейший нектар освежил его рот и разлился по всему телу, вызвав несказанное наслаждение.

Но всему приходит конец. Аппарат вскоре замер, и священнослужитель с сожалением увидел, что божественная жидкость перестала течь из наконечника. Напрасно он расточал сосуду самые щедрые и цветистые похвалы, напрасно утешал его колдовскими заклинаниями. Даже божественные стихи «Махабхараты»* оказались бессильны и не смогли выжать из сосуда и капли сладостного напитка.

Целую ночь продолжался грабеж дома. На заре разбойники, нагруженные ценной добычей, наконец ушли, не забыв прихватить с собой и «фонтан из слоновой кости».

Раокобар, уже извещенный о невиданном чуде, тут же созвал совет ученых, который, к сожалению, впервые должен был признать свое полное поражение и принять единственно возможное решение — как можно скорее уничтожить дьявольский аппарат, изготовленный неверными англичанами.

Более терпеливый и настойчивый, чем его подданные, раджа решил не сдаваться и самостоятельно найти объяснение умному механизму, который сбил с толку мудрецов. В конце концов Раокобар пришел к выводу, что в аппарате нет никакого чуда. Он долго не мог понять принципа его действия, пока не вспомнил, как с берегов Нербудаха улетают ибисы, набрав в длинные глотки речной воды.

И раджа сделал из диковинного аппарата автоматический чайник. Не чудесно ли было видеть, как его любимица, прекрасная Зита, обхватив изящный прибор пальчиками с розовыми ноготками, обходит приглашенных гостей, наливая напиток в фарфоровые чашки, украшенные эпизодами славного царствования Типло-Зихаба. Раокобар, радуясь, как ребенок, тому, что владеет столь великолепной игрушкой, приказал украсить «чайник» жемчугом, рубинами, изумрудами, сапфирами и бриллиантами, после чего сосуд действительно превратился в бесценное чудо. Во время официальных приемов главный церемониймейстер в сопровождении четырех воинов с турецкими саблями извлекал из сокровищницы раджи эту диковину, которая неизменно вызывала бурный восторг присутствующих.

Как-то удивительный предмет был дан лицезреть даже одному европейцу. Для восстановления мира местные власти решили

* Махабхарата (санскрит) — «Сказание о великих Бхарата», эпос народов Индии. Сложился на основе устных сказаний и легенд, бытовавших у племен и народов Северо-Западной и Северной Индии. Состоит из сказаний и легенд главным образом фольклорного характера. Его истоки восходят ко второй половине II тысячелетия до н. э.

задобрить взбунтовавшегося раджу, увеличив ему установленные выплаты до двадцати тысяч рупий, и именно сэр Артур Честерс оказался тем чиновником, которому выпало вести переговоры с раджей. Успешное подписание договора завершилось чаепитием.

Надо ли говорить, как изумлен был почтенный джентльмен при виде чайника раджи. Узнав от его владельца историю приобретения этого сокровища, сэр Артур не стал разубеждать князька относительно истинного предназначения сего предмета. Англичанин героически принял порцию напитка, отхлебнув его кончиками губ,— поступок столь же фантастический для представителя туманного Альбиона, как, например, курение трубки мира. Но официальный представитель власти не имеет права отказываться от какого бы то ни было угощения, предложенного ему на приеме, и сэр Артур, преодолевая отвращение, пил чай из чайника раджи, убеждая себя, что ничего страшного в том нет, тем более что когда-то эта вещь принадлежала миссис Элен!

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

Приключения парижанина в Океании. Роман	
Часть 1. Под Южным Крестом. Перевод Р. Закарьян	7
Часть 2. Султан Барнео. Перевод Н. Звенигородской	188
Часть 3. Пираты золотых полей. Перевод И. Постоловой	301
Изгнанник. Рассказ. Перевод Н. Е. Яковлевой	413
Побег. Рассказ. Перевод Н. Е. Яковлевой	419
Чайник раджи. Рассказ. Перевод Н. Е. Яковлевой	427

БУССЕНАР Л.

Б92 Собрание романов.— Серия 2; Т. 5: **Приключения парижанина в Океании**: Роман; Рассказы: Пер. с фр. Художник А. Махов.— М.: Ладомир, 1994.— 432 с., ил.)

ISBN 5-86218-080-Х Серия 2, т. 5)

ISBN 5-86218-022-8

В пятый том второй серии Собрания романов популярного французского писателя Луи Буссенара (1847 — 1910) вошел впервые полностью переведенный на русский язык роман «Приключения парижанина в Океании», повествующий наряду с романом «Кругосветное путешествие юного парижанина» и трилогией «Приключения в стране львов. Приключения в стране тигров. Приключения в стране бизонов» о приключениях Виктора Гюйона по прозвищу Фрике и его товарищей Андре Бреванна, боцмана Пьера Легалля, доктора Ламперьера, а также рассказывающий о похождениях известного австралийского бандита Сэма Смита, с продолжением авантюры которого можно было познакомиться из романа «Похитители бриллиантов». Читатель вновь встретится с некоторыми из героев романа «Десять миллионов Рыжего Оппосума».

В том включены также три рассказа: «Изгнанник», «Побег» и «Чайник раджи». «Побег» публикуется в новом переводе, остальные рассказы выходят на русском языке впервые.

Б 4703010100-001 Без объявления
593(03)-94

ББК 84.4Фр

ЛУИ БУССЕНАР

Собрание романов

Серия 2

Том 5

Редакторы

Свердлова Е. Е., Хохлова С. В., Катасонова Е. Н., Дорошев А. В.

Технический редактор Суровцева С. И.

Корректор Наренкова О. Г.

Сдано в набор 23.09.93. Подписано в печать 09.01.94. Формат 84×108/32. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Баскервиль». Печать высокая. Печ. л. 13,5. Тираж 60 000 экз. Заказ № 1821. С-25.

Научно-издательский центр «Ладомир».
103617, Москва, К-617, Зеленоград, кор. 1435.

При участии ТОО «ВРС». 103617, Москва, К-617, кор. 1435.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Мининформпечати РФ.
127018, Москва, Суэцкий вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

AVENTURES
D'UN GAMIN DE PARIS
A TRAVERS L'Océanie

LES CANNIBALES DE LA MER DE CORAIL.

AVENTURES
D'UN GAMIN DE PARIS
A TRAVERS L'Océanie

LE SULTAN DE BORNEO

AVENTURES
D'UN GAMIN DE PARIS
A TRAVERS L'OcéANIE

